

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ 2 (28) / 2016

2 (28) 2016

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

М/М/А
Московская
Международная
Академия

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2016
2 (28)
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2016
2 (28)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Баласникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2016

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2016

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2016

© Авторы, 2016

Подписано в печать 20.06.2016. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov

Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2016

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2016

© Moscow institute of linguistics, 2016

© Authors, 2016

НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Поздравления Наталье Владимировне Уфимцевой.....	10
Уфимцева Н.В. (Москва, Россия) Жизнь как ценность: эволюция содержания.....	16
COLLEGIUM	
Абаева М.К. (Алматы, Казахстан) Образ России в языковом сознании современных казахстанских студентов (по материалам ассоциативного эксперимента).....	22
Алпатов В.М. (Москва, Россия) Проблема слова и психоллингвистика.....	28
Бабенко Н.С. (Москва, Россия) Еще раз о категории падежа: «Общий падеж» в современном немецком языке.....	38
Батов В.И. (Москва, Россия) Наталья Уфимцева в фокусе психоллингвистики.....	44
Бахтикирева У.М., Синячкин В.П. (Москва, Россия) От изучения содержания языкового сознания народа до изучения индивидуальных особенностей отдельной языковой личности.....	56
Бойко Б.Л. (Москва, Россия) Этническое своеобразие описания эпизодов Великой Отечественной войны (по устным рассказам ее участников).....	64
Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. (Абакан, Россия) Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков.....	72
Бубнова И.А. (Москва, Россия) «Все ли спокойно в народе? ...».....	88
Васильева Н.В. (Москва, Россия) Персонажи-двойники как объект (психо)ономастики.....	96
Гердт А.С. (Санкт-Петербург, Россия) Жаргон и социальная группа.....	106
Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. (Саратов, Россия) Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира.....	112
Горохова С.И. (Санкт-Петербург, Россия) Влияние семантического контекста на лексический поиск.....	120
Дмитрюк Н.В., Артыкбаева Ф.И. (Шымкент, Казахстан), Черкасова Г.А. (Москва, Россия) Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане.....	132
Захаров В.П. (Санкт-Петербург, Россия) Прологомены к корпусной лингвистике.....	150
Кечина Э.А. (Рязань, Россия) Национально-культурная специфика языкового сознания носителей арабской культуры: религиозный аспект.....	162
Красных В.В. (Москва, Россия) Современная научная парадигма как ответ на вызов времени: «союз прекрасных муз» (размышления об этнопсихоллингвистике и не только о ней).....	171
Мельничук О.А. (Якутск, Россия) Когнитивные образы авторского концепта «тело» в романе Даниэля Пеннака “Journal d’un corps”.....	180
Миროнова Н.И. (Москва, Россия) Семантический анализ ассоциативного поля.....	192
Пешкова Н.П. (Уфа, Россия) Особенности восприятия информации в форме «контртекста» как отражения конфликтности адресата.....	202

Рогозная Н.Н., Хламов Е.В., Заманстанчук Д.Э. (Иркутск, Россия) Психоллингвистическое описание и создание фонологической модели обучения.....	215
Романова Т.В., Малафеев А.Ю. (Нижний Новгород, Россия) Толерантность с точки зрения национальной ментальности.....	226
Сигал К.Я. (Москва, Россия) Смысловое восприятие свободного словосочетания вне контекста.....	244
Степанова А.А. (Москва, Россия) Репрезентация образов «родной» и «родина» в региональном языковом сознании.....	258
Стернин И.А. (Воронеж, Россия) Варианты описания значения слова экспериментальными методами.....	264
Ефимова О.Ю., Нистратов А.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. (Москва, Россия) Опыт анализа мифологического сознания на примере гетеростереотипов носителей сербской, литовской и русской лингвокультур.....	276
Чулкина Н.Л. (Москва, Россия), Гомес Диас Вассили Блаженной (Бразилия) Амбивалентность концепта юродство/юродивый в русской языковой картине мира.....	291
Шапошникова И.В. (Новосибирск, Россия) Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихоллингвистика.....	302
Шаховский В.И. (Волгоград, Россия) Креатемы в модели языкового сознания русских.....	324
Цзинь Тао (Москва, Россия) Экстериоризация восприятия времени по вертикали и горизонтали в китайском языке.....	334

ИНФОРМАЦИЯ

OUR ANNIVERSARIES	
Congratulations to Natalia V. Ufimtseva.....	10
Natalia V. Ufimtseva Life As A Value: The Evolution Of Content.....	16
COLLEGIUM	
Madina K. Abayeva (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Image Of Russia In Language Consciousness Of Modern Kazakhstan Students (On Materials Of Associative Experiment).....	22
Vladimir M. Alpatov (<i>Moscow, Russia</i>) Problem Of Word And Psycholinguistics.....	28
Nataliya S. Babenko (<i>Moscow, Russia</i>) Once Again About The Cases: “The Common Case ” In Contemporary German Language.....	38
Vitaliy I. Batov (<i>Moscow, Russia</i>) Natalia Ufimtseva In Focus Of Psycholinguistics.....	44
Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin (<i>Moscow, Russia</i>) From The Study Of The Content Of The Nation’s Linguistic Consciousness To The Study Of Individual Features Of The Individual Language Personality.....	56
Boris L. Boyko The Specific Ethnic Background Of World War II Episodes (Based On Storytelling Events Of Veterans).....	64
Tamara G. Borgoyakova, Karina A. Pokoyakova (<i>Abakan, Russia</i>) Antonymous Relations In Khakas, Russian And English Verbal-Associative Representation.....	72
Irina A. Bubnova “Are People Steady, And Quiet, And Calm?...”	88
Natalia V. Vasilyeva (<i>Moscow, Russia</i>) Doppelgangers In Fiction As An Object Of (Psycho)Onomastic Studies.....	96
Alexandr S. Gerdt (<i>Saint-Petersburg, Russia</i>) Jargon And Social Group.....	106
Valentin E. Goldin, Alevtina P. Sdobnova (<i>Saratov, Russia</i>) Model Of Associative Responding, Referential Areas Of Stimuli And The Picture Of The World.....	112
Svetlana I. Gorokhova (<i>Saint-Petersburg, Russia</i>) The Effect Of Semantic Context On Lexical Retrieval.....	120
Natalia V. Dmitryuk, Fazila I. Artykbaieva (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>), Galina A. Cherkasova (<i>Moscow, Russia</i>) Ethno-Mental Phenomenon Of The Core Of Linguistic Consciousness: Associative Researches In Kazakhstan.....	132
Victor P. Zakharov (<i>Saint-Petersburg, Russia</i>) Prolegomena To Corpus Linguistics.....	150
Elna A. Kechina (<i>Ryazan, Russia</i>) Language Consciousness, Its National And Cultural Specificity Of Arab Culture Representatives: Religious Aspect.....	162
Victoria V. Krasnykh (<i>Moscow, Russia</i>) Modern Scientific Paradigm As A Response To The Challenges Of Time: “Aliance Of Glorious Muses” (Thoughts About Psycholinguistics And Not Just About It).....	171
Olga A. Melnichuk (<i>Yakutsk, Russia</i>) Cognitive Images Of The Author’s Concept Of Body In Daniel Pennac’s Journal D’un Corps.....	180

Nataliya I. Mironova (<i>Moscow, Russia</i>) Semantic Analysis Of Associative Field.....	192
Natalia P. Peshkova (<i>Ufa, Russia</i>) Special Characteristics Of Perceiving Information In The Form Of A “Counter Text” As Reflection Of Recipient Conflict Potential.....	202
Nina N. Rogoznaya, Evgeny V. Khlamov, Daria E. Zamanstanchuk (<i>Irkutsk, Russia</i>) Psycholinguistic Description And Development Of The Phonologic Training Model.....	215
Tatiana V. Romanova, Alexey Yu. Malafeev (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>) Tolerance From The National Mentality Viewpoint.....	226
Kirill Ya. Seagal (<i>Moscow, Russia</i>) Semantic Perception Of Free Word-Combination Without Context.....	244
Anna A. Stepanova (<i>Moscow, Russia</i>) Representation Of Images ‘Native’ And ‘Homeland’ In Regional Language Consciousness.....	258
Iosif A. Sternin (<i>Voronezh, Russia</i>) Variants Of The Description Of Word Meaning By Experimental Methods.....	264
Olga Yu. Efimova, Aleksandr A. Nistratov, Vladimir P. Sinyachkin, Evgeniy F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) An Attempt At Analyzing Mythological Consciousness Based On Heterostereotypes Of Bearers Of Serbian, Lithuanian And Russian Linguocultures.....	276
Nina L. Chulkina (<i>Moscow, Russia</i>), Vassili Blajenoi Gomes Dias (<i>Brazil</i>) The Ambivalence Of The Concept Of <i>Yurodstvo/Yurodivyi</i> Within The Russian Linguistic World-Image.....	291
Irina V. Shaposhnikova (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Orthodox Culture In Science: Axiological Ethnopsycholinguistics.....	302
Shakhovsky Viktor I. (<i>Volgograd, Russia</i>) Kreatems In Russians's Language Consciousness Model.....	324
Tao Tszin (<i>Moscow, Russia</i>) Vertical And Horizontal Exteriorization Of Perception Of Time In The Chinese Language.....	334

INFORMATION

В апреле 2016

у Натальи Владимировны Уфимцевой случился юбилей

Наталья (для друзей и подруг),

Г-жа Уфимцева (для всех других)!

Что нам (и тебе) нужно? Немного: дом, крыльцо, а рядом стакан с холодным свежим молоком, несколько яблок и груш.

И все это ради здоровья твоего и того дела, за которое ты вышла замуж (кажется, охотно).

Пути твои жизненные усыпаны плодами твоих побед.

Желаем тебе и дальше жить-поживать и добра – душевного – наживать. И успехов в трудах умственных. И счастья, хотя бы невзрачного, как полевые мыши (Как известно, полного счастья не бывает).

В 1818 году один из наших поэтов написал так:

«Но где б я ни был (так я молвлю в добрый час),

Не изменюсь, душою тот же буду,

И умирая, не забуду

Москву, отечество, друзей моих и вас!»

Наверное, ты с ним согласишься.

Мы

Дорогая Наталья Владимировна!

В день юбилея принято оглядываться назад, оценивая события прошедших десятилетий. И вот итог: науке отдана большая часть жизни - сорок шесть лет из семидесяти...

Успешно началась Ваша научная биография: окончание школы с серебряной медалью, учеба в знаменитом Ленинградском университете, который Вы окончили с отличием. А в 1969 году судьба забросила Вас в Москву – с тех пор и до настоящего времени плоды Ваших научных трудов, Ваши творческие силы и вдохновение отданы Московской психолингвистической школе. Кандидатская и докторская диссертации, звание доцента и профессора, путь от младшего до главного научного сотрудника и заведующей сектором – все это этапы Вашего пути в стенах уже родного Вам Института языкознания.

Несмотря на смену эпох и парадигм, Вы всегда оставались верны идеям психолингвистики. Вы были не просто свидетелем ее рождения, но одним из ее основателей в России, и при Вашем непосредственном участии был заложен в эту науку смысл человечности и духовности, что определяет ее развитие и сегодня.

Коллеги знают Вас как человека яркого таланта, человека творческого, увлеченного и увлекающего других. Сухие цифры говорят: за эти сорок шесть лет под Вашим руководством успешно вошли в науку более тридцати человек: четыре доктора наук и двадцать восемь кандидатов. Но круг людей, считающих себя Вашими последователями и учениками, значительно шире. И таких людей и в России, и за ее пределами становится все больше.

Не только талант ученого и руководителя, но и глубокая человечность и доброта к людям отличают Ваше научное творчество. Плата за это – признательность Ваших бывших учеников, благодарность – настоящих и надежда – будущих.

Желаем Вам много долгих лет, творческих сил и идей, здоровья, радости и вдохновения!

Дирекция Института языкознания РАН

Отдел психолингвистики

Сотрудники Института, Ваши коллеги и ученики

Чжао Цюе

Наталье Владимировне Уфимцевой 70 лет.

РОССИЙСКИЕ ПСИХОЛИНГВИСТЫ И ИХ СВЯЗЬ С КИТАЕМ¹

В мае 2016 года исполняется 50 лет московской психолингвистике, и до этого торжественного научного праздника 16-го апреля у многоуважаемого профессора Н.В. Уфимцевой будет большой юбилей. Мы своим скромным текстом вспоминаем о вкладе российских психолингвистов в китайскую психолингвистику и методику обучения русскому языку, посвященным 70-летию со дня рождения Н.В. Уфимцевой.

Автор этих строк училась в Москве в 90-годы 20 века, написала и защитила докторскую диссертацию. Во время учёбы у неё имелась возможность читать много литературы по российской психологии, психолингвистике и нейролингвистике. И таким образом познакомиться с историей возникновения и развития российской психолингвистики, начиная с предтеч психолингвистикознаменитой тройки: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и их единомышленников, таких, как П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко и Н.И. Жинкин, не принадлежавшего к школе Л.С.Выготского, но во многом развивавшего сходные идеи, кончая последователями, такими, как Л.В. Сахарный, А.А. Залевская, А.С. Штерн, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, А.М. Шахнарович и многие другие.

В то же время я имела большую честь познакомиться, общаться с некоторыми психолингвистами, встретится лицом к лицу, много училась у А.А. Леонтьева и Ю.А. Сорокина. В 2005 г. в Харбинском педагогическом университете (Китай) была проведена Международная конференция «Психолингвистика и обучение иностранным языкам», на которую нами была приглашена А.А. Залевская. На пленарном заседании конференции А.А. Залевская читала научный доклад, который произвёл глубокое впечатление на китайских учёных и преподавателей. А после конференции А.А. Залевская осталась работать у нас на десять дней, читала лекции по истории и тенденциям развития российской психолингвистики магистрантам и преподавателям, и очень близко общалась с нами. И так, она первая из российских учёных познакомила китайских русистов и психолингвистов с российской психолингвистикой. Во время визита ректор Харбинского педагогического университета Китая присвоил ей название почётного профессора.

В 2011 г. Н.В. Уфимцева участвовала в XII Международном конгрессе МАПРЯЛ в Шанхае (Китай), где она читала научный доклад по российской психолингвистике, и главное - познакомила участников конгресса из разных стран с теорией языкового сознания и методологией российской психолингвистики. Именно на этой секции китайские русисты имели честь познакомиться с самой

Н.В. Уфимцевой, и так началась её связь с Китаем. В начале 2012 г. автор данной статьи вместе с Н.В. Уфимцевой подали заявку и получили научный грант Китайского государственного фонда гуманитарных наук под названием «Сопоставление и моделирование русского языкового сознания у русских студентов и китайских студентов-филологов». Весной 2012 г. по приглашению Харбинского педагогического университета (Китай) Н.В. Уфимцева приняла участие в конференции «Тенденция развития современной российской лингвистики и психолингвистики», где в своем докладе представила вклад научных исследований отдела психолингвистики и сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН в российскую психолингвистику, описала актуальные проблемы современной российской психолингвистики и тенденции ее развития. После конференции Н.В. Уфимцева по приглашению Института славянских языков осталась работать на две недели. В те тёплые весенние дни в Харбине на улицах цвела сирень, ее аромат разливался по всему городу, а в Институте все были заняты, и магистранты и преподаватели, шли очередные занятия по учебному расписанию, а после занятий - лекции Н.В. Уфимцевой. Нам казалось, что эти дни были просто настоящим научным праздником. На лекциях Н.В. Уфимцева подробно изложила теорию языкового сознания и методы его экспериментального исследования с помощью свободного вербального ассоциативного эксперимента, показала результаты сопоставительных исследований на базе ассоциативных словарей разных языков, подарила нам драгоценную литературу и необходимые нам пособия для исследования, оказала нам эффективную помощь и дала полезные советы для дальнейших исследований. Во время визита ректор Харбинского педагогического университета Китая так же присвоил ей название почётного профессора. Во время пребывания в Харбине президент Ассоциации китайских психолингвистов пригласила Н.В. Уфимцеву на юг в Гуанчжоуский университет иностранных языков и торговли, где находится сильная в Китае школа исследований по прикладной лингвистике, в том числе и по психолингвистике. Там Н.В. Уфимцева познакомила слушателей с основными направлениями исследований в российской психолингвистике, которые были знакомы только с американской и европейской психолингвистикой. Это стало хорошим началом для популяризации российской психолингвистики в Китае, как говорят, что лучше поздно, чем никогда. К счастью, бывший ректор этого университета, являющийся первым человеком, который в Китае начал системно заниматься прикладной лингвистикой и психолингвистикой, профессор английского языка Гуй Шичунь, очень заинтересовался и интересуется теорией российской психолингвистики. И в своей монографии «Психолингвистика», которая вышла на свет ещё в 80-годы 20 века, он пытался дать обзор исследований, ведущихся в советской психолингвистике, и в коротком абзаце перечислил имена Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, Н.А. Леонтьева и ученицы А.Р. Лурия Т.В. Ахутиной-Рябовой. Жаль, что в те годы работ о советской психолингвистике вообще не было опубликовано в Китае ни на китайском языке, ни на русском языке, и многие китайские учёные занимались психолингвистикой второго поколения, т.е. теорией Н. Хомского.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта: 12BYU143 (Китай).

Осенью 2013 г. по приглашению Харбинского педагогического университета Н.В. Уфимцева второй раз прилетела в Китай, побывала в Пекине и Харбине. Был глубокий обмен научными идеями и опытом. На лекциях Н.В. Уфимцева системно представила «Ассоциативный словарь русского языка» (2002; 2012) и «Славянский ассоциативный словарь» (2004), дала научные консультации магистрантам и коллегам. Во время визита мы обсудили конкретный план дальнейшего сотрудничества и его реализацию, и так по инициативе обеих сторон в декабре 2013 г. делегация Харбинского педагогического университета во главе с ректором приехала с официальным визитом в Институт языкознания РАН. Мы очень благодарим всех руководителей и коллег из Института за тёплый приём. Обе стороны подписали договор о международном научном сотрудничестве в области психолингвистики. Н.В. Уфимцева является руководителем этой программой с российской стороны. Договор предполагает совместные сопоставительные исследования языкового сознания и совместное создание Китайско-русского ассоциативного словаря. В рамках этого договора китайские аспиранты начали учиться в аспирантуре под руководством Н.В. Уфимцевой, Иметь возможность учиться в Институте языкознания – это большая честь для китайского молодого поколения, это и новый путь совместного воспитания будущих последователей российской психолингвистики в Китае. Мы очень благодарим всех учёных за творческую научную и педагогическую работу. Надеемся на то, что в будущем в Китае появится новое сильное поколение, которое будет продвигать психолингвистические исследования.

В заключении мы хотели бы цитировать такие мудрые слова: «Каждый человек, появляющийся в нашей жизни – учитель! Кто-то учит нас быть сильнее, кто-то – мудрее, кто-то – быть счастливыми и радоваться каждому дню».

Дорогой наш Учитель, научный наставник, юбиляр Наталья Владимировна Уфимцева и является таким большим человеком, который учит нас стать сильнее и мудрее в науке, быть счастливыми и добрыми в жизни...

ЖИЗНЬ КАК ЦЕННОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ¹

Наталья Владимировна Уфимцева

зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН,
125009, Москва, Б. Кисловский переулок, 1,
e-mail: nufimtseva@yandex.ru

*«Не жизнь, а малина. Все жалостно на тебя смотрят, везде,
куда не придешь, закуска и вытывка, все деньги дают».*

А. Чехов

Статья посвящена анализу изменений в содержании языкового сознания молодого поколения носителей русского языка/культуры в период с 1998 год по 2011 год по материалам Ассоциативных словарей русского языка на примере слова-стимула ЖИЗНЬ.

Ключевые слова: значение слова, субъективное содержание знакового образа, ассоциативный словарь

В московской психолингвистической школе (ТРД) принято понимание значения слова как «субъективного содержания знакового образа». При этом, значение слова у разных индивидов всегда совпадает «по отнесенности к данному конкретному предмету», но может отличаться как «по отнесенности к социальной, действительности (по идеальному содержанию)», так и «по субъективному содержанию» [Леонтьев 1976: 47].

Культурную же специфику представителей той или иной общности «составляет в большей мере система смысловых единиц, конституирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа, нежели система речевого реагирования или речепорождения. Этот образ мира построен не из вербальных, а, скорее, из предметных значений». И именно значения конституируют образ мира и одновременно выступают «как конститuentы развертывающихся во времени процессов речепорождения» [Леонтьев 1996: 43].

Ассоциативное поле, получаемое в результате массового ассоциативного эксперимента, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре, т.е. отражает его значение именно как социокультурную реальность. (См. А.А. Леонтьева, который настаивал на принципиальном единстве «психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [Леонтьев 1969: 268]). При этом, по мнению Ю.Н. Караулова, «большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000: 193-194].

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 15-34-14007 а(ц), № 15-04-00378а.

Попробуем с этих позиций подойти к анализу тех изменений, которые произошли за последние десять лет в обыденном сознании молодых носителей русской культуры, в частности, разберемся, как изменились их представления о жизни. Для этого сравним данные Русского ассоциативного словаря (РАС) [Караулов и др. 2002], Русского регионального словаря по Европейской части (ЕВРАС) [Уфимцева, Черкасова 2015], по Уралу (УРРАС) [Харченко, Черкасова 2016] и по Сибири и Дальнему Востоку (СИБАС) [Шапошникова, Романенко 2014]. По данным РАС (Обратный словарь, материал собирался в 1988-1998 г.г.) в русском языковом сознании наиболее важными были такие реалии: **ДОМ, ЖИЗНЬ, ДЕНЬГИ, ЛЕС, ДЕНЬ, ЛЮБОВЬ, РАБОТА, ВОДА, РАДОСТЬ, ДЕЛО, СМЕРТЬ, СТОЛ, ДОРОГА**; по данным ЕВРАС (Обратный словарь, материал собирался в 2008-2011г.г.) – **ЖИЗНЬ, ДОМ, ДЕНЬГИ, МИР, РАДОСТЬ, РАБОТА, СИЛА, ЛЮБОВЬ, ВРЕМЯ, СЧАСТЬЕ, ДЕНЬ, СМЕРТЬ, ЗЛО**; по данным СИБАС (материал собирался в 2008-2011г.г.), **ЖИЗНЬ, ДОМ, ДЕНЬГИ, ДРУГ, МИР, ВРЕМЯ, РАБОТА, ЛЮБОВЬ, СИЛА, РАДОСТЬ, СМЕРТЬ, ЗЛО, ДЕНЬ**. Как мы видим, ценность жизни повысилась, она вышла на первое место (после человека) в материалах и ЕВРАС и СИБАС.

А теперь посмотрим, изменилось ли что-то в субъективном содержании знакового образа?

По данным РАС понятие ЖИЗНЬ занимает третье место в ядре языкового сознания, а по данным ЕВРАС, УРРАС И СИБАС – второе. Прежде всего, ЖИЗНЬ² соотносится со *смертью* (РАС – 50, ЕВРАС – 75, УРРАС – 62, СИБАС – 56). Из *науки* (РАС – 14) ЖИЗНЬ превратилась в *игру* (ЕВРАС – 13), (УРРАС – 9), (СИБАС – 8). Значительно более актуальным по сравнению с РАС во всех региональных словарях стало представление о ЖИЗНИ как о *счастье, радости*. ЖИЗНЬ представляется всем молодым жителям российских регионов прежде всего как *прекрасная и хорошая*.

По данным РАС действия образуют вторую по рангу зону гештальта с высокой частотностью входящих в нее единиц: **ЖИЗНИ** *радуемся 40*, пытаемся ее *изменить 36, отдать 28, любить 25, возродить 16, посвятить 13, прожить 9, познать 4*. Налицо отражение жертвенного, альтруистического сознания активно действующего в мире субъекта. По данным Региональных словарей перед нами совсем другая картина. В ЕВРАС действия образуют пятую по рангу, очень немногочисленную зону гештальта: **ЖИЗНЬ** *идет 4, прожить 4, удалась 3, люблю 2*. В УРРАС действия образуют четвертую по рангу, также немногочисленную зону: **ЖИЗНЬ** *идет 3, продолжается, прожить 2, удалась 2*. В СИБАС действия образуют третью по рангу немногочисленную зону: **ЖИЗНЬ** *удалась 6, идет 3, любит 3, дана 2*. Значит, в жизни уже предпочитают не действовать, нет и намека не жертвенность и альтруизм, потому что у **ЖИЗНИ** практически пропали *смысл* (РАС – 35, ЕВРАС – 3, УРРАС – 1, СИБАС – 3) и *цель* (РАС – 13, ЕВРАС – 0, УРРАС – 0, СИБАС – 1). Даже такой беглый анализ показывает существенные различия в содержании знаний, соотносящихся с понятием **жизнь** у двух поколений испытуемых, которые являются отражением социокультурных изменений в нашем обществе.

И, видимо, совершенно прав Александр Панарин, когда утверждает, что «сегодня старанием либеральной пропаганды формируется брезгливо-опасливое отношение к жертвенному, альтруистическому сознанию...Что же касается потребительски-гедонистического сознания, то в нем усматривают таинственным образом заложенную программу «рационализации». Иными словами, «рационально» все, что не жертвенно, не наделено чертами социального воодушевления и моральной взволнованности» [Панарин 2014: 601].

ЖИЗНЬ (РАС)	ЖИЗНЬ (ЕВРАС)
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>смерть 50, наука 14, борьба 9, урок 5, событие 4, судьба 4, любовь 4, радость 3, счастье 3, искусство 3.</i> 2. <i>радуемся 40, изменить 36, отдать 28, любить 25, возродить 16, посвятить 13, прожить 9, познать 4, идет 3, начинается 2, проходит 2.</i> 3. <i>смысл 35, спутник 26, цель 13, корень 9, основа 9, ритм 9.</i> 4. <i>прекрасна 30, долгая 16, короткая 13, короткая 12, тяжелая 12, моя 9, длинная 8, интересная 6, веселая 4, прекрасная 4, сложная 4, счастливая 4, большая 3, нелегкая 2, огромная 2</i> 5. <i>семья 11, воздух 9, вода 6, дерево 6, солнце 4, природа 4 река 4</i> 6. <i>дорога 6, поле 4, , путь 2, воля 2</i> 7. <i>период 7, год 5, минута 4, история 3, вечность 3.</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>смерть 75, счастье 21, игра 15, радость 15, любовь 10, существование 6, дерьмо 5, движение 3, судьба 3, семья 5, свобода 3, борьба 2, стремление 2, течение 2, трудность 2, свет 2.</i> 2. <i>прекрасна 46, коротка 11, хороша 9, длинная 8, моя 8, прекрасная 7, хорошо 5, интересная 3, трудная 3, сложная 3, без забот 2, бесконечна 2, веселая 2, вечная 2, единственная 2, интересна 2, короткая 2, красивая 2, яркая 2,</i> 3. <i>время 7, вечность 6, миг 2,</i> 4. <i>дорога 5, путь 5,</i> 5. <i>идет 4, прожить 4, удалась 3, люблю 2</i> 6. <i>солнце 3, природа 3,</i> 7. <i>смысл 3, душа 1.</i>

ЖИЗНЬ (УРРАС)	ЖИЗНЬ (СИБАС)
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Смерть 62, счастье 14, любовь 11, игра 9, радость 8, судьба 8, боль 5, веселье 4, и смерть 4, дар 3, здоровье 3, работа 3, семья 3, свобода 3, говно 2, зло 2, хорошая штука 2, мир 2, ребенок 2, рождение 2, существование 2,</i> 2. <i>Прекрасна, хороша 12, долгая 10, коротка 9, одна 9, короткая 8, вечная 5, длинная 5, моя 4, хорошая 4; интересная 3, круто 3, тяжелая, хорошо 3, веселая 2, зеленый, красивая 2, насыщенная 2, плохо, прекрасная 2, сложная 2, ценна 2.</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>смерть 56; счастье 18; радость 15, игра 8; и смерть 5; свет; свобода 7; любовь; мир; судьба 5 ; существование 4; дерьмо 3; бытие 3; долголетие 3; дар 2; круто 2; ; здоровье 2; праздник 2; ребенок 2; рождение 2; семья 1</i> 2. <i>прекрасна 36; одна 18; долгая, хороша 12; коротка 10, хорошо 5 прекрасно 4; хорошая 4; вечна 3; длинная 3; короткая 3; моя 3; сложная 3; тяжелая 3; больная; быстрая; веселая 2; всегда; главное 2; молодая; несправедлива 2; скоротечна; счастливая 2; бесполезная; бессмертна 2.</i>

² Заглавными буквами выделяется слово-стимул, прописными курсивом – слово-реакция.

<p>3. Путь 6, дорога 4, бег 2. 4. Вечность 5, свет 5, время 3, годы 2, 5. Идет 3, продолжается, прожить 2, удалась 2, 6. Газета 2. 7. дерево 2, природа 2, люди & природа 1, 8. смысл 1, смысл жизни 1, спасение 1.</p>	<p>3. удалась 6; идет 3; любить 3; дана 2 4. время 5; вечность 4; возраст 3; бесконечность 2; будущее; 1 5. движение; дорога 4; путь 2; 6. смысл 3; ценность 3; цель 1 7. воздух 2; река 2; 8. друзья 1; дети 1; родители; 1.</p>
---	---

Литература

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.191-206.
 Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1,2. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 782 с., 991 с.
 Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С.45-57.
 Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М.: ММА им. И.М. Сеченова-Институт языкознания РАН, 1996. – С. 41-47.
 Панарин А. Стратегическая нестабильность в XXI веке // Панарин А. Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1239 с.
 Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь – ЕВРАС, рукопись.
 Харченко Е.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь – УРРАС, рукопись.
 Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь – СИБАС, т. 1. – М.: МИЛ, 2014. – 536 с.

LIFE AS A VALUE: THE EVOLUTION OF CONTENT

Natalia Vladimirovna Ufimtseva

head of sector of ethnopsycholinguistics Institute of Linguistics,
 Russian Academy of Sciences,
 e-mail: nufimtseva@yandex.ru

This article analyzes the changes in the content of language consciousness of the young generation of carriers of the Russian language / culture in the period from 1998 to 2011 based on associative dictionaries of the Russian language by the example of the word-stimulus LIFE.

Keywords: meaning, subjective content iconic images, associative Dictionary.

References

Karaulov Yu.N. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno-verbalnoy seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]// Yazykovoye soznaniye i obraz mira [Language consciousness and image of the world]. M.: Institut yazykoznaneya, 2000. – S.191-206
 Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkiy assotsiativnyy slovar [Russian Dictionary associative]. T.1.2. – M.: AST-Astrel. 2002. – 782 s., 991 s.
 Leontyev A.A. Psikholingvisticheskiy aspekt yazykovogo znacheniya [Psycholinguistic aspects of language values]// Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy [Principles and methods of semantic studies]. – M.: Nauka. 1976. – S.45-57.
 Leontyev A.A. Yazyk ne dolzhen byt «chuzhim» [Language should not be a “stranger”] // Etnopsikholingvisticheskiye aspekty prepodavaniya inostrannykh yazykov [Ethnopsycholinguistics aspects of foreign language teaching]. – M.: MMA im. I. M. Sechenova-Institut yazykoznaneya RAN. 1996. – S. 41-47.
 Panarin A. Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke [Strategic instability in the XXI century]// Panarin A. Pravoslavnaya tsivilizatsiya [Orthodox civilization]. M.: Institut russkoy tsivilizatsii. 2014. – 1239 s.
 Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy dictionary – EVRAS [Russian regional associative slovar- EURAS]. rukopis.
 Kharchenko E.V., Cherkasova G.A. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy dictionary – URRAS [Russian regional associative slovar- URRAS]. rukopis.
 Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy dictionary – SIBAS [Russian regional associative slovar- SIBAS]. t. 1. – M.: MIL. 2014. – 536 s.

УДК 81'23

**ОБРАЗ РОССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ
КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ
(по материалам ассоциативного эксперимента)**

Абаева Мадина Кабылкызы

Доцент КазНПУ им.Абая

Республика Казахстан, 050010, г.Алматы, пр. Достык, 13

e-mail: madina_abaeva@mail.ru

Исследование языкового сознания, соби́рание ассоциативных норм и создание на их основе ассоциативных словарей и тезаурусов стало одним из приоритетных направлений в психолингвистических исследованиях в последнее время.

Ассоциативные словари относятся к словарям дескриптивного (описательного) типа. Они не являются предписывающими или нормативными.

Основным инструментом построения любого ассоциативного словаря является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента. С помощью этой методики можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования.

В нашем исследовании на частном социальном срезе будет продемонстрирована методика изучения языкового сознания. Данные для составления словарных ассоциативных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента. Респондентами данных были современные казахстанские студенты (100 чел.). Опрос проводился с сентября 2015 г. Испытуемым было предложено дать ассоциации на следующие слово-стимул: Россия (100). Рассмотрены способы репрезентации в языковом сознании образа России.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, способы репрезентации.

В последнее время исследование языкового сознания и соби́рание ассоциативных норм и создание на их основе ассоциативных словарей и тезаурусов стало одним из приоритетных направлений в психолингвистических исследованиях.

Среди многих лингвистических исследований вербальных ассоциаций многие ученые отмечают успешно разработанный психолингвистический подход (Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева, Т.В. Романова (методика анализа ЯС по Т.В. Романовой) [Караулов 2010, Уфимцева 2011, Романова, электронный ресурс]. Авторы провели обширное исследование ассоциативно-вербальной сети, при котором выявлялись прямые и обратные связи, охватывающие более миллиона словоупотреблений. Получаемые данные рассматриваются в качестве материального субстрата языковой способности субъекта. По мысли авторов, – это языковой тезаурус носителя языка, представляющий его языковое сознание. В нем выделяется ядро, включающее конечное число «знаний-рецептов». Полагается, что ядро языкового сознания пред-

ставляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира.

Рассматривая проблему языкового сознания Т.Н. Ушакова апеллирует к пониманию глубинной природы связи языка и сознания. По ее мнению, вербальные ассоциации, данные о которых служат материалом для суждения о языковом сознании, являются отражением межсловесных связей, выработанных у респондентов в течение жизни и образующих материю так называемых «вербальных сетей» в их нервной системе.

В совокупности данные исследований подтвердили факт существования межсловесных временных связей, показали значение жизненных условий и ментального опыта человека в формировании вербальных ассоциаций. Обнаруживается, что вербально-ассоциативный эксперимент в психологическом проявлении обнаруживает существование физиологически установленных временных связей. Ассоциативный эксперимент фиксирует существование сложившейся системы, как некоторый конечный результат психофизиологической деятельности, однако в рамках вербально-ассоциативных исследований вопрос о формировании этой системы и механизмах ее формирования не затрагивается. Вместе с тем сильную сторону вербально-ассоциативного подхода составляет то, что он позволяет характеризовать структуру системы в целом, обнаруживает национальную специфику ее организации, выявляет ментальную историю данной популяции. Тем самым обнаруживается, что, комплексирование данных, получаемых в лингвистическом эксперименте, с психофизиологическим исследованием межсловесных временных связей позволяет гораздо ближе подойти к решению вопроса о природе языкового сознания [Ушакова, электронный ресурс].

Перейдем к рассмотрению понятия ассоциативного словаря. Под ассоциативным словарем понимается некоторая совокупность ассоциативных норм, полученная путем проведения ассоциативного эксперимента по определенному списку стимульных слов. Иными словами, модель ассоциативного словаря представляет некую упорядоченную последовательность (совокупность) ассоциативных полей, полученных в результате проведения САЭ. Как правило, под ассоциативной нормой понимается совокупность реакций, собранная примерно от группы информантов размером 1000 человек, но иногда этот объем может быть «сужен» и до 500 – 700 человек, а при некоторых исследовательских задачах – допускаются ассоциативные поля объемом и до 100 единиц.

Ассоциативные словари относятся к словарям дескриптивного (описательного) типа. Они не являются предписывающими или нормативными.

Исследователи выделяют две тенденции лексикографического описания – создание системно-ориентированных словарей, отражающих целиком лексико-семантическую систему языка, и возникновение «антропоориентированных» словарей, репрезентирующих усредненный словарный запас и правила его использования отдельной языковой личностью, средним носителем языка, т.е. словари, обращенные к проблеме «человек в языке». Первые имеют справочно-просветительские цели, а вторые – обучающие, направленные на активное овладение языком и поддержание знаний о нем.

Остановимся на преимуществах ассоциативного эксперимента, выделенных Н.В. Уфимцевой:

«Первое преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в соотносительности с семантической структурой словарного состава языка (точнее, словарного запаса носителей языка). Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность получить информацию относительно психологических эквивалентов «семантических полей» и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов.

Второе преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в их обусловленности собственно языковыми синтагматическими связями слова, почти не привлекавшими внимание лингвистов. Между тем именно синтагматический характер реакций представляет наибольший теоретический и практический интерес в плане обучения языку.

Третье преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в том, что по ним можно судить о «правилах» совместной встречаемости слов в речи, о речевой синтагматике, причем закономерности распределения слов в свободном ассоциативном эксперименте и вероятность появления их в потоке речи чрезвычайно близки. Поскольку закономерности ассоциирования слов играют существенную роль в системе факторов, обуславливающих порождение конкретного речевого высказывания, то изучение ассоциаций является необходимой основой, на которой может развиваться и теория речевой деятельности, и теория владения языком.

Четвертое преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в том, что эти материалы можно рассматривать как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующие в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева 2011: 229].

В нашем исследовании на частном социальном срезе будет продемонстрирована методика изучения языкового сознания. Материалом для анализа послужили данные ассоциативного эксперимента. Данные для составления словарных ассоциативных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента. Респондентами данных были современные казахстанские студенты (100 чел.). Опрос проводился с сентября 2015 г. Испытуемым было предложено дать ассоциации на следующие слово-стимулы: Россия (100). Рассмотрены способы репрезентации в языковом сознании образа России. Под способами репрезентации понимаются способы задания смысла в ассоциативных реакциях на слово-стимул Россия. Образ России можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции. Результатом является модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл – способ – слово (знак) – область – функция. Методологической основой такого подхода послужили работы Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой, Т.В. Романовой. Основной тезис статьи: способ образования реакции и функция знания показывает устройство и функционирование языковой картины мира носителей языка, а референтная область помогает сравнивать реалии, обозначенные словом-стимулом.

Предметом интерпретации в данном исследовании будет стимул *Россия*. Полученные данные можно представить в виде следующей словарной статьи:

Россия:
Путин (24);
Москва (23);
балалайка (8);
медведь (7), Пушкин (7);
Сибирь (6), СССР - бывший (6), Красная площадь (6), холод (6), Ленин (6) и Сталин (3)
федерация (5), культура богатая (5);
Кремль (4), держава – армейская, мощная, великая, военное войско на высшем уровне (4), флаг (4), Медведев (4), водка (4);
матрешки (3), борщ (3), зенит (3), тайга (3), лес (3), Санкт-Петербург (Петербург) (3), большой (3), язык (3);
Лермонтов, север, А. Пугачева,, производство, технология, искусство, газ, церковь, красивый, страна – самая большая страна в мире, большая, крупнейшая; мощь – военная, русский язык, рубль, лес (2);
№1 - в мире, по размеру Земли, по территории;
береза, снег – много снега, площадь земли, футбол, колхозы, этика, танки, атомная бомба, Турция, Лада, Кагалым авиа, рынок, Египет, образование, граничит с Казахстаном, орел, МГУ, русские детские сказки, народные сказки, Новосибирск, фильмы, сериалы, Чехов, Толстой, общительные люди, Спартак, Динамо, Аршавин, скинхеды, Крым, отдых, социализм, экономика, мировая ситуация, странные обычаи, Евросоюз, связь Президентом, политические связи, казахи в РФ, бублики, Украина (война), София Ротару, христиане, православие, христианство, друзья казахов, хуторянка, милитаризм, Сочи, пасха, золотая осень, красивый пейзаж, города, война за независимость, блондинки, высшее образование, этнокультурный, обладает ядерным оружием, хорошие знания, у них своя культура, их танцы, друзья, День победы, научный прогресс, жара, грубость, мед, великие русские полководцы, русские, русский, добрые россияне, диктаторы, жестокость, шапка-ушанка, хоккей, зима, много народу, воровство, валенки, свинина, изба, великий, великие, нацист, авторитетный, деревья, мягкие, хлеб, песня с гармошкой (*гармоном*), люди с голубыми глазами, картошка, блины, жизнерадостные, Петр 1, старый, развитый, Родина, место жительства, платье, московские большие часы, цирк, Аляска, метро, много красивых мест, дождь, снег, мороз, независимый, межнациональный, внутренняя политика, хорошая языковая сохранность, люди с желтыми волосами (узбечка) – (1).

Проанализируем пары стимул-реакция: устанавливаются способы задания смысла, способ и референтные области. Таким образом, мы получаем таблицу, отражающую содержательное наполнение «Образ России в языковом сознании казахстанских студентов». Представим ее фрагмент:

Знак	Смысл	Способ	Область
Россия	Путин (24)	Прецедентное имя	Политика
Россия	Москва (23)	Гипероним-гипоним	География

Россия	Балалайка (8)	Реакция-символ	Музыка
Россия	Медведь (7)	Реакция-символ	Животный мир
Россия	Пушкин (7)	Прецедентное имя	Культура

Способ прецедентный текст в основном представлен в реакциях с прецедентными именами сферы политика – Путин (абсолютное большинство реакций), культура – Пушкин, Лермонтов, Толстой, исторические деятели – Петр 1; родовыми гипонимами-топонимами – Петербург – Санкт-Петербург, Москва. С прецедентностью как способом задания смысла тесно связан другой – символ. Такие реакции-символы (балалайка, медведь) можно отнести к штампам и клише сознания.

Итак, мы представили методику моделирования языкового сознания по данным ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволяет выявить и структурировать образ России, репрезентированный в языковом сознании участников эксперимента – современных казахстанских студентов. Этот образ можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции.

При моделировании образа России по данным ассоциативного эксперимента мы сделали следующие выводы. Наиболее частотные способы задания смысла – ассоциация, деталь биографии, образ, прецедентное имя, символ. Наиболее характерны положительные оценочные реакции; прецедентные реакции, относящиеся к сфере политики и литературы. Стереотипность представления о России отражают следующие реакции-штампы сознания: балалайка, медведь, матрешка. Области референции представлены достаточно широко: география; территориальное, государственное устройство; социально-трудовые отношения; политика; культура; язык; жизнь знаменитых людей; природа; природные явления (снег, дождь); растительный мир; взаимоотношения людей; семья; оценка; ощущения/чувства/переживания.

В связи с вышеупомянутыми преимуществами ассоциативных реакций хотелось бы остановиться на тех, которые связаны с изучением языка и синтагматикой.

Основной опрос студентов пришелся на тех, кто окончил казахскую школу. В этой связи мы наблюдаем типичные ошибки:

- ошибки в окончаниях (самый большой страна);
- ошибки в сочетаемости (хорошая языковая сохранность, песня с гармонам);
- незнание русской культуры (московские большие часы).

К сожалению, приходится констатировать общий спад в изучении русского языка. Это обусловлено сокращением часов в школе, отведенных на изучение русского языка и литературы.

Таким образом, анализ языкового сознания посредством ассоциативного эксперимента, показывает широкие возможности в изучении языка и его сочетаемости.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Издательство ЛКИ, 2010, 264 с.

Уфимцева Н.А. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. -252 с.

Романова Т.В. Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-po-materialam-assotsiativnogo-eksperimenta-modelirovanie-i-interpretatsiya>

Ушакова Т.Н. http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html

IMAGE OF RUSSIA IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF MODERN KAZAKHSTAN STUDENTS (on materials of associative experiment)

Abayeva Madina Kabylkyzy

Associate professor of the Abay Kazakh national

Kazakhstan, 050010, Almaty, pr.Dostyk,13

e-mail: madina_abaeva@mail.ru

e-mail: pedagogical university

Research of language consciousness, collecting of associative norms and creation on their basis of associative dictionaries and thesauruses became one of the priority directions in psycholinguistic researches recently.

Associative dictionaries belong to dictionaries of descriptive (descriptive) type. They aren't ordering or standard.

The main instrument of creation of any associative dictionary is the technique of free associative experiment which is widely used in psychology and psycholinguistics. By means of this technique it is possible to judge the features of functioning of language consciousness of the person and ways of creation of the speech statement which are usually not realized by native speakers and not revealed by other ways of research.

In our research on a private social cut the technique of studying of language consciousness will be shown. Data for drawing up dictionary associative entries are collected by means of carrying out standard free associative experiment. Modern Kazakhstan students (100 people) were respondents of data. Survey was conducted since September, 2015. It was offered to examinee to give associations on the following the word incentive: Russia (100). Ways of representation in language consciousness of an image of Russia are considered.

Keywords: language consciousness, associative experiment, ways of representation.

References

Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. [Russian and language personality]. М., LKI Publ., 2010, p. 264.

Ufimtseva N.A. Yazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'. [Language consciousness: dynamics and variability]. М., Kaluga: Institute of linguistics. RAS, 2011. – p. 252

Romanova T.V. Obraz Rossii po materialam assotsiativnogo eksperimenta (modelirovanie i interpretatsiya) [Image of Russia on materials of associative experiment (modeling and interpretation)] // <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-po-materialam-assotsiativnogo-eksperimenta-modelirovanie-i-interpretatsiya>

Ushakova T.N. http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html

УДК 81'23

ПРОБЛЕМА СЛОВА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Алпатов Владимир Михайлович

Директор Института языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский переулок, 1
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Слово – центральная единица лингвистики, основанной на европейской традиции. В то же время определение слова и критериев для его выделения оказываются затруднительными. Сопоставление европейской традиции с другими показывает, что некоторая базовая, центральная единица имеется в каждой из них, но ее лингвистические свойства и критерии ее выделенности могут не совпадать. Каждая традиция, включая и европейскую, основана на интуиции носителя соответствующего языка, то есть на неосознанном влиянии его психоллингвистического механизма. Поэтому для решения проблемы «Что такое слово?» стоит выйти за пределы «чистой» лингвистики и обратиться к вопросу о том, на чём основаны эти представления. Косвенные, но очень значимые данные для понимания этого вопроса дает изучение речевых расстройств (афазий) и исследование детской речи. Эти данные показывают, что в мозгу имеются, по крайней мере, три механизма: хранения единиц (лексический механизм), сочетания единиц (синтаксический механизм) и преобразования базовых единиц в небазовые (морфологический механизм). В этом проявляется фундаментальное противопоставление грамматики и словаря. Различия между ними связаны с тем, что словарные единицы хранятся в языковой памяти как готовые к употреблению, а единицы, в образовании которых участвуют грамматические правила, строятся в момент речи. Понятие слова – модель словарной единицы, которая может иметь разные лингвистические свойства в зависимости от строя языка, на котором основана традиция.

Ключевые слова: слово, лингвистические традиции, афазии, детская речь, словарные единицы, синтаксис, морфология, психоллингвистика.

Я ни в коем случае не могу относить себя к специалистам по психоллингвистике. Однако исследование проблемы слова (а также проблемы частей речи) привело меня к пониманию того, что основные единицы, выделяемые в науке о языке, в первую очередь слово, отражают реальные механизмы мозга, изучаемые психоллингвистикой, одним из ведущих специалистов в которой является Наталья Владимировна Уфимцева.

Нет необходимости говорить о том, насколько большое место занимает понятие слова в лингвистике. Приведу лишь несколько высказываний ученых разных времен и стран. «Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [Соссюр: 143]. «Слово (применительно к любому языку) представляет собой едва ли не единственную единицу, представление о которой имеет любой говорящий, даже неграмотный, чего нельзя сказать... о других, значимых единицах, больших и меньших слова» [Кузнецов: 75]. «Слово – основ-

ная единица естественного языка» [Мельчук: 7]. «В традиционной грамматике (с точки зрения, преобладающей по крайней мере в западной культуре), основным строительным блоком является слово» [Даль: 313]. Понятие слова появилось в европейской лингвистической традиции, начиная с ее истоков в античности, и сохраняет свое значение до сих пор, хотя в некоторых направлениях современного языкознания появилась тенденция отводить слову меньшее место, а то и отрицать его значимость [Haspelmath 2011]. Надо также отметить и то, что в других лингвистических традициях также присутствует некоторая базовая единица лексики, являющаяся в большинстве традиций (кроме китайской) одновременно и базовой единицей грамматики,

Столь же хорошо известно, что многочисленные попытки строгого определения слова связаны со значительными трудностями. «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме (и то не всегда) самих их авторов... Сама возможность появления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере, сейчас, довольно сомнительной» [Шмелев: 35]. «Несмотря на выдающуюся роль понятия слова в нашем повседневном осмыслении языка, наше понимание природы слов все еще ограничено» [Даль: 308].

Кроме того, базовые единицы других традиций по своим лингвистическим характеристикам могут отличаться от того, что мы привыкли называть словом. В китайской традиции они соответствуют корням, а в японской традиции знаменательные единицы чаще всего сходны с тем, что мы называем основой слова, тогда как в число служебных базовых единиц попадает и большинство грамматических аффиксов [Алпатов 2005: 33-36].

Представляется, что продвинуться в изучении проблемы слова можно, если обратиться к психоллингвистическому механизму человека. Интуиция носителей различных языков недоступна прямому наблюдению, а непосредственное изучение речевых процессов мозга, лежащих в ее основе, крайне затруднительно и сейчас, в начале XXI века, делает лишь первые шаги. Однако косвенные, но очень значимые данные для их понимания дает изучение речевых расстройств (афазий) и исследование детской речи.

При афазиях выходят из строя те или иные участки мозга, вследствие этого «не возникает новых единиц, хотя могут выпадать отдельные звенья исходной системы и нарушаться правила функционирования языковых единиц» [Касевич: 102]. Разные виды афазий рассматривались в классической книге [Лурия]. Один вид афазии А.Р. Лурия назвал «телеграфный стиль». Такие больные сохраняют способность произносить изолированные слова и не теряют словарный запас, но не могут произносить их сочетания; на уровне отдельных слов происходит и восприятие [Лурия: 76-77]. Служебные слова не употребляются, используются (кроме отдельных штампов) лишь формы именительного падежа единственного числа (реже именительного падежа множественного числа) существительных, инфинитива и 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов. Вот пример пересказа содержания фильма: «Одесса! Жулик! Туда... учиться... море... во... во-до-лаз! Армена... па-роход... пошло... ох! Батум! Барышня... Эх! Ми-ли-цинер... Эх!... Знаю!... Кас-са! Де-нег. Эх!... папиросы. Знаю... Парень... Пиво... усы... Эх... де-

нег. Микалай... Эх... Костюм... водолаз... Эх... маска... свет... эх... вверх... пошел... барышня» [Лурия: 91].

При другом виде афазии происходит во многом обратный процесс: сохраняется способность сочетать слова, однако сам механизм хранения слов в памяти нарушен. «Наиболее абстрактные слова словаря, а также чисто аналитические единицы, такие как союзы, предлоги, местоимения, артикли, лучше всего сохраняются и чаще употребляются в речи больных, фокусированных на контексте» [Лурия: 133, 141]. Могут также сохраняться хорошо знакомые, привычные слова, воспринимаемые «иероглифически» при невозможности расчленивать их на звуки или буквы. Так, больная данным видом афазии журналистка не могла назвать буквы, зато без затруднений произносила слова «Правда», СССР, Москва, «Известия», революция, колхоз, фашизм и др. [Лурия: 113-114]. Речь таких больных состоит из коротких фраз с правильным употреблением грамматических форм и крайней бедностью лексики. Вот рассказ больного о ранении и о том, что до ранения он хорошо говорил: «Мне прямо сюда... и всё... вот такое – раз. Я не знаю... вот так вот... И уже не знаю... Когда я тут – и никак... ничего... никак... Сейчас ничего... А то - никак... Я когда-то... ох-ох-ох! Хорошо! А сейчас никак» [Лурия: 133].

См. также исследования Д.Л. Спивака, изучавшего процесс постепенного выхода из строя речевого механизма при инсулиновой терапии [Спивак 1980; Спивак 1983; Спивак 1986]. При лечении инсулином происходит как бы искусственная афазия, которую можно дозировать и исследовать на разных этапах. Речевой механизм временно выходит из строя, происходит это постепенно, однако на всех этапах слова, как правило, сохраняются, не заменяясь ни на части слов, ни на словосочетания, хотя актуальные для больного штампы могут сливаться в единый комплекс: *лечаще'врач, у лечаще'врача* [Спивак 1986: 27]. В то же время уже на самых первых стадиях афазии больные не могут преобразовать в прошедшее время бессмысленные слова с реальными окончаниями глаголов настоящего времени. [Спивак 1980: 143-144; Спивак 1986: 27]. Слова постепенно становятся неразложимыми на морфемы, возрастает роль порядка слов, в том числе актив и пассив начинают различаться в зависимости от словоупотребления: фраза *Девочка написать письмо* воспринимается в значении *Девочка написала письмо* [Спивак 1980: 146]. Одновременно сокращается и словарный запас.

Важны также исследования коллектива, основанного Л.Я. Балоновым и В.Л. Деглиным и ныне возглавляемого Т.В. Черниговской. Эти специалисты наряду с экспериментальным исследованием афазий носителей разных языков ведут и непосредственные исследования речевых механизмов мозга. Экспериментально подтверждено, что среди носителей русского языка «даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» [Черниговская и др. : 15; Черниговская: 168]. Разумеется, это относится не только к глаголам, но и к именам. А при нарушениях механизмов мозга «морфологические процедуры почти не производятся: в ментальном лексиконе слова хранятся целиком, списком, без осознания их структуры» [Черниговская: 147]. Отмечается «невозможность оперировать служебными морфемами» при афазиях [Черниговская: 167].

Все эти исследования подтверждают центральную роль слова в порождении речи. Такой вывод сделал еще А.Р. Лурия: «Основным динамическим единством нормальных артикуляторных процессов является слово» [Лурия: 84].

Среди лингвистов на необходимость учета данных афазий при решении проблемы слова более тридцати лет назад указал А.Н. Головастик, интерпретировавший вышеупомянутый «телеграфный стиль» (ТС) [Головастик: 42-43]. Он отмечал: «Образование словоформ от одной исходной словоформы, а не непосредственно от основы, больше соответствует обыденным представлениям носителя языка... Очень вероятно, что многие словоформы... хранятся в человеческом мозгу в готовом виде, хотя наряду с этим могут быть и синтезированы» [Головастик: 43]. Важно и такое наблюдение: «Лингвистически необразованный носитель русского языка ни при каких обстоятельствах, в том числе и при афазии любого типа, не произносит флексию без основы или основу без флексии (если она не совпадает с одной из форм – ср. *стол, коров*), которая может вообще не восприниматься как что-то относящееся к русскому языку: ср. *ид-, и-, ст-, пе-* (в *идти, шла, сто, петь*). Аналогично, при исправлении неправильно услышанной собеседником формы слова (напр., *палку* вместо *палкой*) обычный носитель повторит: «палкой!»..., в лучшем случае «палкой» или «кой», но никогда «ой» (т.е. флексию без основы). Не так обстоит дело, например, с предлогами: при исправлении может быть сказано «в, а не на». Подобные факты свидетельствуют о неразрывности основы и флексии» [Головастик: 44].

Вывод А.Н. Головастика: в человеческом мозгу в готовом виде хранятся некоторые исходные словоформы, единые и неразрывные независимо от возможности их членения на морфемы; неисходные словоформы образуются от исходных. К подобным выводам приходит и Т.В. Черниговская: «Можно говорить о «слоях», составляющих язык: это *лексикон* – сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т.д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика» [Черниговская: 631].

В то же время отдельный уровень морфем (как, вероятно, и уровень словосочетаний) не выделяется: ни при каких видах афазий больные не оперируют морфемами, а способность делить слово на значимые части, несомненно существующая у здоровых носителей языка (без нее нельзя было бы образовать новые слова путем деривации или композиции), быстро исчезает при афазиях.

Материалам исследования афазий полностью соответствуют и исследования детской речи, ставшие в последнее время очень активными, в том числе и в России [Цейтлин 2000; Цейтлин 2009]. Если при афазиях теряются те или иные компоненты речевого механизма, то у детей этот механизм постепенно формируется. Исследователи отмечают, что на раннем этапе развития (когда уже пройдена стадия произношения отдельных звуков и слогов) сначала возникают слова-предложения. В это время грамматически полные фразы составляют лишь небольшой процент высказываний; при восприятии речи также из высказываний окружающих выхватываются отдельные слова, на которые происходит реакция [Лурия, Юдович: 32-38]. Таким образом, на этом этапе есть слова, которые имеют вид «замороженных словоформ» [Цейтлин 2000: 84], но нет возможности соединять их [Лурия, Юдович:

38; Гринфилд; Кларк, Кларк: 356-365]. В частности «протоглаголы» «не обладают еще глагольными категориями и системой словоизменения, свойственным глаголам в нормативном языке. И тем не менее они выглядят как некие знакомые глагольные формы, поскольку содержат, кроме основы, еще и словоизменяемые аффиксы» [Цейтлин 2000: 138]. Как правило, это те же словоформы, какие произносились афатиками при «телеграфном стиле». «Бесфлексийное использование слов вообще невозможно» [Цейтлин 2009: 112].

И на более поздних этапах развития у детей наблюдаются те же тенденции к пониманию слова как минимальной смысловой единицы. Пока не освоено словоизменение, ребенок исходит из грамматической роли порядка слов, ср. аналогичные явления при афазиях. Даже ребенок, с которым велись специальные занятия в течение года, испытывал трудности в различении фраз *Покажи ключом гребешок* и *Покажи гребешком ключ*; ребенок, с которым не велись занятия, вообще не был в состоянии различить эти фразы [Лурия, Юдович: 58]. По-видимому, через этот этап проходят все дети независимо от строя языка [Цейтлин 2000: 87; Цейтлин 2009: 109].

Поначалу в речи детей фигурируют лишь некоторые словоформы. Позднее появляются и другие грамматические формы, причем формы косвенных падежей с нулевым аффиксом позже всего. Данный этап характеризуется как формирования «механизма словоизменяемой операции» [Цейтлин 2009: 34], «операции по созданию словоформы на основе парадигматических ассоциаций» [Цейтлин 2009: 81]. Дети приобретают способность образовать любую форму неизвестного слова [Цейтлин 2009: 61]. Представления о морфемах, «умение вычленять в составе словоформ значащие части» [Цейтлин 2009: 61] формируются намного позже: педагогам даже приходится специально разрабатывать методы обучения детей в школе членению на морфемы [Ждан, Гохлернер: 63-72], что не оказывается необходимым для членения на слова. У детей всё начинается со слов, тогда как при афазиях всё кончается словами.

Во всех приведенных для русского языка примерах слова – это словоформы. Но как здесь обстоит дело в других языках? Оказывается, что уже для английского языка ситуация несколько иная. На том этапе, когда русские дети говорят «замороженными словоформами», англоязычные дети говорят основами; американские исследователи отмечают «телеграфную речь» у этих детей, в которой отсутствуют аффиксы и служебные слова [Цейтлин 2000: 84; Цейтлин 2009: 112]. И у русских детей служебных слов на соответствующей стадии еще нет, но еще не вычленяемые аффиксы абсолютно необходимы. И исследования афазий, проведенные Т.В. Черниговской и ее сотрудниками, приводят к выводу, что в английском языке регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся); нерегулярные формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся [Черниговская и др.: 14; Черниговская: 167].

Многие исследователи, изучающие афазии и детскую речь на материале английского языка, приходят к выводу о «независимых механизмах порождения этих двух видов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком» [Черниговская: 151]. Однако «все эти гипотезы разрабатывались на мате-

риале английского языка... Очевидно, что они не могут полностью применяться к языкам с более развитой морфологической системой» [Черниговская: 172]. «Можно предположить, что резкое противопоставление регулярного и нерегулярного механизмов в русском языке не является продуктивным» [Черниговская: 173]. Не связаны ли с этими различиями стремление англоязычных лингвистов избавиться от слова, не свойственное отечественным исследованиям, и ряд других отличий национальных вариантов традиции?

Исследования детской речи, проводимые в Японии, вполне подтверждают отдельность знаменательных слов в их традиционных для японской науки границах. У детей в ряде исследований выделяется период, когда речь состоит из отдельных знаменательных слов [Hayakawa 1982: 7-9; Hayakawa 1984: 1-2; Murata: 127-141]. Японские исследователи прямо делают вывод о том, что исследования детской речи соответствуют традиционным представлениям о главной единице языка [Yamada, Sustainabaagu: 65]. И те служебные элементы, которые в традиции считаются отдельными словами, сохраняют такой же статус в детской речи; они появляются, как и служебные слова европейских языков, относительно поздно [Hayakawa 1982: 9; Murata: 216; Hayakawa 1984: 3, 11]. То же небольшое количество грамматических аффиксов, которое признается традицией, также появляется в детской речи в качестве частей слов [Hayakawa 1984: 3-9; Murata: 197-198].

Итак, и для носителей японского языка нормой является хранение в памяти некоторых средних по протяженности единиц (больше морфемы, но меньше предложения), то есть слов; представление об этих единицах отражено в японской традиции; подробнее см. [Алпатов 2007].

Итак, исследования афазий и детской речи, с одной стороны, подтверждают наличие базовой психоллингвистической единицы для языков различного строя, которая может быть названа словом, с другой стороны, показывают различия лингвистических свойств слов в разных языках. Можно считать: слова как норма хранятся в мозгу человека и в большинстве случаев в процессе речи берутся в готовом виде. Это не исключает возможности хранения в памяти более протяженных единиц от словосочетаний вроде *начальник радиостанции* до целых текстов. Единицы, хранящиеся в мозгу, не обязательно должны быть совершенно однородными по своим свойствам, это и обеспечивает разброс между разными лингвистическими определениями слова.

Тем не менее, хранение базовых слов в мозгу является нормой, что не исключает возможности хранения там и других единиц. Данные афазий показывают, что в мозгу имеются, по крайней мере, три механизма: хранения единиц (лексический механизм), сочетания единиц (синтаксический механизм) и преобразования базовых единиц в небазовые (морфологический механизм); последний свойствен разным языкам от русского до японского, но его существование, вероятно, свойственно не всем языкам, в отличие от двух других механизмов. При формировании языка у детей (как и, по мнению ряда исследователей, при появлении в прошлом человеческого языка) «модификация знака путем добавления к нему другого знака порождает синтаксис»; «модификация же знака путем изменения или добавления к нему элементов, не являющихся отдельными знаками, порождает морфологию» [Бурлак: 373]. Агглютинативные элементы и, по-видимому, некоторые флексивные

(что показывает пример японского языка) возникают путем добавления к знаку (первичной единице) элементов, не являющихся отдельными знаками; флексии древнегреческого, латинского, русского и отчасти японского языков возникают путем изменения знака.

Строго лингвистическое определение слова, которое полностью бы совпадало с традицией, по-видимому, невозможно: традиция не строго последовательна и стремится к комплексному пониманию слова. Но из этого не вытекает отказ от понятия слова, которое скорее надо понимать как психоллингвистическое.

Литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд. М.: Языки славянских культур, 2005. 368 с.

Алпатов В.М. О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 67-77.

Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 464 с.

Головастиков А.Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 41-45.

Гринфилд П.М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1984. 370 с.

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М., УРСС, 2009. 558 с.

Ждан А.Н., Гохлернер М.М. Психоллингвистические механизмы усвоения грамматики родного и иностранных языков. М.: МГУ, 1972. 256 с.

Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич В.Б. Труды по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 11-238.

Кларк Г., Кларк Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания // Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1984. 370 с.

Кузнецов П.С. Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания. 1964. №5. М.: Наука. С. 75-77.

Лурия А.Р. Травматическая афазия. М.: АМН СССР, 1947. 367 с.

Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., 1956.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово. М.: Языки русской культуры, 1997. 392 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Наука, 1977. С. 31-273.

Спивак Д.Л. Искусственно вызываемые состояния измененного сознания (на материале инсулинотерапии) и их лингвистические корреляции // Физиология человека, 1980, №1. С. 141-147.

Спивак Д.Л. Язык в условиях измененных состояний сознания // Вопросы языкознания, 1983, №5. С. 43-49.

Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., Наука, 1986. 92 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

Черниговская Т.В., Гор К., Свистунова Т.Н., Петрова Т.Е., Храковская М.Г. Ментальный лексикон при распаде языковой системы у больных с афазией: экспериментальное исследование глагольной морфологии // Вопросы языкознания. 2009. №5. С. 3-17.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. Folia Linguistica. Vol. 45 (2011), No 1. P. 1-34.

Hayakawa Katsuhirou. Yooji gengo ni okeru tagobun dankai no koosatsu. Gakudai-kokubun, 25. Oosaka, 1982. P. 1-30.

Hayakawa Katsuhirou. Iku doogo no hyoogengaku. Hyoogen-kenkyuu, Vol. 40. Nagoya, 1984, pp. 1-9.

Murata Kooji. Nihon no gengo hattatsu kenkyuu. Tokyo, 1984. 239 p.

Yamada Jun, Sustainbaagu Danii D. Yomi no gakushuu wa dono gengo tan'I kara hajimerubeki ka. Dokushoo-kagaku, Vol. 27, No 2. Tokyo, 1983, pp. 62-67.

PROBLEM OF WORD AND PSYCHOLINGUISTICS

Alpatov Vladimir M.

Head of Institute of Linguistics RAS
125009, Moscow, B.Kislovskiy per., 1
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Word is the central unit of linguistics founded on the European tradition. However the definition of word and its singling out are very difficult. The comparison of the European tradition with the other ones shows that every tradition has some basic unit but its peculiarities and criteria for its singling out can be different. Every tradition including the European one is based on the intuition of speakers, i.e. on some influence of their psycholinguistic mechanism, but this influence is not realized. It is expedient to go beyond the limits of the "pure" linguistics for the decision of the problem "What is word?" and investigate the question of the psycholinguistic foundations of word. The study of aphasia and children's speech gives indirect but very significant data for the understanding of this question. These data show that there are three mechanisms in the human brain: the lexical mechanism of the keeping of basic units (words), the syntactic mechanism of its combination and the morphological mechanism of transformation (inflection) of the basic

units. This difference reflects the fundamental opposition of grammar and lexicon. The units of lexicon are kept in the memory as ready parts of discourse but the other units are built in the process of speech. The concept of word is a model of the unit of lexicon; its peculiarities can be different depending on the system of the language of tradition.

Keywords: word, linguistic tradition, aphasia, children's speech, units of lexicon, syntax, morphology, psycholinguistics.

References

- Alpatov V.M.* Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic studies]. Ed. 4. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. 368 p.
- Alpatov V.M.* O psikhologicheskoy adekvatnosti osnovnykh ponyatiy evropeyskoy i yaponskoy lingvisticheskoy tradicii [On the psychological adequacy of the basic concepts of European and Japanese linguistic tradition]. *Lingvisticheskaya polifoniya* [Linguistic polyphony]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 67-77.
- Burlak S.* Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy [The origin of language. Facts, research, hypothesis]. Moscow: Astrel, 2011. 464 p.
- Golovastikov A.N.* K probleme psikhologicheskoy adekvatnosti modeley russkogo slovoizmeneniya [To a problem of psychological adequacy Russian inflection models]. *Tezisy rabocheho soveshchaniya po morfeme* [Proceedings of the workshop on morpheme]. Moscow: Institut vostokovedeniya AN SSSR [Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, pp. 41-45.
- Grinfeld P.M.* Informativnost, presuppozitsiya i semanticheskiy vybor v odnoslovnnykh vyskazyvaniyakh [Informative, presupposition and semantic choices in single-word utterances]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress, 1984. 370 p.
- Dal E.* Vozniknovenie i sokhranenie yazykovoy slozhnosti [The emergence and preservation of linguistic complexity]. Moscow: URSS, 2009. 558 p.
- Zhdan A.N., Gokhlerner M.M.* Psikholingvisticheskie mekhanizmy usvoeniya grammatiki rodnoho i inostrannykh yazykov [Psycholinguistic mechanisms of mastering the grammar of the native and foreign languages]. Moscow: MGU [MSU], 1972. 256 p.
- Kasevich V.B.* Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniiya [Phonological problems of general and oriental linguistics]. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Proceedings on linguistics]. SPb.: SPbGU [SPbU], 2006, pp. 11-238.
- Klark G., Klark E.* Kak malenkie deti upotrebyayut svoi vyskazyvaniya [Like little children use their statements]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress, 1984. 370 p.
- Kuznecov P.S.* Opyt formalnogo opredeleniya slova [Experience a formal definition of the word]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1964. no 5, pp. 75-77.
- Luriya A.R.* Travmaticheskaya afaziya [Traumatic aphasia]. Moscow: AMN SSSR [The academy of medical sciences USSR], 1947. 367 p.
- Luriya A.R., Yudovich F.Ya.* Rech i razvitie psikhicheskikh processov u rebenka [Speech and the development of mental processes in the child]. Moscow: 1956.
- Melchuk I.A.* Kurs obshchey morfologii. T. I. Slovo [General morphology course. Vol. I. Word]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. 392 p.

Sossyur F. de. Kurs obshey lingvistiki [Sheathe linguistics course]. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Proceedings on linguistics]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 31-273.

Spivak D.L. Iskusstvenno vyzvaemye sostoyaniya izmenennogo soznaniya (na materiale insulinoterapii) i ikh lingvisticheskie korrelyatsii [The artificially induced state of altered consciousness (in the insulin material) and their linguistic correlation]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 1980, no. 1, pp. 141-147.

Spivak D.L. Yazyk v usloviyakh izmenennykh sostoyaniy soznaniya [The language in the conditions of altered states of consciousness]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1983, no 5, pp. 43-49.

Spivak D.L. Lingvistika izmenennykh sostoyaniy soznaniya [Linguistics altered states of consciousness]. Leningrad: Nauka, 1986. 92 p.

Ceytlin S.N. Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi [Language and child: the child's speech Linguistics]. Moscow: VLADOS, 2000. 240 p.

Ceytlin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoy rechi [Essays on word-formation and morphogenesis in the child's speech]. Moscow: Znak, 2009. 592 p.

Chernigovskaya T.V., Gor K., Svistunova T.N., Petrova T.E., Khrakovskaya M.G. Mentalnyy leksikon pri raspade yazykovoy sistemy u bolnykh s afaziey: eksperimentalnoe issledovanie glagolnoy morfologii [The mental lexicon in the decay of language system in patients with aphasia: an experimental study of verbal morphology]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2009. no 5, pp. 3-17.

Chernigovskaya T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shryodingera: yazyk i soznanie [Schrödinger cat Cheshire smile: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013. 448 p.

Shmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of semantic analysis of language]. Moscow: Nauka, 1973. 280 p.

УДК 81'23

**ЕЩЕ РАЗ О КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА:
«ОБЩИЙ ПАДЕЖ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Бабенко Наталия Сергеевна

Зав. сектором германских языков Института языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский переулок, 1
e-mail: babenkons@yandex.ru

Статья посвящена лингвистическим и психолингвистическим проблемам функционирования падежной системы немецкого языка. Исходя из фактов развития современного немецкого языка, автор считает целесообразным выделять в узусе общий падеж как категорию с нулевой маркированностью.

Ключевые слова: падежная система, узус, общий падеж, синтетизм, анализм, языковая система, психолингвистическая реальность.

Идея данной статьи навеяна исследованиями Н.В.Уфимцевой в ее ранних работах, прежде всего в кандидатской диссертации, посвященной анализу концепций грамматического значения падежей и описанию опыта их выделения психолингвистическими методами. С разработки этой тематики началось движение от грамматики в ее системном понимании к грамматике в ее психолингвистической реальности [Уфимцева 1976].

При всей очевидности существования падежей как носителей морфологических значений, образующих парадигматические оппозиции, и как регуляторов синтаксических отношений, выражающих связи существительного с другими словами в предложении, категория падежа считается одной из наименее рациональных частей языка, конструктом, возникшим в результате довольно сложной абстракции и не отвечающим прямо каким-либо целям, имеющимся в сознании носителей языка [Уфимцева 2011: 17-18].

Вывод Н.В.Уфимцевой о том, что именительный падеж занимает в парадигме русского языка особое место – он противопоставлен совокупности всех остальных падежей, – представляется универсальным и для других языков с разветвленной падежной системой, в том числе и для немецкого: и в узусе, и в языковом сознании носителей языка присутствует представление о свойственной именительному падежу многозначности на фоне его полифункциональных свойств.

В немецком языке трактовка именительного падежа теснейшим образом сопрягается с вопросом выделения «общего падежа» как явления немецкой грамматики (см. [Шубина 2004: 4-5]). Существование данной проблемы лежит не столько в плоскости традиционного грамматического описания, сколько в плоскости изменений некоторых строевых признаков немецкого языка, которые происходят под влиянием множества внутренних и внешних факторов и фиксируются в языковом сознании его носителей как тенденция, направленная на упрощение флективной морфологии имени в составе субстантивных групп.

Категория падежа в немецком языке теснейшим образом связана с категорией артикля и артиклеобразных слов, которые чаще всего являются носителями морфологических показателей падежа существительного при его употреблении в

высказывании. При этом выражение падежных форм корреспондирует с родовыми характеристиками существительных, что оказывается значимым для разграничения субъектно-объектных отношений, возникающих в высказывании при употреблении существительных среднего или женского рода в именительном и винительном падежах, поскольку они не несут различительных грамматических признаков, как например, в предложении *Das Kind küsst die Mutter*, где имеет место омонимия средств выражения именительного и винительного падежей для обоих существительных, и лишь правило порядка слов в высказывании устраняет эту омонимию: первое место занимает субъект в именительном падеже.

В немецком языке грамматическая выразительность существительного в высказывании достигается разными средствами, среди которых центральное место занимают артиклеобразные слова, включая атрибуты в виде местоимений и прилагательных, в позиции перед существительным: *In der Krise der liberalen Demokratie wird die Krise des autoritären Charakters sichtbar* [Jungle World, 11, 2016, 11, 4] – прикрытая позиция существительных, позволяющая идентифицировать их падеж по грамматическим показателям сопровождающих слов. *Jetzt steht nicht mehr Dekonstruieren auf der Hitliste, sondern Konstruktivität* [Jungle World, 11, 2016, 11, 2] – неприкрытая позиция существительных, характеризующаяся отсутствием грамматических показателей падежа.

Отсутствие формально выраженного грамматического маркера у имени не является нарушением словоупотребления, но несколько противоречит строю немецкого языка, в котором сохраняются флективные элементы даже на фоне усиления аналитических тенденций. Развитие этих процессов имеет глубокие исторические корни, и в современном немецком языке они находят подтверждение именно в прогрессирующем распространении падежно амбивалентных словоформ существительного [Pavlov 1995].

В морфологической системе немецкого языка наибольшей избыточностью с точки зрения маркирования грамматических форм отличается имя существительное, которое соединяет в довольно сложной («педантичной», по выражению Я. Гримма) комбинации грамматические показатели трех категорий – рода, числа и падежа и обуславливает нагрузку на язык [Браун 1997: 86 и сл.], что с особой очевидностью проявляется при его функционировании как необходимость грамматического выражения синтаксических отношений с помощью разнообразных падежных маркеров, отражающих принадлежность существительного к определенному типу склонения на основании формальных признаков.

Для современного немецкого языка характерно увеличение класса позиций, где существительное оказывается грамматически не оформленным, т.е. выступает в неприкрытой позиции – без зависимых слов, например, после существительного *Art*, после слов типа *als*, в некоторых предложных оборотах, в ряде аналитических глагольно-именных конструкций и т.д.: *eine Art Mensch, seine Stellung als Lehrer, in Form, Obacht geben, zu Gehör bringen*, что дает основание для выделения «общего падежа» как неопределенной формы имени, в которой «разорвана связь с парадигмой» существительного [Ревзин 2009: 98]. Среди образований с «общим падежом» обнаруживается значительная доля устойчивых словосочетаний – *nach Hause, zu Hause, mit Hilfe von* и др.

И.Ревзин считал, что специфика немецкого общего падежа заключается в его проникновении в позиции стандартных падежей (родительного, дательного, винительного). Поэтому либо надо признать наличие нескольких разных общих падежей (падежа, допускающего формы именительного и родительного, еще одного падежа, допускающего формы именительного и дательного и т.д.), либо просто рассматривать форму общего падежа как вариант формы именительного, а его проникновение в другие позиции связывать с осуществлением тенденции к монофлексии, выделенной В.Адмони [Ревзин 2009: 143]. Трактовка общего падежа как проявления тенденции к монофлексии вполне оправдана в исторической ретроспективе. Однако явления общего падежа в современном немецком языке требуют более дифференцированного подхода, учитывающего широкий круг факторов влияния на расширение присутствия общего падежа в устном и письменном языке.

Немецкий язык является, по всей видимости, единственным языком, в котором показатели падежа предшествуют самому имени, благодаря чему реципиент (слушающий или читающий) еще до появления имени в речевой цепи получает грамматическую информацию о его функциях в высказывании. Поэтому проблема общего падежа в современном немецком языке связана прежде всего с тенденцией к безартиклевому (в широком смысле слова) употреблению имени в группе существительного.

Безартиклевое употребление имени представлено в немецком языке множеством системных и асистемных явлений. При этом сами явления находятся в зоне широкого варьирования языковых форм и способов выражения падежных отношений.

Флексия у существительных в современном немецком языке грамматически мало выразительна, так что обозначение падежа и тем самым синтаксической функции имени осуществляется чаще всего с помощью согласующихся слов, особенно посредством артикля (определенного или неопределенного), который обладает весьма выразительной грамматической флексией. Кроме того, существительные в немецком языке часто выступают в составе предложных словосочетаний, которые являются носителями соответствующих падежных форм. При наличии у имени флективной морфологии, хотя и сильно разрушенной, в немецком языке теоретически сохраняются условия для маркирования синтаксических отношений в группе существительного с помощью флективных средств. Однако данная область грамматики немецкого языка в ее узальном преломлении демонстрирует существование весьма разрозненных и слабо упорядоченных явлений, многие из которых связаны с проблемой безартиклевого употребления существительного и расширением зоны присутствия общего падежа.

Случаи отсутствия артикля при имени существительном являются предметом описания нормативных грамматик. Правила, регулирующие эту область морфосинтаксиса, отражают наиболее очевидные факты языка, поддающиеся объединению в группы по сходству условий, в которых происходит элиминирование артикля при существительном. В грамматиках выделяются зоны немотивированного варьирования артиклевого и безартиклевого употребления существительных, например, в аналитических глагольно-именных словосочетаниях артикль может отсутствовать (Einzug halten) или, наоборот, присутствовать (eine Umfrage halten),

что является структурным свойством словосочетания. Вместе с тем в современном немецком языке отмечается не только расширение базы нормативных безартиклевых употреблений существительного (ср. заголовки, рекламу, институциональные названия и т.д. типа Satirepartei auf Abwegen; Esoterik in Zucker; Ausstieg und Zerfall des deutschen Europa; Vorsicht Volk!; GLS Bank) но и активное формирование новых предпосылок, допускающих отсутствие артикля при существительном.

Попытка сгруппировать некоторые очевидные факты современного немецкого языка и описать их в свете современных тенденций языкового развития, показать их не изолированный, а вполне закономерный характер, который поддерживается комплексов процессов, сопровождающих современную коммуникативную деятельность, – все это представляет собой весьма сложную задачу, отдельные фрагменты которой предлагаются для обсуждения далее с учетом интересов как теоретиков языка, так и германистов-практиков.

Рассмотрению подлежат несколько групп явлений безартиклевого имени в современном немецком языке как проявление системно обусловленных тенденций. Они реализуются с достаточной регулярностью в текстах разной жанровой принадлежности.

Во-первых, безартиклевое существительного выступает признаком целого ряда предложных образований – in Form, unter Druck, auf Dauer, aus Rücksicht, которые по своей структуре и функциям примыкают к сложносоставным предлогам, возникшим из сочетания существительного с предлогом в разные периоды истории немецкого языка и заметно активизировавшимся в современном немецком: ср. in bezug, aufgrund, anhand, angesichts. В данном случае отсутствие артикля даже в потенциально слитной с предлогом форме (zur, vom, beim, im) указывает на особый статус существительного, которое частично теряет свое значение и становится элементом общей с предлогом аналитической формы второго порядка: она выполняет служебные функции внутри субстантивной группы в целом – in Form, unter Druck. Весьма показательным, что именно в связи со случаями такого рода возникает вопрос о периферии в грамматике имени существительного (в нашем случае это феномен безартиклевого имени!), где располагаются образования, типа im Fall, im Gegensatz, im Vordergrund, формально сохраняющие падежные показатели в составе предлога, но по существу тяготеющие к устойчивым конструкциям, а не к свободным словосочетаниям.

Вторая область присутствия безартиклевого имени и, следовательно, упрощения падежного управления у некоторых предлогов связана с их употреблением в неприкрытой позиции, т.е. с неатрибутированным существительным – trotz Streick (род. падеж грамматически не выражен), außer Bewohner und Fahrzeuge (дат. падеж не выражен). Последний пример имеет сходство с парными оборотами, которые отличаются фразеологической устойчивостью: zwischen Affe und Mensch (вместо zwischen Affen und Menschen), von Mensch zu Mensch (вместо von Menschen zu Menschen) и т.д.; они приводятся в грамматиках как наиболее очевидные случаи общего падежа существительного. Отсутствие падежного маркирования в предложных группах существительного принято объяснять не замещением одного падежа другим, а влиянием разговорного языка, который указывает пути экономии усилий и в рамках письменного стандарта. Такое влияние имеет место и в других

случаях, например, *Kein Schut abladen!*, где артиклеобразное отрицание при существительном не выражает валентной зависимости от глагола, требующего винительного падежа.

Третья область активного безартиклевого употребления существительного в современном немецком языке связана с образованиями, включающими имена в функции приложения. Приложение как синтаксическое явление представлено в немецком языке разными типами и получило широкое распространение в разных дискурсах - *das Thema Rente, die Generation Golf, in Sachen Migration, eine Art Theater, eine Spur Machtlosigkeit* и т.п. Безартиклевость имени в таких словосочетаниях с приложением свойственна им по самой природе этого явления, основанного на приемыкании одного имени к другому, обладающему устойчивыми функциями. Вместе с тем явления безартиклевого становятся все более частотными и расширяют диапазон своего употребления под действием тех тенденций развития современного немецкого языка, которые указывают на особый способ выделения идентифицирующих символов перед существительным-приложением, обозначающем конкретные сущности при обобщающем имени [Бабенко 2006].

Явления безартиклевого употребления существительного обнаруживают сильные колебания, что свидетельствует о неустойчивости оформления грамматических отношений в группе существительного. Однако сама тенденция к безартиклевости проявляется достаточно отчетливо и поддерживается сходными процессами в целом ряде случаев других употреблений существительного в немаркированной (нулевой) форме.

Отмечается усиление колебаний в управлении падежами у предлогов вторичного (производного) порядка – *betreffend des Ranges betreffend dem Produktionswerk*, что свидетельствует о существовании в современном немецком языке широкой альтернативы для довольно значительного класса предлогов, которые допускают вариативность родительного, дательного и винительного падежей [Di Meola 2005].

Тенденция к устранению регулярного окончания *-s* в род. падеже ед. числа у заимствованных существительных мужского и среднего рода: *Die Kulturgeschichte des Kaffee*. Сюда же относятся и случаи монофлексивности при выражении винительного падежа: *Jetzt gibt es den neuen Swiffers-Staubmagnet*, когда вин. падеж отчетливо выражен в атрибутивной части словосочетания, что является основанием для отсутствия нормативной флексии *-en* у заимствованного существительного.

Тенденция к безартиклевому употреблению существительного довольно определенно проявляется в современной немецкой разговорной речи и даже выступает ее характерной чертой. В одной из последних работ по культуре немецкой речи данная тенденция получила обозначение *Kurzdeutsch* ‘укороченный немецкий’ [Marossek 2016]. Он оказывает влияние и на письменный стандарт. Однако в случае последнего артикль в силу сложности решаемых коммуникативно-когнитивных задач выступает все же нормой грамматического оформления существительного. В примере, приводимом ниже из интервью студента, отчетливо прослеживаются предпочтения в употреблении артикля в зависимости от регистра речи. В стиле официального языка артиклевость присутствует в полном объеме: *Ich übe mich als guter Demokrat und versuche, dem Willen der Mehrheit die Vorfahrt zu lassen*. При

переходе в регистр разговорной речи артикли оказываются избыточными: *Ich habe Moment mit Diplomarbeit und Prüfungen genug in Kopf*.

Многообразные случаи отсутствия артикля у имени существительного в современном немецком языке не являются грамматической новацией. Они в той или иной степени были представлены и в другие периоды истории языка и отражали закономерные процессы постепенного сужения сферы действия флексивной морфологии в направлении к расширению возможностей аналитической морфологии, которая минимизирует участие флексивных маркеров в выражении грамматических отношений. Расширение сферы безартиклевого употребления существительных представляется важным аргументом в пользу выделения «общего падежа» как нулевой формы имени, которая по сути является психолингвистической реальностью, поскольку активно проявляет себя в разных языковых средах и ее существование осознается носителями немецкого языка [Marossek 2016].

Литература

Бабенко Н.С. аналитические тенденции в современном немецком языке взгляд на некоторые грамматические процессы в группе существительного//Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100 - летию со дня рождения В.Н.Ярцевой . Материалы чтений памяти В.Н.Ярцевой. Выпуск II. – М.: Эйдос, 2006. – С. 183-192.

Ревзин И.И. Структура немецкого языка. – М.: ОГИ, 2009. – 399 с.

Уфимцева Н.В. Лингвистический и психолингвистический анализ структуры падежной системы (на материале русского языка): дис... канд. филол. наук. – М.: 1976.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. – 252 с.

Шубина Э.Л. Словосочетания типа *Nquant+ AdjN* и *eine Art+ AdjN* в языке немецкой художественной литературы XX века: особенности грамматического оформления и лексического наполнения. – М.: Компания спутник, 2004. – 204 с.

Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. 3. Aufl. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1993. – 265 S.

Di Meola C. Entwicklungstendenzen im deutschen Präpositionalsystem: Reaktion entsprechend der Regeln oder wider den Normen// Perspektiven Eins. Akten der 1. Tagung Deutsche Sprachwissenschaft in Italien (Rom, 6.-7.Februar 2004). – Roma, 2005. – S.251-269.

Marossek D. Kommst du Bahnhof oder hast du Auto? Warum wir reden, wie wir neuerdings reden? – München: Hanser Berlin im Carl Hanser Verlag, 2016. – 157 S.

Pavlov V. Die Deklination der Substantive im Deutschen. Synchronie und Diachronie. – Frankfurt a.Main: Peter Lang GmbH, 1995. – 252 S.

Jungel World 2016, 17. März. Ежедневная газета, Берлин.

ONCE AGAIN ABOUT THE CASES:**“THE COMMON CASE” IN CONTEMPORARY GERMAN LANGUAGE****Babenko Nataliya Sergeevna**

Head of Sector of the Germanic Languages
Linguistics Institute of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Bol'schoj Kislovskij pereulok, 1
e-mail: babenkons@yandex.ru

The paper considers how cases work in German from both the linguistic and psycholinguistic perspectives. Watching the contemporary German language evolve, we might claim that the common case can sometimes be a zero-marked category.

Keywords: cases, the common case, synthetism, analytism, language system, psycholinguistic reality

References

Babenko N.S. Analiticheskiye tendencii v sovremennom nemeckom jazyke: vsgljad na nekotoryje processy v gruppe sushhestvitel'nogo [The analytical tendency in modern German language: a look at some of the grammatical processes in the noun group]. Analitizm v jazykah raslichnyh tipov: sorok let spustja [Analytism in the languages of different types: forty years later]. Moscow, 2006, pp. 183-192.

Revzin I.I. Struktura nemeckogo jazyka [German Structure]. Moscow: OGI, 2009. 399 p.

Ufimtseva N.V. Lingvisticheskiy i psiholingvisticheskiy analiz struktury padeshnoj sistemy (na materiale russkogo jazyka) [Linguistic and psycholinguistic analysis of the structure of the case system (based on the Russian language)]. Moscow, 1976.

Ufimtseva N.V. Jazykovoje soznaniye: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Linguistics Institute, 2011. 252 p.

Shubina E.L. Slovosochetaniya tipa Nquant+ AdjN i eine Art+ AdjN v jazyke nemeckoj literatury XX beka: osobennosti grammaticheskogo oformleniya i leksicheskogo napolneniya [Phrases like Nquant+ AdjN and eine Art+ AdjN in the language of German literature of the XX century: the peculiarities of the grammatical and lexical content design]. Moscow: Sputnik Company, 2004. 204 p.

Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. 3. Aufl. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1993. – 265 S.

Di Meola C. Entwicklungstendenzen im deutschen Präpositionalsystem: Reaktion entsprechend der Regeln oder wider den Normen// Perspektiven Eins. Akten der 1. Tagung Deutsche Sprachwissenschaft in Italien (Rom, 6.-7. Februar 2004). - Roma, 2005. - S.251-269.

Marossek D. Kommst du Bahnhof oder hast du Auto? Warum wir reden, wie wir neuerdings reden? – München: Hanser Berlin im Carl Hanser Verlag, 2016. – 157 S.

Pavlov V. Die Deklination der Substantive im Deutschen. Synchronie und Diachronie. – Frankfurt a.Main: Peter Lang GmbH, 1995. – 252 S.

Jungel World 2016, 17. März.

27 – 28 октября 2016 года

в Российском университете дружбы народов
(Адрес: 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 10 к. 2 «А»)
состоится

Международная научно-практическая конференция
«ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА:
КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Организаторы конференции

- Российский университет дружбы народов (Филологический факультет)

При поддержке

- Дома наук о человеке Аквитания (Франция, Бордо) в рамках научной программы «Типология миноритарных исторических языков в Европе» (Регион Аквитания / Дом наук о человеке / IKER/CRDEI/TCL) и Договора о научном сотрудничестве между ДНЧА и РУДН;

- Цента франко-российского исследований (ИЦНИ – Министерство иностранных дел Франции);

- Лаборатория 5478 IKER Национального центра научных исследований (Франция);

Основные научные направления конференции

- Категоризация миноритарных языков в Западной Европе и России: методология, эпистемология:

- категоризация миноритарных языков в междисциплинарном аспекте (социолингвистика, право, психология);
- номинации-прототипы в категоризации миноритарных языков;
- категоризация миноритарных языков в пространстве особого типа: языки миграции и диаспоры.

- «Конфликтотенные зоны» языкового сознания и межкультурные контакты:

- этническое языковое сознание: методы реконструкции и описания (сопоставительный аспект);
- «свое» и «чужое» в межкультурной коммуникации;
- эволюция ценностных регулятивов.

- *Нейминг в современном медиа пространстве:*

- национально-культурные составляющие нейминга в диалоге культур;
- принципы коммерческой номинации в аспекте феномена иноязычности (проблемы взаимодействия латиницы и кириллицы, способы имитации и адаптации «чужого» бренда);
- трансформации смыслов в масс-медиа: номинация изданий и сайтов;
- нейминг как сфераречетворчество;
- конфликтные зоны коммерческой номинации в аспекте нейминговой экспертизы.

Статью на русском языке необходимо подать до 15 сентября 2016 года.

Аннотации и статьи присылайте, пожалуйста, по двум следующим адресам:

enedopekina@gmail.com

moskvitcheva@mail.ru

С уважением,

Организационный комитет конференции

УДК 81'23

НАТАЛЬЯ УФИМЦЕВА В ФОКУСЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**Батов Виталий Иванович**

профессор Российской государственной специализированной
академии искусств,
121165, г. Москва, Резервный проезд, дом 12,
e-mail: batov46@mail.ru

В данной работе сделана попытка создать психологический портрет одного из лидеров отечественной психолингвистики.

Ключевые слова: психолингвистика, Н.В. Уфимцева, психологический образ, компьютерный метод «Лингва-экспресс».

Я есть другой
Артур Рембо

Героиня предлагаемой статьи – давний товарищ и коллега автора. Однако обращаю внимание, что здесь – в этой работе – «ничего личного».

Обсуждаемое – результат экспериментального исследования в той научной области, которая с «легкой руки» (или, скорее, глубокой мысли) А.А. Леонтьева называется «психолингвистикой». Мотивы проведения этой небольшой работы лежат в понятном интересе автора проверить действенность предлагаемых, как мне кажется, относительно новых идей и методов эмпирического исследования тех явлений, которые до сих пор были относимы к гуманитарным, трансцендентным и даже метафизическим, и где испытуемыми становятся профессионалы именно в рассматриваемых областях знаний¹.

Речь здесь идет о возможности экспликации духовности и, следовательно, изучении психологического облика имярека; но особенность именно предложенного направления изучения состоит в том, что психологические черты выделяются из продукта словесного творчества, то есть из текста, что, понятно, преодолевает необходимость контактного (традиционного) взаимодействия между исследователем и реципиентом².

Немного об эпиграфе к статье.

Выделение психологической информации из материала, представленного в предметной форме, есть результат, во-первых, декодирования знакового представительства и, во-вторых, интерпретации уже декодированного содержания³. Подобные трансформации, разумеется, вносят какие-то изменения в рассматриваемый текст, и, следовательно, окончательный текст-результат (декодирования/интерпре-

¹ Некоторый опыт проведения таких исследований опубликован, например: [Батов 2008].

² К.-Г. Юнг ввел понятие «психологическая ткань текста».

³ Здесь я не буду специально говорить о герменевтике, полагая, что основные положения этой статьи со-причастны этому научному направлению.

тации) не будет идентичен исходному замыслу. Переводя сказанное на метафорический язык, я думаю, следует воспользоваться поэтической строкой Ф.И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», что даже намного мягче в последствиях этой внутренней деструкции, нежели силовое преобразование текста извне. Из сказанного нетрудно сделать вывод: психологический образ Я, содержащийся в реализованном тексте не идентичен Я личности автора этого текста. Иными словами, то, как имярека психологически представляют окружающие (позиция – «Наблюдатель»), не тождественно истинной духовности этой личности. И все же, позиция наблюдателя – это единственная позиция в том мире, в котором человеку «задано быть», следовательно, именно этот ракурс остается принять за «Норму», а касаясь восприятия человека человеком – за действительный образ «Другого».

Коротко о методе.

В «Записных книжках» Ильи Ильфа есть такая запись: «Самогон можно гнать из чего угодно, даже из табуретки, и будет «табуреточный самогон»». Аналогично и «психологическую ткань» можно «гнать» из любого предметного продукта исполнительской человеческой деятельности. И очевидно, что таким «идеальным» продуктом является опредмеченный язык человека⁴. Трудности возникают в связи с методом экспликации психологической составляющей. Но эти трудности преодолимы, о чем свидетельствуют, например, такие практикуемые до сих пор процедуры, как «графология» и «почерковедение». Правда, указанные методы призваны к анализу графики письменного текста. Но к настоящему времени появилось немало методов, предмет которых грамматика, семантика и стилистика, а также методы анализа устной речи. Один из таких методов – Лингва-экспресс – представляет собой компьютерную программу анализа письменных текстов с результатом выделения психологической составляющей⁵. Именно этот метод использован в излагаемой работе.

Необходимо отметить два обстоятельства при использовании программы Лингва-экспресс:

1. Программа работает только с текстами на русском языке.
2. Минимальный объем текста, при котором достигается инвариантность результатов анализа – от 200-от и более словоформ. Это необходимое требование соблюдается только при атрибуции (установлении/подтверждении) авторства текста. Если же ставится вопрос об экспликации психологической ткани аутентичного текста, точнее, динамики психологической составляющей в каком-то диапазоне времени, то, понятно, что объем исследуемого текста должен быть меньше требуемого минимума для атрибуции. В этом случае «снимается» психологическая ткань текста, отражающая психологический статус автора в данный, сравнительно небольшой интервал времени. А так как психическое состояние человека – это постоянно меняющаяся картина, то, следовательно, в результате анализа «субминимального» объема речевого массива будет получен «слепок» состояния только данного момента, и об инвариантности психического статуса имярека здесь речи быть не может.

О плане исследования.

В обсуждаемой работе ставятся три вопроса:

⁴ Гюстав Флобер: «Мадам Бовари – это я».

⁵ Тексты из [Межэтническое общение 2012].

1. Что представляет собой психологический образ Н.В. Уфимцевой со стороны окружения, снаружи, с позиции Наблюдателя?
2. Как представляет свой психологический образ сама героиня моего исследования?
3. Посмотреть основные совпадения/отличия этих образов.

Следует добавить одно важное замечание.

Палитра свойств психологического уклада имьярека выбирается из Базы характеристик, состоящей из семидесяти единиц. Палитра каждого текста, как показывает многолетний опыт работы с программой Лингва-экспресс, содержит редко больше тридцати единиц, но списки свойств палитры для каждого текста могут значительно отличаться. И для того, чтобы совместить информацию из разных текстов (палитр) в одном отображении (например, на графике) необходимо следовать в одном из двух направлений: первое – поместить на отображение характеристики, общие для рассматриваемых объектов; второе – поместить информацию из разных объектов на шкалу базовых свойств (в излагаемом исследовании – шкала известного теста ММРП). В данном случае я использую оба направления.

Анализируемые тексты Н.В. Уфимцевой⁶ и полный список свойств психологической ткани каждого из них с позиции Наблюдатель приводятся в таблицах 1, 2 и 3.⁷ В тех же таблицах выделены полужирным курсивом те свойства, которые повторяются в трех палитрах. Они же используются в качестве категорий шкалы «У» на Графике 1.

Таблица 1

Норма (позиция Наблюдатель)		
Текст 1	Характеристики	Значение
Отечественная этнопсихолингвистика исходит из того, что каждая культура должна и имеет право на свой неповторимый индивидуальный облик, который есть результат особой, свойственной лишь данной культуре системы организации элементов опыта. Сами же эти элементы не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Стр. 5	АВАНТЮРЕН	0,12
	АДАПТИРОВАН	0,65
	АКТИВЕН	0,11
	АМОТИВЕН	0,25
	ГИПЕРТИМИЧЕН	0,13
	ДИСЦИПЛИНИРОВАН	0,3
	ЗАКОМПЛЕКСОВАН	0,05
	ИГРОК	0,13
	КОМПУЛЬСИВЕН	0,3
	ИНФАНТИЛЕН	0,25
	ИСТЕРИОТИМИК	0,07
	КОМПРОМИССЕН	0,66
	ЛИДЕР	0,11
	НЕВРОТИК	0,65
	НОВАТОР	0,2
	ОБЩИТЕЛЕН	0,34
	ОСТОРОЖЕН	0,35
	ПРОДУКТИВЕН	0,37
	ПСИХОПАТИЧЕН	0,11
	САМОНАДЕЯН	0,23
ТРЕВОЖЕН	0,05	
ШИЗОИД	0,65	
ШИЗОТИМИК	0,65	
ЭКСТРАВЕРТ	0,21	

Итак, ответ на первый вопрос: Что представляет собой психологический образ Н.В. Уфимцевой со стороны окружения, снаружи, или с позиции Наблюдателя? – мне видится в следующем содержании.

Даже беглый взгляд на Таблицу 1 подтверждает сказанное относительно трудности представления результата в удобочитаемой форме. И все же стоит коснуться роли присутствия тех свойств, которые не повторяются в других палитрах⁸. И среди них я обращаю внимание на более весомые (по величине значения в палитре), скажем, по весу от 0,3 и более⁹.

К ним относятся: дисциплинирован, компульсивен, невротик, общителен, шизоид. Почти все эти характеристики, дополняющие ядро психологического статуса Н.В. Уфимцевой, выполняют защитную функцию, роль блокаторов от внешних и внутренних воздействий нежелательного плана. Уже среди них можно указать направление защиты: например, характеристика «невротик», актуализируясь в сознании, призвана понизить негативный фон текущего психического состояния (например, фрустрации), сопрягаясь с рядом других блокирующих свойств. И не случайно, что невротическому состоянию здесь выстраивается заслон с привлечением «дисциплинированности» и «общительности», которые, в свою очередь, также имеют своих «сателлитов». В том же действии и к той же роли привлекается и характеристика «шизотимии», что в контексте описываемого статуса означает, в первую очередь, интеллектуальную независимость¹⁰. При этом необходимо иметь в виду, что противостояние «Я» и «Они» происходит на внешней арене деятельности, во внешнем поведении и во взаимодействии со средой общения.

Таблица 2

Норма (позиция Наблюдатель)		
Текст 2	Характеристики	Значение
Одним из объектов, изучение которого может вскрыть особенности образа мира, присущему тому или иному этносу, является сознание человека, зафиксированное посредством языка. Именно в значениях, которые «производятся» обществом, но функционируют в деятельности и сознании конкретного индивида, мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя того или иного этноса. Стр. 5	АДАПТИРОВАН	1,48
	АКТИВЕН	0,46
	АНИМА	0,09
	АРТИСТИЧЕН	0,60
	ГИПЕРТИМИЧЕН	0,75
	ОБСЕССИВЕН	0,63
	ИНФАНТИЛЕН	0,17
	ИСТЕРИОТИМИК	0,58
	КОМПРОМИССЕН	1,44
	ОБЩИТЕЛЕН	0,53
	ОСТОРОЖЕН	1,12
	ПРОДУКТИВЕН	1,12
	РЕШИТЕЛЕН	0,19
	РУКОВОДИТЕЛЬ	0,53
САМОНАДЕЯН	0,51	
ШИЗОТИМИК	1,36	
ЭКСТРАВЕРТ	0,2	

⁸ «Повторение» означает присутствие свойства в первых трех сравниваемых палитрах.

⁹ Эти свойства выделены в таблицах 1, 2 и 3 простым курсивом.

¹⁰ Независимость достигается труднопознаваемой со стороны окружения логикой мышления и непредсказуемости поступков имьярека.

Дополнительные характеристики в Таблице 2: артистичен, обсессивен, общителен, руководитель, самонадеян. Здесь роль этих характеристик совсем иная, нежели в предшествующем случае, а именно – утверждение самодостаточности «Я». И утверждение это идет снова по линии внешней, исполнительской деятельности. Экстраверсия в данном случае лишь платформа, на которой разворачивается борьба. Причем эта борьба со стороны моей героини не прекращается даже в попытках привлечь какие-то волевые (осознанные) действия, так как провоцируется и «пресуется» навязчивостью мыслей и поступков (тенденция к обсессивности).

Таблица 3

Норма (позиция Наблюдатель)		
Текст 3	Характеристики	Значение
... не сомневаются они и в том, что только в рамках определенной культуры индивид становится личностью, обретает смысл жизни, что знания, на которые опираются представители разных культур, существенно отличаются не только по своему содержанию, но и по своей системности. Именно эти различия и становятся причиной конфликтов непонимания в межкультурной коммуникации.	<i>АДАПТИРОВАН</i>	0,45
	<i>АКТИВЕН</i>	0,25
	<i>АУТИЧЕН</i>	0,49
	<i>ГИПЕРТИМИЧЕН</i>	0,28
	<i>ГИПЕРЦИКЛОИД</i>	0,58
	<i>ДЕЗОРИЕНТИРОВАН</i>	0,68
	<i>ЗАМКНУТ</i>	0,59
	<i>ЗАСТЕНЧИВ</i>	0,53
	<i>ИГРОК</i>	0,15
	<i>ИНТРОВЕРТ</i>	0,23
	<i>ИСТЕРИОТИМИК</i>	0,14
	<i>КВАЗИКОНФОРМЕН</i>	0,7
	<i>КОМПРОМИССЕН</i>	0,49
	<i>ЛИДЕР</i>	0,06
	<i>ОСТОРОЖЕН</i>	0,37
	<i>ПРОДУКТИВЕН</i>	0,55
	<i>РЕФЛЕКСИВЕН</i>	0,53
<i>РЕШИТЕЛЕН</i>	0,14	
<i>СОМАТОИСТЕРИК</i>	0,55	
<i>ШИЗОТИМИК</i>	0,43	

Таблица 3 показывает целый букет дополнительных и, казалось бы, весьма разных свойств: аутичен, гиперциклоид, дезориентирован, замкнут, застенчив, рефлексивен, соматоистерик. В действительности же картина весьма компактна и целостна, правда, в серых тонах. Этот фрагмент психологического статуса Н.В. Уфимцевой свидетельствует, прежде всего, о том, что моя героиня должна быть отнесена к пикническому (по Кречмеру) типу личности. В момент продуцирования текста автор находился, пусть не в очень глубокой, но весьма ощутимой фазе угнетения, о чем говорят все без исключения перечисленные характеристики. Здесь же мы впервые наблюдаем в признаках ипохондрии «прорыв» соматики в психику, при ожидаемом снижении продуктивности действий. В кластере ядерных характеристик это подтверждает инверсия направленности личности: переход с экстраверсии в интроверсию, – что говорит о приоритетности внутреннего состояния над внешними обстоятельствами.

Коротко о результатах, показанных в таблицах 1, 2 и 3.

Первый текст – мобилизация (и вполне успешная) защитных механизмов к преодолению негативных влияний внутренней и внешней среды.

Второй текст – самоутверждение во внешней форме, яркая демонстрация самодостаточности, независимости, автономности «Я» на арене исполнительской деятельности. Так, например, здесь проявляют себя сублимированные (скорее всего, в научную и административную деятельность) качества личности моей героини: «артистичен» и «руководитель».

Третий текст – почти поражение в противостоянии с внешними (карьера, общение с «другими»), и внутренними (психическое и соматические здоровье) факторами.

Повторяющиеся и выделенные полужирным курсивом свойства составляют основу для сравнения палитр по первому направлению на Графике 1.

График 1.

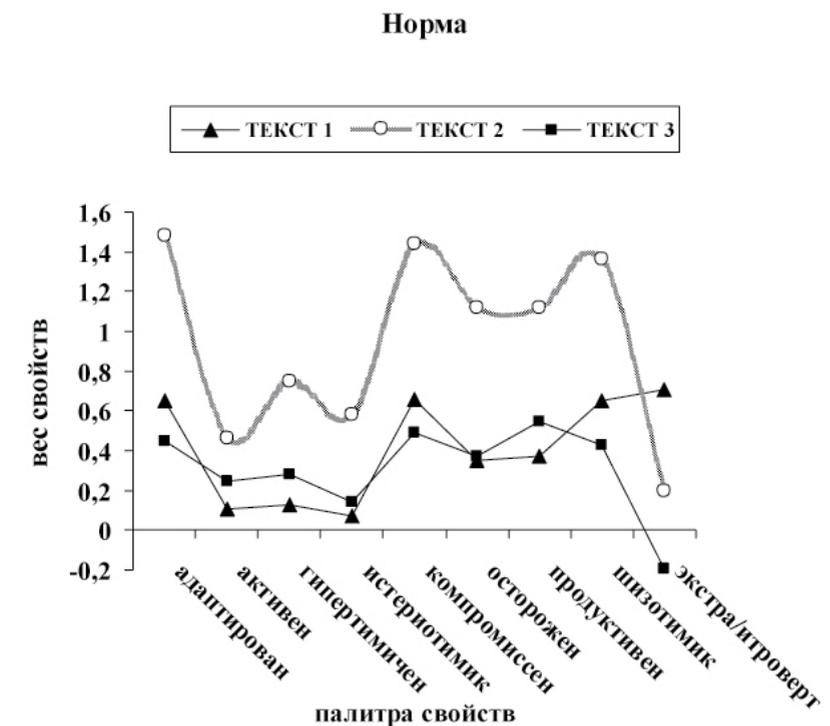

График 1 отчетливо, как мне кажется, показывает практически одну картину динамики психологических свойств личностного уклада Н.В. Уфимцевой с позиции «извне» (снаружи), или, как принято говорить в большой науке (например, в квантовой механике, или в методологии М.М. Бахтина) – с точки зрения Наблюдателя, то есть Нормы¹¹.

¹¹ Шкала «Норма» рассчитывалась как «шкала отношений» на массиве более ста текстов разного жанра: текст научный, текст художественный, текст эпистолярный, текст стихотворный, текст верлибр, разного объема (но не менее 200-от словоформ), – полученных более чем от 50-ти авторов (от 18 до 65 лет), для которых русский язык – родной.

Прежде всего, о структуре рассматриваемого психологического уклада. Максимальные значения имеют характеристики: адаптирован, компромиссен и шизотимик. Все названные свойства имеют одно «ядро» – базовую характеристику «шизотимия». Сателлитами (в орбите влияния) ядра служат свойства «истерия» и «гипомания».

Небольшие отличия имеются в направлении развития двух последних показателей: шизотимии и экстра-интроверсии. В случае шизотимии текст 3 показал снижение (тогда как тексты 1 и 2 показали повышение) показателя; в случае экстра-интроверсии текст 1 показал повышение (тогда как тексты 2 и 3 показали снижение) показателя. Эти колебания в направленности, наравне с колебаниями выраженности (веса) свойств, укладываются в статистические флуктуации, то есть не представляют собой каких-то аномалий.

Что же представляет собой психологический облик моей героини с позиции извне, ракурса снаружи, взгляда с точки зрения нормы Наблюдателя?¹²

Учитывая присутствие нейтрализующих, более того – блокирующих свойств: «анти-депрессия» (адаптированность) и «анти-ипохондриа» (продуктивность), – можно с уверенностью говорить о положительной роли этих влияний в сохранении исходного психического статуса. На быденном языке это означает, что героиня исследования достаточно уверенно приспосабливается к среде обитания, как со стороны требований и норм окружения, так и со стороны собственных критериев поведения, сохраняя при этом свое исходное «Я» в окружении травмирующих факторов и обстоятельств.

Об этом же красноречиво говорит и характеристика «компромиссен», научный и быденный смыслы которой близки и понятны. Наконец, решающее подтверждение сказанному относительно хорошей адаптации к среде обитания мы находим в факте отсутствия черты «психопатия» в палитре психологического уклада Н.В. Уфимцевой.

Ядро «шизотимии» в сопряжении с другими свойствами свидетельствует об интеллектуальной неординарности: гибкости ума, быстроты анализа, принятии нетривиальных решений. Правда, «прогресс» в этом отношении может вести к алогичности (откат от аристотелевской силлогической логики) и дискретности (импульсивности с неожиданными временными паузами) умственных действий, что чревато, по меньшей мере, недопониманием поступков моей героини со стороны окружения.

Черта «истерия», хотя и не столь явно выраженная, в рассматриваемом психологическом статусе, выполняет очень важную роль – защитную, блокирующую, подавляющую «негатив». В то же время, эта характеристика, как показывает опыт аналогичных исследований, часто присутствует в психическом укладе художественно одаренных, артистических натур. Я остановил внимание на этой характеристике именно потому, что она в рассматриваемом статусе указывает на тенден-

цию к формированию артистизма, но в момент проведения исследования (то есть в момент порождения анализируемых текстов) не «дотягивает» до действенного влияния в формировании личности художественной одаренности, хотя фрагментарно и проявляется. Я думаю, что тормозящее влияние на непрерывное развитие художественных способностей здесь оказывает доминанта ведущей деятельности, возможно, научной и/или административной.

NB Неодинаковость в значении характеристик палитр (прежде всего это касается второго текста) объясняется чисто техническими обстоятельствами: числовые выражения есть результат нормирования показателей (весов) в соответствующей шкале измерения. Действительно, коль скоро значения характеристик зависят от протяженности первичной шкалы, которая и подвергается нормировке, то следует иметь в виду, что: шкала (палитра) первого текста – это 24 элемента, шкала второго текста – это 17 элементов, шкала третьего текста – это 20 элементов. Понятно, что самая «короткая» шкала категорий (в данном случае – шкала значений второго текста) должна иметь и самые «разряженные» интервалы, чтобы поместить сравнимые феномены на одно отображение.

Лаконичный итог приведенных наблюдений относительно «Нормы».

1. Динамика трех психологических палитр – практически одинакова.
2. Хорошая – по крайней мере, выше среднестатистической – адаптация к среде обитания.
3. Присутствие конформизма («компромиссен») в психологическом укладе, приобретает черты толерантности (но не соглашательства).
4. Неординарность мыслительной деятельности.
5. Осторожность в принятии решений и последующих поступках.
6. Сравнительно высокая (из исследований, проведенных мною) продуктивность исполнительской деятельности (что, кстати, подавляет ипохондрию, нередко проявляющуюся в укладе моей героини).

Ответ на второй вопрос: как представляет свой психологический образ героиня моего исследования? – выглядит следующим образом.

Что означает посмотреть на себя? В разных контекстах используют разные термины и, следовательно, соответствующие им понятия: интроспекция, рефлексия, проекция, интроекция.

С первыми двумя терминами, более или менее, ясно: интроспекция – сканирование внутри чего-то – понятие, нередко употребляемое и понимаемое в быденном значении; рефлексия, наоборот, весьма непростое философское понятие, рассмотрение которого требует серьезного и большого разговора, выходящего за границы отдельной статьи.¹³

Коснусь последних двух понятий.

В широком смысле слова «проекция» – смещение неврологического или психологического явления вовне, переход либо от центра к периферии, либо от субъекта к объекту. В собственно психоаналитическом смысле – это операция выделе-

¹² Обращаю внимание на то, что описания психологического уклада дается в контексте настоящего исследования. Это замечание целесообразно уже потому, что различные сочетания отдельных характеристик (вторичные и третичные признаки), разумеется, могут иметь разные контекстные интерпретации.

¹³ В.И. Батов «Рефлексия словесного творчества. Язык умер, да здравствует язык. Стихи Вадима Рабиновича: опыт психогерменевтики». М.: Гнозис, 2008.

ния и локализации с перенесением в другом лице или объекта тех качеств, чувств, желаний, короче – тех переживаний, которые субъект не признает или отвергает в самом себе.

Ш. Ференци, предложивший в 1909 году термин «интродекция», считает подобный тип поведения во многом похожим на «проекцию», и, более того, который вполне можно было бы и назвать «проекцией». Продолжая не без поэтического настроя, он уточняет, что этот процесс приводит имьярека (в основном, невротика) к «ослаблению его свободно парящих аффектов путем расширения круга интересов».

Соотнося изложенные определения, я склонен использовать в данной работе понятие «проекция», правда, с одним важным дополнением. Если психоаналитическая трактовка требует внешнего, отдельного объекта проекции, то я считаю возможным рассматривать самого субъекта, продуцирующего взгляд вовнутрь, в качестве объекта проекции. Иными словами, имьярек смотрит в себя и оценивает сам себя со всеми эпифеноменами процесса проекции в психоаналитическом значении, главный из которых – вынос «негатива» и перенос его на другой объект. В такой постановке, к тому же, решается и серьезная методологическая задача: проекция «негатива» на самого себя в качестве «другого», позволяет скорректировать позицию Наблюдателя относительно присутствия этого «негатива» в личности имьярека.

Таблица 4

ПРОЕКЦИЯ 1 ТЕКСТА НА 2 ТЕКСТ		ПРОЕКЦИЯ 3 ТЕКСТА НА 2 ТЕКСТ	
ХАРАКТЕРИСТИКИ	ВЕС	ХАРАКТЕРИСТИКИ	ВЕС
ИНТРОВЕРТ	0,01	ИНТРОВЕРТ	0,43
ПОДАВЛЕН	0,24	ЗАМКНУТ	0,89
АСТЕНИЧЕН	0,35	АРТИСТИЧЕН	0,43
ТРЕВОЖЕН	0,24	АКТИВЕН	0,13
БЕСПОКОЕН	0,42	РЕШИТЕЛЕН	0,19
МАНИАКАЛЕН	0,78	ОСТОРОЖЕН	0,02
ДЕВИАНТЕН	0,79	АНИМУС	0,05
АНИМУС	0,20	ИСТЕРИОТИМИК	0,09
ПСИХОПАТИЧЕН	0,13	СОМАТОИСТЕРИК	0,79
ЗАКОМПЛЕКСОВАН	0,27	ГИПЕРТИМИЧЕН	0,16
АФФЕКТИВЕН	0,15	ЗАСТЕНЧИВ	0,78
ИНФАНТИЛЕН	0,08	АМБИВАЛЕНТЕН	0,79
ИПОХОНДРИЧЕН	0,75	ПРОДУКТИВЕН	0,18

Результат анализа «Проекция» представлен в таблице 4 и на Графике 2. Обращаю внимание, что отображение информации на Графике 2 осуществляется по второму направлению, где базовые характеристики, которые соответствуют основным характеристикам ММРІ, составляют шкалу категорий (ось «Y») – выборку из палитры свойств психологического облика имьярека. Эти характеристики в Таблице 4 выделены полужирным курсивом.

Интерпретация данных из Таблицы 4.

Первое, что обращает внимание в «проекции 1 текста на 2 текст» – это отсутствие в психологическом укладе Н.В. Уфимцевой с позиции «смотрю на себя»

двух базовых характеристик: истериотимии и шизотимии, – что говорит об отказе «Я-образу» в манифестации (игровых) аффектов и нетривиальности ума. Здесь моя героиня показывает весьма скромную оценку собственной персоны, так как при нормальном течении процессов, окрашенных названными чертами, имьярек имеет склонность к художественным способностям и в то же время к проявлению нестандартного ума.

Тот же источник показывает, что героиня обсуждаемого исследования переносит на «Я-образ», следующие черты, обычно понимаемые как «негативные»: психопатию, паранойю (маниакален), психастению (астеничен). Это наблюдение подтверждает точку зрения ортодоксального психоанализа. Более того, проекция «на себя» в том же источнике демонстрирует приписывание еще ряд «неположительных» черт на проектируемую личность: девиантен, закомплексован, аффективен, ипохондричен. Вопрос о том, действительно ли подобные черты присутствуют в укладе имьярека или же это превентивное подавление «фантомных» свойств, остается, по сути, открытым и требует дополнительной эмпирической верификации.

Любопытно, что в «проекции 3 текста на 2 текст» отсутствуют черты психопатии и шизотимии. Если первая черта – психопатия – повторяет отсутствие во всех психологических портретах «извне», что означает отсутствие даже намека на асоциальную аномалию, то отсутствие в данном ракурсе шизотимии снова говорит о снижении самооценки, прежде всего, в отношении интеллектуальной деятельности. Однако, здесь опять появляется истериотимия («игромания»), свидетельствуя о присутствии (хотя бы потенциально) художественного начала в психологическом укладе героини исследования.

Более наглядно результаты исследования представляет график.

Проекция текстов 1 и 3 на Графике 2 обнаруживают значительные расхождения между собой. В самом общем заключении это означает неустойчивость позиции героини исследования относительно своего «Я-образа», что, в общем-то, и следовало ожидать: практически все люди часто, и очень часто изменяют представление о себе.¹⁴

То же самое можно сказать и в отношении различий между проекциями в целом и нормой психологического уклада Н.В. Уфимцевой. Профили всех трех текстов значительно отличаются друг от друга (правда, несколько сближаются профили «нормы» и «проекции 3 текста на 2 текст»).

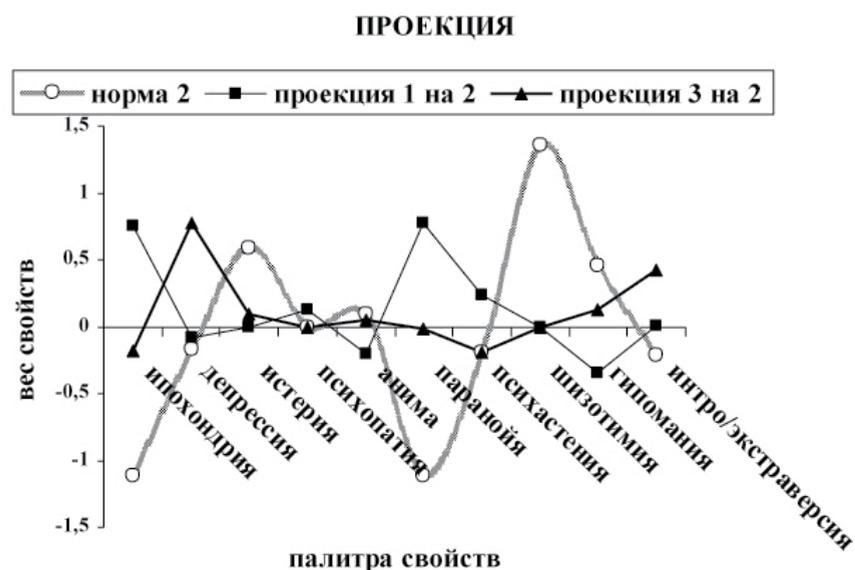
Наибольшие отличия проекций от нормы имеют характеристики: ипохондрия, депрессия, истерия, паранойя и шизотимия.

Последнее наблюдение верифицирует утверждение психоанализа о том, что проекция – это перенос отрицательных качеств «Я» на внешние объекты и субъекты, а также – как я здесь показываю, – на «суб-Я»¹⁵ и «Оно».

¹⁴ Обращаю внимание на то, что «Я-образ» как эталон «моего» существования, и «Я-образ» как мое существование в текущий момент времени и деятельности – это совершенно различные психологические образования «Я». Понятно, что в этой работе речь идет только о второй сущности «Я-образа».

¹⁵ Нечто похожее можно встретить в «постфрейдовском» психоанализе как не до конца удаленное неприятие «Я-плохой» из сознания «Я-сейчас».

График 2.

Заключение. Ответ на третий вопрос: Что есть общее и различное в образах «Я-норма» и «Я-проекция»? – мне представляется следующим.

Первое – независимо от шкалы представления результатов анализа, сравнение данных в этих представительствах свидетельствует о том, что образы «Я» в них очень разнятся. Если позиция «Нормы» показывает инвариантность психологического уклада героини работы, то позиция «Проекция» демонстрирует вариативность уклада, рассматриваемого изнутри.

Второе – собственный «имидж», который актуализируется только во внутреннем плане, во многом не соответствует образу с позиции «Наблюдатель». При чем это несоответствие клонится в сторону самокритики и снижения самооценки.

Третье – Наталья Владимировна Уфимцева достаточно успешно сохраняет «Я-образ» с позиции «Наблюдатель» (снаружи), актуализируя свои резервные возможности в противостоянии с внешними и внутренними факторами среды обитания.

Литература

Батов В.И. «Мой друг Глеб Арсеньев. Психогерменевтика словесного творчества». М.: Гнозис, 2008. – 223 с.

Психологический информационный бюллетень. № 7 (22), сентябрь 1995 г.

Межэтническое общение: контакты и конфликты. М.: ИЯ РАН, 2012. – 266 с.

Батов В.И.. «Рефлексия словесного творчества. Язык умер, да здравствует язык. Стихи Вадима Рабиновича: опыт психогерменевтики». М.: Гнозис, 2008а. – 192 с.

NATALIA UFIMTSEVA IN FOCUS OF PSYCHOLINGUISTICS

Batov Vitaliy Ivanovich,

Professor of the Russian State Specialized Academy of Arts,

Member of the International Teaching Academy,

e-mail: batov46@mail.ru

In this paper an attempt is made to create a psychological portrait of one of the leaders of domestic psycholinguistics.

Keywords: psycholinguistics, N.V. Ufimtseva, psychological character, computer method «Lingua-Express».

References

Batov V.I. «Moj drug Gleb Arsen'ev. Psikhogermenevtika slovesnogo tvorchestva [My friend Gleb Arsenyev. Psychohermeneutics of verbal creativity]». М.: Gnozis, 2008. – 223 s.

Psikhologicheskij informatsionnyj byulleten' [Psychological newsletter]. № 7 (22), sentyabr' 1995 g.

Mezhehtnicheskoe obshhenie: kontakty i konflikty [Interethnic dialogue: contacts and conflicts]. М.: ИЯ РАН, 2012. – 266 s.

Batov V.I. «Refleksiya slovesnogo tvorchestva. YAzyk umer, da zdravstvuet yazyk. Stikhi Vadima Rabinovicha: opyt psikhogermenevtiki [Reflection of verbal creativity. Language is dead, long live the language. Poems Vadim Rabinovich: Experience of Psychohermeneutics]». М.: Gnozis, 2008a. – 192 s.

УДК 81'23

ОТ ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НАРОДА ДО ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОТДЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Бахтикиреева Улданай МаксUTOвна

профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-А
e-mail: uldanai@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович

Заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-А
e-mail: word@list.ru

Настоящая статья написана в жанре отклика на работы ученых, отмечающих важность и актуальность исследования индивидуальных особенностей отдельной языковой личности. На основе репрезентативного анализа каждого из представленных подходов к изучению языковой личности (*неопсихоллингвистика, языковая биография личности, языковой портрет*) авторы статьи представляют свою позицию – *онтология языкового бытия и онтология иноязыкового бытия*. С точки зрения авторов, изучение *онтологии иноязыкового бытия* предоставляет возможности для исследования малоизученных в отечественном языкознании вопросов, связанных с транслингвизмом и транскulturацией так называемой «нерасчлененной русскоязычной массой». Авторы осуществляют попытку доказать контекстуальную обусловленность всех представленных подходов и предлагают рассматривать их как *контекстные тексты*, способные увеличить эффективность исследований индивидуальных особенностей отдельной личности.

Ключевые слова: психоллингвистика, неопсихоллингвистика, языковое сознание, языковая биография личности, языковой портрет, онтология (ино)языкового бытия.

«Отечественная психоллингвистика <...> работает в реальной антропологической парадигме и именно поэтому открывает перед современной лингвистикой возможность разрешить ее предметный кризис и занять в XXI веке по праву подобающее ей центральное место среди наук о человеке
[Н.В. Уфимцева 2011: 250]

<...> языковое сознание во всех своих проявлениях (как предметные значения, как ассоциативно-вербальная сеть, как формальные операторы и т.п.) всегда является системой, иерархию элементов которой задает их значимость. А значимость, в свою очередь, является производной культуры. И именно значимость задает тот неповторимый облик, который присущ каждой культуре как системе сознания.
[Н.В. Уфимцева 2015: 119]

Введение. Вынесение в качестве эпиграфа к настоящей статье выводов авторитетного российского ученого Натальи Владимировны Уфимцевой – свидетельство нашей солидарности со сформулированными ею этими и многими другими положениями. Первая часть эпиграфа – это заключительное предложение из статьи «XXI век: лингвистика или психоллингвистика?» в книге «Языковое сознание: динамика и вариативность» [Уфимцева 2011: 240-250].

Вторая часть – вывод, завершающий статью «Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира» [Уфимцева 2(24), 2015: 119]. И если первое положение для нас представляется теперь аксиомой, то вторую часть, принимая безоговорочно, позволяем себе продолжить следующим образом: *«и каждому человеку, каждому языковому сознанию как отдельной подсистеме в системе сознания»*.

Собственно в этом направлении мы решили излагать свои размышления, основываясь на понимании, что каждый человек есть совокупность его внутренних миров, обуславливающих его рефлексивное существование как (языковой) личности и его речевое поведение. Человек рефлектирующий / рефлексивный может и должен изучаться с разных позиций. И здесь мы не можем избежать «трюизма» [Красных, Бубнова 3(25), 2015: 169] о важности преодоления узконаправленных координат отдельной дисциплины и / или отрасли знания.

Постнеклассическая рациональность определенно поколебала веру в то, что наука может предоставлять достоверно объективное знание, открывать причинные связи, выявлять закономерности и тенденции. Гомогенность мира классического знания, восходившего от частного к общему ради постижения универсальной научной истины, сменилась дискретностью постнеклассического знания и плюрализмом локальных / местных истин.

«Исследовательская деятельность ученого в сфере функционирования языка и культуры и обществе подвержена действию новых регулятивов, требующих строить прогноз относительно влияния на жизнь общества будущих результатов исследования» [Тарасов 2011: 6]. Исследователь в рамках постнеклассического

типа научной рациональности не может не быть пристрастным [Синячкин 2010: 6].

1. Контекстуальная обусловленность позиций. Содержание настоящей статьи, написанной в жанре отклика, формировалось под влиянием работ Н.В. Уфимцевой и ряда научных трудов, к которым мы часто возвращались последнее время, обсуждая те или иные позиции лингвистов (Е.Ф. Тарасов, Вяч. Вс. Иванов, И.А. Бубновой и В.В. Красных, Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, Т.П. Млечко и др.).

1.1. Неопсихолингвистика, Психолингвокультурология: Контекст¹.

Интеллектуальные ламентации части лингвистов по поводу некоторой неповоротливости научного дискурса, выражающихся в конкретных упреках (лингвистический нарциссизм) [Бубнова, Красных, 3(21), 2014: 130], «современный ‘ползучий эмпиризм’» [Там же: 135]) ценны не только сами по себе. Осознающие свою гуманитарную миссию и не упорствующие в моно-дисциплинарном декадентстве критически мыслящие личности постоянно подвергают переосмыслению подобные «несостоятельные и политизированные упреки» [Там же: 130]. С неподдельным интересом обсуждаются нами выдвигаемая В.В. Красных и И.А. Бубновой в последних номерах «Вопросов психолингвистики» идея новых направлений в психолингвистике – *неопсихолингвистике* и *психолингвокультурологии*. Эти работы отвечают нашим исследовательским поискам, несмотря на некоторые дискуссионные моменты, требующие отдельной статьи.

Учёные фокусируют внимание на перспективности изучения конкретного человека в совокупности его индивидуально-психических характеристик:

«Актуальность исследования образа мира человека как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями на Украине в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия образов мира, характерных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития и являющихся членами социальных групп, проповедующих различные ценности.

<...> комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об образах мира в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

<...> такой подход позволяет исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, как нам представляется, такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» [Бубнова, Красных 3(21), 2014: 134-135].

¹ *Contest* – дискуссия, прения, полемика.

В этом контексте особую актуальность приобретает волнующая и нас проблема, выдвинутая в «Вопросах психолингвистики» Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой. Речь идет о «некоторой нерасчлененной массе» – лицах, «чья этнокультурная / этноязыковая составляющая носит неоднозначный характер – массе, зачастую определяемой после распада единой культурно-исторической общности (СССР) как «русскоязычное население» [Хухуни, Валуйцева 2(24), 2015: 157].

Один из авторов настоящей работы относится к этой «нерасчлененной массе» – «русскоязычному населению», являясь своеобразным продуктом «советской креолизации», т.н. «диаспорной казашкой», родившейся и живущей в России, воспитанной преимущественно в русском языковом и культурном континууме в силу исторически-объективных асимметричных взаимодействий казахской, русской и советской культур². Но подобных *нерусских россиян*, этническая и языковая идентичность которых находятся в постоянном дисбалансе в силу субординативной по отношению к русскому языку позиции этнического языка и живущих в двое- и многомирии, в нашей стране превеликое множество.

В ряду «нерасчлененной русскоязычной массы» особняком стоят *нерусские россияне*, которых невозможно однозначно прикрепить к конкретному «этническому гнезду», и раз и навсегда обрядить в «национальную ‘смирительную рубашку’», поскольку родители являются представителями разных этносов.

Некоторые из «нерасчлененной русскоязычной массы» определяют себя «внутренними российскими иными»; другие пребывают в удобной виктимной позиции представителей малого обиженного народа (этнической группы, диаспоры); третьи вполне себе отдают отчет в том, что в современных обстоятельствах существование неких чистых национальных моделей, коих минула участь «перекрестного опыления» невозможна; четвертые, пятые, шестые нередко в проповедническом неистовстве отстаивают другие «инаковости»; седьмые размышляют о своей наднациональной позиции; восьмые предпочитают путь не отрицания и разрушения, но созидания, путь ре-экзистенции – вос-создания позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, пытаясь преодолеть несовершенство и несправедливость мира. Многие из них предоставлены сами и остаются за пределами актуальных научных и социальных дебатов.

Динамическое многообразие, которое свойственно российскому и постсоветскому обществу, следует подвергать переосмыслению. Не только этно-культурное, но эпистемологическое многообразие социальных групп и отдельных представителей этих микросоциумов требует выработки адекватного методологического инструментария. В частности, способ языкового мышления, порождающий особые отношения между языками и культурами, в частности – нерусских русскоязычных ждет различных решений с позиций разных дисциплин и разных ученых [Бахтикирева 2015].

² Креолизация очевидна даже на уровне трансформированных фамилий, имен и отчеств по образцу, устоявшемуся в русской культуре. К примеру, в казахской традиции принято называть имя человека, данное при рождении и имя отца, к которому добавляется слово «сын» или «дочь». Однако подавляющая часть казахов, родившихся в советский период носят преимущественно имена своих дедов в качестве фамилии с добавлением – ова, -ева, -ов, -ев. Это при том, что имя дедов до седьмого колена не принято упоминать часто и без особой на то нужды.

Выдвигаемые И.А. Бубновой и В.В. Красных новые направления в отечественной психолингвистике (п. 1) и нижеследующие (1.2, 1.3, 1.4) позиции вполне можно расценивать как *контекстные тексты*, целью которых является преодоление методологических затруднений и повышения эффективности научных исследований в вопросе индивидуальных особенностей отдельной личности, онтологии ее бытования.

1.2. «Языковая биография личности». В своей книге «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» Вяч. Вс. Иванов один из разделов посвящает теме «Языковая биография личности» и обозначает параметры исследований в этом направлении, начиная от развития новорожденного ребенка (и даже эмбрионального развития) и заканчивая «геронтологической лингвистикой» (условное название). Осуществляя анализ особенностей языковой биографии известных личностей, учёный указывает на необходимость изучать *языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства*, а также *отдельные трагические повороты языковой судьбы* [Иванов 2004: 124-127].

1.3. Языковой портрет. В своей монографии Т.П. Млечко выявила типологические черты русской языковой личности (РЯЛ) в соотнесении с преобразованиями языкового пространства её пребывания после распада единой культурно-исторической советской общности [Млечко 2013: 330-336].

Иллюстрации РЯЛ, которые представляет Т.П. Млечко в лицах конкретных прототипов, живущих в реальной языковой действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью [Там же: 363-420], свидетельствует о динамике би- и полилингвальных, поли- и транскulturационных процессах на постсоветской территории.

Как представляется, подход И.А. Бубновой и В.В. Красных к изучению своеобразия поведения человека и всего народа, исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества, *языковой портрет* личности в интерпретации Т.П. Млечко тесно коррелируют с понятием *языковая биография личности* Вяч. Вс. Иванова. С появлением этих и других работ перед исследователями этно-языковых и культурных процессов, неизбежно связанных с процессами би-, поли- и транслингвизма, аккультурации и транскulturации, выкристаллизовалось актуальное мета-направление, имеющее целью изучение индивидуальных особенностей отдельной (языковой) личности. В нашей трактовке на сегодняшний день это направление определяется в пункте 1.4.

1.4. Онтология (ино)языкового бытия. *Онтология языкового бытия и иноязыкового бытия (транслингвизм)* как, собственно, сама *онтология человеческого бытия* не сводится к *онтологии бытия* вообще, в частности – бытия неорганической природы. Но и оторвать их друг от друга невозможно, поскольку речевая деятельность и действие человека выступает как изменение и / или отрицание данного, наличного, как своего рода бифуркационная точка, ведущая к преобразованию сущего. Онтология (вообще) как учение о сущем и бытии как таковом (Что существует?) представляет собой попытку наиболее общего описания универсума существующего при помощи своих понятий (бытие, структура, свойства; материальная и идеальная, и экзистенциальная формы бытия; пространство, движение, время).

Онтология (ино)языкового бытия рассматривается нами как учение о человеке говорящем. Эта попытка описания отдельной реальной языковой (би- и транслингвальной) личности с помощью понятий, принятых, прежде всего, в психолингвистике.

Выводы. Миноритарий – отдельная языковая личность – может и не влиять на решение большинства (социальной группы, народа) в силу, например, не владения «родным» языком. Однако он обладает собственным «пакетом акций», который невозможно не учитывать при конструировании модели содержания языкового сознания конкретной социальной группы и народа в целом.

Нам представляется очевидной контекстуальная обусловленность всех обозначенных подходов. Все они расцениваются нами как *контекстные тексты*, от которых можно и нужно оттолкнуться, осмыслить и переосмыслить, и создать дискурс, расширяющий или превосходящий сегодняшние возможности отечественной психолингвистики в вопросе изучения единичного языкового сознания. Мы исходим из понимания, что все должны быть услышаны и вовлечены в диалог – контекст-площадку, и ничья точка зрения не может абсолютизироваться.

Все обозначенные подходы отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дают «возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» [Бубнова, Красных 3(21), 2014: 135].

Все они способствуют

- осмыслению встроенности / погруженности индивидуальной языковой биографии в социальный контекст;
- накоплению знаний о языковом бытии би-, поли- и транслингвальных личностей (а не только моно-языковой личности);
- выявлению типического через индивидуальное;
- изучению витальности / жизнеспособности языка (русского) функционировать в качестве транснационального;
- прогнозированию развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

Литература

Бахтикирева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. №1(45) 2015. С.94-99.

Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. № 3(25), 2015. С.168-174.

Бубнова И.А., Красных В.В. Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. № 3(21), 2014, с.128-135.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. II (главы 11-21) / Вяч. Вс. Иванов. М., 2004. 208 с.

Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья / Т.П. Млечко. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013 (Тирогр. "Valinex"). 437 с. Bibliogr.: p.337-362 (341 tit.). С.64-83.

Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: Автореферат ... док-ра филол.наук (10.02.19 – теория языка). М.:РУДН, 2010.

Тарасов Е.Ф. Принципы анализа жизни языка в культуре и социуме / Жизнь языка в культуре и социуме-2. Материалы конференции. Москва, 27-28 апреля 2011 г. / Ред. Коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв.ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, О.В. Бальсаникова, Д.В. Маховиков. М.-Калуга: Изд-во: Эйдос, 2011. 280 с.

Уфимцева Н.В. XXI век: лингвистика или психолингвистика? // «Языковое сознание: динамика и вариативность». М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. 252 с. С.240-250.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. № 2(24), 2015. С.115-119.

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Диалог или борьба культур? (о некоторых аспектах межкультурного общения) // Вопросы психолингвистики. № 2(24), 2015. С.153-159.

FROM THE STUDY OF THE CONTENT OF THE NATION'S LINGUISTIC CONSCIOUSNESS TO THE STUDY OF INDIVIDUAL FEATURES OF THE INDIVIDUAL LANGUAGE PERSONALITY

Uldanai M. Bakhtikireeva (Russia)

The Professor of Chair of the Russian Language and intercultural communication Peoples' Friendship University of Russia Miklukho-Maklay str., 6, 117198 Moscow, Russia e-mail: uldanai@mail.ru

Vladimir P. Sinyachkin

The Head of Chair of the Russian Language and intercultural communication Peoples' Friendship University of Russia Miklukho-Maklay str., 6, 117198 Moscow, Russia e-mail: word@list.ru

This article is written in the genre of response to the work of scientists, marking the importance and relevance of the study of individual features of individual linguistic identity. Based on a representative analysis of each of the presented approaches to the study of language personality (neo-psycholinguistics, the language biography of the individual, the language portrait) the authors present their position – the ontology of language being and the ontology of translingual being. From the point of view of the authors, such an approach provides opportunities to explore insufficiently-known issues associated with translingualism and transculturality, as well as with the so-called «Russian undifferentiated mass». The authors are trying to prove contextual nature of all presented approaches and propose to consider them as texts in context, is able to increase the efficiency of studies of individual features of a personality.

Keywords: psycholinguistics, neo-psycholinguistics, language consciousness, the language biography of the individual, the language portrait, the ontology of language being and the ontology of translingual being.

References

Bakhtikireeva U.M. Russkojazychie kak aktual'naja mezhdisciplinarnaja problema [Translingualism as an actual interdisciplinary problem]. [Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke] – [Social and human Sciences in the far East]. No. 1(45) 2015. Pp. 94-99.

Krasnyh V.V., Bubnova I.A. Nekotorye bazovye ponjatija i osnovnye kategorii psiholingvokul'turologii [Some basic concepts and main categories of psycholinguistically]. [Voprosy psiholingvistiki] – [Journal of psycholinguistics]. No. 3(25), 2015. Pp. 168-174.

Bubnova I.A., Krasnyh V.V. Neopsiholingvistika: argumenty v zashhitu nacional'no-kul'turnogo svoeobrazija [Neopsycholinguistics: arguments in defense of national and cultural identity]. [Voprosy psiholingvistiki] – [Journal of psycholinguistics]. No. 3(21) 2014. Pp. 128-135.

Ivanov Vjach. Vs. Lingvistika tret'ego tysjacheletija: voprosy k budushhemu. II (glavy 11-21) / Vjach. Vs. Ivanov]. [Linguistics of the third Millennium: questions for the future. II (chapters 11-21) / Vjach.Vs. Ivanov]. Moscow, 2004. 208 p.

Mlečko, T.P. Russkaja jazykovaja lichnost' blizhnego zarubezh'ja [The Russian language personality abroad]. The Chisinau Slavic University of Moldova, 2013 ("Valinex" Publ.). 437 p. Bibliogr.: p.337-362 (341 tit.).

Sinyachkin V.P. Obshhechelovecheskie cennosti v russkoj kul'ture: lingvokul'turologičeskij analiz: Avtoreferat ... dok-ra filol.nauk. [Universal values in the Russian culture: linguoculturological analysis: The abstract ... D-r diss. Philology]. M.: RUDN Publ., 2010.

Tarasov E.F. Principy analiza zhizni jazyka v kul'ture i sociume / Zhizn' jazyka v kul'ture i sociume-2. Materialy konferencii. Moskva, 27-28 aprelja 2011. [The principles of the analysis of life of language in culture and language society / Life in culture and society-2. Conference materials. Moscow, on April 27-28, 2011 / Edition. Board: E.F. Tarasov (otv.red.), N.V. Ufimtseva, V.P. Sinyachkin, O.V. Balyasnikova, D.V. Makhovikov]. Moscow-Kaluga: Eidos Publ., 2011. 280 p.

Ufimtseva N.V. XXI vek: lingvistika ili psiholingvistika? [Twenty-first century: linguistics or psycholinguistics?] // Language consciousness: dynamics and variability». M., Kaluga: Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences (Shilin, I. V. Publ.), 2011. 252 p.

Ufimtseva N.V. Jazykovoje soznanie – obraz mira – jazykovaja kartina mira [Linguistic consciousness – the image of the world linguistic picture of the world]. [Voprosy psiholingvistiki] – [Journal of psycholinguistics]. No. 2(24), 2015. Pp. 115-119.

Khukhuni G.T., Valujceva I.I. Dialog ili bor'ba kul'tur? (o nekotoryh aspektah mezhkul'turnogo obshhenija) [Dialogue or struggle of cult – [Journal of psycholinguistics]. No. 2(24), 2015. Pp. 153-159.

УДК 81'23

**ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОПИСАНИЯ ЭПИЗОДОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО УСТНЫМ РАССКАЗАМ ЕЕ УЧАСТНИКОВ)**

Бойко Борис Леонидович,
профессор, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации
125047, Москва, Большая Садовая, 14
e-mail: borisboiko@gmail.com

Память о войне умирает вместе с ее участниками, но остается жить в текстах. Материал нашего анализа – тексты устных рассказов ветеранов Великой Отечественной войны Ульяновской области о событиях, в которых им лично довелось участвовать. Наш интерес привлекает оценочное отношение рассказчиков к событиям войны в целом и ее отдельным эпизодам, участниками или свидетелями которых им суждено было стать. Общее, что объединяет представителей русской деревни первой половины XX века, – этническое понимание таких центральных категорий, как жизнь и смерть, судьба, свои и чужие, милосердие и жестокость. Эти оппозиции и составляют содержание тематических подразделов статьи.

Ключевые слова: этнос и характер, жизнь и смерть, судьба, свои и чужие, милосердие и жестокость.

Введение

Возвратившиеся с фронта и из госпиталей участники Великой Отечественной войны долгие годы были молчаливы. Слишком много они испытали даже в том случае, если воевали совсем недолго – до первого ранения или до пленения, слишком многому они стали свидетелями. Официальная общая картина войны была продолжением той, какой она рисовалась на страницах газет, книг, в кино и на театральных подмостках в годы войны. Государство подчиняло интересы отдельного человека интересам общества, отдельный человек существовал в образе героя, готового к самопожертвованию и жертвовавшего собой. Вариантов, как и иных мнений, не было. Такова неумолимая логика войны – или они нас, или мы их. Возможность рассказать о личных впечатлениях на войне ветераны получили тогда, когда прежняя идеология и ее носители сошли со сцены. Появились многочисленные воспоминания фронтовиков, освобожденные от официальной цензуры, однако сдерживаемые внутренним цензором каждого рассказчика. В семьях еще хранилась память о коротких треугольниках с фронта, где фиолетовыми чернилами были замазаны отдельные строки.

Фольклористы – преподаватели и студенты – отправились в полевые экспедиции, чтобы записать тех, кто еще был жив и мог рассказать о лично пережитом на войне. Так возник один из не подверженных даже внутренней цензуре сборников [Моя война 2015]. Своеобразен язык воспоминаний – на нем сказывается

отсутствие того умения излагать свои мысли, которое именуется культурой речи. Простые предложения. Следы регионального говора. Апеллирование к общим знаниям о войне. Описание отдельных картинок войны, сохранившихся в памяти рассказчика. Тех самых, что на театральных подмостках именуется сценами, а в кино – эпизодами. Эти сцены / эпизоды воспроизводятся перед внутренним взором рассказчика, он пытается передать их событийность в слове, воспроизводит речь участников этих сцен и свою, – все то, что лично наблюдал рассказчик и как он действовал в данных конкретных обстоятельствах. Такие эпизоды, однажды застывшие в памяти человека и в последующем воспроизводимые, Е.Ф. Тарасов именуется образами языкового сознания [Тарасов. Из личной беседы].

Далее мы остановимся на трех темах, имеющих непреходящее значение для понимания этнического характера русских, как он проявился на войне и в годы последующего ее осмысления. Речь пойдет о понимании сущности категорий, заведенных в аннотации и ключевых словах.

1. Жизнь и смерть. Судьба

*Плохая им досталась доля,
Немногие вернулись с поля.*
М. Лермонтов

Жизнь, смерть, судьба – непеременимые составляющие идеологии русского этноса. Жизнь на войне эфемерна, смерть повседневна. Смерть настолько непредсказуема и необъяснима в своем выборе, что факты выживания или гибели соотносят то с везением, то с якобы правильными действиями бойца (прыгнул в воронку, нашел укрытие), однако, в конечном счете, с понятиями «судьба», «доля».

Погрузили 16 пушек на баржу, отчалили. Раз - лампой [= прожектором]: как день вокруг стало. Он давай банбить [= бомбить]. Я все скинул с себя, чтоб легче плыть было, и прыгнул в воду. Все вокруг тонут, а мы за бревно уцепились. *Видно доля така.* Выплыл я. [Моя война 2015: 145].

Уже смеркалось, но еще светло было. Приехали повара солдат кормить. Мы подходим туда – раз! – бомба! И одного убило. Не в бою, а убило. Если бы мы подошли к ним, и нас убило бы. *Знать, судьба или что...* [Моя война..2015:101].

Покорность судьбе, безропотное принятие всего, что становится уделом всех и отдельного человека на войне (и не только на войне) хранится в этнической памяти в предельно свернутом виде в форме паремий – *Не судьба крестьянскому сыну калачи есть. Такая судьба, судьбина его., так ему суждено. Судьба моя судьба, судьбинушка злая!* [Даль 2005] – и реализуется в оценке предназначения солдата на войне:

Ну, бомбят... *наше дело, чтоб нас бомбили.* Пробомбит – и рядом, может – не попадет... [Моя война. 2015: 70].

Вот ведь лежишь в окопе вместе, разговаривашь, прошлое вспоминашь, мечташь, привыкаешь друг к другу. А пойдешь в бой, смотришь, а он отстал, глядь – он мертвый лежит. [Моя война. 2015: 113].

Попытки изменить ход событий только усугубляют положение человека. Каратаевский тип русского крестьянина сохранился в России вплоть до XX века, пере-

жил потрясения России начала и середины XX века и выродился с уходом со сцены жизни поколений, родившихся на рубеже XIX – XX вв. и в первые десятилетия XX в.

Перебрасывая мостик от воззрений философско-социальной мысли конца XIX – начала XX вв. (Н.А. Бердяев, А.И. Ильин, В.В. Розанов, Н.С. Трубецкой и др.) по проблемам своеобразия русского этноса, опирающегося на сложившиеся веками христианского бытия архетипы, к современным исследованиям К. Мяло, З. Сикевич, К. Касьяновой и др. и экспериментальным исследованиям языкового сознания, Н.В. Уфимцева приходит к выводу о том, что в основе русского этнического сознания и русской картины мира сохранились социальные архетипы этнического единения и этнической идентичности, характерные для русского мифологического сознания [Уфимцева 1988].

2. Свой – чужой, свои – чужие

– Там наши? – спросил Пьер?
Л. Толстой

Оппозиция «свой – чужой» может быть понята как абстрактная номинация отношений противопоставления по принципу принадлежности / непринадлежности в самом широком понимании, в которых мыслятся реально существующие объекты [Балаяникова 2016]. Оппозиция «свой – чужой» означает грань между миром «своих», где понятно, надежно и безопасно, и миром «чужих», миром непонятным, ненадежным и небезопасным. С наибольшей отчетливостью противостояние «своих» и «чужих» осознается в случаях вооруженных конфликтов, когда опасность, исходящая от «чужих», становится реальностью бытия. На войне «свои» – это и «мы», и «наши». «Чужие» на войне – враг, враги – именуется большей частью по принадлежности к соответствующему этносу – *немцы, финны, румыны*. Этническим *немцы* представлен в анализируемых устных рассказах обобщенными наименованиями в формах ед. и мн. ч. – *немец, немцы, фриц, фрицы*. Реже – *немчура*, еще реже – *фашисты*. Для именованья немцев в устных рассказах используются местоимения – *они, их (ихние), он, его (яво)*.

Оппозиция «свой – чужой» в текстах устных рассказов отличается разнообразием оттенков значений; анализируемый материал позволяет выделить несколько типов отношений.

В первом типе оппозиции «свой – чужой» для именованья «своих» используются местоимения *мы, наши*. «Своим» в этом случае противостоят *они*, чаще – *он*. Именованье противника с помощью местоимения *он* имеет достаточно длительную традицию. Вспомним, как в эпизоде, предшествующем Бородинскому сражению, офицер, поясняя Пьеру расположение французских и российских войск, обозначает свои войска местоимением *наши*, французские – этнонимом *французы* и принятым в речевом обиходе военных местоимением *он*. Подчеркивая особый смысл утаиванья наименования врага этнонимом, писатель выделяет эвфемизм *он* в тексте курсивом:

– Там наши? – спросил Пьер?
– Да, а вон подальше и французы, – сказал офицер. – Вон они, вон видны.
<...>

– Ах, наши! А там?.. – Пьер показал на другой далекий курган с большим деревом, подле деревни, видневшейся в ущелье, у которой тоже дымились костры и чернелось что-то.

– Это опять *он*, – сказал офицер. (Это был Шевардинский редут.) – Вчера было наше, а теперь *его*.

Местоимения *он, они, его, их*, сохраняя функцию утаиванья истинного имени врага, как было показано в отрывке из «Войны и мира» Л. Толстого еще в XIX веке, несут на себе и признаки социально-групповой речи русского военного просторечья. В том же значении и в той же функции местоимения используются ветеранами в устных рассказах:

У *яво* ведь винтовок не было, ведь нисколько, у *яво* автоматы, пулямёты, всё разрывное. А мы с рычагами, с винтовками-те. <...> Подо Ржевом тяжелый бой был. Было трудно *его* согнать. Ну, всё-таки согнали. [Моя война. 2015: 33-34].

Там вспоминать-то страшно. Нас шестьдесят пять было человек, была застава, а *он* как танки, самолёты, чё смял всё и пошёл – вот само страшно. [Моя война. 2015: 40].

Начали *мы* зимой освобождать города и сёла. Ну, после боёв, чаво там было – одни развалины. У *нас* тут – очень техника хороша: танки, самолёты, «илы» пошли. Так что *мы* начали *его* громить, как следует. [Моя война. 2015: 92].

На фронт пошли 14 января. Там и случилось *нам* в воронку залезть. Из миномётов били – и ни туды, ни сюды нам. А *он* бьёт и бьёт. Но *нас* тут не ранило. [Моя война. 2015: 103].

Потом сделали мы разведку боем. 25 человек, командир, санинструктор с нами. Прошли мы удачно, уничтожили, что надо было, а на обратном пути *он* нас заметил. Почти всех убило, один я остался. [Моя война. 2015: 147].

Во втором типе оппозиции «свой – чужой» / «свои – чужие» *свои* выражены местоимениями *мы, наши*. Для обозначения *чужих* используются этнонимы *немцы, немец*. Этноним *немец* в обобщенном значении *враг* используется в форме ед. ч.:

В другой раз *мы* позицию меняли. Ехали открыто. *Немцу* все видать было. Окапывацца начали. *Немец* летит. 24 самолета пролетели, нас не бомбили. Потом 19 из них вернулись, бомбить начали. [Моя война. 2015: 119].

В тех случаях, когда, по мнению рассказчика, слушателю понятно, о ком идет речь, опускается даже обобщенный этноним *немец*:

К Москве подошел [немец] *вить*. Прямо к Москве. [Моя война. 2015: 33].

Восстановленный составителями сборника в квадратных скобках этноним *немец* адресован уже читателям.

В третьем типе оппозиции «свой – чужой» вместо этнонима *немец* используются распространенные в годы Первой мировой войны и сохранившиеся в народной памяти этнонимы *фрицы, фриц*, образованные от имени собственного Fritz:

Да, тут лес был, где мы стояли. И вдруг идёт колонна машин. Фрицы! Они не знали, что мы здесь. [Моя война. 2015: 85].

После боя мы оказались в окружении. *Немец*-то уходит в эту сторону, и в эту. Дает дорогу, чтобы сделать мешок. Ну, бой был сильный, говорить нечаво. Там поколотили и *наших* много, и *фрицев* много. [Моя война. 2015: 86].

Грань между значениями *фриц* (немцы) и *фриц* (конкретный немец) достаточно тонка:

...Люк открыть опасно, через щель не видать. А кто знат – вдруг тут *фриц* сидит. [Моя война. 2015: 86].

Не часто, однако, встречаются имеющие идеологическую окраску наименования «фашист», «фашисты»:

А там оказалось, что пехота пришла и на наши позиции. «Кто-то идет, - *фашисты*. Надо бить скорее». [Моя война. 2015: 86].

В четвертом типе оппозиции «свой – чужой» *он, немец, фриц* употребляются не в обобщенном значении, а в конкретном:

В разведку ходил. Послали *нас* двоих. Двенадцать ночи. Зима. А ночь-то месечная. За командира отделения я. Велел группе разделицца. А *нас он* все одно заметил. Пулеметом по *нас*. *Мы его* гранатами закидали. Подошли потом к *нему*, взяли вещмешок его – *немцев-то* хорошо снабжают, они хорошо питались... [Моя война. 2015: 142].

3. Милосердие и жестокость

Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют.
Ф. Достоевский

Размышляя об общих чертах в характере русского народа, Н.А. Бердяев отмечал совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал – государственно-деспотического и анархически-свободолюбивого, склонности к национализму, к национальному самонению и универсальности духа. Русский народ – более всех необычайно человечный, до болезненности сострадательный, но и одновременно склонный причинять страдания. Истоки противоречивости лежат в русской истории. [Бердяев 1990: 15].

Милосердие в русском этносе – категория этическая, христианская. Увоенное в раннем детстве милосердие по отношению к каликам переходим, к нищим на церковной паперти, к попавшим в беду, наряду с добротой, становится одним из нравственных устоев русского этноса в целом и каждого его представителя в частности. Немецкий солдат не на поле сражения такой же человек, что и русский. И его, немца, одетого не по условиям русской зимы, жалко:

Потом помогал нам мороз хорошо. Нас обули, одели хорошо. А он – очень так скудно одетый. Когда в плен попадали – и шальями обмотаны были. [Моя война. 2015: 92-93]. Ну, по сути дела, солдат солдату не враг. [Моя война. 2015: 74].

Сложивший оружие уже не солдат, а человек, жизнь которого зависит от того, кто в отдельных ситуациях боя и в отрыве от непосредственных командиров может сам решить судьбу пленного или пленных:

Один немец по-русски говорил. Поговорили. Убивать, знаешь, жалко. У них ведь, как у нас: дом, семья, дети... И дом их недалеко. – Ну, идите, черт с вами! [Моя война. 2015: 103].

И вот в два часа, откуда ни возьмись – бух! бух! И, хватъ, немцы идут, они уже в плен к нам сдающа. Ну, тут начали стрелять было по ним. А тут кричат: «Не бей, это пленные идут». Нельзя стрелять в них... [Моя война. 2015: 149].

Достаточно редкий случай. Как правило, не солдату решать судьбу пленного:

Зашли в один окоп, там один финн вышел. Лейтенант говорит: «Товарищ, пристрели». А финн руками показывает: «Не стреляй, у меня 5 детей дома». *А приказ есть приказ – застрелил*. [Моя война. 2015: 144].

Не задумываясь, наши солдаты открывают огонь по пленным немцам в тех случаях, когда их к этому вынуждают обстоятельства:

Брали в плен мы много по одному. А раз я с моим сержантом взяли в плен 92 человека. Это уже к концу войны в Германии было. Вот повели их, а там мелкий лес. Они все разбегацца начали. *Ну, мы их согнали в остаток и постреляли*. Так и не довели. [Моя война. 2015: 107].

Милосердие на войне имеет свои границы. Война не оставляет человеку выбора – или ты убьешь, или тебя убьют:

А я шёл и дошёл до омета. Вдруг гляжу – человек лежит, рука на сене раскинута. Фашист! Рядом банка пустая и автомат. Жрал, наверно. Пьяный был. Что решать – думай! *Или он нас, или мы его*. [Моя война. 2015: 87].

Немцев видел, как вас. И стрелял в них. Если не ты в него, то он в тебя. *Хошь не хошь, а бей. Там жалости нет, и милости нет*. [Моя война. 2015: 89].

В Сталинграде был ранен. Нёс письмо в штаб. Летит немец, смотрит сверху на меня. А я несу донесение. Сбросил бомбу, но я в траншее успел спрятацца. Вышлядывают он из кабины и показывают рукой, мол, сейчас я тебя... Иду я дальше – и немецкий сапёр. *Убил я его*. [Моя война. 2015: 137].

На войне от жизни до смерти, от милосердия до жестокости один шаг. Немецкий летчик с бреющего полета расстреливает машину с ранеными солдатами, гоняется за одиночным солдатом. Немцы издеваются над пленными солдатами, убивают, вешают, сжигают живьем беззащитных стариков, женщин, детей. Неоправданная жестокость немцев по отношению к местным жителям, к раненым и к пленным столь велика, что она порождает ответную жестокость русских:

И там наклали раненых, не знай сколько. Все искалечены. А машины еще не ушли. А он-то давай с птичьего полета расстреливать, которы ранены, которы убиты, которы затерялись. [Моя война. 2015: 90].

Местное население встречало *нас* с радостью, что там толковать. Где бы *враг* не появлялся, везде он шкодил ужасно, издевался, расстреливал много. Как только где освобождали, везде виселицы висели. [Моя война. 2015: 93].

Зашли в селение – стон стоит. Чаво такое? Всех, кто не успел убежать – женщин, детей пожгли в сарае, ребятам в колодцы бросали, всего ничаво людей осталось. [Моя война. 2015: 133].

Мы в Красное село когда пришли, а там накануне немцы стариков и детей связали, сложили колодцем, облили керосином и сожгли. *Мы как вошли в село, в плен много взяли, ни одного в живых тоже не оставили, всех побили*. [Моя война. 2015: 148].

Ну, повел я его [пленного немца – Б.Б.]. А тут танкисты едут наши. Орден увидели у него (а немец-то три танка наших подбил). Кричат мне: «Вон кого тащишь! Отдай его нам!» А я хотел награду за него получить, поэтому не отдаю. Стали они со мной спорить, отняли его у меня. И механик один залез в танк и проехался по нему. С землей его сравнял. Так остался я без награды. [Моя война. 2015: 107].

Резюме

Устные рассказы о войне ее участников – эпизоды, картинки, образы языкового сознания – воспроизводятся в памяти и вербализуются во внешней речи каждого рассказчика. Совокупность таких рассказов отличается этническим своеобразием. Ситуации войны побуждают человека к обостренному восприятию своей незащищенности перед угрозой смерти. Заложено в христианском этносе непротивление судьбе, наблюдение бесчисленных, ничем не объяснимых жертв войны, практически полное отсутствие возможности личного выбора подпитывают фатализм солдата. Пуля, осколок, снаряд, мина могут убить, но могут только ранить или вовсе не задеть. Что на роду написано, того не миновать – эта максима, сохраненная в форме поговорки в народном опыте, теплит надежду остаться в живых. Антиномии «свой – чужой», «свои – чужие», как было показано выше, столь же значимы для осознания своей защищенности в условиях оторванности от дома, от близких, от своих. *Чужие* на фронте – враги, *свои* – все те, кто по эту сторону фронта. Последняя из описанных антиномий – милосердие и жестокость – столь же зримо проявляется на войне. Милосердный в мирной жизни человек становится жестоким под воздействием жестокостей войны, и все же в отдельных эпизодах, когда он может даровать жизнь сдавшемуся в плен врагу, он проявляет милосердие.

Литература

- Баласникова О.В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка): Монография. – М.: 2016. Рукопись. – 197 с.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
- Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в селах Ульяновской области в конце XX – начале XXI веков [сост. М.П. Чередникова, вступ. статья, коммент. М.П. Чередниковой] / Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина. – Ижевск: ИП Пермяков С.А., 2015 – 255 с.
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 736 с.
- Explanatory dictionary of the live great Russian language, by Vladimir Dal. – Moscow: Eksmo, 2005. – 736 p.
- Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988. – С. 176-177.
- Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. науч. раб. / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1988. – С. 135–170.

THE SPECIFIC ETHNIC BACKGROUND OF WORLD WAR II EPISODES (BASED ON STORYTELLING EVENTS OF VETERANS)

Boyko Boris L.

Professor, Military University
Ministry of Defense Russian Federation
e-mail: borisboiko@gmail.com

Memories of war die with its participants but continue to live on in texts. We have analyzed several episodes of the Great Patriotic war based on verbal stories of its participants and villagers of Ulyanovsk area. The key point of our interest is the attitude of storytellers to the particular events of war. Russian villagers of the first half of the 20th century share ethnical understanding of such categories as life and death, fate, ours and stranger, mercy and cruelty. These cultural aspects are reflected in thematic subdivisions of the article.

Keywords: ethnos and character, life and death, fate, ours and stranger, mercy and cruelty.

References

- Balyasnikova O.V. «Svoj – chuzhoj»: psixolingvisticheskie aspekty issledovaniya (na material russkogo yazyka): monografiya [«Ours – stranger»: psycholinguistic aspects of research (on material of Russian language).] – Moscow: 2016. Script. – 197 p.
- Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [Origin of Russian Communism] reprintnoe vosproizvedenie izdaniya ymca-press, 1955. – Moscow.: Nauka, 1990. – 224 p.
- Moya vojna: ustnye rasskazy o velikoj otechestvennoj vojne, zapisannye v selax ulyanovskoj oblasti v konca XX – nachale XXI vekov [My war: the oral stories about the Great Patriotic War which are written down in villages of the Ulyanovsk region in the end of XX – the beginning of the XXI centuries [compiler M.P. Cherednikova, introductory article and comment by M.P. Cherednikova] / Research institute of history and culture of the Ulyanovsk region of N. M. Karamzin. – Izhevsk: IP Permyakov S.A., 2015 – 255 p.
- Dal V.I. Tolkovyj slovar russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. – Moscow.: Izd-vo Eksmo, 2005. – 736 p.
- Tarasov E.F. Metodologicheskie problemy yazykovogo soznaniya [Methodological problems of language consciousness]. *Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psixolingvistike i teorii kommunikacii* [Theses of the IX All-Union Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication], 1988. – pp. 176-177.
- Ufimceva N.V. Etnicheskij karakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkix [The ethnic character, self-image and linguistic consciousness of the Russians]. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: sb. nauch. rab.* [Linguistic consciousness: formation and functioning], 1988. pp. 135–170.

УДК 81'23

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АССОЦИАТИВНО- ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ХАКАССКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ¹

Боргоякова Тамара Герасимовна

директор Института гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова
655017, Абакан, ул. Ленина 94, Россия
e-mail: tamarabee@mail.ru

Покоякова Карина Александровна

научный сотрудник Института гуманитарных исследований и
саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова
e-mail: karina_p.84@mail.ru

Анализ особенностей концептуализации оппозитивности в ядре хакасского, русского и английского языкового сознания выявил основные количественные и содержательные параметры ее репрезентации, а также детерминированность социальными и культурно историческими константами речевого поведения. Полное или частичное совпадение ассоциативных стратегий обнаружено в параметризации *позитива-негатива, живого-мертвого, гендера и направленности движения*. Архетипы хакасской традиционной культуры проявляются в особенностях полярной категоризации социального пространства в ядре хакасского ЯС. В нем актуализирована константа половозрастной дифференциации, влияющая на социальный статус человека. Актуализация нравственно-этического признака *добро/зло* может служить подтверждением и индикатором тех особенностей русского ЯС, которые указывают на константы в укладе «бессознательной духовности» и системности в образе мира русской культуры, сформированной Православием. Отличительной особенностью поляризации образа мира в ядре английского ЯС является более широкий спектр оппозитивных стратегий. Он включает оппозицию отрицания/согласия в более общей трактовке, чем противопоставление наличия/отсутствия. Противоположные пространственные перемещения включают два отдельно представленных оппозитива: по вертикали и по движению извне или внутрь. Базовое цветовое противопоставление оказалось еще одним из параметров концептуализации образа мира, характерным только для ядра английского ЯС. Универсалии и специфические особенности лексикографической и психолингвистической репрезентации антонимических отношений рассмотрены на примере оппозиции *жизнь/смерть*. Динамика и константы в структуре ассоциативных полей членов данной оппозиции рассмотрены с привлечением данных ассоциативных тезаурусов и ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: антонимические отношения, языковое сознание, хакасский язык, ассоциативный эксперимент, лексикографическое значение, психолингвистическое значение.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (Проект №15-04-00156)

Введение

В исследованиях, посвященных изучению феномена семантической структуры слова, подчеркивается актуальность более углубленного анализа с учетом психологических компонентов значения. Так, А.А. Залевская, отмечая функциональную достаточность общесистемного значения слова, более или менее успешно поддающегося лексикографическому описанию, указывает на богатство «продуктов перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов», которое «отображается в *психологической структуре значения*», выводя в «необъятную систему знаний, переживаний, связей и отношений» [Залевская 2007: 271].

По мнению Е.Ф. Тарасова, для преодоления существующей угрозы лингвистической редукции познавательной конструкции языковой модели мира, по умолчанию состоящей «только из знаний, локализованных в значениях языковых единиц», необходимо конструирование смысла слова через его «овнешнение» при помощи «нескольких принципиально разных знаковых объективаций, дополняющих друг друга» [Тарасов 2010: 6-8]. К номенклатуре таких ведущих знаковых объективаций относятся и ассоциативные тезаурусы, и ассоциативные поля, получаемые при помощи ассоциативных экспериментов – инструментов овнешнения языкового сознания. Именно результаты ассоциативных экспериментов, отмечает Н.В. Уфимцева, подтверждают справедливость «выбора слова в качестве объекта при изучении сознания», т.к. получаемое ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева 2011: 208].

В связи с этим И.А. Стернин считает целесообразным говорить о существовании *психологически реального значения слова* и применять по отношению к нему термин *психолингвистическое значение*, в связи с тем, что он указывает на «источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент», актуализируя тем самым «изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков...» [Стернин 2010: 58].

Как лексикографические, так и психолингвистические значения разных языков «не изоморфны» – семантические разграничения и категоризации полей могут проводиться разными языками различным образом [См. об этом: Лайонз 1978: 454]. И разница в концептуализации представлена не только на уровне разных языков – одно и то же слово в языковом сознании (далее ЯС) носителей одного языка может вызывать самые разные ассоциации. Поэтому успешная разработка психолингвистической теории невозможна без продолжения экспериментальных исследований на материале разных языков, в том числе и для создания нового поколения лексикографических и ассоциативных словарей, как важнейшей основы для дальнейших межязыковых и межкультурных сопоставлений. Стимулом и теоретической основой для данного направления поиска являются также выводы ученых о конфликтах непонимания или неполного понимания в межкультурном общении, связанной с этнической обусловленностью сознания человека, разницей в системе знаний, ориентиров и культурных стереотипов в языковом сознании носителей того или иного языка [Леонтьев 1993, Тарасов 2003, Уфимцева 2005, Дмитриук 2015].

Контрастные исследования помогают также избежать вульгаризации суждений о национально-культурной специфике, сделанных на одноязычном материале [Алефиренко 2012: 136].

Антонимические пары в хакасском, русском и английском ядре ЯС

Обилие антонимических пар в естественных языках принято связывать с общечеловеческой тенденцией «поляризовать» опыт и оценочные суждения или «думать противоположностями» [Лайонз 1978: 495]. В исследованиях, посвященных типологии антонимических отношений, вводится понятие канонических антонимов. (“canonical” antonyms), в которых представлена хорошая оппозитивность (“goodness” of opposition”). Под каноничностью ученые предлагают понимать «степень, в которой антонимы являются одновременно семантически связанными и воспринимаются как пары в языке» [Murphy 2003: 31]. Высокая степень каноничности означает высокую степень лексико-семантической закреплённости в памяти и конвенционализации в тексте и дискурсе [См об этом: Paradis, at el 2009]. Ассоциативная антонимическая пара представляет собой две отдельные номинации в виде слова-стимула и слова-реакции [Балясникова 2010: 125]. Анализ контрастной концептуализации образа мира предполагает введение в научный оборот данных о стратегиях и типах антонимических отношений в структуре ядра ЯС носителей разных языков, а также на базе современных ассоциативных экспериментов.

Психолингвистические исследования с привлечением хакасского экспериментального материала начались после создания прямого и обратного ассоциативных словарей хакасского языка А.П. Боргояковой по итогам массового свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 1998 – 2000 годах в Республике Хакасия. Появление рукописных версий этих словарей, доступных пока для ограниченного числа исследователей, стало существенным вкладом в развитие семантических исследований хакасского языка, которые пока затруднены отсутствием толковых словарей. С опорой на опыт создания ядра английского языкового сознания А.А. Залевской и русского языкового сознания Н.В. Уфимцевой, А.П. Боргоякова выявила ядро языкового сознания хакасов, состоящее из 50 слов-реакций, имеющих наибольшее количество связей с разными словами в ассоциативно-вербальной сети [См. Боргоякова 2003: 51-52]. Концептуальная общность ведущих семантических зон: «Человек» (в английском варианте «Me»), «Хорошо/Плохо» и «Жизнь», выявленная по итогам анализа ядра хакасского, русского и английского языкового сознания с точки зрения структуры и содержания семантических зон (Караулов, 1997), с детальным анализом особенностей их вербальной экспликации и доли совпадений в трех гештальтах, представлена в [Там же: 66, 70].

Данный результат позволяет нам сделать вывод об общности концептуализации контрастного мышления в виде универсальной категории «хороший/плохой», представленную в ядре языкового сознания (далее ЯС) носителей трех языков. Следует отметить, что в ядре ЯС хакасов антонимическая пара *чыхсы/хомай* «хороший/плохой» занимает ведущее положение, открывая рейтинг оппозитивных пар, выстроенный нами по рангу первого слова оппозиции (См. Таблицу 1). Данная оппозиция получает усиление за счет семантически сопряженной антонимической пары *маңат/чабал* «прекрасный/плохой (злой)», занимающей девятую позицию. В русском и английском ядре ЯС данная антонимическая пара занимает вторую позицию, пропустив в лидеры бинарные оппозиции *жизнь/смерть* и *man/woman*.

Следующий параметр контрастной категоризации в хакасском ЯС представлен антонимической парой пространственно-размерной семантики *улуғ/кічіг* с основным значением «большой/маленький», отсутствующей в русском и английском ядре ЯС. И третье противопоставление связано с дихотомией «наличия/отсутствия», выраженного антонимической парой *пар/чоғыл* с шестым рейтингом слова *пар* в ядре хакасского ЯС. В ядре русского ЯС данная бинарная оппозиция также представлена, но слово *нет* находится в левой части антонимической пары, опережая показатель наличия – слово *есть*. В английском ядре ЯС к данной оппозиции близко примыкает антонимическая пара более широкого семантического объема *no/yes*. Данная особенность, связанная с выдвиганием отрицательной компоненты в левую часть оппозитивной пары, в хакасском ядре ЯС представлена противопоставлением *чох/пай* «бедный/богатый».

Следует отметить, что в семантике слова *чох* содержится также значение отрицания, представленное в словарной статье после значения «бедный, неимущий». Поэтому вполне возможным представляется объединение слов *чох* и *чоғыл* в рамках первого компонента антонимической пары *пар/чоғыл*. Однако в данном исследовании мы используем канонические антонимы с высокой степенью лексико-семантической закреплённости в памяти. Дополнительные опросы, проведенные среди хакасских респондентов, подтвердили высокую степень каноничности *чоғыл* в качестве антонима к слову *пар*.

Важной для носителей хакасского языка оказалась категоризация противоположной направленности движения *парча/килче* «сходит/приходит». Вторая компонента представлена также в ядре ЯС дополнительной формой совершенного вида глагола – *килген* «пришел», однако это уже вариация, связанная с выражением совершенного вида глагола. Такие формы учитываются нами при объединении реакций в группы по семантическому признаку. В английском ядре ЯС направленность движения также эксплицирована и носит более выраженный характер, дифференцируя движение по двум параметрам: по вертикали *up/down* и по наружно-внутреннему пространству – *out/in*. Русское ядро ЯС на этом фоне выглядит более статичным, лишенным противопоставления деятельного характера.

Выражение гендерной оппозиции также отсутствует в ядре русского ЯС. В ядре хакасского ЯС оно представлено в виде антонимической пары *оол/хыс*, полисемантические компоненты которой имеют значения «юноша/девушка» и «мальчик/девочка», замыкающей рейтинг шести хакасских оппозитивных пар. В английском ядре ЯС гендерная оппозиция *man /woman* занимает ведущее положение (См. таблицу 1).

Таблица 1. Оппозитивность в ядре хакасского, русского и английского ЯС

№	Антонимические пары в ядре ХЯС	Антонимические пары в ядре РЯС	Антонимические пары в ядре АЯС
1	чыхсы (2,5) / хомай (2,5)	жизнь (1) / смерть (21,5)	man (2) / woman (31)
2	улуғ (4) / кічіг (25,5)	хорошо (6) / плохо (12,5)	good (3) / bad (16)
3	пар (6) / чоғыл (11,5)	нет (8) / есть (10,5)	no (5) / yes (7)
4	чох (17) / пай (31)	добро (19) / зло (30,5)	life (14) / death (24)

5	парча (9,5) / килче (34)	умный (30,5) / дурак (50)	up (18) / down (43)
6	оол (25,5) / хыс (31)		black (20) / white (30)
7			out (23) / in (45)

Как видно из таблицы, в ядре русского ЯС выявлено наименьшее количество антонимических пар – пять, в хакасском ядре ЯС их количество возрастает до шести и в английском до семи.

Контрастивные стратегии в ядре хакасского, русского и английского ЯС

Содержательные параметры контрастивного восприятия образа мира в ядре хакасского, русского и английского ЯС имеют как общие, так и отличительные особенности. Универсальность связана с наличием общего противопоставления *хорошо/плохо* в русском варианте и *хороший/плохой* в двух других языках, занимая первое место среди оппозиций в хакасском ядре ЯС, и второе в русском и английском. Остальные совпадения ограничены рамками ядра двух ЯС. Так, например, только в **хакасском и английском ядре ЯС** присутствует: а) гендерная оппозиция и б) противопоставление разнонаправленного движения; только в **хакасском и русском ядре ЯС** есть антонимическая пара наличия/отсутствия и только в **русском и английском ядре ЯС** выявлена оппозиция жизнь/смерть. Специфика контрастивной категоризации образа мира проявляется в противопоставлениях, представленных только в одном ядре ЯС, причем в каждом по два. Так, например, антонимические характеристики размера: *улуҕ/кiчiҕ* и бедности-богатства – *чох/най* выявлены только в ядре хакасского ЯС. Противопоставление по оси *добра и зла*, а также по наличию или отсутствию ума – *умный/дурак* представлены только в русском ядре ЯС. Противопоставление отрицания и согласия, а также цветовой контраст *black/white* входят в ядро только английского ЯС. Таким образом, в ядре русского ЯС представлена минимальная степень полярного ассоциирования. При этом наиболее насыщенным в нем оказался параметр «разведения» позитива и негатива с важной дополнительной актуализацией этического признака *добро/зло*. Можно предположить, что это является подтверждением и индикатором тех особенностей русского ЯС, на которые указывает Н.В. Уфимцева. Речь идет о константности в укладе «бессознательной духовности» и системности в образе мира русской культуры, сформированной «именно Православием» [Уфимцева 2010: 75].

Архетипы хакасской традиционной культуры проявляются, на наш взгляд, в особенностях полярной категоризации социального пространства в ядре хакасского ЯС. В нем актуализирована константа половозрастной дифференциации, влияющая на статус человека и представленная двумя оппозитивными парами: *улуҕ/кiчiҕ* «старший/младший», и *оол/хыс* «парень/девушка, девочка». Возрастная оппозиция присутствует в значении компонентов обоих антонимических пар. Гендерная противоположность составляет семантическую основу только второй антонимической пары. Из восьми значений полисеманта *улуҕ*, значения «старший, взрослый и уважаемый» составляют практически половину наравне со значениями размера [Хакасско-русский словарь 2006: 725]. Также в семантической структуре антонимического прилагательного *кiчiҕ* выделяются значения, характеризующие не только, а возможно и не столько размер вообще, сколько рост и возраст человека: «млад-

ший, детский, юный» [Там же: 180]. Однако в обоих случаях общее значение размера отмечается первым, поэтому мы предложили выше именно такую трактовку как основную. Третий параметр социальной иерархизации, проявившийся в ядре хакасского ЯС, связан с оппозицией *чох/най* «бедный/богатый», отсутствующий в структуре ядра двух других ЯС.

Отличительной особенностью поляризации образа мира в ядре английского ЯС является более широкий спектр оппозитивных стратегий. Он включает две ведущие стратегии, представленные в ядре ЯС русских и хакасов (жизнь/смерть, хороший/плохой), и занимающие там первое место. Наиболее актуальным противопоставлением выступает гендерная оппозиция *man/woman*. Оппозиция отрицания/согласия – *no/yes* – имеет более общую и широкую трактовку, чем противопоставление наличия/отсутствия, представленную в предыдущих примерах.

Более насыщенными оказались противоположные пространственные перемещения, включая два отдельно представленных оппозитива: по вертикали и по движению извне и внутрь. Базовое цветное противопоставление тоже оказалось одним из параметров концептуализации образа мира, характерным только для ядра английского ЯС (См. Табл.1).

Таким образом, анализ стратегий поляризации образа мира на материале антонимических пар, выявленных в ядре ЯС трех этносов, позволил получить наблюдения, релевантные не только в рамках «внутренних детерминант речевого поведения», но и «внешних, социальных детерминант», обусловленных особенностями культурно- исторического и духовного развития конкретных народов [См. об этом: Тарасов 2010: 23-24].

Лексикографическое толкование оппозиции жизнь/смерть

Дальнейшее сравнительное изучение оппозитивных стратегий проведено на примере компонентов бинарной оппозиции *жизнь/смерть*. Комплексный подход основан на анализе лексикографической и психолингвистической репрезентации членов данной антонимической пары в хакасской, русской и английской лингвокультурах.

Во всех словарных дефинициях присутствует акцент на значении человеческой жизни. Так, например, оно входит составной частью в первое из двух значений, приведенных в соответствующей статье словаря А. Хорнби: «life – vital energy thought of as working for the survival of the human race and the individual» [Hornby 1974: 495]. В толковых словарях русского языка значение физиологического существования человека и всего живого занимает одно из ведущих мест в словарных определениях слов *жизнь* и *смерть* [См. например: Ожегов, Шведова 1996]. В связи с отсутствием толкового словаря хакасского языка мы привлекаем постулаты о восприятии жизни и смерти в традиционном тюркском мировоззрении, в котором жизнь признавалась важнейшей ценностью, а смерть воспринималась не как «абсолютное отрицание жизни», а как переход из одной формы жизни в другую [Традиционное мировоззрение тюрков 1989: 51]. Традиционное общество осознавало жизнь как процесс, имеющий в разных точках различное наполнение. В его мировоззрении моделируется постепенное «собрание» человеком самого себя и последующее отчуждение, возвращение природе заимствованных у нее качеств, свойств, характеристик [Там же: 222].

Универсальное понимание и определение противоположности значения антонимической пары *жизнь/смерть* связано, таким образом, прежде всего, с отличием живого от неживого, а также со временем существования от рождения до прекращения земного функционирования человека и других живых организмов. Сходство лексикографической дефиниции членов антонимической пары связано с доминированием антропоцентрического понимания, с одной стороны, и с коррелятивным противопоставлением компонентов друг другу или двучленностью бинарного противопоставления «как обязательного (конституирующего) свойства изучаемого лингвистического объекта и, следовательно, методологической основы его исследования и описания» [Ахманова 1969: 67].

Динамика и константы ассоциирования стимула чуртас в хакасском ЯС

Особое внимание в статье уделяется психолингвистической актуализации ассоциативно-вербальной сети слова-стимула *чуртас*. Это позволяет уточнить динамику и константы ассоциирования жизни в языковом сознании современных носителей хакасского языка, что представляется важным как для сравнительных психолингвистических исследований, так и для дефиниционной интерпретации соответствующих словарных статей в будущем толковом словаре хакасского языка. Для сравнительного анализа привлекается ассоциативное поле, представленное в хакасском ассоциативном словаре 2003 года (АП-I), и ассоциативное поле, смоделированное в 2015 году по итогам свободного ассоциативного эксперимента с участием 150 респондентов, свободно владеющих хакасским языком (АП-II).

В семантической зоне «Какая» АП-I преобладают положительные и нейтральные характеристики жизни. Хотя самой частотной реакцией в ней оказалось слово *хомай* «плохая» (48) и затем слово *чолы*, «чья-либо дорога, путь» (37), преобладающей оказалась общая доля таких частотных позитивных оценок как: *чахсы* «хорошая» (32), *магат/маңат* «прекрасная» (29+16), *сіліг* «красивая» (16), *хыныг* «интересная» (13) и *часкалыг* «счастливая» (8) [Боргоякова 2003: 129]. Если сравнить соотношение негативной и позитивной окраски ассоциаций в рамках не только одной семантической зоны, а всего АП-I, то и там позитивная оценка преобладает, составляя 32% в отличие от 21% негативных.

Анализ АП-II позволяет выделить список частотных реакций, включающий 20 следующих ассоциаций: *сөбіре* 19, *чахсы* 18, *маг(ң)ат* 10, *хыныс* 8, *тура(иб)* 8, *пала(лар)* 7, *хыныг* 6, *(минің) хомай нимес* 4, *тогыс* 4, *хоньх* 4, *часка* 5, *өрніс* 4, *часкалыг* 2, *пала пархалар* 2, *кеен* 2, *теелбек* 2, *хомай* 2, *аар* 2, *чол(ы)2*, *иб(де)* 2.

Круг единичных реакций состоит из 40 следующих слов: *ічем, іче-паба, аба-іче, чурт, өлім, палыгтас, ник, сидік, кұн, чағын кізілер, узах, узун, хазых аймах, узун полча, хазых, хайдаг чахсы, хайыныс, хандыра, чалахай, ах-чарых, илбек, иптiг, кўлініс, ол узун чол, опыт, пала төреені, чарых, часка, часхы, чиит, чир, чирчайаан, чолы аймах полча, чолы пірее-пірее сидік полча, чолы узун, чурт, чуртасха тартынчах, ынаг, ынархас, труд*.

В целом современный «профиль» хакасского ассоциативного восприятия жизни базируется на нескольких ключевых позициях. Это, прежде всего, **позитивное восприятие жизни**. Данная доминирующая семантическая группа реакций включает подавляющее большинство ассоциаций, объединяемых вокруг ключевого слова *чахсы* «хорошая/хорошо». Оно занимает вторую позицию в АП-II. Сразу за ним следует синонимическая ассоциация *маг(ң)ат* «хорошая», а затем *хыныг* «ин-

тересная», *(минің) хомай нимес* «(у меня) неплохая», *часкалыг* «счастливая», *кеен* «красивая», *ник* «крепкая», *хазых* «здоровая», *хайдаг чахсы* «какая хорошая», *хандыра* «очень хорошая», *чалахай* «добрая, ласковая», *илбек* «широкая», *иптiг* «приятная», *чарых* «светлая», *чиит* «молодая», *ынаг* «дружная». Сюда же относятся реакции, выраженные именами существительными с явной позитивной семантикой: *часка* «счастье», *өрніс* «радость», *кұн* «солнце», *кўлініс* «улыбка», *чахсы* «весна», *ынархас* «дружба». В целом в данную группу входят 73 частотных и единичных реакций (49%), как правило, относящихся к двум ведущим частям речи – прилагательным и существительным.

Вторая семантическая доминанта – *сөбіре* «семья». Данная ассоциация занимает лидирующее положение в АП-II. К этой же группе, несомненно, следует отнести такие 14 частотных и единичных реакций, как: *ічем* «моя мама», *іче-паба и аба-іче* «родители», *пала(лар), пала пархалар* «ребенок/дети, внуки», *пала төреені* «рождение ребенка», *чағын кізілер* «родственники», *тура, иб(де)* «дом(а)». В целом вторая ядерная семантическая группа *сөбіре* состоит из 41 реакции (27%). Все члены данной понятийной группы включают важные интерпретационные связи, существующие в языковом сознании хакасских респондентов для маркирования смысла жизни, прежде всего, в кругу семьи и родного дома. Важно подчеркнуть, что в АП-I реакция *сөбіре* не была обнаружена, а родственные связи были представлены немногочисленной группой ассоциат: *ир (3)* «муж, мужчина», *пала «ребенок», туган* «родственник» и примыкающей семантической группой *иб (2)* «дом», *ибде* «дома», *ибде хайынарға* «заниматься домашним хозяйством», *тура* «дом», *пес* «печь».

Синонимические реакции немногочисленны и представлены такими реакциями, как: *ах-чарых* «земная жизнь», *чурт, хоньх* «жизнь», которые отражают лексикографическое толкование концепта «жизнь» в современных лексикографических источниках.

Ассоциации, содержащие негативную оценку жизни, представлены следующими реакциями: *аар* «тяжелая», *хомай* «плохая», *палыгтас* «раны», *сидік* «трудная», *өлім* «смерть». В целом их доля составляет 5%, что существенно ниже чем в АП-I, где негативная оценка жизни составила 21%. В семантической зоне «Какая» АП-I реакция *сидік* «трудная» (25) занимает первое место в рейтинге частотности и затем на третьем месте – синонимичная реакция *аар* (16), за которыми следуют *уйан* (2) и единичные негативные ассоциаты: *ачырганыстыг, ачыргастыг, парбинче, хатыг, хомзыныстыг, минің аар парча, сині түсче, сайбалча, ұруктірче, оой нимес, чахсы нимес, хомай парча*.

Таким образом, в хакасском ЯС сохраняется высокая доля позитивной оценки жизни как константной доминанты в обоих АП *чуртас*. Наиболее заметное изменение связано с существенным усилением значимости семьи в АП-II, и заметным снижением доли негативной интерпретации анализируемого слова-стимула. Восприятие жизни хакасами, выраженное в его актуализированном ассоциативном поле, отражает повышение их адаптационных способностей, востребованных динамичным временем нового столетия, с одной стороны, и сохранение традиционного мировоззрения, в котором членение мира носит целостный характер, без противопоставления жизни и смерти, характерного, прежде всего, для западных культур, с другой. Сравнение моделей ассоциирования показывает сохраняющееся доминирование синтагматических реакций, среди которых лидируют имена прилагательные.

Ассоциативный профиль стимула өлім

Вторая часть оппозиции *жизнь/смерть* – *өлім* в ядре хакасского ЯС отсутствует, что подтверждает сохранность архетипов традиционного мировоззрения хакасов. И в составе АП-I, сформированного на основе реакций хакасов, владеющих родным языком, антоним *өлім* составил лишь 2%, занимая 11 ранг, в то время как в соответствующих АП русских респондентов и респондентов хакасов, не владеющих родным языком, реакция *смерть* занимала первое место. А.П. Боргоякова справедливо связывает это с отсутствием противопоставления *жизнь-смерть* в традиционном сознании хакасов [Там же: 129].

Анализ структуры и семантики АП-I показывает преобладание **отрицания** смерти, выраженного словом *чох* (49), занимающим первое место среди наиболее частотных реакций. К данной семантической группе можно также отнести такие частотные реакции как *чогыл* (16), *полбазын* (11), *көрбеске* (5), *полбас* (4), *кирек чох*(4), *чох ползын* (3), *кирек чогыл* (2), *килбезін* (2), *чох поларга* (2). В целом данная семантическая группа составляет 19% общего состава реакций на стимул *өлім*.

На втором месте – укрупненная семантическая группа, объединяющая реакции **негатива и скорби**, связанные со словом стимулом *өлім*, составляющая 16%: *хоргыстыг* (25), *хомай* (17), *чобаг* (4), *хыйал* (4), *иреелістіг* (3), *харасхы* (3), *хатыг* (3), *аар* (2), *ачыргас* (2), *ачыргастыг* (2), *ничел* (2), *хомзыныс* (2), *чабал* (2), *ачырганарга*, *мөністіг ниме*, *сидік*, *хоргыста*, *чобатча*, *чобаглыг*, *чобанган*, *ылгирга*.

Заметную группу (12%) формируют синтагматические реакции, представленные глаголами действия в разных формах, часто составляющих устойчивые сочетания со словом стимулом и означающие **приход смерти или удачное спасение**: *килерге* «приходить», *чидерге* «догонять», *кірерге* «входить», *аларга* «принимать», *көрерге* «видеть/встречать», *азарга* «избегать», *ал халарга* «спасать» и т.д.

Значение **неизбежности** и неизвестности времени наступления смерти представлено в основном формами глагола *пілерге* «знать». Данная группа составляет 8% всех реакций АП-I.

Оппозитивное значение, представленное каноническим антонимом *чуртас* (37) и его синонимами *чурт* (2) и *кун*, а также реакцией *хазых* (2) «здоровье, здоровый», составляет также 8%.

В АП-II явным лидером является семантическая группа **негатива и скорби**, представленная более чем третью всех реакций (38%): *хомай* (19), *хоргыс* (3), *харах чазы* (3), *хомай ниме* (2), *чідіг* (2), *чідіріг* (2), *чобаг* (2), *хоргыстыг* (2), *сыыт* (2), *аар ниме*, *ачыргас*, *ачыргастыг*, *харасха*, *хомзыныс*, *хомзыныс ағылча*, *хоорылыг*, *хоргыстыг ниме*, *чабал*, *чабал чідіріг*, *чобаг*, *чуртазы чох*, *ылган кізілер*, *трагедия*, *пір дее ниме кирек чох*, *пір дее ниме кирек чох полганы*.

Группа **антонимических реакций** представлена 8% реакций: *чуртас* (4), *пасха чуртас* (2), *наа чуртас*, *пасха чир*, *пасха чурт*, *чуртас чолы*, *пасха измерениез хаалаг* и др. Несмотря на сохранение доли оппозитивной группы в структуре АП-II, в нем, в отличие от АП-I, более зримо проявляется сохранение традиционных архетипов хакасской лингвокультуры. Это подтверждается через реакции, указывающие на формы продолжения «жизни» (другая жизнь, новая жизнь, другая земля, дорога жизни, шаг в другое измерение) или бессмертия (*өлім чох*, *өлім чох алып*).

Семантическая группа **отрицания**, лидирующая в АП-I, занимает третью позицию с 7% реакций: *чох* (7), *полбазын*, *полбас учун*, *чогыл*.

Соотношение парадигматических и синтагматическими реакций в АП-II оказалось практически симметричным – по 50%. Синтагматические реакции представлены преимущественно прилагательными (плохой, страшный, тяжелый, горький, темный), а также развернутыми дефинициями, типа: *пір дее ниме кирек чогыл* «когда ничего не надо». Парадигматические реакции представлены, прежде всего, именами существительными: *чаа* (8) «война», *харах чазы* (3) «слезы», *сыраттар* «кладбища», *хараа* (2) «ночь», *кізі* (2) «человек», *тохтаг* «остановка», *хумартхы* «памятник», *хомды* «гроб», *туганнар* «родственники», *сөбк* «род», *чир* «земля», а также словосочетаниями *хан төгіс* «кровопролитие», *кірі кізі* «старый человек», *чідіріг* «утрата», *хомзыныс* «скорбь», *харах чазы* «слезы», *ачыргас* «горечь». Это произошло за счёт заметного сокращения доли деятельных реакций, представленных глаголами и номинацией жизни как процесса, дороги, по которой движется человек, до 5% в сравнении с почти 20% в АП-I.

Таким образом, динамика ассоциативных стратегий на стимул *өлім* связана с большей семантической стереотипностью и соответственным сокращением количества семантических групп в АП-II. Более чем в два раза возросла доля семантической группы ассоциаций, связанных со значением негатива и скорби. В количественном измерении стратегия антонимического реагирования на стимул *өлім* сохранилась без изменений, составляя 8% в обоих АП. Однако в АП-II более зримо проявляется сохранение архетипов традиционной хакасской культуры в виде реакций, указывающих на продолжение жизни после смерти в других ее формах.

Дискуссия

По данным ассоциативного словаря английского языка [English Associative Thesaurus 1972] в АП *life* противоположная по значению реакция *death* занимает первое место, составляя в нем существенную долю в 44%. Дополнительно можно отметить присутствие таких сходных реакций, как *die* и *dead*, что добавляет еще 2% к доле антонимических реакций. АП *death* оказалось менее полярным – в нем антонимическая реакция *life* составила 19%. С учетом таких сходных реакций как *birth u alive*, оппозиционность достигает 22%.

Проведенный ассоциативный эксперимент в университете Аризоны (США) в 2003 году позволил сформировать ассоциативное поле стимулов *life u death* (АП-II). Мы приводим ниже АП-II стимула *life* (с указанием частотности реакций для всех и их доли – для ведущих ассоциат): *death* (18) –30%, *long* (8) –14%, *Magazine* (3), *good* (2), *special* (2), *Sentence* (2), *birth*, *blood*, *cereal*, *choices*, *drank*, *fun*, *game*, *happy*, *happiness*, *house*, *Housedrank*, *learn*, *live*, *line*, *lovely*, *long time*, *lose*, *meaning*, *museum*, *part*, *saving*, *Shamrock*, *skills*, *part*, *style*, *TV*.

Ассоциат *death* занимает первую позицию, составляя треть реакций АП. Данная закономерность отмечена исследователями также при анализе содержания антонимических ассоциативных полей *man* и *woman*, в которых устойчивая антонимическая дихотомия составляет существенную долю реакций [См: Боргоякова, Покоякова 2012: 47; Покоякова 2015: 168]. Доля реакций, связанных со скорее приятными ассоциациями на слово *life*, составляет более 10%. Другие реакции связаны с дополнением членов устойчивых словосочетаний – *style*, *Sentence*, известным журналом, ирландским символом *Shamrock*.

Контрастивное АП *death* оказалось представлено следующими реакциями: *life* (18), *end* 4, *sad* 3, *dying* 2, *person* 2, *sentence* 2, *terrible* 2, *after life*, *Arizpe*, *birth*, *black*, *burial*, *certainty*, *destruction*, *die*, *final*, *Grim reaper*, *ground*, *gone*, *hate*, *heaven*, *inevitable*, *rest*, *restitution*, *live*, *mask*, *quiet*, *sadness*, *person*, *skeleton*, *sickee*, *sickle*, *sucks*, *tax*, *till*, *transition*, *unknown*, *wish*.

Лидером в рейтинге частотности является противоположная часть бинарной оппозиции – реакция *life*, которая составляет также 30% от общего числа реакций. Тематически близкими являются такие единичные ассоциаты, как: *birth* и *live*. Объединение по семантическому признаку позволяет выделить группу реакций со сходным «профилем», связанным с уходом из жизни: *конец*, *переход*, *печаль*, *похороны*, *после жизни*, *небеса*, *скелет*, *неизбежность*, *ужасный*, включая персонаж, символизирующий смерть, костюм которого популярен на праздновании Хэллоуина – *Grim reaper* и его орудие убийства – *sickee*, *sickle* и слэнг *sucks*.

По данным русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь] в АП *жизнь* полярная ассоциация *смерть* занимает первое место, составляя 11,6% всех реакций. И соответственно в АП *смерть* ассоциация *жизнь* находится также на первом месте с показателем 9,7%.

Таким образом, сущность бинарной оппозиции, предполагающей ассоциирование образа через обязательную включенность образа второго компонента [См. об этом также: Тарасов, Тарасова 1997: 275], получает наиболее убедительное подтверждение в структуре английского и американского АП *life* с 44% и 30% антонимических реакций соответственно. Это может свидетельствовать о более рациональном типе ассоциативного мышления с высокой степенью поляризации в англоязычной культуре [См. об этом также: Боргоякова 2015: 61]. Более низкая степень маркированности полярного восприятия стимула *жизнь* представлена в русском (11,6%) и в хакасском (2%) АП при высокой доле оценочных прилагательных с преобладанием позитивно окрашенных ассоциат.

Выводы

Концептуализация оппозитивности в ядре хакасского, русского и английского ЯС связана с количественными и содержательными параметрами ее репрезентации, детерминированными разными социальными и культурно историческими константами речевого поведения. Полное или частичное совпадение ассоциативных стратегий обнаружено в параметризации *позитива-негатива*, *живого-мертвого*, *гендера* и *направленности движения*.

Архетипы хакасской традиционной культуры получили отражение в полярной категоризации социального пространства в ядре хакасского ЯС с актуализацией половозрастной дифференциации, коррелирующей с социальным статусом человека. Стратегии противопоставления в ядре русского ЯС отличаются определенным минимализмом и статичностью. Актуализация нравственных ценностей через оппозицию *добро/зло* в дополнение к сопряженной антонимической паре *хорошо/плохо* служит подтверждением уже отмеченных учеными особенностей русского ЯС, которые указывают на устойчивые внутренние нравственные константы в укладе «бессознательной духовности» и системности в образе мира русской культуры, сформированной Православием.

Отличительной особенностью поляризации в ядре английского ЯС является более широкий спектр оппозитивных стратегий. Он включает оппозицию *отри-*

цания/согласия в более общей трактовке, чем противопоставление *наличия/отсутствия*. Противоположные пространственные перемещения включают два отдельно представленных оппозитива: по вертикали и по движению извне или внутрь. Базовое цветовое противопоставление оказалось еще одним из параметров концептуализации образа мира, характерным только для ядра английского ЯС.

Особенности психолингвистической репрезентации антонимических отношений, рассмотренные на примере оппозиции *жизнь/смерть* с привлечением данных ассоциативных тезаурусов и ассоциативных экспериментов, выявили ярко выраженную положительно-отрицательную полярность в трех лингвокультурах при разном соотношении в них доли маркеров прямого противопоставления.

Низкая степень маркированности полярного моделирования образа жизни в современном хакасском ЯС проявляется в практически полном отсутствии эксплицитно выраженной контрастивной характеристики стимула *чуртас* с помощью его канонического антонима. Антонимические связи активны внутри АП *чуртас* на горизонтальном уровне, например, в полярной оценке жизни по шкале *хорошая – плохая*, выраженной в высокой доле синтагматических реакций – прилагательных. В то же время антонимическая стратегия ассоциирования в виде реакции *чуртас* оказалась устойчиво более высокой в обоих АП стимула *о́лим*.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
- Балясникова О.В. Антонимы как ассоциативно-вербальные структуры и их текстовый потенциал // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 124-128.
- Боргоякова А.П. Хакасский ассоциативный словарь (рукопись). 2002. 235 с.
- Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
- Боргоякова Т.Г. Ассоциативное поле бинарной оппозиции *жизнь/смерть* в разных лингвокультурах // Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 1(13). Том 14. 2015. С. 58-63.
- Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Репрезентация образа женщины в разных культурах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Том 10, выпуск 2. С. 45-50.
- Дмитрюк Н.В., Байгутова Д.Н., Мезенцева Е.С. Отражение нравственных ценностей казахского этноса в зеркале свободного ассоциативного эксперимента // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1 (23). С. 159-171.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2007. 560 с.
- Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. 16-21.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Покоякова К.А. Гендерные особенности восприятия образов мужчины и женщины в американском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 167-169.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 57-63.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика анализа языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. 2003. С. 7-22.

Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / под общ. ред. И.О. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. С. 253-277.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языкознания. Москва, 1992 // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 20-26.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1989. 243 с.

Уфимцева Н.В. Проблемы аккультурации новых граждан России // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 71-75.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Москва-Калуга: ИЯ РАН – Институт психологии РАН, 2005. С. 205-217.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Хакасско-русский словарь. Отв. ред. Субракова О.В. Новосибирск: Изд-во Наука. 2006. 1114 с.

English Associative Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 05.03.2015).

Hornby, A.S. (1974). Oxford Advanced Learner's Dictionary Of Current English. Oxford University Press.

Paradis C., Willners C., Jones S. (2009). Good and bad opposites. Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity // The Mental Lexicon. John Benjamins Publishing Company, 380-429.

Murphy M.L. (2003). Semantic relations and the lexicon: antonyms, synonyms and other semantic paradigms. Cambridge: Cambridge University Press.

ANTONYMOUS RELATIONS IN KHAKAS, RUSSIAN AND ENGLISH VERBAL-ASSOCIATIVE REPRESENTATION

Tamara G. Borgoyakova

Head of the Research Institute of Humanities
and Sayano-Altai Turkology in the Katanov
Khakass State University
Lenin street 94, Abakan, 655017, Russia
tamarabee@mail.ru

Karina A. Pokoyakova

Junior Researcher of the Research Institute of Humanities
and Sayano-Altai Turkology in the Katanov
Khakass State University
Lenin street 94, Abakan, 655017, Russia
karina_p.84@mail.ru

Analysis of the contrast conceptualization in the core of Khakas, Russian and English language consciousness reveals basic quantitative and substantive parameters of its representation, as well as social, cultural and historical influence of verbal behavior constants. Full or partial match of associative strategies are found in the parameterization of the *positive-negative*, *alive-dead*, *gender* and *movement direction*. Archetypes of the Khakas traditional culture are revealed in the peculiarities of the polar categorization of social space in the core of the Khakas language consciousness. Constants of age and gender differentiation that affect person's social status are actualized. The actualization of the ethical characteristics of *good/evil* contrast may serve as confirmation and indicator of the Russian language consciousness features, pointing out the constants of "unconscious spirituality" and the systematic way of the world view in Russian culture, formed by Orthodoxy. A distinctive feature of polarization in the core of the English language consciousness is presented in a wider range of contrasting strategies. This includes *denial/agreement* opposition in a more general view, compared to the opposition of *presence/absence*. Opposing spatial displacements includes two separately presented contrast movements: *vertical* and *outside/inside*. Two basic color antonyms is another parameter of the contrastive conceptualization of the image of the world, characteristic only of the English language consciousness.

Universal and specific features of the psycholinguistic and lexicographic representation of antonymous relationships are revealed on the example of the *life/death* antonymous pair. The constants in the associative fields of the members of the opposition in these languages are based on the data of associative thesauruses and associative experiments.

Keywords: antonymous relations, linguistic consciousness, Khakass language, associative experiment, lexicographical meaning, psycholinguistic meaning.

References

- Alefrenko N.F.* Lingvokulturologiya: tzenostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguacultural studies: value-semantic space of language]. Moscow: Flinta: Science, 2012. 288 p.
- Akhmanova O.S.* Slovar lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms]. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. 608 p.
- Balyasnikova O.V.* Antonimy kak assotziativno-verbalnyie struktury I ix tekstovyi potentsial [Antonimy as associative-verbal structures and their textual potentials]. Journal of psycholinguistics, 2010, no 2 (12), pp. 124-128.
- Borgoyakova A.P.* Xakasskii asstziativnyi slovar [Khakass associative dictionary] (manuscript). 2002. 235 p.
- Borgoyakova A.P.* Obraz mira v yazykovom soznanii etnosa [The image of the world in the linguistic consciousness of an ethnic group (Khakass, Russians, and Englishmen)]. Moscow: Soviet writer. 2003. 152 p.
- Borgoyakova T.G.* Assotziativnoye pole binarnoy oppozitsii zhizn/smert [Associative field of the binary opposition life / death in different linguistic cultures] // Collection of scientific works: SWorld, 2015, Issue 1 (13). Volume 14, pp. 58-63.
- Borgoyakova T.G., Pokoyakova K.A.* Reprezentatsia obraza zhentchiny v raznykh kulturakh [Representation of the image of a women in different cultures // Journal of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2012, Volume 10, Issue 2, pp. 45-50.
- Dmitryuk N.V., Baygutova D.N., Mezentsev E.S.* Otrazheniye nrvstvennykh tzenostey kazahskogo etnosa v zerkale svobodnogo assotziativnogo experimenta [Reflection of the moral values of the Kazakh ethnic group in the mirror of the free associative experiment // Journal of psycholinguistics, 2015, no 1 (23), pp. 159-171.
- Zalevskaya A.A.* Vvedeniye v psikholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. -Moscow: Russian state humanitarian University press, 2007. 560 p.
- Lions D.* Vvedeniye v lingvistiku [An Introduction to theoretical linguistics]. Moscow: Progress, 1978. 543 p.
- Leontiev A.A.* Yazykovoe soznanie I obraz mira [Language consciousness and image of the world] // Language and mind: the paradoxical rationality, 1993, pp. 16 -21.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]: 80000 words and idiomatic expressions / Russian Academy of Science; Russian Cultural Foundation; 2nd ed., Institute of Linguistics. Moscow, 1995. 928 p.
- Pokoyakova K.A.* Gendernye osobennosti vospriyatiya obrazov muzhchiny I zhenschiny v amerikanskom yazykovom soznanii [Gender peculiarities of perception of images of men and women in the American linguistic consciousness] // Philology. Questions of theory and practice, 2015, no 1 (43), Part II, pp. 167-169.
- Russkii assotziativnyi slovar [Russian associative dictionary]. In 2 vols 1. From stimulus to the reaction / Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Y. Tarasov E.F. Moscow: Astrel Publisher, 2002. 784 p.
- Sternin I.A.* O sozdaniy psikhologivsticheskogo tolkovogo slovarya [To creating a psycholinguistic explanatory dictionary] // Journal of psycholinguistics, 2010, no 2 (12), pp. 57-63.

- Tarasov E.F.* Mezhekulturnaya kommunikatsiya – novaya ontologiya yazykovogo soznaniya [Intercultural communication - a new ontology of linguistic consciousness] // Ethnocultural analysis of linguistic consciousness. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2003. pp. 7-22.
- Tarasov E.F., Tarasova M.E.* Issledovaniye assotziativnykh poley predstaviteley raznykh kultur [Research of associative fields of representatives of different cultures // Mentality of Russians / Dubova I.O.(Ed.). Moscow: Image-Contact, 1997. pp. 253-277.
- Tarasov E.F.* Problemy teorii rechevogo obshcheniya [Problems of the theory of verbal communication. Published report, submitted for the degree of Doctor of Philology in 10.02.19 – Theory of Linguistics. Moscow, 1992 // Journal of Psycholinguistics, 2010, no 2 (12), pp. 20-26.
- Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri [Traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Human. Society]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1989. 243 p
- Ufimtseva N.V.* Problemy akkulturratsii novykh zhiteley Rossii [Problems of acculturation of the new citizens of Russia] // Journal of Psycholinguistics, 2010, no 2 (12), pp. 71-75.
- Ufimtseva N.V.* Arkheopogiya yazykovogo soznaniya: pervyie rezultaty [Archaeology of linguistic consciousness: first results] // Language. Consciousness. Culture. Moscow-Kaluga: Institute of Linguistics of - Russian Academy of Science, 2005. pp.205-217.
- Ufimtseva N.V.* Yazykovoye soznanie: dinamika I variativnost [Language consciousness: dynamics and variability. Moscow, Kaluga: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2011. 252 p.
- Khakassko-Russkii slovar [Khakass-Russian dictionary]. Subrakova OV (Ed.). Novosibirsk: Publishing House Nauka, 2006. 1114 p.
- English Associative Thesaurus [electronic resource]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (reference date: 03.05.2015).
- Hornby, A.S.* (1974). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. -Oxford University Press.
- Paradis C., Willners C., Jones S.* (2009). Good and bad opposites. Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity // The Mental Lexicon. John Benjamins Publishing Company.
- Murphy M.L.* (2003). Semantic relations and the lexicon: antonyms, synonyms and other semantic paradigms. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 81'23

«ВСЕ ЛИ СПОКОЙНО В НАРОДЕ? ...»

Ирина Александровна Бубнова

зав. кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4.
e-mail: kafedragf@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы становления исследований языкового сознания в рамках московской психолингвистической школы. Особое внимание уделяется преемственности научной традиции и логике развития этого направления, а также обсуждению факторов, обуславливающих его актуальность в настоящее время. На примере анализа динамики содержания психологической структуры значения слова *народ* демонстрируется возможность извлечения информации о самоощущении общества в определенный исторический момент, об отношении к тенденциям развития страны, доминирующем в массовом сознании. Показывается, что полученные в экспериментах результаты позволяют не только анализировать прошлое и нынешнее состояние «психологического поля» человека как представителя определенной социальной группы, но и на этом основании делать некоторые прогнозы о будущих векторах его развития.

Ключевые слова: языковое сознание, психологическая структура значения слова, народ, самоощущение общества, «психологическое поле», социальные прогнозы будущего развития.

0. Любая нация существует до тех пор, пока существуют некие фундаментальные идеи, которые, как пишет Хосе Ортега-и-Гассет, «вовсе не возникают внутри нашей жизни в определенный день и час... \diamond ... они суть коренные верования, мы не отделяем их от самой реальности – они наш мир и наше бытие» [Ортега-и-Гассет, 2006, с.28–229]. Эти идеи – традиции, система ценностей, нормы и правила поведения – представляют собой то *культурное ядро*, которое всегда позволяло России выстоять даже в самые тяжелые годы ее истории. Однако в настоящий момент русское культурное ядро подвергается постоянным и планомерным атакам, конечной целью которых, по мнению многих ученых и общественных деятелей, является полное уничтожение русского мира. Именно в силу этого работы, направленные как на выявление национально-культурной и социальной специфики содержания языкового сознания, так и его динамики, которые уже несколько десятилетий ведутся Натальей Владимировной Уфимцевой, ее учениками и единомышленниками, становятся сегодня еще более актуальными, открывая «перед нами, русскими, уникальную возможность познать самих себя в том современном состоянии нашей души или образа мира, который в ней отражается, и решить, хотим ли мы оставаться самими собой...» [Уфимцева 1996].

1. Несмотря на то, что языковое сознание стало объектом пристального внимания лишь в конце XX века, фундамент этих исследований, результаты которых к сегодняшнему моменту позволили раскрыть своеобразие мировидения разных народов, обусловленное формировавшимися веками культурными ценностями, был заложен в дискуссиях, начатых еще пятьдесят лет назад. В далеком 1966 году на

первом семинаре по психолингвистике, который собрал вместе и молодых ученых, и ученых с мировым именем, А.А. Леонтьев, говоря о специфике отечественных психолингвистических и, в частности, семантических исследований, подчеркивал необходимость создания новой теории «удовлетворяющей современным научным данным единой теоретической трактовки речевой деятельности» [Леонтьев, 1966]. Тогда же была выделена и ключевая проблема изучения семантики – **выявление реально существующих и зафиксированных в сознании говорящих семантических совокупностей слов** [Клименко 1966]. Отмечая необходимость прослеживания путей, ведущих от языка и речи к мышлению как процессу актуализации элементов сознания, С.Д. Кацнельсон привлекал внимание к особенностям формирования содержания сознания, представляющего собой совокупность знаний не только научных, но и **мировоззренческих, практических и житейских, полученных**, в том числе, **в процессе активного обмена информацией между индивидами и ее осмысления** [Кацнельсон 1966]. Поддерживая эту точку зрения, Г.П. Щедровицкий акцентировал тот факт, что понимание и интерпретация различных эмпирических данных возможны только при рассмотрении процессов общения и результатов деятельности индивидов (в том числе и речевой) в **культурно-историческом аспекте** [Щедровицкий 1966] [выделено нами – И.Б.].

Развертывание намеченной на первом семинаре программы исследований позволило вскоре экспериментально доказать принципиальное единство «семантических» и ассоциативных характеристик слова, что привело к формированию представления о психологической структуре значения слова в сознании человека [Леонтьев 1968], развитие которой выражается «в глубоком изменении функциональных связей между высказыванием и действительностью» [Уфимцева, Федина 1978]. В дальнейшем, в ходе целого ряда работ, в том числе фундаментальных (см., например, [Психолингвистические проблемы семантики 1983]), выкристаллизовалось понимание слова как опорного элемента индивидуального сознания, в котором отражена психическая деятельность человека «как сложное и многогранное взаимодействие чувственного и рационального, индивидуального и социального, осознаваемого и неосознаваемого» [Залевская 1988], т.е. феномена, связывающего, по мысли А.Н. Леонтьева, в сознании субъекта через внешнюю чувственность значения с реальностью объективного мира, а через личностный смысл – «с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами» [Леонтьев 2004, с.318]. Это, в свою очередь, выразилось в определении нового объекта анализа в отечественной психолингвистике – *языкового сознания*, понимание которого оказалось «близко к тому пониманию, которое современная советская психология вкладывает в понятие «образ мира». Этот последний есть отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1988, с.105].

2. Проводя изначально различие между вариантом *образа мира* – его индивидуально-личностным видением, определяемым личностными смыслами и другими компонентами структуры личности, и его инвариантом, обусловленным лежащими в его основе социально выработанными опорами (прежде всего значениями), который может быть единым для всего социума (этноса) или для определенной социальной группы внутри этого социума [там же], отечественные

психолингвисты сфокусировались на последнем. Именно инвариант *образа мира*, отражаемый в психологической структуре значений, выявляемой в ходе массовых ассоциативных экспериментов, оказался в центре внимания участников программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян», а затем и многочисленных последователей того направления, которое было сформировано в рамках московской школы.

Сегодня, благодаря огромной работе лингвистов, продолжающих традиции, заложенные основателями отечественной психолингвистики, созданы такие словари, как РАС [Караулов и др. 2002], САС [Славянский ассоциативный словарь 2004], ЕВРАС [Уфимцева, Черкасова 2015], СИБАС [Сибирский ассоциативный словарь 2015], которые позволяют не только «получить новые инструменты исследования культуры и ее бытования в обыденном сознании носителя языка, изучить системность обыденного сознания русских» [Уфимцева 2015, с.85], но и «увидеть и проанализировать те изменения, которые происходят в языковом сознании молодых носителей русской культуры под влиянием изменяющейся социокультурной реальности, а также проследить вектор этих изменений и спрогнозировать их последствия для культуры в целом» [Там же]. Последний фактор все чаще оказывается в фокусе внимания представителей научного (и не только научного) сообщества, активно обсуждающего различные варианты организации мирового сообщества и места в нем нашей страны в недалеком будущем.

Представляется весьма значимым тот факт, что анализ современного состояния ядра русского *языкового сознания* и содержания его центральных элементов показывает: сегодня определенные изменения коснулись как иерархии традиционных для этноса ценностей в целом, так и отдельных зон семантических гештальтов, которые репрезентируют важнейшие для русского человека понятия, отражая перемены, происходящие в окружающей действительности [Там же]. На наш взгляд, состояние общества не менее ярко должно выражаться и в психологической структуре значений слов, служащих для обозначения определенных совокупностей людей, определенных социальных слоев. Именно с этой позиции нами была предпринята попытка проанализировать динамику психологической структуры значения слова *народ*.

3. Сразу отметим, что понятие *народ* не входит в ядро языкового сознания носителей русской культуры. Однако, как было отмечено выше, трансформация современного общества не могла не затронуть и периферию языкового сознания, а анализ изменений в психологической структуре значения данного понятия, как и многих других, таких как *враг, война, надеяться, ненавидеть, обман* и т.п., является не менее важным в силу того, что его результаты дают возможность проследить имплицитную оценку общих тенденций развития российского социума, а также динамику восприятия самих себя несколькими поколениями людей, в том числе и сформировавшимися уже в постперестроечную эпоху. Еще одной причиной, по которой психологическая структура слова *народ* представляет значительный интерес, является то, что в последнее время данное слово практически вышло из официального употребления. В речевой деятельности представителей всех ветвей власти, тех, кто, по определению, должен представлять интересы граждан своей страны, защищать их права, либо приводить в жизнь законы, граждане давно превратились в *население*, определяемое в словарях как:

1) НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ – непрерывно возобновляющаяся в процессе воспроизводства совокупность людей, живущих на Земле в целом или в пределах какой-либо ее части (стране, группе стран и т. п.) [БЭС];

2) НАСЕЛЕНИЕ – совокупность людей как социально-биологических существ, живущих на определенной территории, будь то деревня или город, административный район или географическая область, отдельная страна или весь земной шар (для обозначения населения крупных стран и всего мира нередко употребляется также термин «народонаселение»). Понятие население предполагает его устойчивость, достигаемую в процессе естественного воспроизводства, путем рождения нового поколения [Словари и энциклопедии на Академике]

В ходе анализа были использованы наиболее частотные реакции на слово *народ* в следующих словарях: Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ), Русский ассоциативный словарь (РАС), Славянский ассоциативный словарь (САС), Сибирский ассоциативный словарь (СИБАС) (данные по словарям представлены в Таблице 1).

Таблица 1

НАРОД САНРЯ (1977)	НАРОД РАС (1994)	НАРОД САС (1998-1999)	НАРОД СИБАС (2008-2015)
люди 39 (19.31)	толпа 16 (14.68)	толпа 84 (14.68),	толпа 66
великий 19 (9.41)	безмолвствует 6 (5.5)	люди 57 (9.61)	люди 50
советский 17 (8.42)	русский 5 (4.59)	русский 50 (8.43),	русский 21
русский 16 (7.92)	великий 4 (3.67)	нация, много, страна 15 (2.53)	нация 17
могучий, сила 7 (3.47);	глупый 3 (2.75)	сила 9 (1.52)	общество, стадо 14
толпа 6 (2.97)	быдло, голодный, массы, митинг, партия, советский, стадо, страны, темный 2 (1.83)	масса 8 (1.35)	страна 13
масса, много 5 (2.48);		власть, население, родной, стадо 7 (1.18)	демократия 9

Данные, представленные в Таблице 1, со всей очевидностью свидетельствуют, что психологическая структура слова-стимула кардинально изменилось в девяностые годы, когда слом государства, навязываемая обществу новая история служила инструментом разрушения национального культурного ядра, сплачивающего вокруг себя людей (по Далю: люди - м. мн. людъ ж. люд м. собират. человеки, **род человеческий; народ, мир, общество**: [Словарь Даля] [выделено нами – И.Б.]), считавших себя в конце семидесятых *великим, советским русским, могучим (народом)*, и превращения его в *безмолвствующую, глупую, голодную толпу*. Пик восприятия своего народа (а, следовательно, и себя) как *толпы* пришелся на конец девяностых, что неудивительно, если вспомнить, что именно эти годы получили

название «смутного времени», времени материальной и духовной нищеты, катастрофического вымирания населения, практически полного разрушения государственности, экономики, науки, образования, вооруженных сил страны. Интересно, что именно тогда из обыденного языкового сознания практически уходит и уже не возвращается в последующих поколениях определение *советский*, его место занимает *русский*, и это положение стабильно сохраняется уже более двадцати лет.

Примечательным кажется то, что с конца девяностых – начала двухтысячных годов и до настоящего момента структура ассоциативного поля слова *народ* не меняется. Основные различия между РАС, с одной стороны, и САС и СИБАС, с другой, заключаются в том, что, во-первых, снизилось число оценочных определений; во-вторых, вновь на втором месте появилась реакция *люди*, которая по числу практически сравнивается с *толпой*, в-третьих, появились реакции *нация*, *общество*, *страна*.

О чем может свидетельствовать стабильность реакций, сохраняемая в течение практически двадцати лет?

Прежде всего, очевидно, что до сегодняшнего дня большая половина граждан ощущает себя частью *толпы*, т.е. частью «скопления людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей и организации, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим центром внимания» [Словари на Академике]. Но именно эмоциональное состояние, обусловленное социальными условиями существования и имеющее личностный характер, сигнализирует о неблагоприятном и крайне нестабильном состоянии организма и психики. Иначе говоря, с точки зрения психологической теории поля большая половина граждан страны живет в ситуации напряженного жизненного пространства. При этом источник напряжения идентифицируется массовым сознанием на основе знаний, получаемых из СМК, поэтому средства массовой коммуникации вполне способны спровоцировать и направить деятельность людей в определенном направлении путем создания потребности, реализация которой позволит, по мнению людей, восстановить нарушенное равновесие.

Не менее важно и то, что 50% респондентов считают себя *людьми*, *народом*, а не обезличенным *населением*. Именно о таком самоощущении заявляют пользователи русскоязычного интернета, замечая, что «у народа есть национальность, а у населения ее нет»; «население – чиновничья категория»; «у народа должны быть общности (притом текущая территория расселения не обязательная общность), население – это просто совокупность жителей территории»; «население – это географический термин, а народ – этнический»; «народ – исторически сложившаяся общность людей, то есть осознанное причисление себя к этой стране, а население – это статистическая сводка» и т.д. [В чем разница – народ и население?]. В данном случае также можно говорить о напряженном состоянии поля, которое является результатом осознания несовместимости двух знаний: самовосприятия себя как *человека*, *части народа* и понимания того, что ты – *часть «непрерывно возобновляющейся в процессе воспроизводства совокупности людей»* для тех, кто позиционирует себя как власть.

Выводы. В целом проведенный анализ позволяет высказать два важных в аспекте рассматриваемой темы положения:

1. Психологическая структура слова *народ* в массовом языковом сознании позволяет говорить о нестабильном и напряженном поле жизненного пространства российских граждан, которое, в силу особенностей человеческой психики, в частности, стремления человека к упорядоченному и сбалансированному миру, не может сохраняться в течение длительного периода времени.

2. Как бы не ощущали себя обычные люди – частью *толпы* или частью *народа* – они не считают себя ни *населением*, ни *электоратом*, а это значит, что существует критический разрыв между *образами мира* обычных граждан и представителей властных структур.

Литература

Залевская А.А. Слово как опорный элемент сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. М.: АН СССР, Институт языкознания. – С. 68–69.

Кацнельсон С.Д. Сознание – мышление – язык – речь // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966). Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1966. – АН СССР, Институт языкознания. – С. 11–14.

Клименко А.П. Вопросы экспериментального изучения слов // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966). Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1966. – АН СССР, Институт языкознания. – С. 73–75.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Материалы второго симпозиума по психолингвистике (4 – 6 июня 1968 г.) – М.: Издательство «Наука», 1968. – С. 53–55.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. – М.: АН СССР, Институт языкознания. – С.105–106.

Леонтьев А.А. О различии психологической основы психолингвистических исследований // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966) Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1966. – АН СССР, Институт языкознания. – С.3–5.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с. – С.118.

Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Запахи культуры. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С.227–268.

Ответы на вопрос «В чем разница – народ и население?» – <http://otvet.mail.ru/community/>

Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. – 288 с.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики, 2015. №3 (25) – С. 83–93.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 139–162.

Уфимцева Н.В., Федина З.И. К проблеме развития значения слова // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 17 – 20 апреля 1978 г.), АН СССР, Институт языкознания – М.: ВАСХНИЛ, 1978. – С. 199.

Щедровицкий Г.П. О возможных направлениях изучения «речевой деятельности» // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966) Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1966. – АН СССР, Институт языкознания. – С. 5–8.

Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/41464/>

Русский ассоциативный словарь (РАС). URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

Сибирский ассоциативный словарь (СИБАС). – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) (авторы-составители И.В.Шапошникова, А.А.Романенко) URL:<http://adictru.nsu.ru>

Славянский ассоциативный словарь (САС). URL: <http://it-claim.ru/asis>

Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru>

Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ). URL: <http://it-claim.ru/asis>

Словарь Даля. URL: http://v-dal.ru/word_s-46098.html

“ARE PEOPLE STEADY, AND QUIET, AND CALM?...”

Irina A. Bubnova

Head of Foreign Philology Department Moscow City Pedagogical University
Moscow, 2-Selskokhozyastveny Proezd, 4
e-mail: kafedragf@mail.ru

The article considers the main stages of formation of language consciousness research within the framework of Moscow psycholinguistic school. Special attention is paid to the continuity of scientific traditions and logic of development of this research sphere. The factors, which call forth urgency of such investigations nowadays, are also discussed.

Inherent potentialities of the physiological structure of the word meaning that give the opportunity to get information about self-sentiment of society in a definite historical moment and its attitude towards the main trends of the country's development are demonstrated by the analysis of content dynamics of the word *people*. It is shown that experimental data are very useful not only for the analysis of past and present state of “psychological field” of a person as a representative of a social group, but also could be used for social prognosis of its future progress.

Keywords: language consciousness, physiological structure of the word meaning, people, self-sentiment of society, “psychological field”, social prognosis of its future progress.

References

Zalevskaya A.A. Slovo kak opornyj ehlement soznaniya // Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. «Yazykovoe soznanie». Moskva, 30 maya – 2 iyunya 1988 g. M: AN SSSR, Institut yazykoznanija. – S. 68–69.

Kacnel'son S.D. Soznanie – myshlenie – yazyk – rech' // Seminar po psiholingvistike (30 maya – 1 iyunya 1966). Tezisy dokladov i soobshchenij, Moskva, 1966. – AN SSSR,

Institut yazykoznanija. – S. 11–14

Klimenko A.P. Voprosy ehksperimental'nogo izucheniya slov // Seminar po psiholingvistike (30 maya – 1 iyunya 1966). Tezisy dokladov i soobshchenij, Moskva, 1966. – AN SSSR, Institut yazykoznanija. – S. 73–75

Leont'ev A.A. Psihologicheskaya struktura znacheniya // Materialy vtorogo simpoziuma po psiholingvistike (4 – 6 iyunya 1968 g.) – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1968. – S. 53–55.

Leont'ev A.A. Yazykovoe soznanie i obraz mira // Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. «Yazykovoe soznanie». Moskva, 30 maya – 2 iyunya 1988 g. – M: AN SSSR, Institut yazykoznanija. – S.105–106 .

Leont'ev A.A. O razlichii psihologicheskoy osnovy psiholingvisticheskikh issledovanij // Seminar po psiholingvistike (30 maya – 1 iyunya 1966) Tezisy dokladov i soobshchenij, Moskva, 1966. – AN SSSR, Institut yazykoznanija. – S.3–5.

Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – 352 s. – S.118

Ortega-i-Gasset H. Idei i verovaniya // Zapah kul'tury. – M.: Algoritm, EHKsmo, 2006. – S.227–268.

Otvety na vopros «V chem raznica – narod i naselenie?» – <http://otvet.mail.ru/community/>

Psiholingvisticheskie problemy semantiki. M.: Nauka, 1983. – 288 s.

Ufimceva N.V. Znachenie slova kak otobrazhenie sociokul'turnoj real'nosti // Voprosy psiholingvistiki, 2015. №3 (25) – S. 83–93.

Ufimceva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya // EHTnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. – M.: Institut yazykoznanija RAN, 1996. – S. 139–162.

Ufimceva N.V., Fedina Z.I. K probleme razvitiya znacheniya slova // Tezisy VI Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii (Moskva, 17 – 20 aprelya 1978 g.), AN SSSR, Institut yazykoznanija – M.: VASKHNIL, 1978. – S. 199.

Shchedrovickij G.P. O vozmozhnyh napravleniyah izucheniya «rechevoj deyatel'nosti» // Seminar po psiholingvistike (30 maya – 1 iyunya 1966) Tezisy dokladov i soobshchenij, Moskva, 1966. – AN SSSR, Institut yazykoznanija. – S. 5–8.

Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/41464/>

Russkij associativnyj slovar' (RAS). URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

Sibirskij associativnyj slovar' (SIBAS). – Russkaya regional'naya associativnaya baza dannyh (2008 – 2015) (avtory-sostaviteli I.V.Shaposhnikova, A.A.Romanenko) URL:<http://adictru.nsu.ru>

Slavyanskij associativnyj slovar' (SAS). URL: <http://it-claim.ru/asis>

Slovary i ehnciklopedii na Akademike. URL: <http://dic.academic.ru>

Slovar' associativnyh norm russkogo yazyka (SANRYA). URL: <http://it-claim.ru/asis>

Slovar' Dalja. URL: http://v-dal.ru/word_s-46098.html

УДК 81'42

ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ КАК ОБЪЕКТ (ПСИХО)ОНОМАСТИКИ¹

Васильева Наталия Владимировна

главный научный сотрудник Института языкознания РАН

Москва, Б. Кисловский пер., д.1, стр. 1

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

В статье рассматриваются имена персонажей-двойников преимущественно в русских художественных текстах. Ставится задача обнаружить некоторые общие принципы, лежащие в основе тандемной проприальной номинации, которые используются автором текста для данного типа персонажей. Предварительно рассматривается само понятие двойника и приводятся разные типологии двойников, представленные в литературоведческих исследованиях. Самая общая типология двойников сводится к двум классам: удвоению и раздвоению. Из-за некоторой диффузности понятия «двойник» появилась потребность в терминологической дифференциации. Поэтому неслучайно некоторые языки (английский, в частности) для двойника как *alter ego* заимствовали немецкое слово *Doppelgänger*, возникшее в литературе немецкого романтизма и своей внутренней формой нагляднее манифестирующее идею мистического двойничества, чем просто *the double*. В результате анализа выбранных из текстов тандемных номинаций формулируются пять коррелятивных ономастических стратегий, отчасти обусловленных статусом двойника (т. н. двойниковая пара или расщепление сознания героя): 1) таутонимия, 2) таутонимия + модификация, 3) гетеронимия, 4) гетеронимия + аллюзия, 5) безымянность. Некоторые двойниковые пары анализируются в психоономастическом ключе (ассоциативные реакции). В заключение делается вывод, что очевидные приемы коррелятивной ономастической номинации (таутонимия + модификация) свойственны двойниковым парам, в то время как другие типы двойников требуют ономастической дешифровки с привлечением «вертикального контекста» произведения.

Ключевые слова: литературное имя собственное, персонажи-двойники, ономастические стратегии, таутонимия, гетеронимия, имена-палиндромы, психоономастика.

В статье «Образ мира русских: системность и содержание» Наталья Владимировна Уфимцева пишет: «... русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность. Русский нуждается в другом, в человеке-друге и готов воспринимать этого другого как хорошего, близкого себе» [Уфимцева 2009: 104]. Если мы обратимся к Русскому ассоциативному словарю, то обнаружим, что

в ассоциативно-вербальной сети ДРУГОЙ связан с ДВОЙНИК через четыре шага (S→R): ДРУГОЙ → РАЗНЫЙ → ОДИНАКОВЫЙ → ПОХОЖИЙ → ДВОЙНИК [РАС-1: 181, 542, 400, 494]. Так мы переходим к теме настоящей статьи, посвященной одному из аспектов феномена двойничества, которое «представляет собой своеобразную “минимальную” модель социума – один/другой, фиксируя как сходство/различие, так и способ связи агентов пары» [Агранович, Саморукова 2001: 25]. В статье на материале преимущественно русских художественных текстов будут рассмотрены номинативные стратегии, используемые писателями для выбора имен персонажей-двойников (чисто ономастическая проблема), а также ассоциации, возникающие у читателей при восприятии некоторых таких имен (психоономастический аспект).

Тема двойников и – шире – мотив двойничества являются к настоящему времени достаточно разработанными в теории мифа, ср. близнецные мифы [Иванов 1980], а также в философии, психологии [Брудный, Демильханова 2009] и особенно в психоанализе, ср. одну из первых работ Отто Ранка [Rank 2013/1925]. Самый пристальный интерес к мотиву двойничества обнаруживают литературоведение и семиотика кино, ср. [Bär 2005, с обширным списком литературы]. Однако в ономастическом плане для мира художественного текста эту тему нельзя считать полностью раскрытой. Нам известна только одна работа, специально посвященная именам двойников. Это большая (более 30 страниц) статья Донателлы Бремер [Bremer 2010], в которой автор рассматривает имена персонажей-двойников в текстовом пространстве западноевропейской литературы, начиная с античности, привлекая также современный кинематографический материал. По словам исследовательницы, обращение к «двойниковому» материалу с ономастической точки зрения было вызвано отсутствием такого взгляда в работах литературоведов, хотя литературоведческая библиография на тему двойников в художественных текстах поистине «безбрежна» [Bremer 2010: 44]. На эту работу мы будем неоднократно ссылаться как на источник примеров, поскольку, по признанию самого автора, только с помощью многочисленных примеров из западноевропейской литературы и кинематографа можно показать, какую роль играют собственные имена в произведениях, темой и/или мотивом которых являются двойник и двойничество. Выбрать же точный метод для анализа, по признанию Д. Бремер, непросто: двойники плохо укладываются в жесткую классификативную схему, хотя бы из-за того, что этот мотив заключает в себе «жизненную артерию глубинной психологии» (*die Lebensader der Tiefenpsychologie*) [Bremer 2010: 44]. Тема эта явно взывает к продолжению, поскольку ономастические стратегии для персонажей-двойников в работе Д. Бремер только намечены. Нашу задачу мы видим в том, чтобы выделить такие ономастические стратегии, привлекая также русский материал, а также посмотреть, возможны ли какие-либо корреляции между типом двойника и тем, как он назван, т. е. максимально сосредоточиться на ономастической сути двойников.

Для начала следует кратко остановиться на самом термине *двойник* и на типологии двойников в литературных текстах. Определения будем искать в трудах литературоведов, в которых так или иначе затронута тема двойничества. Первое, что бросается в глаза, это диффузность понятия *двойник*, что признается и самими исследователями-литературоведами: понятие «двойник» широко используется

¹ Исследование выполнено в рамках Программы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Имя собственное как инструмент текстообразования (на материале современной русской прозы)»

в литературоведении, но единого понимания его не существует [Михалева 2006]. Обращение к исследованиям (преимущественно диссертационным) на эту тему показало, что расщепленное сознание героя признается слишком широким пониманием двойничества и что двойники, как правило, рассматриваются в системе персонажей произведения, это «персонажи, объединенные на основании *внешнего* и/или *внутреннего* сходства, в основе “союза” которых лежит сущностное подобие или душевное сродство» [Комова 2013: 5]. Не случайно некоторые языки (английский, в частности) для двойника как alter ego заимствовали немецкое слово Doppelgänger, возникшее в литературе немецкого романтизма (которая собственно и породила образ мистического двойника). Считается, что само слово Doppelgänger, впервые употребил Жан Поль в романе «Зибенкэз» (“Siebenkäs”), опубликованном в 1796 г. [Vardoulakis 2006: 110], и своей внутренней формой это слово нагляднее манифестирует идею мистического двойничества, чем просто the double. Таким образом, самая общая типология двойников сводится к двум классам: удвоению и раздвоению, т.е. либо два дублетных персонажа дополняют друг друга и являются по сути одним целым (*Бобчинский* и *Добчинский*), либо двойник возникает как проекция (раздвоение) героя (*Голядкин-старший* и *Голядкин-младший* в «Двойнике» Достоевского). Существуют более подробные перечни вариантов двойничества, например, в монографии Аглаи Хильденброк. Противопоставляя «коллективного» двойника человека (марионеток, автоматов, кукол и пр.) «человеческому» индивидуальному двойнику, исследовательница приводит перечень форм такого двойничества: 1) семейное сходство (близнецы как особый случай), 2) случайное сходство, 3) две личности в одном человеке (маска), 4) двойник как призрачная проекция «я» героя, 5) зеркальное отражение, 6) портрет, 7) «омоложенное я», 8) тень [Hildenbrock 1986: 71 сл.]. Из классификации, которой придерживается Д. Бремер, в данный перечень можно добавить еще онейрического двойника, т.е. двойника из мира сна, а также мотив реинкарнации [Bremer 2010: 59, 64]. Добавим, что псевдонимы – это тоже часть темы о двойниках. Наша задача довольно узкая – выделить максимально общие стратегии ономастической номинации, действуя с учетом текстообразующих функций, выполняемых именами. Задача узкая, но фон, на котором она должна решаться, получается весьма широким.

Одной из функций имени в художественном тексте является функция констеллирования персонажей, т.е. указание (или намек) на связанность их в ткани повествования [Lamping 1983: 58 сл.; Васильева 2009: 138-139]. Персонажи-двойники представляют собой квинтэссенцию констеллятивной функции, поскольку они изначально задуманы как связанные, однако на ономастическом уровне эта связанность не всегда бывает выражена. Поэтому список потенциальных ономастических стратегий для персонажей-двойников относительно невелик и в схематическом виде сводится к пяти типам корреляций. Для их описания мы будем использовать термины *таутонимия* – использование одного и того же имени и *гетеронимия* – использование разных имен. (Отметим в скобках, что существует и другое понимание термина *таутоним*, например, в [Донченко 2011: 13] – это тип русского антропонима с тождественными именем и отчеством: *Иван Иванович*).

1. Первая ономастическая стратегия представляет собой таутонимию (тождество имен) и в схематическом виде может быть обозначена как $A \leftrightarrow A$. Пример

– близнецы *Менехмы* в комедии Плавта «Два Менехма» («Menaechmi»); различные персонажей на ономастическом уровне производится с помощью топонималокализатора: *Менехм из Эпидамна* и *Менехм из Сиракуз*. Таутонимами являются *Голядкин-старший* и *Голядкин-младший* в «Двойнике» Достоевского. Это достаточно очевидные примеры. Но можно привести и менее очевидные. Так, для русских имен есть еще одна возможность таутонимической номинации, связанная с гипокористиками. Обратимся к роману В. Пелевина «Жизнь насекомых», в котором одного из героев – ночного мотылька – зовут Митя. Митю сопровождает двойник Дима. Когда Митя освобождается, наконец, от Димы, существа, которое, как он говорит, «незаметно жевало меня почти всю жизнь и сожрало почти целиком», то исчезает и сам Митя, а возникает живущий в гармонии с собой и миром Дмитрий. Таким образом, в тексте в иконическом плане обыгрываются акциденции русского личного имени (возможность идентификации личности с помощью полной формы имени и нескольких гипокористик). Интересно при этом, что полная форма имени *Дмитрий* предстает как результат слияния гипокористик *Митя* + *Дима*. Это можно назвать процессом рекомпозиции; более обычный ход – расщепление полной формы имени на гипокористики (декомпозиция).

2. Вторая ономастическая стратегия может быть обозначена как таутонимия с модификацией; в схематическом виде $A \leftrightarrow A_1$, т.е. второй член двойниковой пары является легко прочитываемой модификацией первого. Такой модификацией/трансформацией – при сохранении тождества – является палиндром.

В известной советской повести-сказке «Королевство кривых зеркал» Виталия Губарева (1951, текст см.: <http://lingua.russianplanet.ru/library/gubarev.htm>; одноименный фильм 1963) героиню зовут Оля, а ее двойника из зеркала зовут Яло.

Как тебя зовут? - всхлиывая, спросила Оля.

- Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

- Правильно! - воскликнула удивленная Оля. - Как ты узнала?

- Это очень просто. Ведь я твоё отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня все наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

Вторичность (отраженность) имени *Яло* никак не влияет на активность персонажа в нарративном пространстве текста. Однако в языковом отношении имя-двойник оказывается грамматически и словообразовательно слабее: имя *Яло* не склоняется и у него отсутствуют суффиксальные производные, которыми обладает имя *Оля* в прямой речи Яло, ср.:

- Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь, - шагай вперед!..» Мне совсем не страшно, Олечка!

- Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

В качестве следующей разновидности этой номинативной стратегии выступает одно имя в разных языках. В упомянутой статье Д. Бремер назван фильм Кшиштофа Кеслёвского «Двойная жизнь Вероники» (фр. La double vie de Veronique, польск. Podwójne życie Weroniki, 1991; в роли обеих героинь Ирен Жакоб). Две протагонистки (и мистические двойники), которые так никогда и не встретились, похожи друг на друга, как две капли воды. Различие между ними – страны, в которых они живут, и языки, на которых они говорят – польский и французский. И вытекающая из этих обстоятельств различная форма имени: *Weronika* и *Véronique*.

3. Третья ономастическая стратегия – гетеронимия – связана с разными именами, которые носят двойники. В схематическом виде эту стратегию обозначим как $A \leftrightarrow B$. Количество примеров, которые можно привести для иллюстрации данной номинативной стратегии, зависит от того, насколько широко трактуется понятие «двойник». Если в роли двойников выступает любая пара коррелирующих персонажей (а такое понимание тоже существует), то в качестве примеров послужит почти вся мировая литература. Здесь хотелось бы отметить следующее. Несхожесть имен двойников (в соответствующем интерпретативном поле) может вывести исследователя на непрямые констеллятивные признаки, реконструируемые с помощью других персонажей. Приведем пример. В одном из самых известных «двойнических» произведений, в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны», протагонист Медард имеет двойника Викторина. На уровне имен прямая связь двойников отсутствует. Но есть второстепенные персонажи, имена которых служат ключами для раскрытия глубинных нарративных смыслов и связей. Так, можно реконструировать констелляцию *Медард - Аурелия* (важный для повествования женский персонаж) через имя *Розалия* (условная мать Медарда), имеющее то же, что и имя *Аурелия*, количество букв и ту же финаль; *Розалия* же и *Медард* (уже за пределами мира данного текста) связаны тем, что св. *Медарду* (St. Medardus, 456-545 гг.) приписывается устраивание праздника *роз* в Саленси [Bremer 2010: 54-55].

4. Четвертую ономастическую стратегию для персонажей-двойников обозначим как гетеронимию с аллюзией на первое имя или на формулу имени; схематически $A \leftrightarrow B$ (A). Этот прием используется преимущественно для типа двойников, которые выступают парой и неотделимы друг от друга. Цель такого приема – изобразить целое с помощью редупликации, сделав тем самым это целое выразительнее и объемнее. Пример - пара *Бобчинский* и *Добчинский* в «Ревизоре» Гоголя, которые повторяют и дополняют друг друга. На поверхности лежит отличие фамилий одним начальным звуком (Б – Д). Но вспомним, что и того, и другого зовут *Петр Иванович*. Получается, что не только фамилии, но и вся формула имени, т. е. ФИО целиком, различаются у этих персонажей только одним звуком. Их парность превращается в умноженность одинаковости и тем самым воспринимается как обезличивание.

Участие упомянутой формулы имени в «двойниковой игре» можно найти у В. Набокова, непревзойденного мастера языковой игры на всех уровнях текста. В романе «Машенька» есть два периферийных персонажа *Колин* и *Горноцветов*, которые упоминаются всегда вместе. В тексте они ни разу не названы по имени, только по фамилии. Однако фамилии, будучи всегда рядом, «прочитываются» как двучленная формула имени одного человека: *Коля Горноцветов*. Таким образом, формула имени (в статусе аллюзии) играет для читателя роль своего рода дешифровальной машины, позволяющей в данном случае определить место и роль персонажей-двойников в мире текста.

Пару имен двойников, особенно с формально (фонетически, структурно) выраженной связанностью, можно использовать как стимул для выявления возможных ассоциативных реакций, т. е. такие пары представляют интерес в психономастическом аспекте. А если в качестве стимулов взять прецедентные имена, то можно предположить разнообразие реакций. Мы воспользовались материалами

сайта <https://otvet.mail.ru/question/15129388>, чтобы посмотреть ответы на вопросы об именах *Чук* и *Гек* (дата обращения 17.11.2015). На вопрос, какие были полные имена этих персонажей повести Аркадия Гайдара (впервые опубликованной в 1939 г.), были получены следующие ответы: *Чукча* и *Гектор*, *чукундэрз* и *гектаррий*, *чукмек* и *гекмек*, *Чубан* и *Гектор*, *Чингачжук* и *Гекатонхейр*. Поскольку в ответах явно присутствует модус стёба, то мы не очень будем обращать внимание на смысловое наполнение получившихся биномов (здесь явно присутствует принцип, чем экзотичнее, тем круче). Сравним новые пары имен, ориентируясь на принципы русской антропонимической номинации и предполагая, что нарочитая ономастическая игра может помочь вынести на поверхность глубоко спрятанные механизмы работы ономастического сознания. Какие номинативные принципы сохраняются даже при нарочитой смысловой деконструкции онимического материала? Прежде всего мы видим, что при моделировании «полного» имени на основе имеющейся гипокористики русское языковое (ономастическое) сознание порождает более сложную, чем исходная, форму. То есть получается, что случай *Вера* (полная форма) – *Верочка* (гипокористика), *Лев* (полное имя) – *Левушка* (гипокористика) не закреплен в языковом сознании как типический. Чтобы из краткой формы имени сделать гипотетическую полную, нужно развернуть эту форму вправо, т.е. «полное» имя представляется респондентам как «краткое имя + расширение», в данном случае в совокупности дающее либо известное слово или имя, либо два окказионализма (*чукундэрз* и *гектаррий*), либо окказионализм как эхо-форму (*гекмек*). Решающую роль в деривативном процессе играет актуальная фонетическая и суперсегментная близость (аллитерация, слоги, ударение). На этом маленьком примере можно сделать вывод-наблюдение, что ступенчато моделируемые гипокористики, например, *Шура* от *Александр* (через *Саша* и *Сашура*) традиционны, но не типичны.

Фонетическая связь имен двойников как аллюзивный прием может проявиться в тексте лишь однократно, однако с большой смысловой нагрузкой. Так, в романе В.Набокова «Отчаяние» (1930) у протагониста Германа обнаруживается двойник Феликс. Эти имена не обладают фонетическим сходством, непохожи они и по своей апеллятивной семантике: *Герман*, нем. двусловное имя *Hermann* < др.-вн. heri 'войско' + man 'мужчина, человек', *Феликс* < лат. felix 'счастливый'. В непохожести имен есть, однако, особый смысл, т. к. Набоков в этом романе «живописует ложное двойничество. Двойник главного героя Германа – обычный человек по имени Феликс, а не тень героя или персонификация его затаенных желаний. Но главное отличие от романтиков состоит в том, что Феликс внешне не похож на Германа, влюбленного в собственное отражение в зеркале настолько, что с легкостью находит лелеемые в себе черты в первом встречном бродяге» [Егорова 2012: 15]. Таким образом, сходства нет, но есть значимый образ – зеркало, и этот образ получает в романе своего палиндромного «двойника» – слово *олакрез*. Одержимый идеей нарциссического двойничества, Герман-повествователь произносит фразу, в которой с помощью приема метатезы все-таки объединяются два имени: «Мне грезится новый мир, где все люди будут друг на друга похожи, как Герман и Феликс, – мир Геликсов и Ферманов, – мир, где рабочего, павшего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник» [Набоков, 1990: 429]. В данном контексте прием употребления имен во множественном числе при-

зван окончательно разрушить идею самоидентификации личности.

5. И наконец, пятая стратегия – безымянный двойник, в схематическом виде $A \leftrightarrow 0$ (имя \leftrightarrow отсутствие имени). Обратимся к знаменитому стихотворению Г. Гейне «Doppelgänger» («Двойник») и одному из его переводов (А. Блок).

Doppelgänger (Heinrich Heine)	Двойник (перевод Александра Блока)
<p>Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen, In diesem Hause wohnte mein Schatz; Sie hat schon längst die Stadt verlassen, Doch steht noch das Haus auf demselben Platz. Da steht auch ein Mensch und starrt in die Höhe, Und ringt die Hände, vor Schmerzengewalt; Mir graust es, wenn ich sein Antlitz sehe, – Der Mond zeigt mir meine eigne Gestalt. Du Doppelgänger! du bleicher Geselle! Was äffst du nach mein Liebesleid, Das mich gequält auf dieser Stelle, So manche Nacht, in alter Zeit? (1823–1824)</p>	<p>Тихая ночь, на улицах дрема, В этом доме жила моя звезда; Она ушла из этого дома, А он стоит, как стоял всегда. Там стоит человек, заломивший руки, Не сводит глаз с высоты ночной; Мне страшен лик, полный смертной муки, Мои черты под неверной луной. Двойник! Ты – призрак! Иль не довольно Ломаться в муках тех страстей? От них давно мне было больно На этом месте столько ночей! (1909)</p>

Двойник в поэтическом тексте – это тема отдельного исследования (ср. [Криницын]). Оставаясь на принятой в данной статье сугубо ономастической точке зрения, отметим, что в приведенных стихотворных безымянность двойника, на наш взгляд, относительная. Лирический герой оказывается в ситуации «распознавания образа», и результат этого распознавания/узнавания трагичен для героя-созерцателя, который видит в созерцаемом себя самого: *Der Mond zeigt mir meine eigne Gestalt; Мне страшен лик, полный смертной муки, Мои черты под неверной луной.* Поэтому восклицание в следующей строке (*Du Doppelgänger!* у Гейне и *Двойник!* в блоковском переводе) вполне можно считать окказиональной прагматической проприализацией. Имя нарицательное *двойник* проприализируется, т. е. получает в данной конкретной ситуации признаки собственного имени: определенность и единственность для адресата, находящегося в координатах «здесь и сейчас».

Таким образом, о прямой зависимости типов двойников и типов их имен говорить сложно. Можно наметить лишь определенные доминантные стратегии ономастической номинации, которые мы постарались сформулировать выше. На поверхности находятся так называемые двойниковые пары, или дубли (*Бобчинский, Добчинский*), имена которых демонстрируют максимальное сходство. Хорошо «вычислимы» и зеркальные двойники, носящие имена-палиндромы. Другие типы двойников требуют ономастической дешифровки, связанной с привлечением «вертикального контекста» произведения.

Литература

- Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 132 с.
- Брудный А.А., Демильханова А.М. Феномен двойника и «стадия зеркала» // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 42-55.
- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Либроком, 2009. 224 с.
- Донченко А.С. Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н.В. Гоголя и А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
- Егорова Е.В. Игра слов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Русская речь. 2012. № 2. С. 14-20.
- Иванов Вяч.Вс. Близнечные мифы // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М.: БРЭ, 1980. С. 174-176.
- Комова Т.Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2013. 23 с.
- Криницын А.Б. Мотив двойника в русской поэзии // Образовательный портал «Слово». Режим доступа: URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47576.php> (дата обращения: 14.03.2015).
- Михалева А.А. Герой-двойник и структура произведения: Э.Т. Гофман и Ф.М. Достоевский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 36 с.
- Набоков В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Правда, 1990. 479 с.
- РАС-1: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин. М.: Астрель; АСТ, 2002. 784 с.
- Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. №4. С. 98-111.
- Bär G. Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam / New York: Rodopi, 2005. 718 S.
- Bremer D. Der Doppelgänger und sein Name // Namenkundliche Informationen. Н. 97. 2010. S. 41-73.
- Hildenbrock A. Das andere Ich. Künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1986. 285 S.
- Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983 (=Wuppertaler Schriftenreihe Literatur, 21). 135 S.
- Rank O. Der Doppelgänger. Bremen: Dogma, 2003 (1925). – 124 с.
- Vardoulakis D. The Return of Negation: The Doppelgänger in Freud's «The Uncanny» // SubStance. 2006. Vol. 35. No 2. 110-116.

DOPPELGANGERS IN FICTION AS AN OBJECT OF (PSYCHO) ONOMASTIC STUDIES

Natalia Vladimirovna Vasilyeva

chief research associate

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

B. Kislovsky per., d. 1, str. 1

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

The paper deals with proper names of characters and their doppelgangers mainly in Russian fiction. The main goal is to find out some general strategies peculiar to doppelgangers' proprial field. But before the notion and the term *doppelgänger* (German *Doppelgänger*) are considered with regard to the literary criticism position. As result of the study five correlative onymic strategies are formulated due to doppelgänger's type (character's double or splitting of the hero's consciousness): 1) tautonymy, 2) tautonymy + modification, 3) heteronymy, 4) heteronymy + allusion, 5) namelessness. Psychoonomastic approach also is partly used in order to demonstrate readers' reaction to some well-known doppelgangers' proper names. As conclusion the author draws attention to the fact that the obviously demonstrable onymic strategies (tautonymy + modification) are peculiar to character's doubles, whereas other types of doppelgangers require decoding of their names with a large amount of philological tools.

Keywords: characters' and their doppelgangers' proper names, onymic strategies, tautonymy, heteronymy, onymic palindromes, psychoonomastic approach

References

- Agranovich S.Z., Samorukova I.B.* Dvoynichestvo [The phenomenon of duality]. Samara, Samarskiy universitet, 2001. 132 p.
- Bär G.* (2005). Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam / New York: Rodopi. 718 S.
- Bremer D.* (2010). Der Doppelgänger und sein Name. Namenkundliche Informationen. H. 97. 41-73.
- Brudnyy A.A., Demil'khanova A.M.* Fenomen dvoynika i «stadiya zerkala» [The phenomen of doppelgänger and «mirror stage»]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* – [Historical psychology and sociology], 2009, no. 2, pp. 42-55.
- Donchenko A.S.* Semantiko-stilisticheskie osobennosti antroponimikona p'es N.V.Gogolya i A.P.Chekhova [Semantic and stylistic characteristics of anthroponyms in the theatrical plays by Gogol and Chekhov: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2011. 24 p.
- Egorova E.V.* Igra slov v romane V. V. Nabokova «Otchayanie» [Word play in the novel «Despair» by Vladimir Nabokov]. *Russkaya rech'* – [Russian speech], 2012, no.2, pp. 14-20.
- Hildenbrock A.* (1986). Das andere Ich. Künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur. Tübingen: Stauffenburg-Verlag. 285 S.

Ivanov Vyach. Vs. Bliznechnye mify [Twin myths]. *Mify narodov mira* – [Myths of the peoples of the world]. Moscow, vol. 1, pp. 174-176.

Komova T.D. Dvoyniki v sisteme personazhey khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale zapadnoevropeyskoy i russkoy literatury XIX v.) [Doppelgangers in characters' system; the case of West European and Russian fiction of the 19th century: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2013. 23 p.

Krinityn A. B. Motiv dvoynika v russkoy poezii [The doppelgänger motif in Russian poetry] URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47576.php> (14.03.2015).

Lamping D. (1983). Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier. 135 S.

Mikhaleva A. A. Geroy-dvoynik i struktura proizvedeniya: E.T.A. Gofman i F.M. Dostoevskiy [Doppelgänger as character and the structure of the novel: E. T. A. Hoffmann and F. Dostoevsky: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2006. 36 p.

Nabokov V. Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh. T. 3. Moscow, Pravda, 1990. 479 p.

Rank O. (2003/1925). Der Doppelgänger. Bremen: Dogma. 124 S.

RAS-1: Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktzii / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin. [Russian Associative Dictionary. Vol. 1: From stimulus to reaction]. Moscow, Astrel', AST, 2002. 784 p.

Ufimtseva N. V. Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [World image of Russians: systematicity and content]. *Yazyk i kul'tura* – [Language and culture], 2009, no. 4, 98-11.

Vardoulakis D. (2006). The Return of Negation: The Doppelgänger in Freud's «The Uncanny». *SubStance*. Vol. 35. No 2. 110-116.

Vasil'eva N.V. Sobstvennoe imya v mire teksta [Proper name in the world of texts]. Moscow, Librokom, 2009. 224 p.

ББК 81.60.5.63.5

ЖАРГОН И СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА¹

Герд Александр Сергеевич

Заведующий кафедрой
математической лингвистики
Санкт-Петербургский государственный университет
С-Петербург, Университетская наб., д. 11.
e-mail: ahead@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «жаргон» в его отношении к социальной группе. Приводится лингвистическое определение понятия «жаргон».

Ключевые слова: социолингвистика, язык, жаргон, индивид.

Я позволю себе начать эту статью нетрадиционно.

Наталья Владимировна Уфимцева – выпускница кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета и я как заведующий этой кафедрой, горжусь ею и тем местом, которое она занимает в отечественной лингвистике и тем, что могу посвятить ей ниже несколько строк.

Нетрудно заметить, что психолингвистика и социолингвистика, а шире – прикладная лингвистика – тесно соприкасаются и переплетаются.

Психолингвистические исследования проводятся как на макронациональном, макроэтническом уровне, так и конкретно по индивидам. Полученные таким образом разные микрокартины мира и систематизированные далее по группам, дают материал для решения сложных социально-политических вопросов современности, таких как монолингвизм и билингвизм в обществе, язык и проблема образования, культурный ландшафт, адаптация и инкорпорация инокультурных компонентов, конфликт культур и эволюция бикультуры.

В книге [Герд 2005а] нами был представлен относительно большой суммарный список параметров понятия «этнос», т. е. параметров группировки людей по этническому признаку. Но если для этнолингвистики главное – определить тип этнической принадлежности индивида, то для социолингвистики этого мало. Нужны и другие внешние и внутренние критерии выделения социальных макрогрупп, определения национальной самоидентификации индивида. Например, такие как возраст, место рождения, образование, профессия, национальность, родной язык, второй язык, любимые занятия, осознание себя членом группы, самоназвание группы, отношение к религии, тип связей группы, среда общения, отношение к общественно-политическим движениям, отношение к музыке, отношение к официальному браку, отношение к разным типам интимных связей.

При этом носители жаргонов нередко являются яркими представителями поликультуры или бикультуры.

Бикультура бывает двух основных типов: этническая и надэтническая [Герд, 2013]. Так, к надэтнической бикультуре относятся все носители специальных знаний и терминологий, представители тюремно-лагерных или разных сексуальных групп, наркоманы. Яркими показателями бикультуры являются: отношение к другому народу, к иностранцам, к их религии, к понятию «родина», «вторая родина», к положению своего народа в стране, к влиянию чужой культуры, к своей культуре, к традициям своего народа, страны, города, среды, семьи. Индивид может быть монокультуралом в одном отношении и бикультуралом – в другом. Осознание себя стопроцентным русским или французом отнюдь не исключает его поликультурности по другим параметрам. Нетрудно заметить, что в чисто социологическом плане подобная классификация индивида и соответственно выделение группы будут не однолинейными, а многопризнаковыми.

В книге Н. В. Уфимцевой справедливо подчёркивается, что образ мира в сознании носителей определённой культуры как компонент культуры этноса – это и механизм адаптации этноса к окружающему миру [Уфимцева 2011]. Решение этих вопросов тем более актуально, если подобные группы относятся к национальным меньшинствам в этой стране.

Прикладная социолингвистика начинается там, где по данным языка мы можем выделить какие-то социальные группы, партии и определить меру и степень их взаимоотношения с обществом через язык во всём многообразии этнических, социальных и речевых признаков.

Недостатком современных работ в области жаргонологии является то, что мы чаще всего исходим из того, что как бы уже знаем этот жаргон заранее. Таково, например, распределение помет в Большом словаре русского жаргона (БСРЖ). На первом месте по числу помет к словам в БСРЖ стоят пометы, выделяющие говорящих по роду занятий, по профессии и по любительским интересам типа хобби; на втором – выделяющие крупные субстандартные группы – гомосексуалистов, проституток и наркоманов; на третьем – военных, школьников, студентов, молодёжи, на четвёртом – слова лагерного обихода, далее следуют пометы, выделяющие речь программистов и пользователей персональными компьютерами, музыкантов, картёжников, автомобилистов, моряков, техников, индивидуальных торговцев, военных, любителей ролевых игр и школьников.

Однако большое число самых разных помет БСРЖ ещё отнюдь не свидетельствует о существовании соответствующих жаргонов.

Пометы БСРЖ говорят о том, что ни одна жесткая шкала не может достаточно полно представить современное деление общества на те или иные группы. Все характеристики индивидуума по его речи перекрещиваются и взаимопересекаются. Каждый индивид одновременно может принадлежать и к одной, и к другой, и к третьей группе.

Рассмотрим в качестве яркого примера язык свободных квир-групп в современном обществе.

Именно в социолингвистике здесь мы находим большой разрыв между данными социологии, с одной стороны, и лингвистики с другой. Касательно типов

¹ Статья подготовлена по гранту СПбГУ 31.38.291.2014

и форм квир-движения в мире написаны сотни статей и монографий. А собственно социологическая литература по проблемам гомосексуализма и бисексуализма (даже исключая труды по медицине) как на русском, так и на других языках, могла бы сегодня служить предметом отдельной солидной библиографии.

Серьёзных научных исследований о жаргоне геев, их языке насчитываются единицы [Козловский 1986, Becker 2010, 2012, Legman 1941, Mielke 1995, Walter 2003].

Сегодня все существующие словари жаргонной лексики – это, как правило, сводные словари жаргонизмов из разных групп и ареалов.

В своё время, анализируя словари В. Козловского [Козловский 1986] и М. Мильке [Mielke 1995], мы попытались показать, что никакого особого внутреннего жаргона гомосексуалистов не существует [Герд 2005б, Герд 2006].

В трудах Козловского и Мильке собрана лексика экзогенного, а не эндогенного типа, представляющего исключительно пейоративную оценку гомосексуалистов со стороны в лагерной среде.

Работы Козловского и Мильке созданы на основе советских источников тюремно-лагерного происхождения. Отделить по данным этих словарей особый жаргон гомосексуалистов от общего тюремно-лагерного жаргона невозможно. По-видимому, квир-лексику, связанную с её функционированием в тюремно-лагерной среде, следует рассматривать и изучать отдельно.

Совсем другой аспект этой общей темы представляет язык современных гомосексуалов, бисексуалов, транссексуалов, образующих в разных странах мира современные полуофициальные, официальные и главное – межличностные свободные квир-группы и объединения, включающие в себя типичных представителей надэтнической бикультуры, индивидов разного генотипа, возраста, национальности, происхождения, вероисповедения и т. д. (как монолингвов, так и билингвов).

Статья Й.-М. Беккера [Becker 2010], основанная уже на материале современных русских интернет-сайтов, убедительно подтверждает, что большая часть слов, употребляемых сегодня гомосексуалистами, благодаря интернету известна в наше время значительному числу говорящих. По-видимому, никаких особых дифференциальных пластов лексики интимных и специальных отношений не образует. Более того, благодаря интернету с каждым днём лексика и система условных знаков квир-движения становится всё более интернациональной, что нередко приводит к усилению обмена сообщениями в интернете между носителями разных языков в различных странах.

В реальном устном общении язык квир-групп ничем не выделяется от общенародной лексики интимных отношений того или иного языка.

Не углубляясь сейчас в анализ языка многочисленных квир-сайтов на английском языке и в особенности чатов, отметим только, что они содержат обычную сниженную лексику британского английского и американского сленга [Patridge] и легко понимаемы.

Представитель той или иной социальной группы чаще всего употребляет жаргонные слова разных социальных групп и подгрупп. Лишь тщательный полевой

социолингвистический, многопараметрический анализ может выявить жаргонизмы, определённо выделяющие ту или иную социальную группу.

Сегодня разделение жаргонов на разные типы носит, как правило, социологический характер. Доказать существование того или иного жаргона, исходя из строго лингвистических критериев непросто, а порой и вряд ли возможно. Скорее всего, речь отдельных индивидов, социальных групп представляет собой достаточно аморфное ассоциативное поле, нечёткое множество.

В аспекте социолингвистическом носители жаргонов нередко могут быть представителями широкого этнического и социального поликультуризма (например, поколения, выросшие в СССР в разных республиках, носители двух и более языков).

Таким образом, в современном мире существует широкое международное социальное квир-движение, но никакого особого жаргона, определяемого по каким-либо территориальным или собственно лингвистическим признакам, у него нет.

Итак, резюмируем. Что же такое жаргон?

Жаргон – это надтерриториальная, надэтническая, надконфессиональная форма существования языка, выделяемая функционально по характеру тематической и понятийной сферы общения его носителей.

Именно в связи с этим следует сказать, что квир-жаргон современных групп более всего подготовлен к лингвистическому изучению. Мы располагаем в интернете сотнями сайтов, чатов, блогов, разных типов интернет-комментариев, художественной литературой на разных языках и главное – возможностью общения с живыми информантами.

Литература

- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. - 717 с.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2005а. - 487 с.
- Герд А.С. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц. Грани слова. Сб. научн. статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М.: Элпис. 2005б. - С. 614–624.
- Герд А.С. О лингвистическом подходе к понятию «жаргон». Слово в словаре и дискурсе. М.: Элпис, 2006, С. 201–208.
- Герд А.С. Социолингвистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. - 60 с.
- Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры. Материалы к изучению. New York: Chalidze publications, 1986. - 228 p.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания, 2011. - 251 с.
- Becker J.-M. Между разграничением и типизацией – функции жаргонной лексики и фразеологии сексуальных меньшинств в Интернете. *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie.* Hrsg. v. Harry Walter und Valerij M. Mokienko. Greifswald: Universität Greifswald, 2010, S. 67–72.
- Becker J.-M. Das Internet als Ort der sexuellen Befreiung. Eine sociolinguistische Untersuchung von Sonderwortschätzen im Deutschen, Italienischen und Russischen. *Sex und Language.* Salzburg Universität Salzburg, 2012.

Legman G. The Language of Homosexuality. An American Glossary. In: George W. Henry: Sex Variants. A study of homosexual patterns. Paul B. Hoeber Publ., New York 1941, 2 Bde., S. 1149-79.

Mielke T. Der homosexuelle Wortschatz im Russischen. München: Verlag Otto Sagne, 1995. - 139 s.

Patridge E. A Dictionary Slang and Unconventional English. London. V. 1–2, 1974. - 406 S.

Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang: Peter Lang. Frankfurt-am-Main, Berlin, Wien. 2003 - 200 S.

JARGON AND SOCIAL GROUP

Gerd Alexandr Sergeevich

Chief of Department of the mathematical linguistics Saint-Petersburg University
Saint-Petersburg, Universitetskaja quay 11
e-mail: ahead@yandex.ru

In article analyses the types of the correlations between the jargon and social group on the example of Queer-groups.

Key-words: Sociolinguistics, language, jargon, individual

References

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bolshoj slovar russkogo zargona [Big dictionary of Russian jargon]. SPb.: Norint. 2000. – 717 s.

Gerd A.S. Vvedeniye v etnolinguistiku [Introduction to etnolinguistic]. SPb.: Izd. SPbGU, 2005a. – 487 s.

Gerd A.S. Žargonologija: predmet, object i tipy jedinic. Grani slova [Žargonologija: subject, object and types of units. Facets of words]. Sb. nauchn. statej k 65-letiju prof. V.M. Mokienko. M.: Elpis, 2005 b. – C. 614–624.

Gerd A.S. O lingvističeskom podhode k ponatiju žargon. Slovo v slovare i diskurse [On the linguistic approach to the concept of jargon. The word in the dictionary and discourse]. M.: Elpis. 2006. – S. 201–208.

Gerd A.S. Sociolinguistica [Sociolinguistics]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2013. – 60 s.

Kozlovskij V. Argo russkoj gomoseksualnoj subkultury. Materialy k izucheniju [Argo Russian homosexual subculture. Materials for the study]. New York, 1986. – 228 S.

Ufimtseva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost [Language consciousness: the dynamics and variability]. M.: In-t jazykoznanija, 2011. – 251 s.

Becker J.-M. Mezdu razgranicheniem i tipizacij – funkcij zargonnoj lexiki i frazeologii seksualnyh menshinstv v Internete [Between the delimitation and typing - function slang vocabulary and phraseology of sexual minorities on the Internet] . Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Hrsg. v. Harry Walter und Valerij M. Mokienko. Greifswald: Universität Greifswald, 2010. – S. 67–72.

Becker J.-M. Das Internet als Ort der sexuellen Befreiung. Eine sociolinguistische Untersuchung von Sonderwortschätzen im Deutschen, Italienischen und Russischen. Sex und Language. Salzburg Universität Salzburg, 2012.

Legman G. The Language of Homosexuality. An American Glossary. In: George W. Henry: Sex Variants. A study of homosexual patterns. Paul B. Hoeber Publ., New York 1941, 2 Bde., 1941, – S. 1149–79

Mielke T. Der homosexuelle Wortschatz im Russischen. München: Verlag Otto Sagne, 1995. – 139 S.

Patridge E. A Dictionary Slang and Unconventional English. London. V. 1–2, 1974. – 406 S.

Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang: Peter Lang. Frankfurt-am-Main, Berlin, Wien. 2003. – 200 S.

УДК 81'23

**МОДЕЛЬ АССОЦИАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ,
СФЕРЫ РЕФЕРЕНЦИИ СТИМУЛОВ И КАРТИНА МИРА****Гольдин Валентин Евсеевич,**

проф. Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
e-mail: goldinve@yandex.ru

Сдобнова Алевтина Петровна,

доц. Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
e-mail: sdobnovaap@yandex.ru

Авторы статьи утверждают, что в ассоциативных полях стимулов, относящихся к одному и тому же семантическому классу, обнаруживаются единые для данных классов сочетания сфер референции. Устойчивые комплексы сфер референции авторы интерпретируют как модели реагирования и связывают с ними строевые языковой картины мира.

Ключевые слова: ассоциативное поле, семантический класс, сфера референции, картина мира.

В основе исследования лежит положение о том, что ассоциативно-вербальная сеть, рассматриваемая как «овнешнение» (Е. Ф. Тарасов) языкового сознания, обладает не только свойством глобальной связанности, обеспечивающим при необходимости переход от каждого из узлов сети к другим ее узлам, но и некоторыми видами внутренней группировки единиц, что ведет к сочетанию универсальных моделей и процедур обработки словесного материала сети со специальными моделями и процедурами, ориентированными на отдельные функциональные блоки в ее составе.

В свободном ассоциативном эксперименте внутренняя структурированность сети проявляется, в частности, в том, что реагирование на слова-стимулы, входящие в один блок, совершается в основном по общей для всех членов блока модели и системно отличается от реагирования на слова-стимулы других блоков. Например, известно, что характер реагирования на словесные стимулы зависит прежде всего от того, могут ли предъявляемые стимулы восприниматься испытуемыми как целые высказывания, задающие тему коммуникации, или для выявления своей связи с высказыванием требуют определенной трансформации, достройки, поэтому ассоциативные поля стимулов-существительных, предъявляемых испытуемым в начальной форме (они могут восприниматься как номинативные предложения и вводить тему коммуникации), существенно отличаются от ассоциативных полей стимулов, представленных словами других частей речи или стимулами-существительными в косвенной форме. При этом стимулы-существительные в начальной форме при достаточном количестве испытуемых дают в сравнении с другими стимулами наи-

большее разнообразие типов реакций, и их ассоциативные поля наиболее разносторонне представляют соответствующие фрагменты действительности.

Однако и стимулы-существительные разных семантических классов ведут себя в ассоциативном эксперименте неодинаково. По-разному, например, строятся ассоциативные поля существительных, именуемых лиц (*мальчик, человек* и под.), и существительных, характеризующих лиц (*весельчак, негодяй* и под.). При этом опыт анализа ассоциативных полей стимулов разных классов подтверждает существование моделей реагирования в основном единых для каждого класса. Так, Е. Г. Трещева в результате изучения ассоциативных полей имен ситуаций-событий заключает, что оно «позволяет, с одной стороны, выявить отличия АП (ассоциативных полей – *В.Г, А.С.*) имен ситуаций-событий от АП стимулов других типов и, с другой стороны, выделить группы внутри класса событийных имен» [Трещева 2012: 20].

Учитывая факты этого рода, приходится решать, следует ли при анализе моделей ассоциативного реагирования опираться на какие-либо из уже существующих детально разработанных семантических классификаций имен или имеет смысл начинать с самого общего их разделения и пытаться устанавливать частные классы на самом ассоциативном материале, по обнаруживаемым в нем моделям реагирования. Второе решение представляется предпочтительным, тем более что известные варианты семантических классификаций существенно различаются своими целями, основаниями и степенью подробности, что затрудняет их использование в качестве опорной понятийной системы (ср., например, семантическую классификацию лексики, используемую И. Б. Шатуновским [Шатуновский 1996], и классификацию, принятую в Национальном корпусе русского языка).

Задача установления соответствия между отраженными в строении ассоциативных полей направлениями реагирования и семантическими классами слов-стимулов, с одной стороны, сходна с конструированием «семантических гештальтов» этих полей [Караулов 2000; Караулов 2015], поскольку она решается группировкой реакций и созданием обобщающей модели; с другой же стороны, ее решение направлено не на выявление семантической специфики тех или иных полей, а, напротив, на отвлечение от их индивидуальных характеристик, на обнаружение моделей реагирования, общих для семантического класса стимулов, и в этом смысле она имеет противоположную направленность.

Гораздо ближе наше понимание модели ассоциативного реагирования к концепции ассоциативных схем, представленной в ряде работ Н. И. Мироновой [Миронова 2008; Миронова 2014]. В качестве примера ассоциативной схемы автором приводится построенная на материале реакций на стимулы *старик, младенец, собака, медведь* универсальная схема для ассоциативных полей стимулов, представляющих одушевленный объект:

- «1. Возможные референты слова-стимула.
2. Действия, состояния и характеристики референта слова-стимула.
3. Другие субъекты – участники ситуации.
4. Действия, состояния и характеристики других субъектов – участников ситуации.
5. Объекты – участники ситуации.

6. Место ситуации.
7. События жизни референта слова-стимула и периоды времени.
8. Чувства и эмоции» [Миронова 2014].

Как можно видеть, многие слоты данной схемы могут относиться не только к стимулам группы «одушевленный объект», но и к стимулам других семантических групп. Это свидетельствует о том, что разнообразие ассоциативных связей не беспредельно, что отношения между единицами ассоциативно-вербальной сети в значительной мере универсальны и что поэтому актуальной является задача выявления общих моделей реагирования на стимулы, относящиеся к семантическим группам и классам разного типа и разных уровней обобщения.

Для семантического класса предметных имен существительных, выступающих в роли стимулов в свободном ассоциативном эксперименте, возможное решение данной задачи было предложено в работе [Гольдин 2010], где раскрывалась и итеративная процедура обнаружения модели. Суть этой процедуры – в поэтапном уточнении и обобщении сфер (зон) референции, выявляемых на материале ассоциативных полей стимулов одного класса, и представлении этих сфер в том виде, какой наиболее соответствует семантическому классу предметных существительных как целому. Например, ассоциативные пары типа *девочка* « в школе, бочка » « огород, бабушка » « деревня, деньги » « банк, бегемот » « болото, тигр » « в клетке, тигр » « зоопарк, тигр » « цирк, грабитель » « тюрьма, лошадь » « конюшня и под. послужили основанием для выделения обобщенного референциального отношения «предмет и его место», а пары типа *тигр* « охотник, газета » « журналист, гора » « альпинист, велосипед » « гонщик, деньги » « богач, телега » « извозчик и под. – референциального отношения «предмет и функционально связанное с ним лицо».

При выявлении общей структуры ассоциативных полей стимулов класса предметных существительных и построении соответствующей модели принципиальным является, с нашей точки зрения, толкование сферы референции стимула как устанавливающегося в сознании испытуемых отношения между предметом (его вводит стимул) и теми элементами, свойствами, состояниями реального или воображаемого мира, которые задаются реакцией. Понимаемые таким образом сферы референции являются в семантическом плане двучленными, поэтому, например, сферу референции ассоциативной пары *корабль* « штурвал образует не элемент «штурвал», а двучлен «корабль, штурвал», которому соответствует референциальное отношение «предмет и его часть». Двучленностью сфер референции обусловлены содержание и форма представления референциальных отношений: «предмет и его место», «предмет и его часть или материал, из которого предмет состоит», «предмет и сопутствующие ему предметы», «предмет и функционально связанное с ним лицо», «предмет и связанные с ним чувство, состояние лица» и т.п. Референциальное отношение при такой интерпретации сфер референции – это отношение между компонентами сферы референции.

Референциальные отношения предстают в конструируемой модели чрезвычайно обобщенными. Мы ни в коем случае не хотим сказать, будто для испытуемых в процессе свободного ассоциативного эксперимента вся сложность содержания предметного имени, всё составляющее живого слова с его образностью, личностным смыслом, чувственной тканью оказывается несущественным, не играющим

никакой роли. По крайней мере часть из этих сторон содержания слова хорошо прослеживается семантическим анализом ассоциативных полей, рассматриваемых по отдельности, в том числе методом построения их «семантических гештальтов», однако общая модель ассоциативного реагирования на слова-стимулы рассматриваемого семантического класса именно в силу своей обобщенности не удерживает каких-либо компонентов помимо референциальных отношений.

Анализ, выполненный по материалам РАС и АСШС, показал, что устойчиво реализуемая ассоциациями общая для предметных существительных модель их связей в языковом сознании включает четыре обязательных блока отношений, каждое из которых имеет разнообразные формы проявления.

Блок А образуется отношением предмета, вводимого словом-стимулом (далее обозначается как N), к ситуациям, компонентом которых N является в сознании испытуемых, или к другим, кроме N, компонентам этих ситуаций. Данное отношение воплощают:

- реакции-номинации ситуаций и/или обозначения ситуаций другими способами (например, *молоток* « аукцион, работа, забил гвоздь; заяц » « охота; памятник » « экскурсия и под.);

- реакции-наименования предметов (в том числе живых существ), веществ, явлений, встречающихся вместе с N, в той же ситуации (*молоток* « гвоздь, наковальня; памятник » « клумба; заяц » « морковка, капуста, ружьё, лиса, собака; ученик » « учитель и под.);

- наименования частей предмета N и/или целого, частью которого является предмет N, а также материала N (*молоток* « ручка; памятник » « постамент; памятник » « из гранита, из бронзы; заяц » « уши);

- реакции, характеризующие свойства N (*молоток* « маленький, тяжелый, массивный, крепкий и под., памятник » « новый, белый, красивый и под.; заяц » « пушистый, лопухий, быстроногий и под.);

- реакции, устанавливающие существование, действия, деятельность, состояния N (*молоток* « бьёт, сломался, лежит; памятник » « стоит, открыт, поставлен; заяц » « прыгает, бежит, скачет);

- реакции, определяющие локализацию N в пространстве и/или во времени (*молоток* « в квартире, мастерская, кузница; памятник » « парк, площадь, сквер, мемориал; заяц » « зима, в поле, клетка).

Блок Б составляют реакции, воплощающие связь N с человеком: «N и человек». Человек так или иначе (непосредственно или опосредованно) связан со всеми ситуациями и их компонентами, связан уже тем, что выделяет их и говорит о них, но в ассоциативных полях предметных существительных связь с человеком почти всегда получает не только опосредованное, но и прямое, явное выражение, специфицируется и потому должна быть представлена отдельным блоком реакций и референциальных отношений. Формами ее воплощения выступают:

- номинации лиц, функционально связанных с N (*молоток* « слесарь, памятник » « скульптор, памятник » « Пушкину, Лермонтов и под.; заяц » « охотник);

- реакции, выделяющие использование N человеком (функции N) и его действие на N (*молоток* « стучать, забивать, бить, строить; памятник » « людям о войне, на память, соорудить, беречь, крушить; заяц » « добыча, мясо, шапка, шуба);

- отношение «предмет и связанное с ним чувство, состояние лица» (МОЛОТОК « боль, по пальцу; ПАМЯТНИК « торжественность; ЗАЯЦ « нежность).

Блок В образуют связи предметно-логического, классификационного характера – «предмет и его место в системе знаний». К ним относятся:

- гиперо-гипонимические отношения (МОЛОТОК « инструмент; МОЛОТОК « ручник; ПАМЯТНИК « произведение; ЗАЯЦ « животное; ЗАЯЦ « беляк, русак и под.);

- связи соподчинения, номинации предметов того же уровня обобщения, что и уровень предмета N, связи «несовместимости» (МОЛОТОК « напильник, рубанок, топор; ЗАЯЦ « кролик, волк, лиса).

Блок Г определяет отношение к слову-стимулу как языковому феномену, отражает рефлексию испытуемых над словом и речью. Это отношение воплощают:

- реакции, синонимичные слову-стимулу, реакции-дублиеты (БЕГЕМОТ « гиппопотам; ВРАЧ « доктор, лекарь; ЗАЯЦ « косой);

- реакции-толкования значения слова-стимула (МОЛОТОК « инструмент для забивания; СТАКАН « предмет для питья воды; СЛОН « африканское животное);

- метаязыковые характеристики слова-стимула (ДЕТАЛЬ « существительное);

- речевые формулы, прецедентные тексты с N (ПАМЯТНИК « воздвиг, себе воздвиг нерукотворный; ЗАЯЦ « дед Мазай, Ну погоди!);

- слова или словоформы, близкие слову-стимулу по внешней форме (МОЛОТОК « платок; ЗАЯЦ « паяц; ВРАЧ « грач);

- индивидуальное имя предмета, имя собственное (ПАМЯТНИК « Орленок, Журавли)

и др.

В ассоциативных полях слов-стимулов класса предметных существительных обычно представлены все четыре блока отношений, тогда как конкретные формы ассоциативного воплощения этих отношений зависят от особенностей отдельных групп слов в составе класса предметных имен, поэтому они могут варьироваться и не всегда регистрируются в эксперименте. Выделенные блоки референциальных отношений настолько характерны для ассоциативных полей предметных существительных, что они четко выявляются даже при относительно небольшом количестве участников эксперимента. Например, среди 102 ответов на слово-стимул ЛОПАТА (РАС) находим реакции блока А:

- работа (ситуация),
- клад, земля, картошка, конь, лошадь, яма (встречаются вместе с N),
- черенок, без рукоятки (части целого),
- совковая, деревянная, тяжелая, железная... (свойства N),
- была, стоит, лежит, сломалась... (существование, состояние),
- огород, в саду... (локализация);
- реакции блока Б:
- солдат, стройбат, народ... (лица, связанные с N),
- для копания, копать, работать... (функция N);
- реакции блока В:
- инструмент, орудие труда (гиперонимы),
- кирка, лом, вилы, грабли (предметы того же рода, что N);
- реакции блока Г:

- не вата, солдата (фонетическое сходство со словом-стимулом),
- баба-Яга (отсылка к прецедентному тексту).

Реакций 102 испытуемых на стимул ЛОПАТА, по-видимому, мало для создания из них текста, раскрывающего с достаточной полнотой наши знания об этом инструменте, его устройстве, разновидностях, ситуациях использования и тому подобном, но базовые направления ассоциативного развертывания исходного представления в языковом сознании, именно вследствие своей «базовости», здесь реализованы.

В представленном варианте общей модели ассоциативного реагирования не учитывались относительные веса рассматриваемых блоков, различных сфер референции и соответствующих им типов реакций, но модель может быть развита и в этом направлении и использоваться при сопоставлении ассоциативных полей.

Четыре блока референциальных отношений можно интерпретировать как четыре способа идентификации слова (предметного существительного) и предмета в языковом сознании, четыре пути распознавания картин мира и ориентации в его ситуациях.

Блок А служит полному или частичному восстановлению на основе стимула положений дел, ситуаций, компонентом которых может быть вводимый стимулом предмет. Содержание этого блока в наибольшей степени соответствует практическому взгляду на мир, и потому на состав реакций, описывающих референциальные отношения данного блока, заметно влияют такие характеристики испытуемых, как их возраст, жизненный опыт, пол, социальная позиция, интересы, ценностные ориентации.

Блок Б теснейшим образом связан с блоком А, так же соответствует практическому взгляду на мир, но выделяет человека в качестве особого компонента любых ситуаций, которые человек может себе представить и о которых может говорить.

Блок В чрезвычайно интересен тем, что добавляет к практическому взгляду на мир элементы теоретического знания, которое не обязательно является научным (см., например: ПАУК « букашка; ОЛЕНЬ « зверь и под.), но использует систематизацию, классификацию, категоризацию гиперо-гипонимического типа и, по-видимому, является той почвой, на которой зарождаются ростки научного знания.

В блоке Г стимул выступает как представитель особой реальности: как единица языка и компонент речи, соотносящиеся с метаязыковыми и метаречевыми знаниями. Реакций, представляющих данный блок референциальных отношений, в каждом из ассоциативных полей относительно немного, но они появляются регулярно, особенно реакции, отсылающие к речевым формулам и прецедентным текстам (СЛОН « и Моська, в посудной лавке, розовый и под.).

Каждый из четырех блоков референциальных отношений специфически дополняет и конкретизирует общую картину мира, репрезентируя стимулами и реакциями различные типы и формы знания. Как справедливо утверждает Н. В. Уфимцева, «Образ сознания, ассоциированный со словом – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» [Уфимцева 2011: 252].

Литература

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области [] : база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / Сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.

Гольдин В.Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 9(16). М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 97–101.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3(25). С. 14–35.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–206.

Миронова Н. И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2(14). С. 108–119.

Миронова Н.И. Когнитивный подход к содержательному анализу реакций ассоциативного поля: схема // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 20. С. 69–79.

РАС – Русский ассоциативный словарь : интернет-версия. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 16.12.2009).

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.

MODEL OF ASSOCIATIVE RESPONDING, REFERENTIAL AREAS OF STIMULI AND THE PICTURE OF THE WORLD

Valentin E. Goldin,

Prof. (National Research Saratov State University;
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012),
e-mail: goldinve@yandex.ru

Alevtina P. Sdobnova,

Ass. Prof. (National Research Saratov State University;
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012),
e-mail: sdobnovaap@yandex.ru

The authors of the article claim that associative areas of those stimuli that belong to the same semantic class exhibit unitary combinations of referential areas of these classes. Persistent complexes of referential areas are interpreted by the authors as responding models which are connected to the configuration of the picture of the world.

Keywords: Associative area, semantic class, referential area, the picture of the world.

References

Access. Versija 1.05.00 / Sost. V. E. Gol'din, A. P. Sdobnova, A. O. Mart'janov / Saratovskij gosudarstvennyj universitet im. N. G. Chernyshevskogo. Saratov, 1998–2008.

Gol'din V.E. Konceptual'nye peremennye obraza mira po dannym associativnyh slovaraj [Conceptual variables of the world-image according to the data of associative dictionaries] // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunar. konf. «Dialog». Vyp. 9(16). M. : Izd-vo RGGU, 2010. S. 97–101.

Karaulov Ju.N. Associativnyj analiz: novyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta [Associative analysis: a new approach to literary text interpreting] // Voprosy psiholingvistiki. 2015. № 3(25). S. 14–35.

Karaulov Ju.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noj seti [Markers of national mentality in verbal associative networks] // Jazykovoe soznanie i obraz mira. M., 2000. S. 191–206.

Mironova N.I. Associativnyj jeksperiment: metody analiza dannyh i analiz na osnove universal'noj shemy [Associative experiment: methods of data analysis and analysis based on universal scheme] // Voprosy psiholingvistiki. 2014. № 2(14). S. 108–119.

Mironova N.I. Kognitivnyj podhod k sodержatel'nomu analizu reakcij associativnogo polja: shema [Cognitive approach to content analysis of associative area reactions: the scheme] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 20. S. 69–79.

RAS Je – Russkij associativnyj slovar' [Russian associative thesaurus]: internet-versija. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (data obrashhenija: 16.12.2009).

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability.]. M.: In-t jazykoznanija RAN, 2011. 252 s.

Shatunovskij I.B. Semantika predlozhenija i nereferezentnye slova (znachenie, kommunikativnaja perspektiva, pragmatika) [Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)]. M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 400 s.

Эта работа написана на тему, которой я начала заниматься еще в 80-х годах прошлого века под руководством Натальи Владимировны Уфимцевой, и основана, в частности, на данных созданного ею и ее коллегами Русского ассоциативного словаря.

Наталья Владимировна была научным руководителем и моей дипломной работы, и кандидатской диссертации, так что именно она научила меня тому, что лежит в основе любого научного исследования – правильно ставить задачи, расставлять приоритеты и выбирать способы интерпретации полученных результатов. Сейчас, оглядываясь назад, я удивляюсь, как, будучи тогда совсем еще молодым научным руководителем (я была ее самой первой аспиранткой), она смогла проявить такую мудрость и такт, помогая мне продвигаться в правильном направлении. Я очень высоко ценю всё, что она для меня сделала, и очень ей благодарна.

УДК 81'271.14'23'37'32

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НА ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОИСК

Горохова Светлана Игоревна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 11,
e-mail: s.gorokhova@spbu.ru

Дискуссионный вопрос об интерференции семантического контекста в процессе речепорождения рассматривается на основе анализа речевых ошибок русской речи с использованием данных Русского ассоциативного словаря и Национального корпуса русского языка. Результаты анализа речевых ошибок позволяют заключить, что прочность ассоциативной связи между словами и частота их совместной встречаемости являются предикторами возникновения речевых ошибок семантического типа и что эффект интерференции относится к этапам лексического и семантического планирования высказывания.

Ключевые слова: речевые ошибки, семантический контекст, семантическая связь, ассоциативная связь, совместная встречаемость

Введение

В большинстве современных теорий семантической памяти используются понятия семантического прайминга и семантической интерференции.

Экспериментальные исследования показали, что скорость и точность лексической реакции на искомое слово или изображение увеличиваются в случае предварительного предъявления участникам эксперимента семантически связанного слова-стимула, или прайма. Наблюдаемый эффект известен как семантический прайминг. В терминах теории распространяющейся активации, используемой во многих моделях лексического поиска [Collins and Loftus 1975; Dell 1986; McNamara 1992], причиной прайминга можно считать распространение активации от одной лексической единицы к другой через узлы, соответствующие общим семантическим признакам [Cree et al. 1999].

Исследования семантического прайминга обозначили актуальность проблемы разграничения семантической и ассоциативной связи между лексическими единицами [Moss et al. 1995]. Очевидно, что между многими ассоциативно связанными лексическими единицами существует и семантическая связь; в то же время семантически связанные слова не всегда связаны ассоциативно, а слова, часто используемые совместно, могут сформировать ассоциативную связь, не будучи связанными семантически [Neely 1991; Prior & Geffet 2003; Silberman et al. 2007]. Поэтому в ряде исследований было предложено определять наличие ассоциативной связи между лексическими единицами на основе измерения частоты их совместной встречаемости в речи и текстах с использованием языковых корпусов [McKoon & Ratcliff 1992; Williams 1996].

Различие между эффектами семантического и ассоциативного прайминга нередко интерпретируется, исходя из различия представлений о семантических и лексических сетях. Согласно этой точке зрения, семантическая связь между словами реализуется на концептуальном уровне обработки информации и определяется числом пересекающихся семантических признаков в их семантических представлениях, а эффект ассоциативного прайминга, основанный на частоте совместного использования слов в речевом опыте говорящего, возникает как следствие распространения активации между узлами сети на лексическом уровне представления [Plaut 1995; Ferrand & New 2003; Hutchison 2003].

Экспериментальные исследования показывают, что наличие семантической связи между искомым словом и контекстным стимулом (праймом) облегчает лексический поиск в некоторых типах экспериментальных заданий, но может и затруднять его в других заданиях [Bloem et al. 2004]. Этот эффект получил название семантической интерференции. В большинстве моделей лексического поиска [Humphreys et al. 1995; Starreveld & La Heij 1996; Levelt et al. 1999 и др.] предполагается, что этот эффект локализован на лексическом уровне речепорождения и вызван распространением активации от искомого понятия не только к соответствующей ему лексической единице, но и к другим семантически связанным с ним словам (некоторые авторы предпочитают называть этот эффект «активацией семантической когорты» – “semantic cohort activation” [Bloem et al. 2004; Abdel Rahman & Melinger 2007]). Это приводит к конкуренции лексического представления искомого слова с лексическим представлением семантически связанного интерферирующего слова. Однако обсуждаемый эффект семантической интерференции, по-видимому, характеризуется достаточно узким радиусом действия, поскольку наблюдается только в тех случаях, когда прайм и искомое слово являются когипонимами [Damian & Als 2005] или находятся в родо-видовой связи [Hantsch et al. 2005], но не тогда, когда интерферирующее и искомое слова принадлежат к разным семантическим категориям [Costa et al. 2005].

Надо отметить, что гипотеза о том, что лексический поиск сопровождается конкуренцией семантически связанных лексических единиц и что «эффект семантической интерференции» проявляется на лексическом уровне речепорождения, была многократно оспорена в работах А. Караматца и соавторов [Mahon & Caramazza 2009; Janssen & Caramazza 2011; Navarrete et al. 2014], продемонстрировавших в ряде собственных экспериментов, что «эффект семантической интерференции»

возникает лишь при выполнении экспериментальных заданий определенного типа и не является фундаментальным свойством механизма лексического выбора. В свою очередь, сторонники моделей, постулирующих существование эффекта семантической интерференции на лексическом уровне порождения речи, подвергли критике выводы своих оппонентов, упрекая их в использовании некорректных экспериментальных методик [Aristei et al. 2011; Melinger & Abdel Rahman 2013].

В рассмотренных выше исследованиях изучалось функционирование семантической памяти; в то же время имеются данные, позволяющие утверждать, что эффект семантического прайминга усиливается, если интерферирующее и искомое слова связаны не только семантически, но и эпизодически [McRae & Boisvert 1998].

Данные

В данной работе исследуется эффект интерференции семантического контекста на основе анализа речевых ошибок (оговорок) русской речи. Проанализированные ошибки можно называть «контекстными семантическими заменами». Речевые ошибки этого типа представляют собой случаи замены искомого слова другим словом, которое семантически связано с входящим в данное предложение интерферирующим словом. 158 примеров контекстных семантических замен были отобраны из корпуса, включающего около 6000 речевых ошибок русской речи.

Материал исследования составили тексты спонтанной устной речи носителей русского литературного языка (с высшим или незаконченным высшим образованием), включающие ту или иную речевую ошибку (подробнее об определении речевой ошибки и о методике сбора материала см. [Горохова 2014: 111]).

В зависимости от типа семантической связи между интерферирующим и заменяющим (ошибочным) словами имеющиеся примеры контекстных семантических замен можно отнести к следующим категориям: когипонимия (интерферирующее и заменяющее слова находятся в «видо-видовой» связи), гипонимия (интерферирующее слово – гипоним заменяющего), холонимия (заменяющее слово – «часть» интерферирующего), синонимия, антонимия, «семантическая связь» (иные типы семантической связи, кроме синонимической, антонимической, родо-видовой и «часть-целое») и эпизодическая связь (связь, отражающая не семантические отношения, а индивидуальный жизненный опыт говорящего). Статистика распределения примеров контекстных семантических замен по типу связи между интерферирующим и заменяющим словами приведена в таблице 1.

Таблица 1. Распределение различных типов связи между интерферирующим и заменяющим словами в контекстных семантических заменах (%)

когипонимы	гипонимы	холо- нимы	сино- нимы	анто- нимы	«семантически связанные»	эпизодически связанные
17.7	20,9	4,4	22.2	6.9	23.5	4,4

Примеры

Ниже приведены примеры контекстно-зависимых семантических замен различных типов (до знака «→» – фраза с искомым словом; после знака «→» – заменяющее слово; искомое и заменяющее слова выделены заглавными буквами; интерферирующее слово выделено жирным курсивом).

(1) Когипонимия:

Не бог весть какая «капуста» – раз в **НЕДЕЛЮ** сходить в *театр* →

Не бог весть какая «капуста» – раз в **КИНО** сходить в *театр*

(2) Гипонимия:

... в *джипах* приезжают даже за *этой* **ВОДОЙ** →

... в *джипах* приезжают даже за *этими* **МАШИНАМИ**

В отличие от искомого существительного единственного числа, заменяющее слово является существительным множественного числа, что и приводит к соответствующей замене грамматического признака числа предшествующего указательного местоимения; это свидетельствует о том, что замена произошла до этапа спецификации грамматических форм лексических единиц.

(3) Холонимия:

– А что означает *номер* у тебя на носках?

– А, это не *номер* – это какие-то **БУКВЫ** латинские →

А, это не *номер* – это какие-то **ЦИФРЫ** латинские

(4) Синонимия:

Прислали мне *водителя* с **МАШИНОЙ** →

Прислали мне *водителя* с **ШОФЁРОМ**

(5) Антонимия:

Я уже начала **ЗАСЫПАТЬ**, а потом *вспомнила* →

Я уже начала **ЗАБЫВАТЬ**, а потом *вспомнила*

(6) «Семантическая связь»

– Мне сегодня *утром* машину пришлось отскрести от **снега!**

– Как от **снега**?!

– Ну, так – от **снега**: шел **УТРОМ**, наверно, снежок небольшой... →

Ну, так – от **снега**: шел **ЗИМОЙ**, наверно, снежок небольшой...

Интересно, что хотя слово *утром* использовано в разговоре непосредственно перед возникновением речевой ошибки, т.е. является праймом, облегчающим правильный выбор искомого слова, степень активации слова *зима* оказывается настолько высокой, что оно используется для замены искомого слова *утро*.

(7) «Эпизодическая связь»:

Куда-то забрали *книгу для сотрудников*, пришлось **ПРОПУСК** оставить →

... пришлось **ПОДПИСЬ** оставить

[в *книге регистрации сотрудников* сотрудники библиотеки должны **расписаться**, когда берут с полки библиотечную книгу]

Сравнение с данными Русского ассоциативного словаря

Для проверки гипотезы, что контекстные семантические замены и вербальные ассоциации относятся к одному и тому же типу лексической зависимости, пары «интерферирующее-искомое» и «интерферирующее-заменяющее» сравнивались с ассоциативными нормами, отраженными в Русском ассоциативном словаре [2002; <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>]. В целях сравнения интерферирующее слово принималось за слово-стимул, а искомое и заменяющее слова – за ассоциативные реакции на этот стимул. Сравнивались величины частоты появления искомого и заменяющего слов в качестве ассоциативной реакции на интерферирующее слово. Примеры «эпизодической связи» не подвергались анализу, поскольку они отражают профессиональный и жизненный опыт говорящего и вряд ли имеют соответствия в ассоциативных нормах.

Для получения ассоциативных реакций на 15 не вошедших в Ассоциативный словарь интерферирующих слов был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Эксперимент проводился с использованием той же методики, которая использовалась при сборе материала для Ассоциативного словаря [2002: 3]. В эксперименте участвовали 102 студента СПбГУ, от которых было получено в общей сложности 1529 ассоциативных реакций в дополнение к данным Ассоциативного словаря.

Сравнительный анализ показывает, что показатели заменяющих слов в основном превышают соответствующие показатели искомых слов и что различие показателей частот ассоциативных реакций для искомых и заменяющих слов статистически значимо ($t(151) = 6,56, p < 0,0001$) (рис. 1).

Частота появления искомого и заменяющего слов в качестве ассоциативных реакций на интерферирующее слово

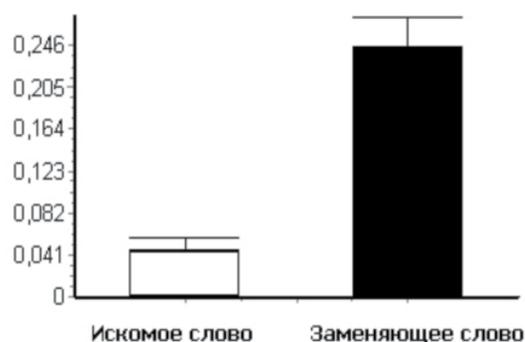

Рис. 1. Частоты (нормализованные с помощью квадратно-коренного преобразования) появления искомого и заменяющего слов в качестве ассоциативных реакций на интерферирующее слово (интерферирующее слово = стимул, искомое/заменяющее слово = реакция)

Сравнение с данными Национального корпуса русского языка

Для оценки частоты совместной встречаемости лексических единиц, вовлеченных в контекстные семантические замены, использовались данные Национального корпуса русского языка [http://ruscorpora.ru]. Показатели совместной встречаемости для каждой пары слов «интерферирующее-искомое» и соответствующей пары «интерферирующее-заменяющее» измерялись с помощью коэффициента взаимной информации MI и коэффициента распределения T [Church et al. 1991] с шириной контекстного окна ± 4 слова (среднее расстояние между интерферирующим и искомым словами в имеющихся примерах речевых ошибок). В данной работе принималось, что два слова обладают достаточно высокой степенью взаимной информации (т. е. появление одного из этих слов в предложении увеличивает вероятность появления в том же предложении второго слова), если значения обоих коэффициентов MI и T превышали свои минимальные допустимые значения: $MI \geq 3$ и $T \geq 2$ [см. Hunston 2002].

В результате сравнения совокупности пар «интерферирующее-заменяющее» и совокупности пар «интерферирующее-искомое» по числу пар, обладающих высокой степенью взаимной информации ($MI \geq 3$ и $T \geq 2$), с использованием критерия Фишера оказалось, что число таких пар значительно выше среди пар «интерферирующее-заменяющее» ($p = 0.032, OR = 0.3555$) (рис. 2).

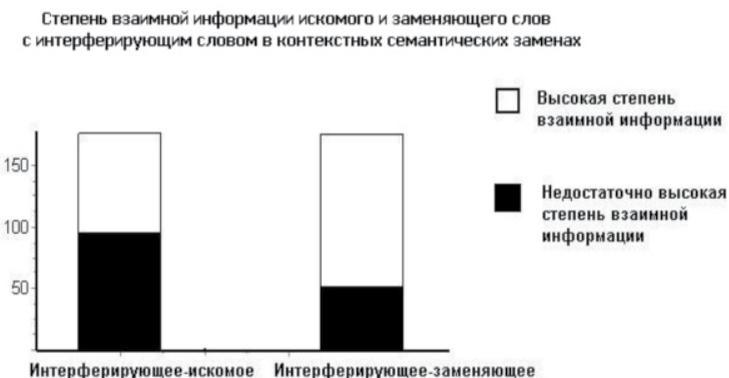

Рис. 2. Сравнение совокупности пар «интерферирующее-заменяющее» и совокупности пар «интерферирующее-искомое» по числу пар, обладающих высокой степенью взаимной информации ($MI \geq 3$ и $T \geq 2$)

Обсуждение результатов

Контекстные семантические замены являются результатом интерферирующего влияния одного из слов данного предложения, вызывающего собой работы механизма лексического поиска. Эффект можно объяснить в терминах моделей распространяющейся активации. Активация распространяется от интерферирующего слова к связанным с ним лексическим единицам, и одна из них может заменить искомое слово в случае, если степень ее активации выше степени активации искомого слова. На степень активации лексической единицы оказывает влияние информация о частоте ее совместной встречаемости и прочности семантической/ассоциативной связи с интерферирующим словом.

Поскольку во многих случаях интерферирующее и заменяющее слова связаны формальными типами семантических отношений, актуален вопрос и о психологической реальности формальных семантических связей, т. е. о том, связи какого типа актуализируются при поиске слова во внутреннем лексиконе.

Сравнение с данными Русского ассоциативного словаря показывает, что даже при наличии формальной семантической связи между интерферирующим и заменяющим словами между ними всегда существует и прочная ассоциативная связь; кроме того, сравнение с данными Национального корпуса русского языка свидетельствует о том, что в большинстве случаев (за предсказуемым исключением случаев синонимии) они обладают достаточно высокой частотой совместной встречаемости. Поэтому говорить о том, что эффект семантической интерференции отражает семантические связи между лексическими единицами, преждевременно; по-видимому, правильнее предположить, что при порождении речи между интер-

ферирующим и заменяющим словами активируются связи ассоциативного типа.

Семантические замены контекстного типа (*The Mafia moved into Boston* → *The Mafia moved into Italy*) впервые упомянуты в работе В. Фромкин [Fromkin 1988], предположившей, что семантические признаки могут подвергаться антиципации и персеверации подобно звуковым сегментам, слогам и лексическим единицам; например, замена слова *Boston* словом *Italy* может быть следствием персеверации признака [+итальянский] в семантическом представлении слова *Mafia*. Однако представляется вполне вероятным, что между *Italy* и *Mafia* существует также ассоциативная связь и что вследствие выбора слова *Mafia* в лексиконе было активировано ассоциативно связанное с ним слово *Italy*.

Что касается этапа речепорождения, на котором возникает рассматриваемый эффект, то утверждение, что ассоциативные связи формируются лишь между фонологическими и орфографическими представлениями лексических единиц, не затрагивая информацию об их значениях [Ferrand & New 2003], вызывает сомнения. В некоторых из примеров речевых ошибок, например, в приведенном выше примере (2) в заменяющем существительном и предшествующем ему указательном местоимении были произведены замены грамматических признаков – в противном случае синтаксическая структура предложения оказалась бы нарушенной. Это означает, что выбор заменяющего слова был осуществлен на более раннем этапе, нежели этап фонологического поиска. Принимая во внимание экспериментальные данные о наличии статистически значимой корреляции между семантическим сходством и прочностью ассоциативной связи для англоязычных ассоциаций [Prior and Geffet 2003], а также о взаимодействии систем семантической и ассоциативной памяти [Silberman et al. 2007], логичнее допустить, что эффект семантической интерференции проявляется на этапах и лексического, и семантического планирования.

Сопоставление с данными Национального корпуса русского языка позволяет заключить, что частота совместной встречаемости интерферирующего и заменяющего слов во многих случаях является предиктором ошибочного лексического выбора. Кроме того, имеются данные о корреляции между частотой совместной встречаемости и частотой ассоциативных реакций [Plaut 1995; Prior and Geffet 2003]. Однако существуют и исключения: в исследовании на материале иврита [Prior and Geffet 2003] статистически значимая корреляция между частотой совместной встречаемости слов и прочностью их ассоциативной связи наблюдалась далеко не для всех типов семантических отношений. Поэтому можно предположить, что основа формирования ассоциативной связи между словами – не только частота их совместного использования, но и совместная активация как в лексических, так и в семантических сетях.

Наблюдаемый в речевых ошибках эффект можно назвать *эффектом семантического контекста*. Поскольку он проявляется при различных типах связи между лексическими единицами, представляется вероятным, что в отличие от достаточно ограниченного эффекта, описанного в работах А. Караматца и соавторов [Caramazza et al. 2009], эффект семантического контекста является фундаментальным свойством механизма поиска слов во внутреннем лексиконе при порождении спонтанной речи.

Заключение

Сравнение с показателями совместной встречаемости слов в Национальном

корпусе русского языка, а также с данными Русского ассоциативного словаря позволяет заключить, что контекстные семантические замены отражают ассоциативную связь между единицами лексикона. Даже в тех случаях, когда интерферирующее и заменяющее слова семантически связаны, между ними существует также и ассоциативная связь, и (за вероятным исключением случаев синонимии) они характеризуются высокими показателями совместной встречаемости в речи и текстах. Представляется, однако, что такого рода ассоциативные связи базируются не только на фонологической и орфографической информации; более вероятно, что эффект семантического контекста проявляется на лексико-семантическом этапе порождения высказывания. По всей вероятности, выбор слова во внутреннем лексиконе может подвергаться воздействию контекстной интерференции еще до спецификации грамматических признаков слова.

В отличие от экспериментальных исследований семантического прайминга и семантической интерференции, которые демонстрируют ограниченный радиус действия указанных эффектов, данные речевых ошибок русской речи свидетельствуют о наличии стойкого эффекта интерференции значений слов на протяжении процесса лексического поиска при порождении речи. Этот эффект может быть интерпретирован в рамках теорий распространяющейся активации.

Литература

Горохова С.И. Семантические замены в нормальной речи: вероятностно-статистический анализ речевых ошибок // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. - № 4(041). – С. 110-121.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.02.16)

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов. –М.: Астрель, 2002. – Т. 1. - 784 с. – Т. 2. – 992 с.

Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 20.02.16)

Abdel Rahman, R., & Melinger, A. When bees hamper the production of honey: lexical interference from associates in speech production // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 2007. – Vol. 33. – P. 604-614.

Aristei, S., Melinger, A., and Abdel Rahman, R. 2011. Electrophysiological chronometry of semantic context effects in language production // Journal of Cognitive Neuroscience. – 2011. – Vol. 23. – P. 1567-1586.

Bloem, I., van den Boogaard, S., & La Heij, W. Semantic facilitation and semantic interference in language production: Further evidence for the conceptual selection model of lexical access // Journal of Memory and Language. - 2004. – Vol. 51. – P. 307-323.

Church, K., Gale, W., Hanks, P., & Hindle, D. Using statistics in lexical analysis // Lexical Acquisition / U. Zernik. - Englewood Cliff, NJ: Erlbaum, 1991. – P. 115-164.

Collins, A. M., & Loftus, E. F. A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological Review. - 1975. – Vol. 82. – P. 407-428.

Costa, A., Alario, F.-X., & Caramazza, A. On the categorical nature of the semantic interference effect in the picture–word interference paradigm // Psychonomic Bulletin & Review. – 2005. – Vol. 12(1). – P. 125-131.

Cree, G. S., McRae, K., & McNorgan, C. An Attractor Model of Lexical Conceptual Processing: Simulating Semantic Priming // *Cognitive Science*. - 1999. – Vol. 23(3). – P. 371-414.

Damian, M.F., & Als, L. C. Long-lasting semantic context effects in the spoken production of object names // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 2005. – Vol. 31. - P. 1372-1384.

Dell, G.S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // *Psychological Review*. - 1986. – Vol. 93(3). – P. 283-321.

Ferrand, L., & New, B. Semantic and associative priming in the mental lexicon // *Mental Lexicon: Some words to talk about words/ P. Bonin*. - Hauppauge, NY: Nova Science Publisher, 2003. – P. 25-43.

Fromkin, V.A. Grammatical aspects of speech errors // *Linguistic Theory: Extensions and Implications / F. J. Newmeyer*. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. – P. 117-138.

Hantsch, A., Jescheniak, J. D., & Schriefers, H.J. Semantic competition between hierarchically related words during speech planning // *Memory and Cognition*. - 2005. – Vol. 33(6). – P. 984-1000.

Humphreys, G. W., Lloyd-Jones, T. J., & Fias, W. Semantic interference effects on naming using a postcue procedure: Tapping the links between semantics and phonology with pictures and words // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1995. – Vol. 21. – P. 961-980.

Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 241 p.

Hutchison, K. A. Is semantic priming due to association strength or feature overlap? A microanalytic review // *Psychonomic Bulletin and Review*. - 2003. – Vol. 10(4). – P. 785-813.

Levelt, W. J. M., Roelofs, A., & Meyer, A. S. A theory of lexical access in speech production // *Behavioral and Brain Sciences*. - 1999. – Vol. 22. – P. 1-75.

Mahon, B. Z., & Caramazza, A. Why does lexical selection have to be so hard? Comment on Abdel Rahman and Melinger's swinging lexical network proposal // *Language and Cognitive Processes*. - 2009. – Vol. 24 (5). – P. 735-748.

McKoon, G., & Ratcliff, R. Automatic activation of episodic information in a semantic memory task // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1986. – Vol. 12. – P. 108-115.

McKoon, G., & Ratcliff, R. Spreading activation versus compound cue accounts of priming: Mediated priming revisited // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1992. – Vol. 18. – P. 1155-1172.

McNamara, T. P. Theories of priming: I. Associative distance and lag // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. - 1992. – Vol. 18. – P. 1173-1190.

McRae, K. & Boisvert, S. Automatic semantic similarity priming. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. - 1998. – Vol. 24. – P. 558-572.

Melinger, A. & Abdel Rahman, R. Lexical selection is competitive: Evidence from indirectly activated semantic associates during picture naming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2013. – Vol. 39 (2). – P. 348-364.

Moss, H. E., Ostrin, R. K., Tyler, L. K., & Marslen-Wilson, W. D. Accessing different types of lexical semantic information: Evidence from priming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. - 1995. – Vol. 21. – P. 863-883.

Navarrete, E., Del Prado, P., Peressotti, F., & Mahon, B.Z. Lexical retrieval is not by competition: Evidence from the blocked naming paradigm // *Journal of Memory and Language*. – 2014. – Vol. 76. – P. 253-272.

Neely, J.H. Semantic priming effects in visual word recognition: A selective view of current findings and theories // *Basic processes in reading: Visual word recognition / D. Besner & G. Humphreys*. - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. – P. 264-336.

Plaut, D. C. Semantic and associative priming in a distributed attractor network // *Proceedings of the Seventeenth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. - Vol. 17. – P. 37-42.

Prior, A., & Geffet, M. Mutual information and semantic similarity as predictors of word association strength: Modulation by association type and semantic relation // *Proceedings of the 1st European Cognitive Science Conference 2003 / F. Schmalhofer, R. Young, & G. Katz*. - Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003. – P. 265-270.

Silberman, Y., Bentini, S., & Miikkulainen, R. Semantic boost on episodic associations: An empirically-based computational model // *Cognitive Science*. - 2007. – Vol. 31. – P. 645-671.

Starreveld, P. A., & La Heij, W. Time-course analysis of semantic and orthographic context effects in picture naming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1996. – Vol. 22. – P. 896-918.

Williams, J. N. Is automatic priming semantic? // *European Journal of Cognitive Psychology*. - 1996. – Vol. 8. – P. 113-161.

THE EFFECT OF SEMANTIC CONTEXT ON LEXICAL RETRIEVAL

Svetlana Gorokhova

associate professor, Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya nab., St Petersburg 199034
s.gorokhova@spbu.ru

The paper approaches the controversial issue of semantic interference effect through an analysis of Russian speech errors using the data of the Russian Word Association Thesaurus and the Russian National Corpus. The results suggest that both associative strength and cooccurrence strength are predictive of semantic speech errors, and that the interference effect reflects processes occurring at both lexical and semantic levels of production.

Keywords: speech errors, semantic context, semantic relatedness, associative relatedness, cooccurrence

References

Abdel Rahman, R., & Melinger, A. When bees hamper the production of honey: lexical interference from associates in speech production // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2007. – Vol. 33. – P. 604-614.

Aristei, S., Melinger, A., and Abdel Rahman, R. 2011. Electrophysiological chronometry of semantic context effects in language production // *Journal of Cognitive Neuroscience*. - 2011. - Vol. 23. - P. 1567-1586.

Bloem, I., van den Boogaard, S., & La Heij, W. Semantic facilitation and semantic interference in language production: Further evidence for the conceptual selection model of lexical access // *Journal of Memory and Language*. - 2004. - Vol. 51. - P. 307-323.

Church, K., Gale, W., Hanks, P., & Hindle, D. Using statistics in lexical analysis // *Lexical Acquisition / U. Zernik*. - Englewood Cliff, NJ: Erlbaum, 1991. - P. 115-164.

Collins, A. M., & Loftus, E. F. A spreading-activation theory of semantic processing // *Psychological Review*. - 1975. - Vol. 82. - P. 407-428.

Costa, A., Alario, F.-X., & Caramazza, A. On the categorical nature of the semantic interference effect in the picture-word interference paradigm // *Psychonomic Bulletin & Review*. - 2005. - Vol. 12(1). - P. 125-131.

Cree, G. S., McRae, K., & McNorgan, C. An Attractor Model of Lexical Conceptual Processing: Simulating Semantic Priming // *Cognitive Science*. - 1999. - Vol. 23(3). - P. 371-414.

Damian, M. F., & Als, L. C. Long-lasting semantic context effects in the spoken production of object names // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 2005. - Vol. 31. - P. 1372-1384.

Dell, G. S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // *Psychological Review*. - 1986. - Vol. 93(3). - P. 283-321.

Ferrand, L., & New, B. Semantic and associative priming in the mental lexicon // *Mental Lexicon: Some words to talk about words/ P. Bonin*. - Hauppauge, NY: Nova Science Publisher, 2003. - P. 25-43.

Fromkin, V.A. Grammatical aspects of speech errors // *Linguistic Theory: Extensions and Implications / F. J. Newmeyer*. - Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. - P. 117-138.

Gorokhova S.I. Semanticheskie zameny v normal'noi rechi: veroyatnostno-statisticheskii analiz rechevykh oshibok [Semantic substitutions in normal speech: A probabilistic analysis of speech errors] // *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki – [Issues of Cognitive Linguistics]*. - 2014. - No. 4(041). - P. 110-121.

Hantsch, A., Jescheniak, J. D., & Schriefers, H.J. Semantic competition between hierarchically related words during speech planning // *Memory and Cognition*. - 2005. - Vol. 33(6). - P. 984-1000.

Humphreys, G. W., Lloyd-Jones, T. J., & Fias, W. Semantic interference effects on naming using a postcue procedure: Tapping the links between semantics and phonology with pictures and words // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1995. - Vol. 21. - P. 961-980.

Hunston, S. Corpora in Applied Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - 241 p.

Hutchison, K. A. Is semantic priming due to association strength or feature overlap? A microanalytic review // *Psychonomic Bulletin and Review*. - 2003. - Vol. 10(4). - P. 785-813.

Levelt, W. J. M., Roelofs, A., & Meyer, A. S. A theory of lexical access in speech production // *Behavioral and Brain Sciences*. - 1999. - Vol. 22. - P. 1-75.

Mahon, B. Z., & Caramazza, A. Why does lexical selection have to be so hard? Comment on Abdel Rahman and Melinger's swinging lexical network proposal // *Language and Cognitive Processes*. - 2009. - Vol. 24 (5). - P. 735-748.

McKoon, G., & Ratcliff, R. Automatic activation of episodic information in a semantic

memory task // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1986. - Vol. 12. - P. 108-115.

McKoon, G., & Ratcliff, R. Spreading activation versus compound cue accounts of priming: Mediated priming revisited // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1992. - Vol. 18. - P. 1155-1172.

McNamara, T. P. Theories of priming: I. Associative distance and lag // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. - 1992. - Vol. 18. - P. 1173-1190.

McRae, K. & Boisvert, S. Automatic semantic similarity priming. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. - 1998. - Vol. 24. - P. 558-572.

Melinger, A. & Abdel Rahman, R. Lexical selection is competitive: Evidence from indirectly activated semantic associates during picture naming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 2013. - Vol. 39 (2). - P. 348-364.

Moss, H. E., Ostrin, R. K., Tyler, L. K., & Marslen-Wilson, W. D. Accessing different types of lexical semantic information: Evidence from priming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. - 1995. - Vol. 21. - P. 863-883.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Navarrete, E., Del Prato, P., Peressotti, F., & Mahon, B.Z. Lexical retrieval is not by competition: Evidence from the blocked naming paradigm // *Journal of Memory and Language*. - 2014. - Vol. 76. - P. 253-272.

Neely, J. H. Semantic priming effects in visual word recognition: A selective view of current findings and theories // *Basic processes in reading: Visual word recognition / D. Besner & G. Humphreys*. - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. - P. 264-336.

Plaut, D. C. Semantic and associative priming in a distributed attractor network // *Proceedings of the Seventeenth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. - Vol. 17. - P. 37-42.

Prior, A., & Geffet, M. Mutual information and semantic similarity as predictors of word association strength: Modulation by association type and semantic relation // *Proceedings of the 1st European Cognitive Science Conference 2003 / F. Schmalhofer, R. Young, & G. Katz*. - Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003. - P. 265-270.

Russkii Assotsiativnyi Slovar' [Russian Word Association Thesaurus] / Yu.N.Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, Ye.F.Tarasov. - Moscow: Astrel', 2002. - Vol. 1. - 784 p. - Vol. 2. - 992 p.

Russkii Assotsiativnyi Slovar' [Russian Word Association Thesaurus]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

Silberman, Y., Bentini, S., & Miikkulainen, R. Semantic boost on episodic associations: An empirically-based computational model // *Cognitive Science*. - 2007. - Vol. 31. - P. 645-671.

Starreveld, P. A., & La Heij, W. Time-course analysis of semantic and orthographic context effects in picture naming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. - 1996. - Vol. 22. - P. 896-918.

Williams, J. N. Is automatic priming semantic? // *European Journal of Cognitive Psychology*. - 1996. - Vol. 8. - P. 113-161.

УДК 81'23

**ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ЯДРА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ:
АССОЦИАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ****Наталья Васильевна Дмитрюк**Южно-Казахстанский государственный педагогический институт,
Казахстан, 160000, г.Шымкент, ул. Байтурсынова, 13,
e-mail: nvdmitr@yandex.ru**Галина Александровна Черкасова**Институт языкознания Российской академии наук,
Россия, Москва, Б.Кисловский пер. 1/12,
e-mail: gacherk@mail.ru**Фазила И. Артыкбаева**Южно-Казахстанский педагогический университет,
Казахстан, 160011, г. Шымкент, ул. Токаева, 27а,
e-mail: artykbaieva.fazila@mail.ru

В статье рассматриваются ассоциативные исследования в Казахстане на материале двух ассоциативных словарей казахского языка разных эпох – советского периода и современности. Такие исследования являются надежным средством доступа к языковому сознанию этноса, способствуют выявлению внутриэтнических и межкультурных особенностей менталитета этноса и выявлению базовых ценностей в центральных и периферийных зонах его ментального лексикона. На примере сопоставления концептуального центра ядра языкового сознания русских, казахов, испанцев и англичан, с одной стороны, и выявления форм трансформации языкового сознания и менталитета двух поколений титульного этноса Казахстана, с другой стороны, авторы приходят к убеждению об эвристической значимости и репрезентативности построения ассоциативных ядерных структур для изучения базовых ценностей социума и их изменения в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: ассоциативные словари, ассоциативный эксперимент, ядро языкового сознания, ментальный лексикон, базовые ценности, казахстанская психоллингвистика

Введение.

Двадцатый век был ознаменован бурным развитием естественных и гуманитарных наук, на стыке которых стали обозначаться своеобразные «точки роста» – новые открытия, сделанные совместными усилиями ученых смежных наук. Интеграция наук породила новые отрасли знаний и в гуманитарных отраслях – этнопсихоллингвистику, лингвокультурологию, социоллингвистику, менталингвистику и проч.

В настоящее время расширяющиеся международные контакты, сотрудничество представителей разных культур формирует понимание многообразия, «многоцветности» картин мира и ценностных приоритетов у разных этносов. Эта пробле-

ма в настоящее время решается в рамках теории МКК, основной смысл которой в том, что главная причина непонимания в межкультурном общении – это не столько различие языков, сколько несовпадение национальных сознаний коммуникантов [Тарасов 1998: 30].

На сегодняшний день одним из самых доступных и достоверных способов исследования языкового сознания считается свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), результаты которого в достаточно наглядной и объективной форме дают представление о содержании и функционировании разных слоев языкового сознания, иерархии ценностных представлений о мире, а также о существующих связях между словами и отражающимися в них понятиями. Это даёт возможность судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и его субъективно-интуитивных представлениях о мире, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования.

Ассоциативные словари как доступ к исследованию языкового сознания.

В связи с активизацией интереса к ассоциативным исследованиям в психоллингвистике середины прошлого века широкое обсуждение получила теория ассоциативного значения слова и организации лексикона человека [Залевская 1980]. Ассоциации в этом аспекте рассматриваются как одно из средств доступа к внутреннему лексикону человека и его языковому сознанию и построению на их основе того, что отражает иерархию базовых ценностей человека и этноса в целом – ядра ментального лексикона (в терминологии Тверской психоллингвистической школы, А.А.Залевская и др.) или ядра языкового сознания (в терминологии Московской психоллингвистической школы, Н.В.Уфимцева и др.).

Интерес к экспериментальным ассоциативным исследованиям, повсеместно обнаружившийся во второй половине XX века, способствовал созданию серии ассоциативных словарей (в основном по кент-розановскому списку стимулов): немецкого, французского, итальянского М.Р.Розенцвейга [Rosenzweig 1961], польского [Kurcz 67], болгарского [Герганов 1984], украинского [Бутенко 1979], белорусского [Цітова 1981], латышского [Ульянов 1988], киргизского [Титова 1975], казахского [Дмитрюк 1978] и других языков. Обширная библиография ассоциативных исследований представлена в работе Е.И. Горошко [Горошко 2001: 158-197].

В казахстанской психоллингвистике первые ассоциативные эксперименты с носителями русского и казахского языков были осуществлены в 1960-70-е годы А.А.Залевской [Залевская 1977, 1980 и др.] и М.М.Копыленко [Копыленко 1995] и введены в орбиту широких межъязыковых сопоставлений.

Дальнейшие ассоциативные исследования в казахстанской лингвистике разрабатывались нами в ходе проведения массовых ассоциативных экспериментов со студентами казахских отделений вузов в советское время – 1975-1977 годы [Дмитрюк 1978, 1986 и др.], на основе которых был составлен первый Казахско-русский ассоциативный словарь [Дмитрюк 1978], позже переизданный [Дмитрюк 1998]. Интересный опыт ассоциативных исследований в связи с описанием когнитивных моделей в речевой деятельности был осуществлен Г.Г.Гиздатовым [Гиздатов 1997].

Объектом наших исследований в настоящее время послужило содержание двух ассоциативных словарей казахского языка в сопоставительном аспекте:

Казахско-русского ассоциативного словаря советского периода (далее – КРАС-1978) [Дмитрюк 1978, переиздание Дмитрюк 1998] и Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь (далее – КАС-2014) [Дмитрюк, Молдалиева и др. 2014]. Представим краткую справку об этих словарях.

Содержанием КРАС-1978 послужили материалы свободного ассоциативно-эксперимента (далее – САЭ), проведенного Н.В.Дмитрюк в 1975-1976 годах методом письменного анкетирования с 1000 студентами казахского отделения разных вузов г. Шымкента. В основу списка стимулов был положен принятый в то время в международной практике проведения САЭ список слов американских ученых Г.Кент и А.Розанова [Kent, Rosanoff 1910], переведенный на казахский язык. КРАС-1978 представляет собой достаточно объективную картину языкового сознания «усредненного» носителя казахского языка в последние десятилетия советского периода, пополняет собой корпус ассоциативных данных по разным языкам мира, имеет переводы и стимулов, и реакций на русский язык с целью расширения возможности межязыкового сопоставительного анализа.

Второй словарь КАС-2014 составлен на основе материала, полученного в ходе серии свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2012–2013 годах с носителями казахского языка – студентами разных вузов Южно-Казахстанской области, обучающимися на казахском отделении общим числом более 1000 человек, из которых примерно поровну мужчин и женщин. Отметим, что впервые в практике составления подобных словарей в содержание КАС-2014 был введен гендерный принцип систематизации более 120 000 ассоциативных ответов, которые представлены в табличном варианте мужских и женских ассоциаций на одни и те же слова-стимулы, тем самым определяя гендерную специфику языкового сознания индивида и социума в целом. Материалы обоих словарей попадают «в обойму» аналогичных ассоциативных исследований, открывая возможности для широких межязыковых и межкультурных сопоставлений, что обеспечено отчасти переводом казахских стимулов и реакций на русский язык (хотя и с оговоркой условности некоторых переводов).

Оба словаря содержат уникальные сведения о национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями двух поколений казахской молодежи и могут служить инструментом этнолингвистических, культурологических и социально-психологических исследований, позволяющих судить о ментальном климате, характерном для двух поколений участников эксперимента.

Содержанием нашей статьи является сопоставление ядерных структур языкового сознания казахстанцев (в частности, титульного этноса Казахстана) в межкультурном и внутриэтническом диахроническом аспекте (в советский и постсоциалистический период).

Ассоциативные реакции двух поколений казахстанцев, представленные в виде ассоциативно-вербальной сети (АВС) в прямых словарях (от стимула к реакции) послужили основой для выделения на их базе обратных словарей (от реакции к стимулу) для определения центральных значимостей – базовых ценностей, составляющих *ядро языкового сознания* титульного этноса Казахстана в динамике эволюционного развития культуры и цивилизации. Выстроив ядро языкового сознания (методика его получения и практическое исполнение принадлежит

Г.А.Черкасовой), мы ставили своей целью выявить иерархию базовых ценностей казахского этноса и их трансформацию, определить градус смещения основных стратегий ассоциативного поведения респондентов, перемену ментального климата в языковом сознании титульного этноса Казахстана в советский и современный период.

Понятие ядра в ассоциативных исследованиях.

Поясним понятие ‘ядра’ языкового сознания, активно вошедшее в терминологический аппарат современной психолингвистики, основанной на ассоциативных методах исследования. В традициях психолингвистических ассоциативных исследований понятие ядра, заимствованное из естественных наук, приобретает специфическое наполнение. В таких исследованиях ядром принято называть наиболее часто воспроизводимые ассоциации-реакции (R) в ответ на предлагаемые в эксперименте слова-стимулы (S). При этом существуют разные методики составления такого ядра. Появилась статистика расчета не только «прямого» характера ассоциирования (от стимула к реакции: S®R), но и «обратного» (от реакции к стимулу: R→S), что дало возможность определить как бы взаимное «притяжение» стимулов и реакций. В этом есть определенный смысл: чем больше количество породивших одинаковые реакции стимулов, тем больше связей в ассоциативно-вербальной сети (АВС), поэтому некоторые исследователи выстраивают ядро по количеству породивших стимулов (т.е. связей), не учитывая частотности встречаемости ассоциаций-ответов. С другой стороны, нельзя игнорировать и частоту реагирования, поэтому существует еще один вариант выстраивания ядра с учетом максимальной частоты реагирования одним и тем же словом-ассоциацией внутри всей АВС. В наших исследованиях советского периода (см. [Дмитрюк 1978, 2007]) мы также предпринимали попытку выявления ядерных слов – первых 10 и 30 наиболее часто встречающихся высокочастотных слов (ассоциаций и стимулов) методом компьютерной статистической обработки во всем корпусе ассоциативных реакций прямого словаря КРАС-1978.

При этом следует отметить, что существуют разные мнения ученых по поводу выбора методики, целей и принципов построения ядра. Впервые ядро ментального лексикона было выявлено А.А.Залевской на материале английского ассоциативного словаря Дж.Киша [Kiss 1972] в связи с предложенной ею концепцией слова как средства доступа к единой информационной базе человека [Залевская 1980]. Сформировавшаяся тенденция выделения активного ядра в организации ментального лексикона человека в ассоциативных исследованиях была продуктивно использована для выявления национально-культурной специфики и системности образов языкового сознания [Уфимцева 2000, 2004, 2016 и др.]; для установления смысловой доминанты языковой личности ребенка [Соколова 1999]; при изучении особенностей образа мира дошкольника и младшего школьника [Овчинникова, Береснева и др. 2000]; для определения особенностей речевого поведения в профессиональном общении [Харченко 2003] и др.

Так или иначе, общим стремлением исследователей было выявление некоторого центра, наиболее актуального ядра ассоциативно-вербальной сети, куда входило определенное количество (от 10 до 100) единиц, отличающихся степенью

интенсивности «притяжения» к высокочастотному центру¹: от самых активных (10 слов – это так называемый ‘концептуальный центр’ ядра языкового сознания¹) к менее активным (30 слов – это ‘малое’ ядро) и далее приближающееся к периферии условное число ассоциатов от 75 до 100 единиц, которое считается ‘большим’ ядром языкового сознания.

В процессе выстраивания центральных и периферийных зон ментального лексикона оказалось, что анализ ассоциативных материалов открывает реальную возможность выявить специфику *системности образов сознания*, т.е. в определенном смысле выявить и *систему ментальных ценностей*, и специфику самих образов сознания. Нам представляется, что именно это составляет основную значимость, назначение ядра языкового сознания этноса – то, ради чего и ведется поиск центральных и периферийных областей в определении базовых ценностей социума в тот или иной период существования. Любой индивид и этнокультурное сообщество в целом (этнос) может позиционировать себя как угодно, представляя скорее комплиментарно, чем или уничижительно, с завышенной или заниженной самооценкой, между тем как выявленные с помощью ассоциативных методик *неконтролируемые слои сознания* – ассоциативные реакции в ходе САЭ – способны дать в ходе массовых экспериментов вполне объективную, как доказано многочисленными исследованиями, картину того, что в данный момент представляет собой ментальный климат исследуемого социума, как отражается специфичность национальных черт и ценностных ориентаций этноса в мире [РАС 1994: 6], какие базовые ценности преобладают в данный момент в обществе. Сопоставление таких ядерных центров весьма красноречиво иллюстрируют разницу в мировидении и миропонимании разных этносов, свидетельствуя о специфике национального характера и ментального климата этносов.

Сопоставительный комментарий содержания центральных зон в ядре языкового сознания разных этносов.

Обратимся к сравнению фрагментов частично опубликованных материалов по содержанию ядра языкового сознания русских, казахов, англичан и испанцев. Как видно из таблицы 1, во всех четырех сопоставляемых списках совпали 4 концептуально значимые ценности: *человек, жизнь, большой и хороший*, причем, наибольшая общность проявилась у русских и казахов (все 4 совпадения), в меньшей степени им близки испанцы (3 совпадения) и с англичанами совпали 2 концепта – *человек* и *хороший*. Обратим внимание на то, что местоимение ‘я’, отмеченное у англичан на первом месте в числе концептуальных значимостей, у испанцев занимает третью позицию, у русских на 32 и у казахов 98 месте (см. Таблицу 3). Позиционирование себя в центре мироздания и привлечение внимания к собственному «я» как к высшей ценности свойственно эгоцентрическим представлениям западноевропейской культуры (которую принято сейчас представлять как некие ‘общечеловеческие’ ценности), подчиняющим своим интересам вызовы внешнего мира;

в то время как восточноевропейская русская и среднеазиатская казахская культуры направлены в большей степени на *человека / адам*, где высшей ценностью считается *жизнь / өмір*, и основная характеристика мира для них – определение *большой / үлкен*.

Русскому сознанию и, как выясняется, также и казахскому, не свойственно предпочтительное отношение к себе как центральному объекту внимания, оно в большей степени направлено, прежде всего, на внешний мир, на другого человека, не на себя (то, что Н.В. Уфимцева называет ‘другоцентричностью’ востока (направленного на другого) и ‘эгоцентричностью’ запада [Уфимцева 2000: 148]).

Совпавшими ценностями в числе первых десяти представлены также *дом / casa* и *друг / amigo* у русских и испанцев, *нет / no* и *деньги / money* у русских и англичан. Но при этом следует четко понимать, что совпадение представленных в концептуальном центре ценностей не означает их одинаковое восприятие и понимание представителями разных этносов. Представления о *доме* и *друге*, так же, как о ценности *жизни* и *денег*, о *плохом* и *хорошем* у людей вообще и у данных этнических сообществ в частности – разное.

Таблица 1

‘КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР’ ЯДРА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

	Русские 1994-98гг. [Уфимцева 2000: 216]	Казахи 1975-78 гг. [Дмитрюк 2007: 29]	Англичане 1972 г. [G.Kiss 1972 по Залевской] ²	Испанцы 1998-2000 [Караулов 2000: 196]
1	Человек	Адам (человек)	Me	Vida
2	Дом	Әдемі (красивый)	Man	Amor
3	Жизнь	Өмір (жизнь)	Good	Mi, mio, mia
4	Большой	Үлкен (большой)	Sex	Hombre
5	Плохо	Жаксы (хороший)	No	Azul
6	Хорошо	Ана (мать)	Money	Amigo,-s
7	Нет	Бала (мальчик, ребенок)	Yes	Ser
8	Деньги	Ақ (белый)	Nothing	Bueno
9	Друг	Көп (много)	Work	Luz
10	Дурак	Жер (земля)	Food	Casa

Об этих особенностях разного понимания коррелирующих концептов в ядре языкового сознания сопоставляемых этносов рассуждает Н.В. Уфимцева, предупреждая о внешней обманчивости кажущегося сходства. Так, для примера сошлемся на разное представление о друге и дружбе в понимании русских и англичан, отразившееся в материалах ассоциативных экспериментов. Для русских друг – это чаще всего *верный, надежный, настоящий, душевный, закадычный, преданный, навеки, навсегда, близкий, дорогой* и т.д., занимает 8 место в ядре ЯС русских; в то время

¹ Для сравнения представим хорошо известный специалистам по общей семантике «список Лорана», называющий 10 значимостей, образующих своеобразную систему стержней, на которых держится сознание индивида и социума: Бог, Родина, знамя, долг, честь, дружба, нежность, смерть, жизнь, надежда.

² Данные приводятся по работе А.А. Залевской [Залевская 1981]. Ранги ассоциатам приписаны Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 1996].

как у англичан это слово имеет совершенно иную эмоциональную окраску, занимает 73 место в иерархии ассоциатов в ядре ЯС англичан. Понятие **friend** ассоциируется прежде всего с товарищем (*companion*), коллегой (*college*), девушкой (*girl*), парнем (*boy*), со знакомством (*acquaintance*), с соседом (*neighbor*), а также очень частая антонимичная ассоциация – с врагом (*enemy*) и противником (*foe*). По мнению Н.В.Уфимцевой, «необыкновенную важность друга в жизни русского человека подчеркивает тот факт, что по данным словаря И.И.Бересневой, Л.А.Дубовской, И.Г.Овчинниковой [Береснева и др. 1995], мы видим, что уже к 10 годам в образе мира детей, воспитанных в русской культуре, друг занимает очень важное место. Слово *друг* находится в числе первых трех наиболее частых реакций на такие слова-стимулы, как **встретить** – *друга* (70), **встреча** – с *другом* – (32), **дорогой** – *друг* (66), **обещать** – *другу* (22), **товарищ** – *друг* (131), **хороший** – *друг* (66), **простить** – *друга* (42), **звонить** – *другу* (24) и др. Весьма показательным является и тот факт, что слово *друг* (в разных падежных формах) встречается в этом словаре в качестве реакций 568 раз на 33 слова-стимула из 70, предъявлявшихся детям в ассоциативном эксперименте [Уфимцева 2000:147-148]. В этом же ключе упомянутый выше термин Н.В. Уфимцевой «другоцентричность» можно трактовать и как «направленный на друга».

Что касается высокого ранга слова *деньги* / *money* у русских и англичан, то, судя по содержанию ассоциативно-вербальной сети на данный стимул (см. [G.Kiss 1972] и [РАС 1994]), выявляется разное понимание смысла денег и отношения к нему русских и англичан: если у англичан оно чисто прагматическое, экономическое, одобрительное («если богатый, значит, умный, работающий»), связано с положительными коннотациями (*wealth* / богатство, *saving* / сбережения, *reward* / вознаграждение, *salary* / жалованье, *accounts* / пособие, *wages* / зарплата, *fee* / гонорар, *profit* / выгода, *bills* / счета и др.), то у русских, которым деньги нужны не меньше, судя по рангу, отношение к ним чаще отрицательное, подозрительное («если богатый, значит вор»), с негативной окраской (*большие*, *бешеные*, *шалые*, *немалые*, *грязные*, *грязь*, *но без них никуда*, но и – *счастье*, *жизнь*, *власть* и *свобода* и др.). По мнению Н.В.Уфимцевой, «образ денег в русском сознании – это карикатура на образ денег, который мы имеем в сознании англичан» [Уфимцева 2000: 150].

Что касается несовпадений, отмеченных в таблице 1, иллюстрирующей самую «верхушку» ядра сознания сопоставляемых этносов, то видим из 10 наиболее значимых слов не только совпадающие единицы условной общности, но и специфические для каждого этноса ценности. Так, в русском ядре сознания два слова – *плохо* (5 место) и *дурак* (10 место) – не совпали ни с одним из других предлагаемых списков, хотя слово *плохой* / *жаман* / *bed* зафиксировано в казахском и английском списках с более низким рангом в 'малом' ядре сознания (см. ниже Таблицу 2). Возможно, одной из причин высокого ранга ассоциации *плохо* явилось время проведения серии ассоциативных экспериментов в России – это тяжелые для страны 90-ые годы распада, цивилизационного слома и депрессивных настроений ее граждан, что не могло не отразиться в сознании участников эксперимента этой и другими подобными ассоциациями. Теми же причинами, на наш взгляд, можно объяснить и высокий ранг реакции *деньги* в составе концептуально значимых ценностей у

россиян этого периода, поскольку в словаре ассоциативных норм русского языка А.А.Леонтьева [Леонтьев 1977] советского периода эта ассоциация отнюдь не занимала такого высокого статуса. Высокий ранг еще одного несовпадающего слова *дурак*, попавшего в первую десятку значимостей русского языкового сознания, может быть объяснена спецификой фольклорного содержания этого слова, поскольку в русской языковой традиции это не просто бранная характеристика, но и некий второй смысл: в русских сказках Иван-дурак только с виду глупый и недалекий, а в итоге всегда оказывается победителем злых сил, которые внешне опасны, но по сути – как раз они глупы и недалекновидны.

Яркой особенностью казахского концептуального центра является, на наш взгляд, слово *ақ* (белый). Это слово как цветовая характеристика отмечено во всех четырех сопоставляемых нами списках, хотя и с более низким рангом – *белый* (48) / *white* (30) / *blanco* (41), но такой символичности метафорических значений, как у казахского *ақ*, у этих слов-коррелятов в соответствующих культурах нет. То, что белый цвет ассоциируется со всем чистым, светлым, невинным, освящено белыми одеждами, светлыми помыслами и делами – это присутствует во многих культурах, в том числе и в казахской, но при этом в казахском языке словообразовательный компонент *ақ*, по данным словаря К.Бектаева [Бектаев 2007] встречается 278 раз как в составе сложных слов, так и в устойчивых сочетаниях, придавая им значение доброго, святого, благословенного: *ақкөңіл* (чистосердечный), *ақпейіл* (простодушный), *ақжүрек* (добросердечный), *ақниет* (добрые намерение), *ақсақал* (досл.: белобородый, в знач. почтенный старец), *ақбата* (благословление), *ақ ана* (святая мать), *ақ дастархан* (желанное застолье), *ақ жол* (пожелание доброго пути), *ақ жарқын* (весельчак) и мн. др. Кроме того, специфичным для казахской культуры является название всех молочных продуктов словом *ақ*, в том числе как распространенное пожелание *Ақ мол болсын!* (Пусть будет много 'белого') в значении не только много молочных продуктов, но и всего чистого, ценного, светлого. В этой связи можно объяснить и высокий ранг ассоциации *мата* (ткань) на стимул *АҚ*, которая имеет важное значение во многих типично казахских традициях, например, в глубоко символическом обряде *тысау кесер* («перерезание пут»). Когда ребенок начинает ходить, ему перевязывают ножки сплетенным из белой и черной нити жгутом, стелят на пол белую ткань и, поставив на эту дорожку, перерезают 'путы', что имеет двойной смысл: во-первых, чтобы его жизненная дорога была чистой и светлой, во-вторых, символический черно-белый жгут означает, чтобы ребенок не путал добро и зло, различал светлые и темные дела и помыслы. Про человека невзучего или бесчестного говорят «*тысау кесілмеген*» (у него «путы не перерезаны»), то есть, он хромает и падает в прямом и переносном смысле, не различает добро и зло, хорошее и плохое.

Остальные ассоциации из первых десяти в казахском ядре сознания – *әдемі* (красивый) 3, *ана* (мать) 6, *бала* (мальчик, ребенок) 7, *көп* (много) 9, *жер* (земля) 10 совпали с русскими аналогами, но в другой иерархической последовательности (ближе всего к казахскому сознанию русские ассоциаты *много* 15 и *ребенок* 19).

Специфически английскими концептуальными ценностями (см. табл. 1) оказались слова-ассоциаты *Sex* (4), *Yes* (7), *Nothing* (8), *Work* (9), *Food* (10). И если такие

понятия, как *Food* (еда), *Work* (работа), *Nothing* (ничего), *Yes* (да) так или иначе, повторились в списках ценностей у русских, испанцев и казахов, то столь высокая значимость ассоциации *sex* проявилась только в языковом сознании англичан; возможно, на наш взгляд, потому, что на западе столь закрытая в восточной культуре тема оказывается с весьма размытой сакральностью, видимо, означает просто одно из чувственных удовольствий. Отсюда повсеместность и легкость таких сомнительных для восточной культуры комплиментов, как “*You are very sexy*”, что, например, для казахских женщин может показаться оскорбительным намеком на доступность в отношениях.

У испанцев в десятке не совпавших концептов отмечены *Amor* (любовь) 2, *Azul* (синий, голубой) 5, *Ser* (быть) 7, *Luz* (свет, лес) 9. Сопоставив возвышенное испанское *amor* с английским *sex*, русским *любовь* (16 место) и казахским *махаббат* (14 место), согласимся, что это чувство занимает важное место в шкале общечеловеческих ценностей у данных народов, как, видимо, и у других. Колористический ассоциат *Azul*, скорее всего, является просто распространенной цветовой характеристикой типично испанского неба, испанского моря. Интересно отметить несоответствия предпочитаемых зон цвета в сопоставляемых культурах: у испанцев *Azul* / синий 8, у казахов *Aқ* / белый 8, у англичан *black* / черный 20, у русских *красный* 40. Испанское *Luz* (свет, лес) коррелирует с русским *свет* / *светлый* и *лес*, с иной ранговой принадлежностью, возможно, ввиду сходных географических и климатических особенностей.

Таким образом, рассмотренные стержневые «ядерные» значимости репрезентируют феномен массового сознания представителей определенной лингвокультурной общности и оказываются способными убедительно отражать национально-культурную специфику образов мира и его отражения в сознаниях этих этносов.

Внутриэтнические ассоциативные исследования.

Перспективность и эвристичность внутриэтнических ассоциативных исследований не вызывает сомнения: в последнее время они стали весьма востребованными в европейской и российской психолингвистике, где свободные ассоциативные эксперименты проводились ранее и на их основе были созданы словари ассоциативных норм разных языков. Например, у российских ученых есть возможность на основании ассоциативного поведения респондентов разных поколений сравнивать, насколько изменились ценностные ориентиры и ментальный климат русского этноса в разные эпохи. В отношении казахской ментальности, представленной в призме ассоциативных исследований, тоже есть уникальная возможность подобного внутриэтнического сопоставления – на базе упомянутых нами выше двух казахских ассоциативных словарей советского и современного периода.

Для расширения зоны обзора исследуемых концептуальных ценностей, их иерархии и анализа специфики содержания обратимся к сопоставлению содержания ‘большого’ ядра языкового сознания казахов, выстроенного на материале прямых и обратных казахских ассоциативных словарей советского и настоящего времени – КРАС-1978 и КАС-2014, включающим в себя первые 100 слов, зафиксированных в активном ассоциативно-речевом массиве широко востребованной лексики казахского языка, функционирующей в языковом сознании двух поколений титульного этноса Казахстана в разные эпохи (Таблицы 2,3).

Коротко поясняя суть и методику «выстраивания» ядра (см. об этом выше), отметим, что А.А. Залевская, а вслед за ней и Н.В. Уфимцева, выстраивают ядро лексикона (в терминологии А.А.Залевской) и ядро языкового сознания (в терминологии Н.В.Уфимцевой) по количеству породивших данные ассоциации S-стимулов. Г.А. Черкасова [Черкасова 2005, 2007], последовательно проследив динамику изменения количества реакций, доказала существование «постоянных» и «вероятностных» ответов, определив их количество, при котором все стимулы свяжутся в сети полностью. Этим количеством оказалось число 70-75 слов, что составило 95% от всего массива РАС.

Представим в таблицах 2 и 3 (см. ниже) два ядра языкового сознания титульного этноса Казахстана в диахроническом аспекте. Первая колонка указывает ранг ассоциации, во второй дается сама ассоциация с переводом на русский язык, третья показывает убывающую по частоте иерархию стимулов, вызвавших данную ассоциацию, четвертая – количество данных реакций во всем массиве ассоциативного словаря.

Как мы уже отмечали выше, можно структурировать ядро и по частоте реакций, поменяв местами четвертую (R) и третью (S) колонки: при этом, выстраивая реакции по убывающей частоте, можно убедиться, что ранг некоторых ассоциаций поменяется, но в целом основной состав ассоциатов останется прежним и в малом (30 слов), и в большом ядре сознания (75-100 слов).

Таблица 2

ЯДРО языкового сознания казахов (первые 100 слов по стимулам)
(по Казахско-русскому ассоциативному словарю Н.В.Дмитрюк КРАС-1978)

Ранг	Ассоциат	S	R				
1	Адам (человек)	70	1299	21	Жаман (плохой)	32	221
2	Әдемі (красивый)	70	1033	22	Қатты (сильный)	32	177
3	Өмір (жизнь)	58	1040	23	Кітап (книга)	32	168
4	Үлкен (большой)	54	506	24	Жас (молодой)	31	219
5	Жақсы (хороший)	52	371	25	Бақыт (счастье)	30	398
6	Ана (мать)	48	347	26	Таза (чистый)	30	325
7	Бала (мальчик, дитя)	47	312	27	Қой (баран)	30	272
8	Ақ (белая)	46	423	28	Су (вода)	30	248
9	Көп (много)	43	640	29	Алу (брат)	30	176
10	Жер (земля)	42	639	30	Кино	29	75
11	Керек (надо)	42	375	31	Бар (есть)	29	72
12	Үй (дом)	42	320	32	Көйлек (платье)	28	298
13	Жок (нет)	39	121	33	Нан (хлеб)	28	140
14	Қара (черная)	37	362	34	Гүл (цветок)	27	300
15	Болу (быть)	34	347	35	Көк (голубой)	27	275
16	Ағаш (дерево)	34	298	36	Дала (степь)	27	216
17	Тамаша (прекрасно)	34	120	37	Жана (новый)	27	193
18	Келді (идет)	33	358	38	Машина	27	68
19	Жігіт (парень)	33	306	39	Түн (ночь)	26	608
20	Қызыл (красная)	32	288	40	Зат (вещь)	26	124
				41	Көңілді (веселый)	26	119
				42	Әке (отец)	26	56

43	Көше (улица)	26	54
44	Күн (день; солнце)	25	372
45	Сұлу (красивый)	25	325
46	Ит (собака)	25	197
47	Жол (дорога)	25	145
48	Көктем (весна)	25	134
49	Әсем (красивый)	25	122
50	Сағат (часы)	25	44
51	Сары (желтый)	24	305
52	Кішкентай (маленький)	24	205
53	Ұзақ (далекий)	24	185
54	Қуаныш (радость)	24	182
55	Жұмыс (работа)	24	154
56	Парта	24	123
57	Мұғалім (учитель)	24	75
58	Жарық (светлый)	23	301
59	Арман (мечта)	23	285
60	Ұзын (длинный)	23	283
61	Кісі (человек)	23	244
62	Қиын (трудный)	23	190
63	Ана (мать)	23	177
64	Шөп (трава)	23	139
65	Ат (имя; конь)	23	62
66	Білім (знание)	22	280
67	Тез (быстро)	22	270
68	Тау (гора)	22	255
69	Жылы (теплый)	22	244
70	Пайдалы (полезный)	22	121
71	Тәтті (вкусный)	21	242
72	Түс (сон)	21	207

73	Май (масло, -яный)	21	215
74	Қысқа (короткий)	21	93
75	Өзен (озеро)	21	65
76	Жаз (лето)	21	56
77	Терезе (окно)	21	49
78	Қажет (необходимо)	21	41
79	Аспан (небо)	20	496
80	Сиыр (корова)	20	150
81	Кішкене (маленький)	20	111
82	Көз (глаза)	20	98
83	Сүйкімді (красивая)	20	86
84	Еңбек (труд)	20	78
85	Ұйықтау (засыпать)	20	73
86	Жай (медленно)	20	70
87	Іздеу (искать)	20	48
88	Алтын (золотой)	20	40
89	Ақылды (умный)	18	259
90	Алма (яблоко)	19	190
91	Ой (мысль)	19	185
92	Қараңғы (темный)	19	175
93	Ауру (болезнь)	19	162
94	Тамақ (еда)	19	151
95	Қасқыр (волк)	19	136
96	Жасыл (зеленый)	19	109
97	Мысық (кошка)	19	100
98	Ауыл (село)	19	92
99	Қоңыр (коричневый)	19	86
100	Күз (осень)	19	26

20	Арман (мечта)	32	194	60	Тамақ (еда)	20	269
21	Отбасы (семья)	31	339	61	Жол (дорога)	20	165
22	Ақша (деньги)	31	287	62	Қала (город)	20	165
23	Таза (чистый)	30	427	63	Еркек (мужчина)	20	162
24	Бөбек (младенец)	30	179	64	Киім (одежда)	20	157
25	Дос (друг)	29	208	65	Көрікті (красивый)	20	148
26	Үй (дом)	28	566	66	Мама	20	115
27	Жер (земля)	28	412	67	Кездесу (встретиться)	20	87
28	Байлық (богатство)	28	234	68	Ұзақ (далекий)	19	379
29	Күшті (крепкий)	28	157	69	Көлік (транспорт)	19	256
30	Әке (отец)	28	139	70	Сөз (слово)	19	223
31	Тамаша (прекрасная)	27	133	71	Ауру (болезнь)	19	190
32	Жас (возраст)	27	108	72	Қыдыру (гулять)	19	148
33	Ел (народ)	26	335	73	Ата (дедушка)	19	111
34	Уақыт (время)	26	159	74	Халық (народ)	19	110
35	Әйел (женщина)	25	371	75	Демалу (отдых)	19	81
36	Жаксылық (добро)	25	272	76	Үміт (надежда)	19	80
37	Сезім (чувства)	25	246	77	Іс (дело)	18	215
38	Қатты (громко)	24	199	78	Мәңгілік (вечность)	18	195
39	Адал (честная)	23	206	79	Өлім (смерть)	18	183
40	Ақ (белая)	23	149	80	Жамандық (зло)	18	144
41	Аз (мало)	23	127	81	Кісі (человек)	18	112
42	Жоқ (нет)	23	116	82	Көңілді (веселый)	18	96
43	Жан (душа)	23	92	83	Оқу (учеба)	18	64
44	Күн (день)	22	380	84	Ата-ана (родители)	17	247
45	Сұлу (красивый)	22	302	85	Жанұя (семья)	17	197
46	Өмір сүру (жить)	22	293	86	Жүру (идти)	17	188
47	Ағаш (дерево)	22	287	87	Гүл (цветок)	17	176
48	Мықты (крепкий)	22	189	88	Әңгіме (беседа)	17	175
49	Күлкі (смех)	22	112	89	Тез (быстро)	17	166
50	Әлем (мир)	22	104	90	Отан (Родина)	17	165
51	Су (вода)	21	550	91	Нәзік (нежный)	17	163
52	Кішкентай (маленькая)	21	415	92	Зат (вещь)	17	152
53	Сәби (ребенок)	21	262	93	Ауыл (аул)	17	132
54	Қара (черный)	21	199	94	Көз (глаза)	17	124
55	Жарық (свет, -лтый)	21	177	95	Іздеу (искать)	17	111
56	Ой (мысль)	21	111	96	Тіршілік (движение)	17	110
57	Денсаулық (здоровье)	21	107	97	Мен (я)	17	90
58	Күш (сила)	21	77	98	Арам (подлый)	17	85
59	Бар (есть)	21	54	99	Кітап (книга)	17	80
				100	Жағымды (приятный)	17	73

Таблица 3

ЯДРО языкового сознания казахов (первые 100 слов по S-стимулам)

(по Казахскому ассоциативному словарю Н.Дмитрюк, Д.Молдалиева и др. - КАС-2014)

Ранг	Ассоциат	S	R
1	Жаксы (хороший)	81	1042
2	Адам (человек)	61	2502
3	Әдемі (красивый)	60	1000
4	Жаман (плохой)	56	755
5	Көп (много)	54	417
6	Бақыт (счастье)	53	676
7	Өмір (жизнь)	53	628
8	Үлкен (большой)	47	937
9	Қуаныш (радость)	43	397

10	Жұмыс (работа)	42	579
11	Бала (мальчик, дитя)	41	972
12	Керек (надо)	41	424
13	Жігіт (джигит)	40	514
14	Махаббат (любовь)	40	398
15	Керемет (красивый)	37	187
16	Қыз (девочка)	34	587
17	Ана (мать)	33	602
18	Ақылды (умный)	33	523
19	Жүрек (сердце)	33	212

При таком подходе в концептуальном центре (первые 10 слов) в казахском ядре сознания остаются 7 из представленных в таблицах 1 и 2 значимых ценностей: *адам, ұлкен, жақсы, ақ, әдемі, бала, көп*; вместо *өмір, ана, жер*, которые спустятся на 12, 19 и 23 места, появятся *аспан* (небо), *бақыт* (счастье), *керек* (надо). Поэтому присоединимся к мнению тех исследователей, которые считают, что большой и принципиальной разницы в построении ядра по убыванию частоты реакций или по частоте стимулов, вызвавших эти реакции, в общем и целом нет.

Кроме того, как мы уже отмечали выше, простое сопоставление списков слов, входящих в ядро языкового сознания, малоинформативно. Совпадение слов-коррелятов в разных языковых культурах и даже их одинаково высокий ранг в ядре сознания не обеспечивает полного совпадения или близости представлений о названном предмете. Представление о друге и дружбе, о доме и семье, о родине и долге могут быть совершенно разными у представителей разных этносов и поколений, даже если эти концептуально значимые единицы ментального лексикона оказались у всех в центральной зоне ядра языкового сознания. «Два слова в двух разных языках, обозначающие один и тот же предмет в культурах двух народов и являющиеся переводными эквивалентами, неизбежно оказываются нетождественными по содержанию, обогащенные своеобразными ассоциациями, обусловленными национальной культурой, специфическими образами сознания. Например, казахское *жол* и русское *дорога* – не одно и то же, поскольку полное совпадение семантической структуры слов в разных языках – явление чрезвычайно редкое, и носители русского и казахского языков с понятиями *дорога / жол* связывают разные конкретные представления» [Дмитрюк 2012: 81].

Об этом, в частности, пишет Ю.Н. Караулов, указывая на пятидесятипроцентное совпадение списков испанских и русских слов, вошедших в ядро языкового сознания. Он считает, что прямое сравнение не позволяет получить какие-то значительные и интересные результаты. Такие результаты может дать анализ на глубинном уровне, для чего используется исключительно плодотворная идея «семантического гештальта», который, по мнению исследователя, «отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности» [Караулов 2000: 194].

Представив материал таблиц 2 и 3, иллюстрирующий определенные совпадения и разницу в содержании языкового сознания и ментального климата казахского этноса в разные исторические периоды его жизни, оставим читателю возможность и право самостоятельных рефлексий по поводу специфической иерархии определенных ценностей в ядре языкового сознания казахов двух поколений. Можно предположить, что предсказуемым изменениям в сознании и менталитете казахского этноса за постсоциалистический период подверглись такие базовые ценности, как отношение к религии, свободе, суверенитету, к государственной символике и проч.

Вместе с тем, на наш взгляд, могут и должны существовать определенные ценностные предпочтения, этнокультурные стержневые ценности, правила поведения, не подверженные временным переменам и способствующие сохранению витальности и жизнеспособности социума. Такими предсказуемо неизменными, возможно, могут оказаться традиционность и неизменность некоторых этнокуль-

турных базовых элементов, составляющих сущность специфики национального характера и менталитета этноса: отношение к родине и к матери, к старшим, к мужчине, или гендерные и возрастные особенности в иерархии семейно-родственных отношений и т.п. Однако определим для себя эту тему в качестве объекта отдельного исследования и вынесем ее за рамки данной статьи.

Выводы. В заключение отметим актуальность и перспективность нашего исследования, поскольку представленный оригинальный материал полевых экспериментальных исследований с носителями казахской культуры расширяет круг межъязыковых и межкультурных сопоставлений и пополняет собой корпус ассоциативных данных по разным языкам мира.

Созданные на оригинальном материале ассоциативных экспериментов, проведенных в советский период и в настоящее время, казахские ассоциативные словари (КРАС-1978 и КАС-2014) представляют собой несомненный научный интерес, поскольку отражают вербализованные фрагменты образа сознания казахов и могут быть использованы для исследования национально-культурной специфики менталитета и мировосприятия представителей двух поколений титульного этноса Казахстана, в том числе, в контексте широких межъязыковых сопоставлений.

Изучение содержания и трансформации базовых этноментальных ценностей, которые структурируются в ядре языкового сознания этноса в определенной иерархической последовательности как наиболее значимые, представляют несомненный интерес, особенно с наше время проявления тенденции подмены традиционных национальных ценностей европейскими, под видом демократических или общечеловеческих достижений цивилизации, которые, возможно, таковыми не являются для определенных локальных культур и мировоззрений.

Литература

- Бектаев К.Б. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Алтын қазына, 2007. – 709 с.
- Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь: Изд. Пермского ун-ва. 1995. – 256 с.
- Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979. – 120 с.
- Български норми на словесни асоциации / Под общата ред. Е.Герганов. София: Наука и изкуство. 1984. – 272 с.
- Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы, 1997. – 176 с.
- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: Изд. группа “РА – Каравелла”, 2001 – 320 с.
- Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь (КРАС). Шымкент, 1978. – 240 с.; или Казахско-русский ассоциативный словарь. изд. 2. Шымкент-Москва, 1998. – 246 с <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>
- Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ АН СССР, 1986. – 24 с.
- Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в не-гомогенной лингвокультурной среде Автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 2000 – 62 с.

Дмитрюк Н.В. Ассоциативный эксперимент как средство исследования языкового сознания // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2007. – С. 28-29.

Дмитрюк Н.В. Языковое сознание: лингвокультурологические исследования. Монография // Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany, 2012. – 238 с. https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/Языковое_сознание/ ISBN/978-3-8473-9740-3

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. – 330 с.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.1971. – С. 178-194.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Учебное пособие. Калинин: КГУ, 1977. – 83 с.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека / Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Л., 1980. – 48 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 191-206.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977. – С. 3-16.

Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь: Пермский ун-в. 2000. – 312 с.

Русский ассоциативный словарь (РАС) / под ред. Ю.Н.Караулова, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой, Л.А.Черкасовой. М. 1994-1998.

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1999. – 65 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. – С.30-34.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975. – 96 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатне, 1988. – 187 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 207-219.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Ю.Н.Караулов, Е.Ф.Тарасов. Славянский ассоциативный словарь (русский, белорусский, болгарский, украинский). – М.: ИЯ РАН, 2004. – 792 с.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики, 2016, № 1 (27). – С. 238-250.

Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. – 336 с.

Цітова А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск: БДУ, 1981. – 144 с.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Ин-т языкознания РАН. М.-Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 227-244.

Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. М., 2007. № 6. – С. 105-122.

Kent, G.H., Rosanoff, A.J., A Study of Association in Insanity // American Journal of Insanity. 1910. – № 67. – P. 37-96.

Kiss D. and others. The Associative Thesaurus of English. – Minnesota, 1972.

Kurcz I. Polskie normy powszechnosci skojarzen swobodnych na 100 slow z listy Kent-Rozanoffa // Studia psychologiczne. T. VIII, – Warszawa, 1967.

Rosenzweig M.R. Comparisons among word-association responses in English, French, German and Italian. // American Journal of Psychology. – V/74, 1961.

ETHNO-MENTAL PHENOMENON OF THE CORE OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS: ASSOCIATIVE RESEARCHES IN KAZAKHSTAN

Natalia V. Dmitryuk

South Kazakhstan state pedagogical Institute,
Baitursynov str., 13, Shymkent, Kazakhstan
e-mail:nvdmitr@yandex.ru

Galina A. Cherkasova

Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Bolshoy Kislovskiy pereulok, 1/12, Moscow, Russia.
e-mail:gacherk@mail.ru

Fazila I. Artykbaieva

South Kazakhstan pedagogical University,
Tokaev str., 27A, Shymkent, Kazakhstan
e-mail: artykbaieva.fazila@mail.ru

The article discusses associative research in Kazakhstan made on the basis of two associative dictionaries of the Kazakh language that were published in different epochs – at the Soviet period and present. Such studies are a reliable means of access to ethnic language consciousness, they identify intra-ethnic and cross-cultural peculiarities of the ethnic group mentality together with the basic values in the Central and peripheral zones of its mental lexicon. For example when comparing the conceptual core center of the Russian, Kazakh, English and Spanish linguistic consciousness on the one hand, and identifying forms of linguistic consciousness and mentality transformation in two generations of the titular nation in Kazakhstan, on the other hand, the authors come to the conclusion on the heuristic significance and representativeness of associative nuclear bodies in the study of basic values of society and their changes in different historical epochs.

Keywords: associative dictionaries, associative experiment, the core of linguistic consciousness, mental lexicon, basic values, Kazakhstan psycholinguistics

References

Bektaev K.B. *Bol'shoj kazahsko-russkij, russko-kazahskij slovar'* [Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary]. Almaty: Altyn kazyna, 2007. – 709 s.

Beresneva N.I., Dubrovskaja L.A., Ovchinnikova I.G. *Associacija detej ot shesti do desjati let* [The Association of children from six to ten years]. Perm': Izd. Permskogo univ. 1995. – 256 s.

- Butenko N.P. Slovník asociativních norm ukrajinš'koj movi* [A dictionary of the associative norms of the Ukrainian language]. L'viv, 1979. – 120 s.
- Bolgarski normi na slovesni asociacii* [A dictionary of the associative norms of the Bulgarian language]. Pod obshhata red. E.Gerganov [Edited by E. Gerganov]. Sofija: Nauka i izkustvo. 1984. – 272 s.
- Gizatov G.G. Kognitivnye modeli v rechevoj dejatel'nosti* [Cognitive models in speech activity]. Almaty, 1997. – 176 s.
- Goroshko E.I. Integrativnaja model' svobodnogo asociativnogo jeksperimenta* [Integrative model of free associative experiment]. Har'kov; M.: Izd.gruppa "RA – Karavella", 2001 – 320 s.
- Dmitrjuk N.V. Kazahsko-russkij asociativnyj slovar'* (KRAS). [Kazakh-Russian associative dictionary] Shymkent, 1978. – 240 s.; ili/ *Kazahsko-russkij asociativnyj slovar'*. izd. 2. [or Kazakh-Russian associative dictionary. Edition 2]. Shymkent-Moskva, 1998. – 246 s <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>
- Dmitrjuk N.V. Nacional'no-kul'turnaja specifika verbal'nyh asociacij* [National-cultural specifics of verbal associations] / *Avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk* [Author. Diss. ... candidate of Philology. Sciences]. M.: IJa AN SSSR, 1986. – 24 s.
- Dmitrjuk N.V. Formy sushhestvovaniya i funkcionirovaniya jazykovogo soznaniya v ne-gomogennoj lingvokul'turnoj srede* [Forms of existence and functioning of language consciousness in non-homogeneous linguistic-cultural environment] *Avtoref. diss. d-ra filol. nauk* [Author. Diss. ... doctor of Philology. Sciences]. M., 2000 – 62 s.
- Dmitrjuk N.V. Asociativnyj jeksperiment kak sredstvo issledovaniya jazykovogo soznaniya* [Association experiment as a means of studying the language of consciousness] // *Aktual'nye problemy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki*. Cheljabinsk: Izd. JuUrGU, 2007. – S. 28-29.
- Dmitryuk N.V. Jazykovoje soznanie: lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Monografija* [Linguistic consciousness: linguistic and cultural research. Monograph]. https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/Языковое_сознание/ ISBN/978-3-8473-9740-3
- Dmitrjuk N.V., Moldaliev D.A., Narozhnaja V.D., Moldanova Zh.I., Mezenceva E.S., Sandybaeva N.A., Abramova G.I. Қазақша ассоциациялық сөздік. Kazahskij asociativnyj slovar'* [The Kazakh associative dictionary]. Almaty-Moscow, Media-LogoS Publ., 2014. 330 p.
- Zalevskaja A.A. Svobodnye asociacii v treh jazykah // Semanticheskaja struktura slova: psiholingvističeskie issledovaniya* [Free Association in three languages // the Semantic structure of words: psycholinguistic research]. M.1971. – S. 178-194.
- Zalevskaja A.A. Problemy organizacii vnutrennego leksikona čeloveka. Učebnoje posobie* [Problems of organization of the internal lexicon. Training manual.]. Kalinin: KGU, 1977. – 83 s.
- Zalevskaja A.A. Psiholingvističeskoe issledovanie principov organizacii leksikona čeloveka* [Psycholinguistic study of the principles of the organization of the lexicon of human rights] / *Avtoref. diss.... d-ra filol. nauk*. [Author. Diss. ... doctor of Philology. Sciences] L., 1980. – 48 s.
- Karaulov Ju.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti* [The indicators of national mentality in an associative-verbal network.]. // *Jazykovoje soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. M.: IJa RAN, 2000. – S. 191-206.
- Leont'ev A.A. Obshhie svedeniya ob asociacijah i asociativnyh normah* [For General information about associations and associative norms] // *Slovar' asociativnyh norm russkogo*

- jazyka* [A Dictionary of the associative norms of the Russian language]. – M.: MGU, 1977.
- Ovchinnikova I.G., Beresneva N.I., Dubrovskaja L.A., Penjagina E.B. Leksikon mladšego shkol'nika (karakteristika leksičeskogo komponenta jazykovoje kompetencii)* [The lexicon of the younger pupils (characteristic of the lexical component of language competence).]. – Perm': Permskij univ. 2000. – 312 s.
- Russkij assotsiativnyj slovar' – RAS* [Russian associative dictionary – RAS]. *Pod red. YU.N.Karaulova, YU.A.Sorokina, E.F.Tarasova, N.V.Ufimtsevoi, L.A.Cherkasovoi* [Edited by Yu.N.Karaulov, Yu.A.Sorokin, E.F.Tarasov, N.V.Ufimtseva, L.A.Cherkasova]. Moscow, 1994
- Sokolova T.V. Asociativnyj tezaurus rebenka 3-6 let* [Associative thesaurus of 3-6 year old children]: *Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk*. M., 1999. – 65 s.
- Tarasov E.F. K postroeniju teorii mezkul'turnogo obshhenija* [Towards a theory of intercultural communication] // *Jazykovoje soznanie: formirovanie i funkcionirovanie*. [Language consciousness: formation and functioning] M., 1998. – S.30-34..
- Titova L.N. Kirgizsko-russkij asociativnyj slovar'* [Kyrgyz-Russian associative dictionary]. Frunze: Mektep, 1975. – 96 s.
- Ul'janov Ju.E. Latyšsko-russkij asociativnyj slovar'* [Latvian-Russian associative dictionary]. Riga: Zinatne, 1988. – 187 s.
- Ufimtceva N.V. Jazykovoje soznanie i obraz mira slavjan* [Language consciousness and the image of the world of the Slavs] // *Jazykovoje soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. – M.: IJa RAN, 2000. – S. 207-219.
- Ufimtceva N.V., Cherkasova G.A., Ju.N.Karaulov, E.F.Tarasov. Slavjanskij asociativnyj slovar' (russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij)* [Slavic associative dictionary (Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian)]. – M.: IJa RAN, 2004. – 792 s.
- Ufimtceva N.V. Jazykovaja kartina mira: problemy modelirovaniya* [Language picture of the world: modeling problems] // *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2016, № 1 (27). – S. 242-253.
- Harchenko E.V. Modeli rečevogo povedeniya v professional'nom obshhenii* [Models of speech behavior in professional communication]. Cheljabinsk: Izdatel'stvo JuUrGU, 2003. – 336 s.
- Citova A.I. Asocyjatyuny slounik belaruskaj movy* [Associative dictionary of the Belarusian language]. Minsk: BDU, 1981. – 144 s.
- Cherkasova, G.A. Kvantitativnye issledovaniya asociativnyh slovarej* [Quantitative study of the associative dictionaries] // *Obshhenie. Jazykovoje soznanie. Mezkul'turnaja komunikacija* [Communication. Language awareness]. In-t jazykoznanija RAN. M.-Kaluga : KGPU im. K.Je. Ciolkovskogo, 2005. – S. 227-244.
- Cherkasova G.A. Issledovanie dinamiki asociativno-verbal'noj modeli jazykovogo soznaniya russkij* [The study of the dynamics of associative-verbal model of language consciousness of Russians] // *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. M., 2007. № 6. – S. 105-122.
- Kent, G.H., Rosanoff, A.J., A Study of Association in Insanity* // *American Journal of Insanity*. 1910. – № 67. – P. 37-96.
- Kiss D. and others. The Associative Thesaurus of English*. – Minnesota, 1972.
- Kurcz I. Polskie normy powszechnosci skojarzen swobodnych na 100 slow z listy Kent-Rozanoffa* // *Studia psychologiczne*. T. VIII, – Warszawa, 1967.
- Rosenzweig M.R. Comparisons among word-association responses in English, French, German and Italian*. // *American Journal of Psychology*. – V/74, 1961.

УДК 81.33

ПРОЛЕГОМЕНЫ К КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Захаров Виктор Павлович

Доцент кафедры математической лингвистики
 Санкт-Петербургский государственный университет
 С-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
 e-mail: v.zakharov@spbu.ru

Статья содержит описание предмета и основного содержания корпусной лингвистики. Представлен небольшой исторический экскурс. Дается понятие корпуса и характеризуются основные понятия корпусной лингвистики: репрезентативность, сбалансированность, разметка, корпусный менеджер и др. Представлены основания для типологии и основные типы корпусов. Вопрос о предмете корпусной лингвистики, ее месте среди других разделов и направлений в языкознании встал и обострялся по мере того, как развивались корпусные технологии. Сейчас корпусная лингвистика все время расширяет поле соприкосновения с теоретической лингвистикой и с разными направлениями внутри нее - поэтому важно осознать ее место в рамках лингвистической науки. Эта тема также затронута в работе. Обозначены перспективы развития, как внутри направления, так и совместно с другими лингвистическими дисциплинами.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус, разметка, репрезентативность, прагматика, лингвистическая теория, статистические данные

*Посвящается Наталье Владимировне Уфимцевой,
 моей однокурснице по учебе в Ленинградском университете*

Введение

Что такое корпусная лингвистика? Этот простой и одновременно непростой вопрос стал занимать лингвистов, когда корпуса вошли в широкий лингвистический оборот. Раздел лингвистики? Тогда какой аспект языка она изучает? Раздел компьютерной лингвистики? Методология лингвистического исследования? Лингвистическая теория? Однозначного ответа на этот вопрос нет до сих пор, но его постановка помогает лучше понять предмет данного феномена. Корпусная лингвистика не является монолитным набором категорий или методов, это некое гетерогенное поле, внутри которого варьируются различные подходы к созданию и использованию корпусов.

Первые лингвистические корпуса текстов появились в 60-е гг. прошлого столетия. В 1963 г. в Брауновском университете (США) впервые был создан большой корпус текстов на машинном носителе (Brown Corpus). Авторы корпуса, У. Френсис (W. Francis) и Г. Кучера (H. Kučera), спроектировали его как набор из пятисот 2000-словных прозаических печатных текстов американского варианта английского языка. Тексты принадлежали пятнадцати наиболее массовым жанрам англоязычной печатной прозы США и были напечатаны в 1961 г. Корпус сопровождался большим количеством материалов его первичной статистической обработки – частотный и

алфавитно-частотный словарь, разнообразные статистические распределения. Появление Брауновского корпуса вызвало всеобщий интерес и оживленные дискуссии. Прежде всего они коснулись принципов отбора текстов и состава потенциально решаемых на таком корпусе задач. Затем последовал Ланкастерский корпус английского языка (Lancaster-Oslo-Bergen Corpus, LOB), представляющий собой своего рода аналог Брауновского корпуса для английского языка, и много других корпусов для разных языков. В первой половине 1990-х гг. корпусная лингвистика окончательно сформировалась как новое лингвистическое направление.

Но правильно ли будет сказать *новое*?

Ключевая и знаменитая фраза мольеровского героя из «Мещанина во дворянстве» звучит так: «...я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой». Открытие, сделанное господином Журденом, должно изобличать, конечно, его безграмотность, однако можно сказать, что мы действительно говорим прозой. Так же можно сказать, что лингвисты всю жизнь занимались корпусной лингвистикой, не подозревая об этом. Не случайно одна из статей У. Фрэнсиса называется *Corpora V.C. (корпусы до Р.Х.)* [Francis 1991]. Здесь, конечно, игра слов: автор имел в виду *корпусы до компьютеров* (Corpora Before Computers). Но в статье речь идет о том, что идеи корпусной лингвистики действительно зародились в докомпьютерную эпоху. Лингвисты и лексикографы уже давно в своей работе используют эмпирический материал, цитаты из текстов, которые выписывались на карточки и образовывали «корпусы» под названием картотеки.

Основной выходной продукт из корпусов – это конкорданс, но и он «изобретен» давным-давно. Первая «конкорданция» появилась в начале XIII века («Concordantiae morales sacrae scripturae», «Нравственная конкорданция Священного Писания»). Это был своего рода предметный указатель к текстам Библии. Следом около 1230 года появилась конкорданция к Вульгате Гуго де Сен-Шера, первого кардинала доминиканского монастыря святого Иакова в Париже (Concordantiae Sancti Jacobi). Для составления ее Сен-Шер воспользовался услугами 500 доминиканцев, собратий своего монастыря. Конкорданция при каждом слове приводила цитаты из Библии, с указанием места, где они находятся.

И все же будет правильным сказать, что корпусная лингвистика – это наука XXI века. Сегодня это неотъемлемая часть лингвистики, можно сказать, ее «тело», а «двигателем» является компьютерная лингвистика [Плунгян 2008].

Можно сказать, что все современные лингвистические исследования и работы по составлению словарей и грамматик так или иначе ориентированы на использование представительных корпусов текстов. Развитие современных интеллектуальных программных систем, предназначенных для обработки текстов на естественном языке, также требует большой экспериментальной лингвистической базы. Спрос на корпусные данные совпал с появлением соответствующих технических возможностей.

Помимо возможности получения обширного текстового материала, релевантного запросу (конкорданс), корпуса могут использоваться для получения разнообразных справок и статистических данных о языковых и речевых единицах. В частности, на основе корпусов можно получить данные о частоте словоформ, лексем, грамматических категорий, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о совместной встречаемости лексических еди-

ниц и т.д. Репрезентативный массив языковых данных за определенный период позволяет изучать динамику процессов изменения лексического состава языка, проводить анализ лексико-грамматических характеристик в разных жанрах и у разных авторов, и т.д.

Конкорданс и статистические данные представляют, соответственно, две формы анализа, качественную и количественную, и обе являются «краеугольными камнями» корпусной лингвистики.

1. Основные понятия корпусной лингвистики

Основное понятие корпусной лингвистики, как нетрудно догадаться – это **корпус**. Существует множество определений понятия «корпус». Но, наверное, во всех определениях будет указано на 4 главные его «ипостаси»: 1) электронный; 2) репрезентативный; 3) размеченный; 4) прагматически ориентированный (создаваемый для определенных целей). Поясним вышеназванные «ипостаси».

Электронный

То, что корпус в современном понимании всегда электронный, сразу ставит вопрос о специальной программной системе для работы с ним. Корпус текстов становится мощным инструментом в руках лингвиста лишь ее посредством. Эту систему называют *корпусным менеджером* (или *корпус-менеджером*) (англ. corpus manager). Это специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме.

Поиск в корпусе позволяет по любому слову построить *конкорданс* (concordance) – список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник. Поэтому раньше эту поисковую программу называли *конкордансер*.

Современный корпусный менеджер представляет собой мощную программно-лингвистическую систему, позволяющую, помимо выдачи конкорданса и простой статистики, решать сложные задачи, такие как построение разнообразных частотных списков, выявление коллокаций (устойчивых словосочетаний с указанием силы связи между компонентами), выявление коллокаций с учетом синтаксических формул, выявление ключевых слов и словосочетаний, построение лексико-семантических групп (тезаурусов) и др.

Репрезентативный

Термин *репрезентативность* (англ. representativeness) можно перевести как представительность, т.е. корпус должен хорошо представлять тот объект, который он моделирует, в общем случае, весь язык [Biber 1993]. Но могут создаваться и корпусы, «представляющие» какой-то подязык, например, корпус русского языка первой половины XX века, или корпус русского сонета, или корпус разговорной речи жителей Заполярья. Почти в любом случае проблема репрезентативности существует и ее надо решать. Есть и исключения. Допустим, при создании корпуса писем Н.В. Гоголя очевидно, что туда должны войти все письма Н.В. Гоголя. Но это, скорее, исключение. Естественно и понятно, что корпус – это собрание текстов конечного фиксированного размера. В реальном языке или подязыке таких текстов, как правило, гораздо больше. Тогда встают две проблемы: проблема объема и проблема отбора.

Проблема объема явно была сформулирована в 1960-70-е гг. XX в. при создании частотных словарей, когда обсуждалось понятие представительной выборки

– такого количества языкового материала, после достижения которого относительные частоты языковых единиц практически не меняются. Объем первых корпусов составлял 1 млн словоупотреблений (Брауновский корпус, корпус Ланкастер-Осло-Берген, корпус Частотного словаря русского языка под ред. Л.Н. Засориной). Такой объем не позволял отразить язык во всем его многообразии. Затем стали считать, что общезыковой (национальный) корпус должен включать не менее 100 млн словоупотреблений. Очевидно, что для изучения многих языковых явлений и этого объема недостаточно. Поэтому сейчас создаются корпусы, где счет словоупотреблениям идет на миллиарды.

Вторая проблема формирования представительной выборки – проблема отбора. Из каких текстов сформировать тот самый минимально необходимый объем? Поэтому появилось еще одно важное понятие корпусной лингвистики – *сбалансированность корпуса* (англ. balance). Эту характеристику обеспечить еще труднее, особенно применительно к национальным корпусам. Если корпус – это уменьшенная модель языка, то значит, в нем пропорционально должны быть представлены тексты различных периодов, жанров, стилей, авторов и т.д. Можно сказать, что применительно к языку в целом мы этих пропорций не знаем. Тем не менее, к этому нужно стремиться, как на этапе проектирования корпуса, так и на этапе его развития.

Именно репрезентативность и сбалансированность корпуса определяют достоверность полученных на его материале результатов.

Размеченный

Разметка корпуса, или аннотация (tagging, annotation) – это главное, что отличает лингвистический корпус от коллекции текстов или электронной библиотеки. Разметка заключается в приписывании текстам корпуса и их компонентам дополнительной информации, метаданных [Atkins S. et al. 1992]. Метаданные можно поделить на 3 типа: экстралингвистические, данные о структуре текста, лингвистические. При выборе этих данных необходимо руководствоваться целями исследования и потребностями лингвистов, а также возможностями по внесению в текст тех или иных дополнительных признаков. В целом рекомендуется использовать следующие основополагающие принципы:

- теоретически нейтральная (традиционная) схема разметки;
- общепринятая система лингвистических понятий;
- известная для пользователя схема анализа;
- мотивированность введения параметров;
- следование международным стандартам.

Эти принципы перекликаются с 7 постулатами аннотирования, сформулированными в 1993 г. английским лингвистом Дж. Личем (Leech's seven maxims of annotation) [Leech 1993].

Экстралингвистическая разметка (метаразметка) включает в себя «внешнюю», «интеллектуальную» разметку текстов корпуса (библиографические характеристики, типологические, тематические, социологические характеристики). Например, художественные тексты в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) подразделяются по жанрам: детектив, боевик, детская, документальная проза, драматургия, историческая проза, любовная история, нежанровая проза, приключения, фантастика, юмор и сатира. Нехудожественная литература делится по сферам

функционирования: бытовая, официально-деловая, производственно-техническая, публицистика, реклама, учебно-научная, церковно-богословская, электронная коммуникация. Набор признаков для метаданных чаще всего основывается на рекомендациях проекта TEI (Text Encoding Initiative). Экстралингвистическая разметка нужна, во-первых, для выявления взаимосвязи языка и условий его существования; во-вторых, для отбора и изучения отдельных подмножеств языка.

Среди лингвистических типов разметки выделяются:

- *морфологическая* разметка. В иностранной терминологии употребляется термин *part-of-speech tagging* (POS-tagging), дословно – частеречная разметка. В действительности морфологические метки включают не только признак части речи, но и признаки грамматических категорий, свойственных данной части речи. На сегодняшний день это основной тип разметки: во-первых, большинство крупных корпусов являются как раз морфологически размеченными корпусами, во-вторых, морфологический анализ рассматривается как основа для дальнейших форм анализа – синтаксического и семантического, и, в-третьих, успехи в автоматическом морфологическом анализе позволяют размечать корпусы больших размеров;

- *синтаксическая* разметка, являющаяся результатом синтаксического анализа, или *парсинга* (англ. parsing), выполняемого на основе данных морфологического анализа. Этот вид разметки описывает синтаксические связи между лексическими единицами и различные синтаксические конструкции (например, придаточное предложение, глагольное словосочетание и т.п.);

- *семантическая* разметка. Хотя для семантики нет единой семантической теории, чаще всего семантические тэги обозначают семантические категории, к которым относится данное слово или словосочетание, и более узкие подкатегории, специфицирующие его значение;

Существует много и других типов разметки.

Прагматически ориентированный

Практика разработки и применения электронных корпусов текстов показала, что невозможно создать универсальный корпус. Задачи и цели любого исследования определяют тип корпуса, правила отбора текстов и способ и степень их обработки. Корпусы всегда создаются под определенную задачу или круг задач. Эта задача определяет как наполнение корпуса текстами (например, письма Н.В. Гоголя, русская драма 19-го века, тексты языка охотников), так и разметку корпуса (морфологическая, синтаксическая и т.д., с учетом разнообразия жанров, с учетом социологических характеристик говорящих или без). Корпусная прагматика включает в себя также и аудиторию, для которой создается корпус.

Постепенно сформировалась терминология корпусной лингвистики [Baker et al. 2006] и в настоящее время идет формирование соответствующей русскоязычной терминологии.

2. Предмет корпусной лингвистики

Задаваясь вопросом о месте корпусной лингвистике в лингвистике вообще, видимо, правильнее всего будет сказать, что это методология лингвистического исследования, применимая практически к любой области лингвистики. Однако существует и другой взгляд, заключающийся в том, что корпусная лингвистика должна развиваться как отдельное направление, черпающее теорию преимущественно из

корпуса. В англоязычной литературе эти подходы получили название *corpus-based* (корпусно-ориентированный) и *corpus-driven* (что можно перевести как корпусно-управляемый).

Первый подход предполагает, что корпусы используются для проверки лингвистических теорий или гипотез, чтобы их подтвердить, опровергнуть или уточнить. Этот подход достаточно традиционен [Xiao, Tono 2006]. Второй подход провозглашает, что корпус сам является главным и чуть ли не единственным источником наших знаний о языке. Здесь корпусная лингвистика получает статус теории («Теория не существует независимо от данных» Tognino-Bonelli 2001: 84-85) и рассматривается как «важнейший концепт в лингвистической теории» [Stubbs 1993: 24]. Утверждается, что корпус неявно содержит в себе теорию языка и нужно ее оттуда только «добыть». Такое понимание лингвистики как чисто эмпирической науки возвращает нас к работам американских структуралистов первой трети XX в.

В недрах корпусной лингвистике этот подход называют нео-фёрсианским (neo-Firthian), связывая его с именем Дж.Р. Фёрса (J.R. Firth). Фёрс ввел в научный обиход понятие коллокации. Может быть, самой знаменитой цитатой в корпусной лингвистике является его высказывание «Вы поймете слово по его окружению» (“You shall know a word by the company it keeps”) [Firth 1957: 179]. Утверждается, что значение слова (равно как и другие лингвистические концепты) существует только в потенции и что реально в языке оно возникает только в контексте. Эти взгляды Фёрса приобрели популярность и получили дальнейшее развитие в работах корпусных лингвистов 1990–2000 гг. Предполагается, что аналитик, исследующий данные, не использует никаких априори установленных теоретических концепций [Sinclair 1991, 2004]. На самом деле это трудно себе представить, но такая «индуктивная» точка зрения постулируется.

Другой краеугольный камень подхода нео-фёрсианцев к изучению языка – это понятие дискурса. Дискурс для них – это не только текст, «практика» языка, но и способ реализации самого языка или подъязыка, не только способ говорения, но и способ мышления. И здесь воззрения ряда ученых, исповедующих это направление и использующих корпусные ресурсы и методы, в ряде позиций стыкуются с психолингвистикой и с социолингвистикой [Sinclair 2004]. Термин «корпусно-управляемый подход» также часто используется для обозначения любых индуктивных исследований, использующих так называемые «сырые» (raw) корпусы без лингвистической разметки.

На наш взгляд, эта концепция корпусно-управляемых исследований слишком умозрительна и часто расходится с практикой самих лингвистов, ее исповедующих. Теория всегда рождается как акт человеческого взаимодействия с действительностью (с данными), но при этом познающий субъект обладает сознанием, предрасудками, включенностью в определенные социальные системы, включая науку.

Поэтому де факто корпусная лингвистика, как она есть, всегда корпусно-ориентированная. Другое дело, что широкое использование корпусных ресурсов и методов в современной лингвистике стимулирует лингвистов к тому, чтобы придать данным повышенный вес, и создает для этого соответствующие возможности.

Итак, можно сказать, что корпусная лингвистика имеет своим предметом теоретические основы и практические механизмы, обусловленные математическими

методами и компьютерными технологиями, создания и использования представительных массивов языковых данных, предназначенных для лингвистических исследований в интересах широкого круга пользователей.

3. Типы корпусов

Несмотря на разнообразие корпусов, можно выделить два основных способа деления корпусов на классы. Первый способ – это противопоставление корпусов, относящихся ко всему языку (часто к языку определенного периода), корпусам, относящимся к какому-либо подязыку (жанр, стиль, язык определенной возрастной или социальной группы, язык писателя или ученого и т.п.). Второй способ – разделение корпусов по типу лингвистической разметки. Несмотря на наличие множества типов разметки, большинство реально существующих корпусов относится к корпусам морфологического либо синтаксического типа (последние в англоязычной литературе называют *treebanks*, что можно перевести как «банки синтаксических структур»). При этом следует подчеркнуть, что корпус с синтаксической разметкой явно или неявно включает в себя и морфологические характеристики лексических единиц.

С точки зрения типа корпусных данных главное разделение следует провести между корпусами письменного языка (их подавляющее большинство) и корпусами устной речи. Создание репрезентативного корпуса устной речи является сложной и трудоемкой задачей. Построение корпусов устной речи продвигается намного медленнее, чем построение корпусов письменной речи. В первую очередь устную речь нужно зафиксировать на каком-то носителе. Далее встает трудоемкая задача ее транскрибирования, а также маркирования в составе фонетического (устного, речевого) корпуса паралингвистических явлений, сопутствующих речи (паузы, смех, бормотание, кашель и т. п.). Несмотря на трудности создания, в мире создается достаточно много речевых корпусов. В качестве примеров таких корпусов можно привести корпус «Один речевой день» (ОРД), разрабатываемый в Санкт-Петербургском университете [Шерстинова и др. 2009], корпус устной речи НКРЯ [Гришина, Савчук 2009], мультимедийный корпус МУРСО в составе НКРЯ, включающий, кроме фонетики, еще и видеоряд и аннотацию жестов [Гришина 2009].

С точки зрения режима создания и пополнения корпуса выделяют статические корпусы (*static, balanced, sample corpora*) и мониторинговые корпусы (*monitor corpora*). Первые – это фиксированные массивы, представляющие срез языка определенного периода, «сбалансированный» в соответствии с принятыми критериями (*Brown corpus, LOB, British National Corpus*). Вторые – это регулярно пополняемые корпусы (НКРЯ, *Corpus of Contemporary American, Bank of England*), при этом «баланс» корпуса может меняться.

Вообще же существует большое число различных типов корпусов. Их разнообразие определяется многообразием исследовательских и прикладных задач, для решения которых они создаются, и различными основаниями для классификации.

4. Web as corpus

Но хотя мониторинговые корпусы и достигают больших размеров, существует еще больший, постоянно растущий корпус – это World Wide Web. Поэтому появились идеи использовать поисковые массивы и системы Интернета для решения лингвистических задач [Беликов 2004; Захаров 2005]. Были также проекты создания специальных поисковых машин-посредников, имеющих корпусный интерфейс, но пользующихся базами данных поисковых систем (см., например, *WebCorp* [Renouf 2003]). Однако в целом этот путь оказался малопродуктивным и периферийным.

Затем возникла идея создавать полноценные корпусы на основе текстов, взятых из Интернета. Вероятно, первым ее высказал английский лексикограф Адам Килгаррифф (A. Kilgarriff) в 2001 г. [Kilgarriff 2001; Kilgarriff, Grefenstette 2003]. В этом случае создание очень больших корпусов уже не кажется проблемой. Источники текстов разнообразны и бесконечны. Но какие тексты брать? Принципиальной разницей между поиском в вебе и извлечением веб-данных для корпуса является то, что в первом случае мы знаем, что ищем, в то время как во втором мы пытаемся найти что-то не очень четко определенное [Беликов 2013]. Вначале технология создания корпусов на основе текстов из веба столкнулась с большими трудностями как технического, так и идеологического характера [Sharoff 2006]. Однако многие из них уже решены и за прошедшее десятилетие эта технология, получившая название *WaCky*, достигла заметных успехов [Baroni et al 2009; Venko 2014; Jakubiček et al. 2013]. При этом в автоматическом режиме приходится решать задачи, связанные как с особенностями текстов из веба (обилие ошибок, дублирование информации и т.п.), так и собственно корпусные (сбалансированность, разметка). Веб-корпусы не заменяют и не отменяют традиционные, но они их существенно дополняют, и уже сегодня создаются корпусы объемом несколько десятков миллиардов словоупотреблений, позволяющие изучать широкую периферию языка и изменения в нем.

Заключение

Итак, корпусная лингвистика представляет собой новое направление в лингвистической науке, позволяющее проводить исследование единиц любого языкового уровня в реальном их употреблении, т. е. с учетом того, в каком контексте и в какой ситуации то или иное высказывание было произведено.

Прогресс в сфере компьютерных технологий влечет за собой прогресс в создании и совершенствовании средств автоматической обработки текста и, как результат, порождает новые парадигмы лингвистических исследований.

Дополняет ли корпус традиционную лингвистику или в какой-то степени заменяет ее? Очевидно, что дополняет. Но не просто дополняет экстенционально, но и углубляет – по мере того как новая методология, вооруженная статистическим аппаратом, объединяется с традиционной лингвистической теорией. При этом положения и факты традиционной лингвистики во многом уточняются, а в ряде случаев появляются и новые лингвистические объекты, порожденные в недрах корпусной лингвистики и подлежащие изучению ее методами. В качестве примера можно привести понятие «коллострукция» (*collostruction*) [Stefanowich, Gries 2003]. *Collostruction* – термин-гибрид от слов *collexeme* (*collocation + lexeme*) и *construction* (лексемы, которые «притягиваются» специфическими конструкциями или конструкциями, ассоциирующиеся с определенными лексемами). Авторы развивают семейство методов, направленных на измерение степени притяжения или «отталкивания» слов и конструкций (*collostructional analysis*).

Правомерно, видимо, говорить о новом интегрированном подходе, при котором корпусная лингвистика становится объединяющим началом, взаимодействуя с грамматикой, лексикологией, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой. При этом наблюдается все более широкое распространение корпусной лингвистики – как материала и как метода – на всю сферу гуманитарных исследований, включая историю, социологию, литературоведение и т.д. Уже сегодня на базе корпусной методологии фактически сформировалась новая наука – культурометрия (*culturomics*) (в словаре *Dictionary.com*

этот термин определяется как «the study of human culture and cultural trends over time by means of quantitative analysis of words and phrases in a very large corpus of digitized texts» [Culturomics] - исследование культуры человечества, направлений её развития во времени посредством количественного анализа слов и словосочетаний в очень больших корпусах оцифрованных текстов). Социальный и культурный опыт человечества, зафиксированный в текстах, в лице корпусной лингвистики получает инструмент, позволяющий надеяться, что мы научимся автоматически извлекать из текстов знание. Хочется верить, что корпусная лингвистика вместе с традиционной лингвистикой, психолингвистикой и нейролингвистикой сформируют новую науку – интегрированную эмпирическую лингвистику – которая позволит глубже, чем до сих пор, понять фундаментальную природу языка.

Литература

Беликов В.И., Копылов Н.Ю., Пиперски А.Ч., Селегей В.П., Шаров С.А. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 84-95.

Беликов В.И. Yandex как лексикографический инструмент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2004», Москва, 2004. С. 39-46.

Гришина Е.А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 175–214.

Гришина Е.А., Савчук С.О. Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 129–149.

Захаров В.П. Веб-пространство как языковой корпус // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2005», Москва, 2005. С. 166-171.

Плунян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении, 2008, № 2. С. 7–20.

Шерстинова Т.Ю., Степанова С.Б., Рыко А. И. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Мат-лы XXXVIII международной филологической конференции. Секция: «Формальные методы анализа русской речи». СПб.: СПбГУ, 2009. С. 66-75.

Atkins, S., Clear, J., Ostler, N. (1992). Corpus Design Criteria. Literary and Linguistic Computing. Vol. 7. No. 1. 1–16.

Baker, P., McEnery, T., Hardie, A. (2006). A glossary of corpus linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Baroni, M., Bernardini S., Ferraresi A., Zanchetta E. (2009). The WaCky Wide Web: A Collection of Very Large Linguistically Processed Web-Crawled Corpora. Language Resources and Evaluation. Vol. 43. No. 3. 209-226.

Benko, V. (2014). Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora. In: Petr Sojka, Aleš Horák, Ivan Kopeček and Karel Pala (Eds.): Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8-12, 2014.

Proceedings. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland. 257-264.

Culturomics // Dictionary.com [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.reference.com/browse/culturomics> (дата обращения 11.03.2016)

Firth, J. R. (1957), A synopsis of linguistic theory 1930-1955, In: F. Palmer (Ed.), Selected Papers of J. R. Firth 1952-1959, London, Longman. 168-205.

Francis, N. W. (1991). Language Corpora B.C. Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82. Stockholm, 4.–6. August 1991. / Svartvik J. (ed.). 17–32.

Jakubiček, M., Kilgarriff, A., Kovář, V., Rychlý, P., Suchomel V. (2013). The TenTen Corpus Family. 7th International Corpus Linguistics Conference, Lancaster. Abstract Book. 137-139.

Kilgarriff, A. (2001). Web as corpus. P. Rayson, A. Wilson, T. McEnery, A. Hardie and S. Klijaja (eds.) Proceedings of the Corpus Linguistics 2001 Conference, Lancaster (29 March-2 April 2001). Lancaster: UCREL. 342-344.

Kilgarriff, A., Grefenstette, G. (2003). Introduction to the Special Issue on Web as Corpus. Computational Linguistics. Vol. 29. No. 3. 333-347.

Leech, G. (1993). Corpus annotation schemes. Literary and Linguistic Computing. Vol. 8. No. 4. 275-281.

Renouf, A. (2003). WebCorp: providing a renewable data source for corpus linguists., S. Granger and S. Petch-Tyson (eds.) Extending the Scope of Corpus-based Research: New Applications, New Challenges. Amsterdam: Rodopi. 39–58.

Sharoff, S. (2006), Creating General-Purpose Corpora Using Automated Search Engine Queries. In WaCky! Working Papers on the Web as Corpus. Bologna: Gedit Edizioni. 63–98.

Sinclair, J. (1991). Corpus, Concordance, Collocation, Oxford University Press.

Sinclair, J. (2004). Trust the Text: Language, Corpus and Discourse. London: Routledge.

Stefanowitsch, A. and Gries, St. Th. (2003). Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 8. No. 2: 209–243.

Stubbs, M. (1993). British traditions in text analysis: from Firth to Sinclair. M. Baker, F. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.) Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins. 1–36.

Tognini-Bonelli, E. (2001). Corpus Linguistics at Work. Amsterdam: John Benjamins.

Xiao, R., Tono, Y. (2006). Corpus-based language studies: An advanced resource book. Taylor & Francis.

PROLEGOMENA TO CORPUS LINGUISTICS

Zakharov Victor Pavlovich

Associate Professor of the Mathematical Linguistics Department

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9

e-mail: v.zakharov@spbu.ru

The paper introduces corpus linguistics as a new direction in linguistic science. The description of a subject and the main maintenance of corpus linguistics are given. A small historical digression is presented. The paper describes the concept 'corpus' and characterizes

the basic concepts of corpus linguistics: representativeness, balance, tagging, annotation, corpus manager, etc. The bases for typology and the main types of corpora are presented. The question of a subject of corpus linguistics, its place among other sections and directions in linguistics has risen and became more and more sharp as corpus technologies have been developing. Now corpus linguistics is broadening contact fields with theoretical linguistics and with different directions in it, therefore it is important to realize its place in the world of linguistics. This subject is discussed in the work, too. Prospects of the development, both within this direction, and together with other linguistic disciplines are given.

Keywords: corpus linguistics, corpus, tagging, annotation, representativeness, pragmatics, linguistic theory, statistical data

References

Atkins, S., Clear, J., Ostler, N. (1992). Corpus Design Criteria. *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 7. No. 1. 1–16.

Baker, P., McEnery, T., Hardie, A. (2006). A glossary of corpus linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Baroni, M., Bernardini S., Ferraresi A., Zanchetta E. (2009). The WaCky Wide Web: A Collection of Very Large Linguistically Processed Web-Crawled Corpora. *Language Resources and Evaluation*. Vol. 43. No. 3. 209-226.

Belikov V., Kopylov N., Piperski A., Selegey V., Sharoff S. (2013). Korpus kak yazyk: ot masshtabiruyemosti k differentsial'noy polnote [Corpus as language: from scalability to register variation]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog 2013"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2013"]. Vol. 12 (19), Moscow, RGGU, pp. 84–95.

Belikov V.I. Yandex kak leksikograficheskii instrument [Yandex as a lexicographical tool]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog 2004"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2004"]. Vol. 3 (10), Moscow, pp. 39-46.

Benko, V. (2014). Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora. In: Petr Sojka, Aleš Horák, Ivan Kopeček and Karel Pala (Eds.): *Text, Speech and Dialogue*. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8-12, 2014. Proceedings. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland. 257-264

Culturomics // Dictionary.com [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.reference.com/browse/culturomics> (дата обращения 11.03.2016)

Firth, J. R. (1957), A synopsis of linguistic theory 1930-1955, In: F. Palmer (Ed.), *Selected Papers of J. R. Firth 1952-1959*, London, Longman. 168-205.

Francis, N. W. (1991). Language Corpora B.C. Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82. Stockholm, 4.–6. August 1991. / Svartvik J. (ed.). 17–32.

Grishina E. A. Mul'timedijnyj russkij korpus (MURKO): problemy annotacii [Multimedia Russian corpus: annotation problems]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezultaty i perspektivy* [National Russian corpus 2006-2008. New results and perspectives]. SPb, Nestor-Istorija, 2009, pp. 175–214.

Grishina E. A., Savchuk S. O. Korpus ustnyh tekstov v NKRJa: sostav i struktura [Oral

corpus in RNC: composition and structure]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezultaty i perspektivy*. [National Russian corpus 2006-2008. New results and perspectives]. SPb, Nestor-Istorija, 2009, pp. 129–149.

Jakubiček, M., Kilgarriff, A., Kovář, V., Rychlý, P., Suchomel V. (2013). The TenTen Corpus Family. 7th International Corpus Linguistics Conference, Lancaster. Abstract Book. 137-139.

Kilgarriff, A. (2001). Web as corpus. P. Rayson, A. Wilson, T. McEnery, A. Hardie and S. Klioja (eds.) *Proceedings of the Corpus Linguistics 2001 Conference*, Lancaster (29 March-2 April 2001). Lancaster: UCREL. 342-344.

Kilgarriff, A., Grefenstette, G. (2003). Introduction to the Special Issue on Web as Corpus. *Computational Linguistics*. Vol. 29. No. 3. 333-347.

Leech, G. (1993). Corpus annotation schemes. *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 8. No. 4. 275-281.

Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya [Corpus as a tool and as ideology]. *Russkii yazyk v nauchnom osvetsenii* [Russian in scientific light]. 2008, no. 2, pp. 7-20.

Renouf, A. (2003). WebCorp: providing a renewable data source for corpus linguists., S. Granger and S. Petch-Tyson (eds.) *Extending the Scope of Corpus-based Research: New Applications, New Challenges*. Amsterdam: Rodopi. 39–58.

Sharoff, S. (2006), Creating General-Purpose Corpora Using Automated Search Engine Queries. In *WaCky! Working Papers on the Web as Corpus*. Bologna: Gedit Edizioni. 63–98.

Sherstinova T. Ju., Stepanova S. B., Ryko A. I. Sistema annotirovaniya v zvukovom korpuse russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [Annotation system in speech corpus "One spoken day"]. *Mat-ly XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii* [Proceedings of the XXXVIII. International Philological Conference]. SPb, SPbGU, 2009, pp. 66-75.

Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*, Oxford University Press.

Sinclair, J. (2004). *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. London: Routledge.

Stefanowitsch, A. and Gries, St. Th. (2003). Collocations: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 8. No. 2: 209–243.

Stubbs, M. (1993). British traditions in text analysis: from Firth to Sinclair. M. Baker, F. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.) *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins. 1–36.

Tognini-Bonelli, E. (2001). *Corpus Linguistics at Work*. Amsterdam: John Benjamins.

Xiao, R., Tono, Y. (2006). *Corpus-based language studies: An advanced resource book*.

Zakharov V.P. Veb-prostranstvo kak yazykovoi korpus [Web as a language corpus]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog 2005"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2005"]. Vol. 4 (11), Moscow, pp. 66-171.

УДК 81'23

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ**

Кечина Элина Алексеевна

доцент кафедры латинского языка и русского языка
Рязанский государственный медицинский университет
им. акад. И.П. Павлова
390026 г. Рязань, ул. Высоковольная, д. 9
e-mail: kechina172@inbox.ru

В данной статье представлены результаты исследования национально-культурной специфики ценностных ориентаций представителей арабской культуры, проведенного с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. В ходе систематизации полученного корпуса реакций и составления арабского ассоциативного словаря были сформулированы выводы о базовых понятиях, детерминирующих специфику системы ценностей носителей арабского языка. К рассмотрению предлагаются фрагменты ассоциативных полей слов-стимулов «Бог», «араб», «арабский язык», «время», «путь», «человек» и ряда других. Особое внимание уделено религиозной обусловленности языкового сознания как одному из феноменов арабской культуры и важнейшему признаку национальной идентичности.

Ключевые слова: языковое сознание, ценностные ориентации, религиозное сознание, свободный ассоциативный эксперимент

*С глубоким уважением, благодарностью и признательностью
Уфимцевой Наталье Владимировне*

*«В душе каждого человека есть миниатюрный
портрет его народа»
Г.Фрейтаг*

В настоящее время в центре многочисленных этнопсихолингвистических исследований находится изучение национально-культурной специфики языкового сознания представителей различных культур. В качестве предмета кросскультурных исследований выбираются ценностные ориентации, зафиксированные в языковом сознании носителя того или иного языка.

Осваивая в процессе субъектогенеза ценности окружающего мира, человек опирается на устоявшиеся в его культуре традиции, нормы и обычаи. При этом происходит постепенное формирование системы основополагающих и общепринятых ценностных ориентаций, которые наделяют все элементы пространства человеческой жизни аксиологической значимостью и выступают связующим звеном между человеком, его внутренним миром и окружающей действительностью [Здравомыслов 1986]. По определению М.М. Бахтина все «мыслимые пространственные и временные отношения слагаются вокруг человека в некоторое устойчивое конкретное целое и приобретают ценностный центр» [Бахтин 1986: 511].

Как средства регуляции совместной деятельности членов определённого социума ценностные ориентации выступают в качестве инструмента анализа специфики языкового сознания представителей различных культур через свои вербальные знаковые объективации [Синячкин 2010], а в качестве одного из эффективных способов овнешнения языкового сознания применяется метод свободного ассоциативного эксперимента. Так, с помощью свободного ассоциативного эксперимента нами проводилось сопоставительное исследование национально-культурной специфики ценностных ориентаций в языковом сознании представителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа содержания образов «Родина», «человек» и слов-стимулов, входящих в семантическое поле «дом-семья». В качестве информантов выступали 150 русских и 205 арабских студентов, обучающихся в Рязанском государственном медицинском университете им. акад. И.П. Павлова. Анализ структуры и содержания ассоциативных полей эквивалентных слов-стимулов на основе метода семантического гештальта Ю.Н. Караулова позволил сделать вывод о том, что ценностные ориентации в языковом сознании носителя языка обусловлены традициями национальной культуры, спецификой образа мира как её структурного компонента и религиозным контекстом мировосприятия [Кечина 2012].

Религиозная обусловленность языкового сознания является характерной особенностью для носителей арабской культуры. Это положение в более полной форме подтвердилось на втором этапе нашей работы – составлением арабского ассоциативного словаря на основе полученного корпуса реакций на предложенный список из 120 слов-стимулов. По результатам свободного ассоциативного эксперимента нами было получено 22960 реакций арабских респондентов. При обработке полученных данных было установлено, что ассоциативные поля подавляющего большинства слов-стимулов из списка анкеты (76 из 119, не считая стимула «Бог») содержат лексические единицы с религиозной семантикой.

Так, одним из значений слова «брат» для арабов является и человек, находящийся в кровнородственных отношениях, и человек, имеющий общие религиозные взгляды, то есть *брат по вероисповеданию*, а именно *мусульманин*. «Дядя» воспринимается не только как родственник, но как наставник и *духовный отец*. Понятие «счастье» в сознании арабских студентов неотделимо от *религии, ислама и любви к Богу*. «Работа» и «дело» рассматриваются арабскими студентами не только как ценности профессиональной самореализации человека, но и как вид работы духовной и ассоциируются с *молитвой, верой и религией*. Стимул «Марокко» коррелирует у определённой части респондентов с национальным девизом королевства Марокко – «*Бог-Родина-король*», в котором в лаконичной форме манифестируются наивысшие ценности государства и общества, его идеологические основы.

Религиозным контекстом миропонимания обусловлено и восприятие человека, его статус и значимость. Человек рассматривается как *творение и величие Бога*, его *изобретение*, при этом границы рефлексивного осмысления человека в сознании арабских респондентов обусловлены традициями ислама: по сравнению с творцом и создателем мира сего человек *слаб*, он – только *раб Божий*. «Если задать себе вопрос, какова наиболее типичная характеристика человека в культуре ислама, то ответом будет слово «раб». В этой связке – человек как раб, Бог как господин – и

осмысляется в исламе человек и его положение» [Смирнов 2000: 46]. Однако понятие «раб» по причинам исторического и социального плана лишено привычной для нас негативной коннотации, а ассоциируется в арабском (исламском) сознании не с «несвободой», а с поклонением. В исламе человек – только человек. Он действует в том мироздании, порядки которого установлены Богом, поэтому действие человека не меняет ничего в этом мире, но тем не менее оно является ответственным действием, которое прямо соединяет человека с Божьей волей [Смирнов 2000].

«Всё в руках Аллаха» – дежурная фраза, сопровождающая любое действие мусульманина. Если Бог даст – есть надежда на успех. В случае неудачи – «так было угодно Аллаху». Идея предопределения человеческих поступков и упование на волю Божью находит отражение в многочисленных клишированных фразах и фразеологизмах, поскольку язык «с точки зрения религиозного сознания непременно является плодом и результатом особенного промыслительного действия божественной любви в судьбах нашего мира» [Гайденко: 2002, цит. по Бугаевой 2008]. «Слову "промысл", которое встречается в Священном Писании, соответствует латинское *providencia*. Вот почему говорят, что всё в мире провиденциально, т.е. промыслительно» [Бугаева 2008: 132]. «Любопытно, что, например, в Ливане некоторые фразы одинаково употребляют как мусульмане, так и христиане: Бог подаст, Бог в помощь, на всё воля Божья» [Бибикова 2008: 49]. Использование устойчивых сочетаний определяет «стратегию реагирования» арабских респондентов – значительная часть реакций подчиняется некоторым общим принципам реагирования или ассоциативной тактики [Караулов: 1999, цит. по Гольдину 2008: 203]. Вероятно, это обусловлено спецификой мышления верующего человека, которая проявляется в выборе языковых средств, поэтому характерной особенностью для носителей арабской культуры является использование в качестве ответов не однословных реакций или словосочетаний, а целых конструкций-предложений. Проиллюстрируем это положение на примерах некоторых ассоциаций (в скобках указаны слова-стимулы): *спасибо Богу* (мать), *слава Богу* (есть, много), *если Бог этого захочет* (дочь, жена, муж). Любое действие совершается по воле Божьей и находится под его «юрисдикцией» [Элиаде 2008], поэтому, вероятно, сознание человека верующего «апеллирует» к Абсолюту, уповая на его помощь и поддержку, снисходительность, благосклонность и протекцию: *пусть её поддержит Бог* (бабушка), *пусть Бог вернёт ему здоровье* (больной), *пусть Бог его простит* (враг), *пусть Бог его вылечит* (глупый), *пусть Бог её хранит* (дочь, семья), *пусть Бог хранит меня от этого* (жадный, зло), *Бог его хранит*, *Бог ему даёт*, *Бог хранит его богатство* (богатый).

К одним из специфических языковых средств религиозного дискурса относятся «эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика <...> – то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания, а его интуитивное понимание» [Иванова 2012: 184]. Так, для носителей арабского языка характерно употребление ярких специфических этнокультурных метафор. Определяя высокий семейный статус и авторитет бабушки и мужа в системе внутрисемейных отношений, арабские студенты называют их *Богом семьи*. Образ матери в сознании носителей арабской культуры коррелирует с *раем* и *Божьим даром*, образ женщины – с *ангелом* и *дьяволом*, с *Евой*, с *раем*, девочки – с *Девой Марией*, *ангелом* и *Евой*.

Арабский язык называется языком рая. Однако ключевой, на наш взгляд, метафорической моделью образного отождествления [Мишланова 2002] религиозного знания является метафора света как символа божественной сущности, наполняющей мир духовностью: *свет-вера*, *свет-ислам*, *свет-Бог*.

Следует особо отметить место и статус Бога как ценности высшего порядка в сознании носителей арабского языка. Так, например, ядро ассоциативного поля слова-стимула «большой» представлено ассоциатом *Бог* (65 реакций из 205). Кроме того, на значимость и важность этого понятия указывают такие эмотивы со значением оценочности, как *великий*, *величие*, *величественный*, *могущественный*, *самый сильный*. Что касается ядра АП слова-стимула «Бог», то самой частной реакцией является ассоциат «*единственный*», что наглядно иллюстрирует основной догмат исламского вероучения – утверждение единобожия, зафиксированное в коранической формуле «Нет бога, кроме Аллаха (более точно «Нет бога, кроме Бога»)» [Степанянц 2001].

Обращением человека к Богу, способом установления контакта с Богом является молитва как сердцевина и форма религиозной практики. Жизнь в общении с Богом – это «удовлетворение личной потребности человеческой души в спасении, в отыскании последней прочности и удовлетворенности, незыблемого душевного покоя и радости» (Франк 2000-2002). «В исламском вероучении и в исламском сознании молитва имеет необыкновенно высокий статус. Между тем ежедневная молитва мусульманина может показаться стороннему наблюдателю действием сугубо механическим. Молитва расписана до мельчайших подробностей, человек должен совершить строго определённые движения и произнести строго определённые слова в строго определённое время. В случае, если он ошибается в каком-то движении или в словах, ему следует восполнить упущение и повторить молитву. Однако главным здесь является не механистическое соблюдение ритуальных действий. Оказывается, принципиальным, многократно подчёркнутым положением исламского вероучения выступает тезис о том, что ритуальная молитва, совершённая без намерения, недействительна. При этом под намерением понимается внутренняя сосредоточенность человека, его решимость и готовность совершать действие» [Смирнов 2000: 191]. Возможно, такой ракурсе рассмотрения особенностей молитвы в культуре ислама и объясняет специфику восприятия арабскими студентами понятий «дело» и «работа», которые в их сознании связаны с *религией*, *верой* и *молитвой* как видом духовной работы и духовных усилий человека.

Неотделимо от духовной сферы человека и культурно-специфическое восприятие пространства и времени арабскими респондентами. В системе представлений о мироустройстве, отражённом в обыденном сознании носителя культуры, пространство и время как объективные онтологические универсалии относятся к числу базовых, центральных. «Время – понятие, которое вместило человеческое наблюдение неостанавливающегося течения вещей природного мира, от начала к концу, опыт вытеснения прошлого, переживание собственного избывания к смерти» [Семёнова 1994: 49]. Время – объективация человеческим сознанием смертного способа существования, как безусловно реальный необратимый процесс «всеобщего движения к пропасти небытия», когда «всё течёт, всё незаметно, но неминуемо старится и приближается к превращению в ничто, и сущность времени составляет

постоянное, прерывающееся движение будущего через настоящее в прошлое» [Эрн : 2003, цит. по Кузьменковой 2005: 84]. В божественном мире время трансформируется в вечность – «такое качество бытия, в котором нет деградирующего развития, нет смерти» [Семёнова 1994: 49], а есть бесконечность Божьей жизни и бытия. Так, для арабских респондентов сакрально отмеченная «вечность» [Сафронова 2005] – это *Бог, рай, во имя Бога, в небе, второй мир, второй мир после смерти, другой мир*. Таким образом, хронотоп времени и пространства верующего человека, в нашем случае адепта ислама, неотделим от Бога так же, как и представление о «пути», метафорически обозначающем линию нравственного, духовного поведения [Топоров 1983: 268] – движению человека *верующего*, стремящегося к обретению сакральных ценностей в *религии – в исламе*; от правильности избранного пути зависит *жизнь верующего после смерти: в раю или в аду*.

Комментируя определённые результаты исследования, мы, безусловно, не можем не обратиться к истокам культурных традиций, которые лежат в основе мировосприятия представителей конкретной культуры. Как известно, факторами распространения культуры выступают её различные трансляторы. Однако ориентация, разделяемая членами определённой культурной группы по отношению к Богу, человечеству, природе, вселенной, вопросам жизни и смерти и прочим проблемам, влияющим на восприятие мира, определяется совокупностью философско-религиозных воззрений [Begley 2000]. «Выньте христианство из истории Европы или буддизм из Азии, – замечал известный российский философ А.С.Хомяков, – и вы ничего не поймёте ни в Европе, ни в Азии» [Ирхин 2006: 19].

Для арабов религия – это основа, стержень народного, национального духа. Глубоко проникнув в их общественную психологию и быт, она по-прежнему играет главенствующую и определяющую роль, занимая центральное место в мыслях, убеждениях, ценностях и чувствах большинства людей в современном арабском мире. Несмотря на сильное влияние современной западной цивилизации, «исламская парадигма» не поддаётся вытеснению из массового сознания, а арабская культура по-прежнему сохраняет своё лицо, собственное мироощущение, мышление и самобытность [Шагаль: 2001].

Религиозное сознание существует и функционирует в связи с религиозной лексикой, с помощью которой выражаются религиозные значения и смыслы. Именно благодаря языку это сознание становится общественным, практическим и действительным. Каждый феномен в культуре может приобретать характер символа этничности, однако чаще всего национальная идеология и чувства фокусируются в языке. Так, для представителей арабской культуры «арабский язык» – это прежде всего язык *происхождения* и язык *Корана, ислама, язык мусульман*.

«Прочные теснейшие связи между исламом и арабским языком придали последнему религиозный характер», – пишет арабский учёный Муджахит Мустафа Бахджит [Шагаль 1998: 241]. Магомед, даровав своим соотечественникам Коран, поставил их на ступень двух других «народов Книги» и облагородил арабский язык, сделав его языком богословия и литургии в надежде, что он станет языком экуменической культуры [Элиаде: 2007]. Когда речь идёт о значимости арабского языка в современном мире, то обычно отмечают, что он является «языком ислама и способствует сохранению единства мусульман» [Шагаль 1998: 240]. Однако по-

литика «офранцузивания» всех сфер жизни общества в странах Магриба, по мнению некоторых исследователей, а также «осуществляемый принцип билингвизма в системе образования приводят к некоторым нежелательным психологическим последствиям: высказывается опасение, что в связи с тем, что учащийся изучает литературу, религиозные науки, философию и другие гуманитарные предметы на одном языке, а современные естественные дисциплины – на другом, то в его сознании возникает лишённая гомогенности картина окружающего мира: с одной стороны, образ прошлого, сконструированного на арабском языке, а с другой – образ будущего, воспринимаемый посредством французского языка» [Шагаль 1998: 233].

Отношение к Богу, религиозные представления манифестируются и как форма самоидентификации для носителей арабской культуры, вероятно поэтому «араб», по их мнению, – это, в первую очередь, адепт *ислама*, то есть *мусульманин*, что означает «преданный Аллаху» и говорит о покорности одному лишь Аллаху и подчинении только его воле. Потребность в корнях и в идентичности – две из пяти экзистенциальных потребностей человека (Fromm: 1973). Как пишет Шагаль Э., «национальная ущемлённость закономерно породила тягу к историко-культурным корням, стремление отыскать в собственной культуре, прежде всего в языке, основу для единения <... > арабского национального сообщества» [Шагаль 1998: 19]. Основу семейной идентичности для арабских респондентов формируют общие *корни, происхождение, традиция и история семьи, семейные узы и связи*, о чём свидетельствует проведённое нами раннее исследование. В свою очередь, можно предположить, что признаками национальной идентичности и консолидирующими факторами для носителей арабской культуры являются язык и религиозные представления, базирующиеся на традициях ислама.

Таким образом, предварительный анализ и систематизация полученного корпуса реакций по результатам проведённого свободного ассоциативного эксперимента позволяют констатировать следующее: «ассоциативный профиль» образов сознания [Уфимцева 2004] представителей арабской культуры можно рассматривать как «макет и проекцию» фрагмента религиозной картины мира, отражённой в языковом сознании профанного носителя языка. Кроме того, как ключевые понятия духовной культуры, вера и религия принадлежат к системе ценностей носителей арабского языка, детерминируют специфику их миропонимания и мировосприятия и, что немаловажно, являются одним из признаков национальной идентичности.

Литература

Begley P.A. Communication with Egyptians // Intercultural Communication. A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter(eds.). 9th ed. Belmont, C.A.: Wardsworth Publishing Company, International Thomson Publishing Company, 2000. – 99 p.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С.511.

Бибикова О.П. Арабы. Историко-этнографические очерки. – М.: «АСТ МОСКВА», 2008. – С. 444.

Бугаева И.В. Религиозная картина мира и религиозная языковая личность: некоторые аспекты описания // Язык – Сознание – Культура – Социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова. – Саратов: Издательский центр «наука», 2008. – С.670.

Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1986. – С.224.

Элиаде М. История веры и религиозных идей (от Магомеда до Реформации) //Mircea Eliade. Histoire des croyances et des idées religieuses (De Mahomet à l'âge des Réformes). – М.: Академический проект, 2008. – С. 349.

Иванова Е.В. Архетип апокалипсиса и его вербализация в текстах СМИ // Политическая лингвистика. №4 (42), 2012. – С. 260.

Ирхин Ю.В. Социология культуры. – М.: Экзамен, 2006. – С. 525

Караулов Ю.Н. «Осознание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 296.

Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры / Отв. ред. Л.А. Сафронова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – С. 802.

Кечина Э.А. Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2012. – С.22.

Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 293.

Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. – М.: РУДН, 2010. – С. 337.

Смирнов А.В. Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция / Этическая мысль: Ежегодник. – М.: Институт философии РАН, 2000. – С. 216.

Степанянц М.Т. Восточная философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 431.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227.

Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель сознания русских // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей. Изд. Алтайского государственного университета, Институт языкознания РАН, 2004. – С.316.

Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 280.

LANGUAGE CONSCIOUSNESS, ITS NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF ARAB CULTURE REPRESENTATIVES: RELIGIOUS ASPECT

Kechina Elina Alexeevna

Associate Professor at the department of the Latin Language and Russian Language I.P. Pavlov Ryazan State Medical University

Kechina E.A., 32 Stankozavodskaja St., apt.172, Ryazan, Russia, 390039
e-mail: kechina172@inbox.ru

This article provides a summary of results, concerning the research of national and cultural specificity of the system of valuable orientations in the Arab culture. Free associative experiment was a main method in the real investigation. Systematization of the received case of reactions as well as compilation of the Arab associative dictionary played the role of effective factors, influencing the formulation of basic conclusions about key concepts of the Arab language consciousness and the system of values in it. Fragments of associative fields of the words as "God", "Arab", "Arab language", "time", "way" and others are offered to consideration in this article. A special attention is paid to the religious conditionality of language consciousness as to the one of phenomena of the Arab culture and to the most important sign of national identity.

Keywords: language consciousness, valuable orientations, religious consciousness, free associative experiment

References

Begley P.A. Communication with Egyptians // Intercultural Communication. A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter (eds.). 9th ed. Belmont, C.A.: Wardsworth Publishing Company, International Thomson Publishing Company, 2000. – 99 p.

Bahtin M.M. [Literary critiques], Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1986, p.511.

Bibikova O.P. Araby. Istoriko-jetnograficheskie ocherki [Arabs. Historical and ethnographic sketches], Moscow: «AST MOSKVA», 2008. p.444.

Bugaeva I.V., Jazyk – Soznanie – Kul'tura – Socium [Religious view of the world and religious linguistic personality: certain specification aspects. Language – Consciousness – Culture – Society], Reports of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor I.N. Gorelov, Saratov: Izdatel'skij centr "nauka", 2008. p. 670.

Zdravomyslov A.G. Potrebnosti, interesy, cennosti [Requirements, interests, values], Moscow: Politizdat, 1986, p.224.

Jeliade M. Istorija very i religioznyh idej (ot Magomeda do Reformacii) [The History of the Faith and Religious Ideas (from Mahomed to the Reformation)], Mircea Eliade. Histoire des croyances et des idées religieuses (De Mahomet à l'âge des Réformes). Moscow : Akademicheskij proekt, 2008, p.101.

Ivanova E. V. Arhetip apokalipsisa i ego verbalizacija v tekstah SMI [An archetype of an apocalypse and its verbalization in mass media texts]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2012, No. 4(42), p. 260.

Irhin Ju. V. Sociologija kul'tury [Cultural sociology]. M.: Jekzamen, 2006. p.525.

Karaulov Ju. N. «Osoznavanie» kak process fiksacii prostejshih edinic znanija v jazykovom soznanii nositelja jazyka-kul'tury ["Awareness" as a process of elementary units of knowledge fixation in language consciousness of native speakers]. *Obshhenie. Jazykovoje soznanie. Mezhkul'turnaja kommunikacija.* [Communication. Language consciousness. Cross-cultural communication]. *Sb.statej / Institut jazykoznanija RAN.* Kaluga: KGPU im. K. Je.Ciolkovskogo, 2005. p.179.

Kategorii i koncepty slavjanskoj kul'tury. *Trudy Otdela istorii kul'tury* [Categories and concepts of Slavic culture], Moscow : Institut slavjanovedenija RAN, 2007, p. 802.

Kechina Je. A. Nacional'no-kul'turnaja specifika cennostnyh orientacij v jazykovom soznanii nositelja jazyka (na materiale russkogo i arabskogo jazykov) [National and cultural specificity of valuable orientations in the Language consciousness of a native speaker (on the base of Russian and Arabic languages)]: *Avtoref. dis. k. filol. nauk.* Moscow , 2012. p.22.

Kuz'menkova Ju. B. Ot tradicij kul'tury k normam rechevogo povedenija britancev, amerikancev i rossijan [From cultural traditions to the norms of speech behavior of British, Americans and Russians]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShJe, 2005. p. 293.

Sinjachkin V. P. Psiholingvisticheskij i lingvokul'turologicheskij analiz obshhechelovecheskih cennostej v russkom jazykovom soznanii [The psycholinguistic and linguocultural analysis of universal values in the Russian language consciousness]. Moscow : RUDN, 2010. p. 337.

Smirnov A. V. *Nravstvennaja priroda cheloveka: arabo-musul'manskaja tradicija* (Moral human nature: Arab-Muslim tradition). *Moral thought* : Ezhegodnik. Moscow: Institut filosofii RAN, 2000. pp.46-70.

Stepanjanc M. T. *Vostochnaja filosofija* [East philosophy]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001. p. 431.

Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [The Space and the text]. *Tekst: semantika i struktura.* Moscow: Nauka, 1983. p. 227.

Ufimceva N. V. *Associativnyj tezaurus russkogo jazyka kak model' soznanija russkih* [The Associative thesaurus of Russian Language as a model of Russian consciousness]. *Language consciousness: theoretical and applied aspects.* *Sbornik statej.* *Izd. Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, Institut jazykoznanija RAN,* 2004. p.191.

Shagal' V. Je. *Arabskie strany: jazyk i obshhestvo* [Arab countries: language and society]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1998. p. 280.

УДК 81'23

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: «СОЮЗ ПРЕКРАСНЫХ МУЗ»

(размышления об этнопсихолингвистике и не только о ней)

Красных Виктория Владимировна
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
1-й ГУМ, филологический факультет
e-mail: victoryvk@gmail.com

Данная статья посвящена рассмотрению этнопсихолингвистики как самостоятельного научного направления. В статье предпринята попытка дать определение методологических основ этнопсихолингвистики с опорой на труды Н.В. Уфимцевой, а также кратко представить новое направление – психолингвокультурологию – в сопоставлении с лингвокультурологией и этнопсихолингвистикой. Психолингвокультурология определяется как наука изучающая взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего. Утверждается необходимость интегрирования современных наук, обусловленного новым объектом научных изысканий.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, методологические основы этнопсихолингвистики, лингвокультурология, психолингвокультурология

Главным препятствием любого общения, а особенно межкультурного, является тот факт, что мысль нельзя непосредственно передать из одной головы в другую. Для этого мы пользуемся специальными знаками, прежде всего, языковыми, и, следовательно, опираемся на знания, которые сформированы у нас в рамках родной культуры. Это ключевое положение для Московской психолингвистической школы и в той области исследований, которое получило имя этнопсихолингвистики.

Н.В. Уфимцева. Образ мира русских: системность и содержание.

Еще в конце XX века А.А. Леонтьев писал, что, хотя этнопсихолингвистические исследования в рамках Московской психолингвистической школы берут свое начало еще в 70-х годах, сама «этнопсихолингвистика как отдельная научная область скорее декларирована, чем действительно сформировалась» [Леонтьев 1997]. Но вместе с тем он особо подчеркивал, что «необходимость в том, чтобы это формирование произошло, очевидна: накопленный сейчас материал по самым различным национально-культурным общностям осмыслен недостаточно и в основном используется как иллюстрация отдельных теоретических или методических положений» [Там же]. Более того, он предложил и дефиницию данного направления научных знаний, определив этнопсихолингвистику как «область психолингвистики, изучающую национально-культурную вариантность и этнопсихолингвистическую детерминацию речевой деятельности, языкового сознания и речевого общения [Там же].

На рубеже XX–XXI веков А.А. Залевская, анализируя работы, посвященные изучению национально-культурной специфики картины / образа мира, особо подчеркивала актуальность такого рода исследований как для отечественной, так и для мировой науки, объясняя таким образом возникновение таких новых направлений исследований, которые определялись различными авторами как «этническая конфликтология», «этническая библиопсихология», «этическая психоллингвистика», «этнография общения», «этнотранслатология», «этногерменевтика», «этнориторика», «этноконнотация», «когнитивная этнопсихоллингвистика» [Залевская 2005]. Обобщая к тому времени накопленный опыт и уже существовавшие достижения в области разных дисциплин (представлены в проанализированных А.А. Залевской работах В.Б. Гольдберга, В.И. Карасика, В.А. Пищальниковой, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Дж. Эйтчисон и др.), А.А. Залевская отмечает, что «к рассмотрению национально-культурной специфики тех или иных аспектов или фрагментов картины мира исследователи подходят с разных позиций: одни берут за исходное язык, анализируют установленные факты межъязыкового сходства или расхождений через призму языковой системности и говорят о *языковой картине мира*; для других исходной является культура, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности, а в центре внимания оказывается *образ мира*» [Там же] (курсив оригинала. – В.К.).

В связи с данной постановкой вопроса, А.А. Залевская обращается к концепции В.Н. Телия, которая рассматривала лингвокультурологию как науку о живой взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры как двух самостоятельных семиотических систем, в рамках которой «экспликация когнитивных процедур, осуществляемых субъектом при интерпретации культурно значимой референции языковых знаков, проводится на материале живого функционирования языка в дискурсах разных типов с целью изучения “культурного самосознания, или ментальности, как отдельного субъекта, так и сообщества в его полифонической цельности” [Телия 1999: 15]» [Залевская. Указ.соч.]. При этом А.А. Залевская считает, что «реализация поставленных В.Н. Телия задач требует комплексного подхода к исследуемым фактам с позиций семиотики, лингвистики, психоллингвистики, психологии, социологии, культурологии и т. д. с применением специально разработанных методов», и делает вывод, что «ближе всего к такому подходу стоит этнопсихоллингвистика» [Там же].

Думается, что убедительное подтверждение и блестящую иллюстрацию этого тезиса мы находим в работах Натальи Владимировны Уфимцевой, посвященных изучению этнического языкового сознания и выявлению и описанию ядра такового (см., напр., [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2009-а, 2009-в, 2011, 2013]).

По мнению Н.В. Уфимцевой, собственно «новая методологическая база для этнопсихоллингвистических исследований» начала формировать в Московской психоллингвистической школе с начала 90-х годов, при этом «центральной проблемой становится исследование этнокультурной специфики языкового сознания» [Уфимцева 2000]. Основываясь на психологическом представлении о том, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых

восприятием этих явлений», этнопсихоллингвистика (далее – ЭПЛ) фокусируется на изучении образа мира и его изменениях «от одной культуры к другой» [Там же].

Сегодня трудно найти «классическое» определение ЭПЛ как отдельной, самостоятельной науки, а те дефиниции, которые приводятся, не всегда, на мой взгляд, отражают суть этой научной дисциплины. Так, например, в «Этнопсихологическом словаре» можно прочесть, что ЭПЛ – это «отрасль лингвистической науки, которая в качестве главного фактора формирования психики этноса рассматривает влияние языка, накапливающего и отражающего его исторический опыт» [Крысько 1999]. С одной стороны, с этим, пожалуй, и не стоит спорить, но с другой – такое определение не дает, как мне думается, достаточно четкого представления о самой этой науке, ведь на подобных позициях стоят не только и не столько собственно и исключительно этнопсихоллингвисты, сколько те, кого (иногда уважительно, иногда уничижительно) называют неогумбольдтианцами. Это, если угодно, своего рода «научная идеология» исследователя, а не «содержание и суть» научного направления.

На мой взгляд, сегодня представляется возможным предложить более точное понимание того, что же такое ЭПЛ, именно с опорой на труды Н.В. Уфимцевой. Еще в 2000 г. описывая результаты, полученные в ходе реализации исследовательской программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян» [Уфимцева 2000], Н.В. Уфимцева, представляя методологические основания проводившегося изыскания, по сути сформулировала методологические основы этнопсихоллингвистики как таковой. Объектом ЭПЛ может быть признан «образ мира как основополагающая компонента культуры», предметом – «сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения», например, через языковое сознание, являющееся одной из таких форм и представляющее как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры». При этом «образ сознания, ассоциированный со словом – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. “Назвать” – значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение, значит, понять, включить в свое сознание» [Там же] (см. также [Уфимцева 2009-в]).

Однако в трудах Н.В. Уфимцевой можно найти не только теоретическое обоснование ЭПЛ (см. вышеуказанные работы), не только представление современного состояния и дальнейших перспектив психоллингвистики [Уфимцева 2009-б], но и целый ряд идей, которые вносят существенный вклад в формирование теоретической базы новых научных направлений. Одним из таковых сегодня видится психоллингвокультурология (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном и необходимом, направлении было сказано в [Красных 2002]).

Едва ли не первой работой, в которой рассматривались психоллингвокультурологические аспекты идиом, явилась диссертация С.В. Кабаковой, написанная под руководством В.Н. Телия [Кабакова 1999]. Предметом указанного научного изыскания служило «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации

внутренней формы идиомы», которое рассматривалось «в нескольких ракурсах: с точки зрения его восприятия носителями языка (психологический аспект), как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму (лингвистический аспект), и, наконец, как содержание, соотносимое с “языком” культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч. (культурологический аспект)» [Там же]. Изучение языкового материала велось с опорой на «исследования, связанные с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике», что позволило автору диссертации выявить и описать «макрокомпонентную модель значения фразеологизмов» [Там же].

Таким образом, можно сказать, что современное направление научных исследований, именуемой сегодня «психолингвокультурология», уходит своими корнями и в психолингвистику и – точнее – в этнопсихолингвистику, и в лингвокультурологию, точнее – в труды и научное наследие В.Н. Телия.

В чем же проявляется, с одной стороны, генетическая связь с указанными науками, а с другой – отличие психолингвокультурологии (далее – ПЛК) от своих «прямых родителей»? Постараюсь кратко сформулировать ответ на данный вопрос.

ПЛК по своей сути – складывающееся в наши дни направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (В.Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего. С лингвокультурологией ее роднит понимание активной неразрывной связи языка и культуры (их взаимодействия, взаимообусловленности и взаимовлияния), с ЭПЛ – включение (в качестве обязательного «компонента») сознания (зд. языкового сознания), культуры и человека говорящего, являющегося носителем таковых (равно как и языка). Отличает ПЛК от собственно лингвокультурологии и ЭПЛ, соответственно, именно «объединение на равных» всех указанных феноменов. При этом человек говорящий рассматривается как базовая категория лингвокультуры (ср. с идеей В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность). Именно лингвокультура (т. е. культура оязыковленная, явленная нам в языке и через язык и, воспользуясь словами В.Н. Телия, проявляющаяся в живых языковых и речевых процессах) с учетом совокупности всех факторов, ее предопределяющих и ею предопределяемых, может быть признана объектом ПЛК. Предметом же выступают словарь и грамматика таковой. Соответственно, цель ПЛК – выявление, изучение, систематизация, описание словаря и грамматики лингвокультуры, включая не только реестр единиц, оязыковляющих культуруносные смыслы и образы, не только таксоны (основные классы) данных единиц, их структуру, отношения, функционирование и под., но и основные категории, начиная с базовой – человека говорящего, включая феномены, обуславливающие многомерность его бытия, и вплоть до такой важнейшей категории, как, например, код культуры, который может рассматриваться и с точки зрения словаря лингвокультуры – как, например, совокупность имманентфактов, и с точки зрения грамматики лингвокультуры – как структурообразующее начало. Совершенно очевидно, на мой взгляд, что подобного рода изыскания по определению были бы невозможны без достижений этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, на плечах которых и выросла по сути психолингвокультурология. При этом ни ЭПЛ, ни лингвокультурология не имели и не имеют на сегодня подобные объект, предмет и цель.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что «вызов времени» сегодня обуславливает необходимость конструирования нового, сложного, многокомпонентного, многомерного объекта исследований в рамках современной парадигмы новых наук о человеке говорящем (этнопсихолингвистики [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2009-в, 2012], неопсихолингвистики [Бубнова 2004, Бубнова, Красных 2013, 2014], психолингвокультурологии [Красных 2002, 2013, Красных, Бубнова 2013] и некоторых других) и, соответственно, по определению требует от научных изысканий интегративных подходов. Следовательно, учитывая только что сказанное, вероятно, следует признать «дружественный союз» рассмотренных дисциплин не только целесообразным, но и в определенном смысле неизбежным.

Однако вопросы «разграничения» и взаимодействия этнопсихолингвистики, лингвокультурологии и психолингвокультурологии, как представляется, требуют отдельного большого разговора.

В заключение подчеркну еще раз: научные изыскания и поиск решения научных проблем «при возрастании роли теоретических построений и с применением разнообразных процедур обращения к языковому сознанию представителей разных этносов» [Залевская 2005], теоретические труды и экспериментальные исследования ведущего (не столько по должности, сколько по сути) этнопсихолингвиста Натальи Владимировны Уфимцевой, многие идеи, формулируемые ею в докладах и высказываемые в личном общении, – это не только достойнейшее продолжение традиций, сложившихся в нашей науке, но и во многом фундаментальные основы науки завтрашнего дня. Собственно, именно это я и пыталась показать в настоящей статье.

Литература

- Бубнова И.А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск: МГЛУ, 2004. – 239 с.
- Бубнова И.А., Красных В.В. Личность постиндустриального общества как объект неопсихолингвистики // 10th International Congress of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013. Moscow, Russia. Proceedings. М.: РУДН, МИЛ, Институт языкознания РАН, 2013. Р. 53–54.
- Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка, языковое образование. 2014, № 4 (16). С. 80–88.
- Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. труды. М.: Гнозис, 2005. С. 204–214. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-5.html. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
- Кабаква С.В. Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 120 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
- Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2002. С. 204–14.

Красных В.В., Бубнова И.А. Человек говорящий в свете психоллингвокультурологического подхода // 10th International Congress of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013. Moscow, Russia. Proceedings. М.: РУДН, МИЛ, Институт языкознания РАН, 2013. С. 55–56.

Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ. 1999. – 343 с.

Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. М.: Смысл, 1997. URL: <http://www.klex.ru/> Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Мат-лы II-й международн. конф. В 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009-в, № 4. С. 98–111. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkikh-sistemnost-i-soderzhanie>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психоллингвистики. 2009-а, № 2(10). С. 22–29.

Уфимцева Н.В. Психоллингвистика в XXI веке // Язык и сознание: психоллингвистические аспекты: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга: Эйдос, 2009-б. С. 21–32.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

Уфимцева Н.В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135–170. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. Казань, 2012. № 2(28). С. 129–132. URL: <http://philology.ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1043200/>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

**MODERN SCIENTIFIC PARADIGM AS A RESPONSE
TO THE CHALLENGES OF TIME:
“ALIANCE OF GLORIOUS MUSES”
(thoughts about psycholinguistics and not just about it)**

Krasnykh Victoria V.

Professor, Lomonosov Moscow State University
119991 Moscow Leninskiye Gory
Lomonosov Moscow State University
1st Humanities Dept. of Philology
e-mail: victoryvk@gmail.com

The given article discusses ethnopsycholinguistics as a scientific discipline. It proposes some methodological foundations of ethnopsycholinguistics, drawing on the works by N.V. Ufimtseva, and also introduces in brief a new branch – psycholinguoculturology (meaning psycho-linguo-cultural studies). The latter is presented in comparison with linguoculturology and ethnopsycholinguistics and is defined as a discipline that researches interrelation, interdependence and interaction between language, culture and human conscious through the prism of Homo Loquens. The article argues the need for the integration of modern science due to a new object of scientific research.

Keywords: ethnopsycholinguistics, methodological bases of ethnopsycholinguistics, linguoculturology, psholinguoculturology.

References

Bubnova I.A. Abstraktnoe imya i intellekt: kognitivnaya model' kak otrazhenie individual'nogo mental'nogo opyta [Abstract name and Intelligence: Cognitive Model as a Reflection of Individual Mental Experience]. Minsk: MGLU, 2004. – 239 p.

Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremennykh integrativnykh issledovanij: traditsii i novatzii [Human and His/Her Image of the World as an Object and Subject of Nowadays Integrative Research: Tradition and Innovation]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka, yazykovoe obrazovanie – [Journal of Moscow City Pedagogical University. Series Philology. Theory of Language, Linguistic Education]*. 2014, № 4 (16). P. 80–88.

Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Lichnost' postindustrial'nogo obshchestva kak ob'ekt neopsiholingvistiki [Personality of Post-Industrial Society as an Object of Neopsycholinguistics]. *10th International Congress of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013. Moscow, Russia. Proceedings.* М.: RUDN, MIL, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 2013. P. 53–54.

Kabakova S.V. Obraznoe osnovanie idiom: Psiholingvokul'turologicheskie aspekty [Imaginative Basis of Idioms: Psycholinguoculturological Aspects]. PhD thesis. Moscow, 1999. – 120 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psiholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw>

Krasnyhk V.V. Lingvokul'tura kak ob'ekt kognitivnyh issledovaniy [Linguo-Culture as an Object of Cognitive Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*. 2013, № 2. P. –18.

Krasnyhk V.V., Bubnova I.A. Chelovek govoryashchij v svete psiholingvokul'turologicheskogo podhoda [Homo Loquens in the Light of Psycholinguocultural approach]. *10th International Congress of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013. Moscow, Russia. Proceedings*. M.: RUDN, MIL, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 2013. P. 55–56.

Krasnyhk V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya kak konstituenty novej nauchnoj paradigmy [Ethno-Psychlinguistics and Linguoculturology as the Constituents of a New Scientific Paradigm]. *Sfera yazyka i pragmatika rechevogo obshcheniya – [The Space of the Language and Pragmatics of Speech Communication]*. Krasnodar, Kuban' Univ. Press, 2002. P. 204–14.

Krys'ko V.G. Etnopsihologicheskij slovar' [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow, MPSI, 1999. – 343 p.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl, 1997. URL: <http://www.klex.ru/>

Tarasov E.F. Mezukul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Cross-Cultural Communication as a New Ontology of Linguistic Conscience Analysis]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya – [Ethnic-Cultural Specific Features of Linguistic Conscience]*. Moscow, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 1996. C. 7–22.

Teliya V.N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii [The Basic Postulates of Linguoculturology]. *Filologiya i kul'tura – [Philology and Culture]*. Tambov, Tambov Univ. Press, 1999. P. 14–15.

Ufimseva N.V. Etnicheskij karakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh [Ethnic Character, Self-Image and Linguistic Conscience of the Russians]. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie – [Linguistic Conscience: Forming and Functioning]*. Moscow, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 1998. P. 135–170. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm.

Ufimseva N.V. Etnicheskij yazyk v usloviyah kul'turnoj i yazykovoj polifonii [Ethnic Language in Cultural and Linguistic Polyphony]. *Filologiya i kul'tura – [Philology and Culture]*. Kazan', 2012. № 2(28). P. 129–132. URL: <http://philology.ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm>.

Ufimseva N.V. Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [Image of the World of Russians: the Systemic Characteristics and the Content]. *Yazyk i kul'tura – [Language and Culture]*. 2009-в, № 4. P. 98–111. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkikh-sistemnost-i-soderzhanie>.

Ufimseva N.V. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Problems of Linguistic Conscience Studies]. *Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*. 2009-а, № 2(10). P. 22–29.

Ufimseva N.V. Psiholingvistika v XXI veke [Psycholinguistics in the XXIst Century]. *Yazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty [Language and Conscience: Psycholinguistic Aspects]*. Moscow–Kaluga, Eidos, 2009-6. P. 21–32.

Ufimseva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russians: The Experience of Another Self-Cognition]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya – [Ethnic-Cultural Specific Features of Linguistic Conscience]*. Moscow, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 1996. P. 139–162.

Ufimseva N.V. Sistemno-tzelostnyj printzip i analiz yazykovoj kartiny mira [System-Holistic Principle and the Analysis of Language Picture of the World]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya – [Language, Mind, Communication]*. Moscow, 2013. Vol. 46. P. 122–127.

Ufimseva N.V. Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic Conscience and Image of the World of the Slavs]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira – [Linguistic Conscience and Image of the World]*. Moscow, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 2000. P. 207–219. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html.

Ufimseva N.V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic Conscience: the Dynamics and Variability]. Moscow–Kaluga, The Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 2011. – 252 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/1043200/>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Zalevskaya A.A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kartiny mira i razlichnye podhody k ee issledovaniyu [Nation-Culture Specific Features of Picture of the World and Different Approaches Towards Its Studies]. *Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbr. Trudy – [Psycholinguistic Studies. Word. Text. Selected Papers]*. Moscow, Gnosis, 2005. P. 204–214. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-5.html.

Наталья Владимировна Уфимцева вносит большой вклад в развитие российской высшей школы, оказывая помощь и поддержку региональным вузам страны. Большие расстояния и морозы не пугают ее. Она всегда оперативно откликается на наши приглашения и приезжает в Якутию. Незабываемые семинары и консультации, которые Наталья Владимировна проводила сначала в Якутском государственном, а потом в Северо-Восточном федеральном университете, способствовали появлению и развитию исследований, проводимых преподавателями и студентами университета в русле психолингвистики. Под чутким руководством Натальи Владимировны якутские коллеги успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Личное обаяние Натальи Владимировны, доброта, исключительная чуткость и внимание к людям, ценятся всеми, кому посчастливилось работать и общаться с этим удивительным Человеком.

УДК 81

КОГНИТИВНЫЕ ОБРАЗЫ АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА «ТЕЛО» В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ ПЕННАКА «JOURNAL D'UN CORPS»

Мельничук Ольга Алексеевна
директор, Северо-Восточный
федеральный университет
г.Якутск, ул.Белинского, 58
e-mail: madrid03@mail.ru

Целью данной статьи является определение способов объективации когнитивных образов авторского концепта «Тело» в романе Д.Пеннака «Journal d'un corps» и построение его номинативного поля. При исследовании использованы метод когнитивной интерпретации, а также метод интерпретативного анализа художественного текста. В структуре авторского концепта «Тело» выявлено четыре когнитивных образных микрокомпонента, принадлежащих к базовым образным признакам концепта во французской культуре; шесть индивидуально-авторских когнитивных образных компонентов и индивидуально-авторский микроконцепт «Эволюция собственного тела». В ядро номинативного поля вошли средства, объективирующие когнитивные признаки образов, связанных с опытом собственного тела. На ближней периферии находятся средства, объективирующие признаки образных микрокомпонентов, представляющих функционально-деятельностный аспект тела, на дальней – когнитивные образы, относящиеся к социальному аспекту тела (современное и коллективное тело), на крайней периферии оказались метафорические номинации.

Ключевые слова: авторский концепт, когнитивный признак, когнитивный образ, микрокомпонент, тело, абстрактное тело, собственное тело, современное тело, коллективное тело.

Введение

Тело привлекает внимание не только представителей естественных наук, но и гуманитариев. Можно назвать некоторые современные исследования французских и российских авторов, посвященные философскому, социологическому, историческому, лингвистическому и литературоведческому аспектам исследования тела [см., например: Алексеева 2001; Башкатова 2013; Соколов 2009; Татару 2007; Benoist 1993; Carvallo-Plus; Le Breton 2004; Le Goff 2008].

В 2012 году французский писатель Даниэль Пеннак опубликовал произведение «Journal d'un corps» (Дневник одного тела), жанр которого критики затрудняются определить, однако чаще всего его называют романом. Повествование начинается в 1936 году, когда герою-повествователю 12 лет, и заканчивается в 2010 году, за несколько дней до его смерти в 87 лет. Как отмечает критик Мишель Абеска, это – роман без табу, посвященный исключительно открытиям, бесконечным сюрпризам, которые нам преподносит наше тело [Abescat].

Целью данной статьи является выявление способов объективации когнитивных образов авторского концепта «Тело» в вышеупомянутом произведении и построение его номинативного поля.

В статье использован метод интерпретативного анализа художественного текста, а также метод когнитивной интерпретации, под которой, вслед за И.А.Стерниным, мы понимаем «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, объективируемых теми или иными языковыми единицами, с целью итогового моделирования содержания исследуемого концепта» [Стернин 2008: 157].

1. Базовый образ концепта «Тело» во французской культуре

Для начала определим базовый образ концепта «Тело» во французской культуре, обратившись к словарям. Для экономии места мы не будем приводить все словарные дефиниции, представим сразу выводы. В пяти словарях [Dictionnaire de la langue française; Le dictionnaire; Le Grand Robert; Santé-Médecine; Trésor de la langue française] слово corps имеет общую сему «организм» (organisme). В четырех словарях [Larousse; Le dictionnaire; Le Grand Robert; Trésor de la langue française] присутствует общая сема «материальная часть (человеческого /одушевленного существа)» (partie matérielle (d'un être animé)).

Таким образом, можно выделить следующий образный компонент концепта «Тело» во французском языке – организм, материальная часть.

Как видно, базовый образ составляют словарные определения с точки зрения биологии и физиологии. Однако в последнее время, в частности, во Франции, тело интересует многих исследователей: от антропологов и биологов до представителей спорта, моды и др., что приводит к появлению различных специфических значений понятия «Тело» (символическое, биологическое, индивидуальное, коллективное т.д.) и отсутствию его универсального определения. Тем не менее, как отмечает Бернар Андриэ, несмотря на множество значений у всех интерпретаций человеческого тела есть один общий пункт: человеческое тело – это конструкция (une construction) [Le dictionnaire du corps en sciences humaines et sociales 2006; см. также Benoist 1993: 28].

Не следует также забывать, что общее наследие современной западной культуры составляет картезианское понимание тела как машины или биохимической машины [см.: Carvallo-Plus ; Benoist 1993: 23].

Во второй половине XX столетия появилось два новых понимания тела:

- современное тело, главным признаком которого является способность к изменению самого себя благодаря генной инженерии, пластической хирургии и т.д. Начиная с 60-х годов прошлого века, с развитием индустрии телесного дизайна тело превращается из судьбы человека, из его неприкасаемой идентичности, каковым оно было раньше, в сырье, капитал, объект потребления [Baudrillard 2009: 56; Le Breton 2004: 43-44; Соколов 2009: 203].

- тело как средство коммуникации, как семиотическая система, хранилище знаков. Тело можно “читать” (lire le corps), т.е. читать украшения, жесты, татуировки, а также отметки и следы, наложенные окружающей средой (отношения с миром) [см.: Benoist 1993: 8; Kitagi 2003: 48; Соколов 2009: 202].

Таким образом, можно выделить следующие микрокомпоненты базового образа понятия “Тело” во французской (и, наверное, во всей западной) культуре:

Ядерные: организм, материальная часть ; машина ; конструкция.

Периферийные: способ коммуникации, семиотическая система ; сырье для строительства тела, современное тело.

2. Когнитивные образные микрокомпоненты в структуре авторского концепта «Тело»

Ключевым словом концепта является слово corps (тело), которое встречается в произведении 255 раз, кроме того, используется его разговорный синоним la carcasse (5 раз) в значении «человеческое тело» (familièrement corps humain) [Le dictionnaire].

Проследим, как когнитивные образные микрокомпоненты (КОМ) объективируются в тексте романа. В качестве единиц объективации когнитивных признаков (КП) мы берем идентификаторы, содержащие в своей семантической структуре данные о теле. Под идентификаторами мы, вслед за Т.С.Бабарькиной, понимаем лексемы, замещающие имя концепта, а также контексты, «позволяющие косвенно судить о свойствах изучаемого фрагмента мира» [Бабарькина 2010: 78, 81]. К сожалению, рамки статьи не позволяют привести все КП и идентификаторы, поэтому мы ограничимся кратким обзором.

2.1. Микрокомпоненты, являющиеся базовыми признаками концепта “Тело” во французской культуре

Проследим, как значения, «принадлежащие обществу, присваиваются индивидуальным сознанием, где они приобретают личностный смысл» [Уфимцева 2011: 217]. Из базовых признаков концепта «Тело» в произведении проявляются:

1) микрокомпонент «Тело – организм», который вербализуется, в основном, при помощи анатомических и биологических терминов, обозначающих строение человека, названия артерий, мышц, функций и т.д.: circulation (2), muscle (2), membre (4), os (2) etc. Они составляют 90% всех средств (из 51). В данном случае речь идет об абстрактном теле (le corps en idée Мерло-Понти и le corps conçu par l'entendement Декарта, см.: Benoist 1993: 27).

2) Микрокомпонент «Тело – машина». Поскольку его название само по себе метафорично, то при вербализации данного признака также используются метафоры: кровь - топливо (sang, carburant (3) ; провалы в памяти - замыкание в электрической цепи (électricité, mauvais contacts, circuits mentaux) и т.д.; Всего 15 идентификаторов.

3) Микрокомпонент «Современное тело» представлен двумя КП и 28 идентификаторами, обозначающими признаки современного тела и манипуляции с ним : l'homme enceint, époque désincarnée, piercing, corps radiographié, scanné, analysé, génétique, moléculaire etc.; Для повествователя современное тело, изобретение молодого поколения, включает в себя, с одной стороны, такие признаки, как « использование тела » и « спектакль » (реклама, порнофильмы), с другой стороны, тело как объект исследования в естественных науках (тело биологическое, генетическое, молекулярное). Анализ современного тела, выставление его напоказ ведет к его исчезновению: Plus on l'analyse, ce corps moderne, plus on l'exhibe, moins il existe. Annulé, à proportion inverse de son exposition [Pennac 2014:13].

4) Микрокомпонент «Тело – способ коммуникации» представлен при помощи 89 идентификаторов (4 КП), относящихся к соматизмам и проявлениям тела, способным выступать в качестве носителя сообщения: visage(4) и его синонима figure (2); œil (2), lèvres (2), rides (2) etc.; обозначающих и характеризующих мимику и жесты: mimique (2), regard (2), sourire (4), hochements de tête (2) etc. ;относящихся к коммуникации : lexique, code, écriture (2), décripter, lire (2) etc. ;

Объективируется только один аспект тела как способа коммуникации – язык жестов и мимики, имеющий свою лексику, свой код, который надо уметь расшифровать. И хотя лица говорят, надо уметь их читать. Тело как хранилище символических знаков не представлено.

2.2. Индивидуально-авторские когнитивные образы концепта Тело »

2.2.1. Микрокомпонент “Тело другого”

Данный КОМ включает 3 КП и вербализуется при помощи идентификаторов: называющих тела близких повествователю людей, тела чужих людей и их характеристики: le corps de papa, le corps décharné d'Ed Harris etc. ; относящихся к женскому телу: seins (3), peau (2), nu (3), quelle beauté, quelle perfection, quelle merveille, érotisme (2), beauté(2), profondeur chromatique, corps de sportive, nous ne faisons pas corps etc. Из 120 идентификаторов 64% представляют женское тело. Красота, совершенство, чудо, эротизм. Не вызывает восхищения только мускулистое тело спортсменки, с ним невозможно слиться в единое тело.

2.2.2. Микрокомпонент «Тело – одушевленный субъект»

Данный КОМ представлен двумя КП и вербализуется 69 идентификаторами, представляющими тело как автономный одушевленный субъект, вступающий в отношения с обладателем тела и с разумом: corps (25), esprit (3), vivre en amitié avec, dormira, se déchaîne, ne danse pas, parle (2), dit-il, etc.

Можно дружить с собственным телом, говорить с ним, тело может дружить с разумом, спорить с ним, тело само говорит, чувствует и т.д..

2.2.3. Микрокомпонент “Тело – источник удивления»

Три когнитивных признака представлены 64 идентификаторами: показывающими интерес или отсутствие интереса к телу со стороны повествователя: corps (13),

observation (2), surprises (2), objet de curiosité (2), ablation, j'ai un corps!, surprendre etc.; показывающими утрату интереса к телу в старческом возрасте: *Mon corps et moi vivons la fin de notre bail en colocataires indifférents* [Pennac 2014: 412], etc.

С детства тело вызывает у повествователя интерес. Оно постоянно удивляет его своими проявлениями. В молодом возрасте тело на некоторое время отходит на второй план (война, профессиональное становление). В старческом возрасте интерес к телу утрачивается. Процесс старения метафорически уподобляется проживанию в квартире владельца тела и его тела по арендному договору в качестве безразличных соседей.

2.2.4. Микрокомпонент «Тело – дорога»

Возрастные телесные изменения напоминают повествователю в одном случае улицы, где со временем закрываются лавочки, исчезают вывески - *me font penser à ces gues* [Pennac 2014: 275], в другом случае перекрытую дорогу и разрушенный мост. Существительные *güe, route* и *pont* в словарных определениях имеют общую сему *voie* [Larousse] – путь, дорога. Два КП объективированы 10 идентификаторами, обозначающими изменения в теле, а также упадок, разрушение дороги, употребленными метафорически.

2.2.5. Микрокомпонент «Тело – завод»

Объективирован двумя предложениями с метафорой. Стареющее тело сравнивается с останавливающимся заводом, прекращающим производство. *L'usine s'arrête. Fin de production* [Pennac 2014: 418]

2.2.6. Микрокомпонент «Коллективное тело»

Три КП вербализованы 33 идентификаторами: представляющими тело в образе живого существа (глаголы): *rêve, sue, se gratte, tousse, cauchemarde, se réveille*, etc.; обозначающими условия возникновения коллективного тела: *dans le dortoir, dans l'autobus (2)* etc.; характеризующими коллективное тело: *un seul corps (3), un grand corps de combat, le corps commun (3)* etc.

Коллективное тело – это многие отдельные тела, объединенные общими чувствами или общими действиями. Коллективное тело может быть единым, большим, воспитанным, мудрым, может иметь отвратительный вариант (марширующий отряд фашистов).

2.3. Микроконцепт “Эволюция собственного тела”

Можно выделить в составе авторского концепта “Тело” индивидуально-авторский микроконцепт, поскольку он имеет в своей структуре несколько когнитивных образных микрокомпонентов.

История тела повествователя (его эволюция) проходит через несколько этапов, представленных следующими когнитивными микрокомпонентами:

1. КОМ «Чуждое тело».

КП 1. Отсутствие тела. Характеристика детского тела представлена идентификаторами «не приобрести форму, тень без тела, дать мне тело»: *ne pas prendre le corps, une ombre sans corps* etc.

КП 2. Мальчик, забытый в шкафу/в глубине зеркала. Победив страх перед зеркалом и впервые взглянув на свое отражение в двенадцать лет, мальчик видит совершенно чужое ему тело: *c'était mon corps mais ce n'était pas moi* [Pennac 2014: 31]; *un enfant abandonné dans mon armoire à glace*, [ibid.: 3]. Повествователь ото-

ждествляет свое тело с отражением (тело – мальчик, забытый в глубине зеркала). Он обещает своему телу (в зеркале шкафа) защитить его, интересоваться всем, что оно чувствует.

КП 3. Неуверенность в себе. Шкаф с зеркалом становится метафорой, выражающей неуверенность человека, его многочисленные комплексы и страхи: *Tous les corps sont abandonnés dans les armoires à glace* [Pennac 2014: 33]; *Je n'avais plus de corps. J'étais rentré dans mon armoire* [ibid.: 41]; *Il faut d'abord que je sorte de mon armoire* [ibid.: 52] etc.

Страх, который испытывал мальчик перед зеркалом шкафа, распространяется на все зеркала и остается на всю жизнь. Дважды повторяется фраза «Я никогда по-настоящему не смотрелся в зеркало» - (...) *je ne me suis jamais vraiment regardé dans une glace* [Pennac 2014: 163, 164]. Используется метафора “войти в зеркало/выйти из него” и риторический вопрос в парантетическом внесении: *Je n'entre pas dans le miroir. (Peur de ne pas en ressortir?)* [ibid.: 163]. Повествователь сохраняет некую дистанцию по отношению к своему телу. Так же, как и в детстве, когда он впервые увидел его в зеркале шкафа, тело остается для него чуждым (*étranger*) [ibid.:164]

Таким образом, тело в зеркале шкафа – это тщедушное тело мальчика-повествователя, отстраненное от него, которому он обещает защиту; это также тела других людей, страдающих многочисленными комплексами и страхами, это человек наедине с собой.

2. КОМ Создание собственного тела. Пять КП вербализуются посредством 135 идентификаторов:

- термина из области искусства – *écorché*, обозначающим скульптуру человека или животного без кожного покрова, с которого студенты, обучающиеся изящным искусствам, выполняют этюды [Le Grand Robert]. В произведении речь идет об иллюстрациях мышечной и кровеносной систем человека в словаре Ларусса: *écorché du Larousse (18), écorché musculaire*, гипероним *dictionnaire*;

- обозначающих работу над созданием тела: *construction du corps, sculpter le corps (2), travailler le corps* etc.;

- обозначающих результат – *mon portrait craché, une vraie réussite*, etc., глагола «походить» - *ressembler (6)*;

- обозначающих приспособления для тренировок и упражнения: *traction (2), pompe (4), exercices (2)* etc.;

- анатомических терминов: *biceps (4), deltoïdes (2), abdominaux (5); torse, cuisses (2), muscles (2)* etc. Необходимо отметить, что данные термины не учитывались в микрокомпоненте «Тело – организм», поскольку они относятся к обозначению собственного тела повествователя, в то время как те же термины, но вербализующие микрокомпонент «Тело – организм», относятся к абстрактному телу;

3. КОМ Неудача

Взяв за образец иллюстрацию мышечной системы из словаря Ларусса, повествователь к девятнадцати годам достигает желаемого результата. Он полностью соответствует этой иллюстрации. Но при первом опыте интимных отношений с девушкой терпит фиаско. Фрагмент, описывающий переживания юноши – самый экспрессивный в произведении [Pennac 2014: 108-113]. Четырежды (с использова-

нием синонимов) повторяется словосочетание со смыслом «я не чувствовал ничего между ног» (*rien entre mes jambes*). Оставшись один, он опять обращается к зеркалу, держа перед глазами образец идеального тела (*l'écorché toujours sous les yeux*). Внезапно он обнаруживает, что у атлета, изображенного на иллюстрации, тоже ничего нет между ног : *Quand soudain ce détail : il n'y a rien non plus entre les jambes de l'écorché !* [Pennac 2014: 112].

Два КП вербализуется посредством 14 идентификаторов (10 предложений, описывающих иллюстрацию, из которых пять – восклицательных, с использованием экспрессивных приемов – графического выделения курсивом и четырехкратного повтора словосочетания со смыслом «ничего между ног в иллюстрации» (*rien entre les jambes de l'écorché*), а также четырехкратного повтора словосочетания «я не чувствовал ничего между ног». Заканчивается фрагмент презрительным выводом - *Monsieur Larousse est un eunuque*. [Pennac 2014: 113].

4. КОМ Прощание с телом.

Один когнитивный признак объективирован двумя предложениями, в которых содержится имплицитное сравнение иллюстрации из словаря Ларусс, в последний раз прикрепленной к зеркалу шкафа, и тела 87-летнего повествователя, отражающегося в этом зеркале: *L'écorché du Larousse une dernière fois dans la rainure de la glace. Dans le miroir, à côté de lui, moi, Job, sur mon fumier* [Pennac 2014: 434].

Факт, что перед смертью повествователь после долгого перерыва опять помещает на зеркало иллюстрацию, олицетворяющую для него тело, на которое он хотел походить и походил в молодые годы, может иметь разную интерпретацию, поскольку повествователь никак его не комментирует. Учитывая, что широкоплечий атлет с развитыми мышцами на иллюстрации соседствует с отражением умирающего, перестающего выполнять свои функции тела (повествователь сравнивает себя с библейским Иовом), можно интерпретировать его как прощание со своим телом.

Всего обнаружено 176 идентификаторов, представляющих данный микроконцепт.

Заключение

Структура номинативного поля авторского концепта «Тело» выглядит следующим образом:

- **ядро** – индивидуально-авторские микроконцепт «Эволюция собственного тела» (176 идентификаторов) и микрокомпонент «Тело другого» (120);

ближняя периферия - микрокомпоненты «Тело – способ коммуникации» (89), «Тело – одушевленный субъект» (69), «Тело – источник удивления» (64), «Тело – организм» (51).

- **дальняя периферия** – микрокомпоненты «Коллективное тело» (33), «Современное тело» (28)

- **крайняя периферия** – микрокомпонент «Тело-машина» (15), авторские микрокомпоненты «Тело – дорога» (10), «Тело – завод» (2).

В ядре расположены когнитивные образы, связанные с собственным телом, что вполне объяснимо, поскольку собственное тело повествователя находится в центре всего повествования.

Отражение беспомощного тела мальчика в зеркале шкафа; *écorché du Larousse* – идеальное тело в иллюстрации из словаря Ларусс, вставленной в зеркало; созданное в результате целенаправленных тренировок собственное тело, похожее на *écorché du Larousse*, доставляющее радость и удовольствие от владения им; *écorché du Larousse* на зеркале шкафа и рядом – отражение немощного старческого тела. «Тело другого», это, в основном, женское тело, вызывающее восторг и восхищение, тесно связанное с опытом собственного тела. При вербализации этих когнитивных признаков используется метафора, экспрессивные средства.

На ближней периферии находятся образы, представляющие функционально-деятельностный аспект тела. Проявления тела (походка, выражения лица, мимика и жесты) можно читать, обладать кодом для их расшифровки. Тело не только говорит, оно производит действия, как одушевленное лицо (дружит, спорит, работает, спит и т.д.). Оно удивляет своими возможностями и реакциями, но в определенные моменты жизни (война, экзамен, карьера, старость) оно отходит на второй план. Данные когнитивные признаки репрезентированы большей частью глаголами.

На дальней периферии расположены когнитивные образы, относящиеся к социальному аспекту. Современное тело – периферийный базовый признак, феномен, вызывающий горячие дискуссии в среде социологов, философов, артистов. Авторское отношение к современному телу, выставленному напоказ, негативное. Объект исследования современной медицины – тело, к которому не прикасаются (рентген, ультразвук, сканирование). Представляется, что коллективное тело еще не стало базовым периферийным признаком во французской культуре, оно бытует в качестве социо-философского понятия. В авторском понимании коллективное тело становится когнитивным признаком. Коллективное тело может возникнуть в интернатской спальне, в автобусе, в отряде сопротивления, его формируют тела людей, объединенных общим действием (тело воюет, спит и др.) или признаком (воспитанное тело). При объективации данных признаков используются большей частью прилагательные и причастия.

На крайней периферии располагаются метафорические номинации: тело – машина, кровь – топливо и т.д., иokkaзиональные индивидуально-авторские микрокомпоненты: стареющее тело – остановившийся завод, перекрытая дорога, разрушенный мост.

Такова структура номинативного поля авторского концепта «Тело». Структуру самого концепта еще предстоит исследовать. Здесь возникает проблема определения перцептивного образа концепта «Тело», поскольку перцептивный образ любого концепта выявляется при помощи самого тела (зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые, обонятельные образы). Вероятно, целесообразно исследовать отношения тело – эмоции. Эти отношения двояки: тело как источник эмоций и реакция тела на эмоции. Представляет также большой интерес исследование утилитарной зоны (телесные практики, повседневность, болезни) и социально-культурной зоны концепта (например, тело и табу).

Литература

Алексеева Е.А. Об уровне строения предикативной системы (на материале французского языка)//Социальная власть языка: Сб.науч.трудов. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2001. С.29-34.

Бабарыкина Т.С. Вербализация концепта "CHILD" (на материале произведения Дж.К.Роулинг: дисс... канд.филол.наук. Северодвинск, 2010. 193 с.

Баикатова Ю.А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах//Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т.2. С. 24-28.

Соколов А.Б. Концепт "тело" в современных исторических исследованиях// Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60)\ С.202-207 [Электронный ресурс]. URL: vestnik.uspu.org (дата обращения: 20.12.2014).

Стернин И.А. Понятие когнитивной интерпретации// Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания/ науч. ред. З.Д.Попова. Воронеж: Истоки. 2008. С. 157-161.

Татару Л.В. Представление концепта "Тело человека" в композиционно-нарративной структуре модернистского текста // Вестник СПбУ. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 4 (Ч.II). 2007. С.68-77. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/486090/> (дата обращения: 30.09.2015).

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Калуга: ИЯ РАН. 2011. 252 с.

Abescat M. Roman Journal d'un corps. Daniel Pennac//Télérama [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telerama.fr/livres/journal-d-un-corps> (дата обращения: 3.05.2015)

Benoist J. et Cathebras P. Conceptions et représentation du corps. Traduction française inédite de: "The body: from an Immateriality to another" (1993). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/> (дата обращения: 26.09.2014)

Baudrillard J. Le plus beau objet de consommation : le corps.// 100000 ans de beauté. Futur/projections. Sous la direction scientifique de François Gaillard. Paris : Gallimard. 2009.

Carvalho-Plus S. La construction du concept de corps par la tradition philosophique antique et classique. Préparation de l'ENS-LSH à l'agrégation de sciences sociales. [Электронный ресурс]. URL: http://socio.ens-lyon.fr/agregation/corps/corps_conf_cavallo.php (дата обращения: 29.09.2014).

Dictionnaire de la langue française. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/> (дата обращения: 26.09.2014)

Kitagi S. et Hanifi I. Introduction : La sociologie et le corps : Généalogie d'un champ d'analyse// Le corps sens dessus dessous. Regards des sciences sociales sur le corps. L'Harmattan. 2003. – 21-67.

Larousse. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaire/francais> (дата обращения: 26.09.2014)

Le dictionnaire [Электронный ресурс]. URL: <http://www.le-dictionnaire.com/> (дата обращения: 26.09.2014).

Le dictionnaire du corps en sciences humaines et sociales (2006). Sous la direction de Bernard Andrieu. Préface de Gilles Boetsch. CNRS EDITIONS, Paris.

Le Breton D. La transgression comme une voie de salut: le corps mis a mal//Que reste-il de nos tabous? 15e forum Le Monde Le Mans 24 au 26 octobre 2003. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 2004. – 43-51.

Le Goff J., Truong N. Une histoire du corps au Moyen Age. Flammarion. 2008 – 232 p.

Le Grand Robert [Электронный ресурс]. URL: <http://gr.bvdep.com/login.asp> (дата обращения: 11.10.2015).

Pennac D. Journal d'un corps. Editions Gallimard. 2014. – 445p.

Santé-Médecine. [Электронный ресурс]. URL: <http://sante-medecine.journaldesfemmes.com/> (дата обращения: 26.09.2014).

Trésor de la langue française. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/corps> (дата обращения: 27.09.2014)

COGNITIVE IMAGES OF THE AUTHOR'S CONCEPT OF BODY IN DANIEL PENNAC'S JOURNAL D'UN CORPS

Olga A. Melnichuk

Director, North-Eastern

Federal University

Yakutsk, Belinskogo Str., 58

e-mail: madrid03@mail.ru

The purpose of this article is to identify the methods of objectivation of cognitive images of the author's concept of body in Daniel Pennac's 'Journal d'un Corps' and to build its nominative field. The methods used in the research are cognitive interpretation and interpretative analysis. Among the components identified in the structure of the author's concept of body are four cognitive imaginative microcomponents belonging to the basic imaginative features of the concept in the French culture; six author's cognitive imaginative components; and an author's microconcept evolution of one's own body. The core of the nominative field is presented by means of objectivation of cognitive features of images related to one's own body experience. The close periphery includes means of objectivation of features of imaginative microcomponents representing the functional-active aspect of body. The far periphery includes cognitive images related to the social aspect of body (contemporary and collective body). The utmost periphery consists of metaphorical nominations.

Keywords: author's concept, cognitive feature, cognitive image, microcomponent, body, abstract body, own body, contemporary body, collective body.

References

Alekseeva E.A. Ob urovnevom stroenii predikativnoy sistemy (na materiale frantsuzskogo yazyka) [On the level structure of predicative systems in the French language]. Sotsial'naya vlast' yazyka [Social power of language]. Voronezh: Voronezhskiy gosuniversitet [Voronezh University]. 2001, pp.29-34.

Babarykina T.S. Verbalizatsiya kontsepta "CHILD" na materiale proizvedeniy Dzh.K.Rouling) [Verbalization of the concept of "CHILD" in the novels by J.K.Rowling]: Diss... kand.filol.n. (PhD thesis). Severodvinsk, 2010.

Bashkatova Yu.A. Telesnaya metafora v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh ["Body" metaphor in English and Russian linguistic cultures]. Vestnik KemGU [Periodical of Kemerovo University], 2013, no. 2 (54), T.2., pp. 24-28.

Sokolov A.B. Kontsept "telo" v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh [Concept of «body» in modern historical research]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Gazette], 2009, no. 3 (60), pp.202-207. URL: vestnik.yvspu.org 20.12.2014

Sternin I.A. Ponyatie kognitivnoy interpretatsii [The concept of cognitive interpretation]. Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija [Selected works. Theoretical and applied problems of linguistics]. Voronezh: Istoki, 2008, pp. 157-161.

Tataru L.V. Predstavlenie kontsepta "Telo cheloveka" v kompozitsionno-narrativnoy strukture modernistskogo teksta [Representation of the concept of "Human body" in the compositional and narrative structure of modernist text]. Vestnik SPbU [St. Petersburg University Gazette]. Series 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika [Philology, oriental studies, journalism]. No. 4, 2007, pp.68-77. URL: https://www.academia.edu/486090/ 30.09.2015.

Ufimceva N.V. Jazykovoje soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variation]. Moscow, Kaluga: IJa RAN, 2011. 252 p.

Abescat M. Roman Journal d'un corps. Daniel Pennac//Télérama. URL http://www.telerama.fr/livres/journal-d-un-corps 3.05.2015

Benoist J. et Cathebras P. Conceptions et représentation du corps. Traduction française inédite de: "The body: from an Immateriality to another" (1993). URL: http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/ 26.09.2014

Baudrillard J. Le plus beau objet de consommation : le corps.// 100000 ans de beauté. Futur/projections. Sous la direction scientifique de François Gaillard. Paris: Gallimard. 2009.

Carvallo-Plus S. La construction du concept de corps par la tradition philosophique antique et classique. Préparation de l'ENS-LSH à l'agrégation de sciences sociales. URL http://socio.ens-lyon.fr/agregation/corps/ corps_conf_cavallo.php 29.09.2014

Dictionnaire de la langue française. URL : http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/ 26.09.2014

Kitagi S. et Hanifi I. Introduction : La sociologie et le corps : Généalogie d'un champ d'analyse// Le corps sens dessus dessous. Regards des sciences sociales sur le corps. L'Harmattan. 2003. – pp. 21-67.

Larousse. URL : http://www.larousse.fr/dictionnaire/francais 26.09.2014

Le dictionnaire. URL : http://www.le-dictionnaire.com/26.09.2014

Le dictionnaire du corps en sciences humaines et sociales (2006). Sous la direction de Bernard Andrieu. Préface de Gilles Boetsch. CNRS EDITIONS, Paris.

Le Breton D. La transgression comme une voie de salut: le corps mis a mal//Que reste-il de nos tabous? 15e forum Le Monde Le Mans 24 au 26 octobre 2003. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 2004. – pp.43-51

Le Goff J., Truong N. Une histoire du corps au Moyen Age. Flammarion. 2008 – 232 p.

Le Grand Robert. URL : http://gr.bvdep.com/login_.asp, 11.10.2015.

Pennac D. Journal d'un corps. Editions Gallimard. 2014. – 445p.

Santé-Médecine. URL : http://sante-medecine.journaldesfemmes.com/ 26.09.2014.

Trésor de la langue française. URL :http://www.cnrtl.fr/definition/corps 27.09.2014

УДК 81'23

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Миронова Наталья Изяславовнастарший научный сотрудник
МГУ имени М.В. Ломоносова
филологический факультет
Москва ГСП-1 Ленинские горы д.1 стр. 51
e-mail: mironnat@ Rambler.ru

Статья посвящена вопросу о том, какие виды семантической информации находят отражение в ассоциативном поле. Представлены результаты ассоциативного эксперимента на множественную реакцию. Испытуемым предъявлялось одно слово-стимул, на которое они давали реакции в течение 5 минут. В качестве слова-стимула было выбрано слово агрессия, дефиниция которого претерпела изменения в словарях конца XX – начала XXI века. В более ранних дефинициях агрессия трактовалась как «нападение, захват чужой территории» и приписывалась только государству. И только в конце XX – начала XXI века появилось значение «открытая неприязнь, вызывающая враждебность» и в качестве субъекта агрессии стали называть человека или животное. Участниками эксперимента стали 100 студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Объектом нашего внимания стало соотношение ассоциативного поля с дефиницией и коннотациями слова-стимула. Семантический анализ ассоциативного поля, полученного в ассоциативном эксперименте на множественную реакцию, показал его связь именно с современной дефиницией слова агрессия в словарях русского языка, относящей агрессию не только с государством, но и с человеком и животным. Обнаружены в ассоциативном поле и реакции-коннотации слова агрессия.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент на множественную реакцию, ассоциативное поле, семантический анализ реакций, схема (фрейм), словарная дефиниция, коннотации слова.

1. Введение.

Возможности ассоциативного эксперимента (АЭ) на множественную реакцию (ассоциацию) пока недостаточно изучены. Сейчас совершенно по-новому взглянуть на эту методику позволяет коннексионизм – новый подход к пониманию процессов переработки информации человеком, основанный на идее ее параллельно-распределенной переработки (подробнее см. ниже).

Нашей целью было определить, какие виды семантической информации содержит ассоциативное поле, полученное при АЭ на множественную реакцию. Известный исследователь вербальных ассоциаций Н.В. Уфимцева указывала на то, что «ассоциативное поле, получаемое в результате массового АЭ, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре...» и справедливо охарактеризовала значение слова как «отображение социокультурной реальности» [Уфимцева 2015:84]; аналогичные идеи были высказаны и в других работах автора, см., например, [Уфимцева 1996; Уфимцева 2016].

Мы поставили себе задачу выяснить, как соотносится ассоциативное поле со словарной дефиницией лексической единицы (слова-стимула), зафиксированной в современных словарях русского языка, и с ее коннотациями. Для анализа было выбрано слово агрессия, дефиниция которого в последние десятилетия претерпела изменения. Мы решили выяснить, нашли ли эти изменения отражение в реакциях ассоциативного поля. Кроме того, нашей задачей было выявить реакции, основанные на коннотативной связи со словом-стимулом агрессия.

2. Словарная дефиниция слова агрессия и его коннотации.

Поскольку феномен агрессии находится в фокусе внимания представителей разных наук, слово агрессия имеет множество дефиниций (психологических, социальных, политических, лингвистических и т.п.) [Якимова 2011: 184]. Н.С. Якимова проследила эволюцию значения слова агрессия в толковых словарях русского языка. Она установила, что «в толковых словарях русского языка 50-х – 80-х годов XX века агрессия трактуется исключительно как «нападение, захват чужой территории» с пометкой «политическое» [БАС 1950, т. 1: 47] и «нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [МАС 1981, т. 1: 24]; этимология слова прослеживается от латинского *aggressio* ‘нападение’. Таким образом, в словарных дефинициях того времени способность нападать и захватывать территорию приписывается только государству, а не человеку или животному, что не отражает действительного положения вещей.

Н.С. Якимова отмечает, что второе, переносное значения слова агрессия – «открытая неприязнь, вызывающая враждебность» – появляется только в 1992 г. в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992], а в более ранних изданиях этого словаря, например [Ожегов 1986], не зафиксировано. В изданных на рубеже XX – XXI веков словарях уже появляется второе основное значение слова агрессия: «склонность к нападению, наступлению на кого-л.; агрессивность, враждебность» [Новый словарь 2000]; «о человеке или животном: воинственная враждебность по отношению к окружающим» [Крысин 2000]» [Якимова 2011: 184]. Таким образом, актуальная словарная дефиниция слова агрессия в качестве субъекта агрессии называет не только государство, но и человека, а также животное.

Под коннотациями лексемы понимаются сопутствующие значения языковой единицы, или, по словам И.М. Кобозевой, «особый субкомпонент полного описания означаемого лексемы». Отличие коннотации от других видов прагматической информации состоит в том, что они содержат отсылку не к конкретному говорящему, а к языковому коллективу в целом [Кобозева 2000: 94]. Ю.Д. Апресян характеризует коннотацию как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые выражают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. Он подчеркивает, что коннотации «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» [Апресян 1974: 67; цит. по Кобозева 2000: 92].

Направления формирования коннотаций определяет Ежи Бартминьский, трактуя их как «совокупность ... закрепленных в культуре данного общества ассо-

циаций», образующих соответствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» [Batmiński 1980: 13–14; цит. по Кобозева, 2000; 92]. Используя его подход, мы можем представить себе векторы формирования коннотаций слова агрессия, выделяя логические коннотации (боль, смерть, убийство, рана и т.п.) и эмотивные коннотации (страх, опасность, гнев, ненависть и т.п.).

3. Особенности ассоциативного эксперимента на множественную реакцию.

Различные комбинации таких параметров, как единичность – множественность и свобода – контролируемость ассоциаций дают разные типы ассоциативных экспериментов, в том числе и ассоциативный эксперимент на множественную ассоциацию, когда респондент реагирует на слово-стимул не одним, а несколькими реакциями. В ходе АЭ на множественную реакцию респонденту предлагается ответить на слово-стимул любым количеством реакций в течение установленного периода времени (свободный АЭ) или дать определенное количество реакций в течение неограниченного времени (контролируемый АЭ). Эксперимент на множественную реакцию (еще одно приемлемое название – «ассоциативный эксперимент с продолжающейся реакцией» [САНРЯ 1977: 18]) часто называют «цепным» или «цепочечным», что, на наш взгляд, искажает механизм ассоциативного процесса, поскольку предполагает связь каждой последующей реакции именно с предыдущей.

Ассоциативный эксперимент на множественную реакцию иногда предлагается проводить следующим образом. Респонденту дается одно слово-стимул, продублированное в анкете несколько раз. Анкета для подобного эксперимента содержит несколько строк с одним и тем же словом-стимулом в начале каждой строки; на каждый дубликат слова-стимула респонденту предлагается дать одну реакцию. Считается, что такой способ организации устраняет недостатки, традиционно приписываемые АЭ на множественную реакцию: неясно, что является стимулом для каждой реакции, слово-стимул или очередная реакция на него. Подобную особенность эксперимента отметил еще А.Н. Леонтьев в своей работе «Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов» [А.Н. Леонтьев 1983: 53 и далее]. Но вариант АЭ с дублированием слова-стимула сам по себе не лишен недостатков. Во-первых, нет никакой гарантии, что респондент будет строго следовать инструкции и фиксировать свой взгляд на начале строки, прежде чем давать реакцию. Во-вторых, даже если он зафиксирует взгляд на начале следующей строки, нет никакой гарантии, что в фокусе его внимания будет именно слово-стимул: оперативная память вполне позволяет хранить несколько слов одновременно, а латентное время, требуемое для фиксации взгляда на начале следующей строки, обычно не выходит за рамки времени хранения информации в оперативной памяти. В качестве доказательства можно привести тактики реагирования на слово-стимул, выявленные Ю.Н. Карауловым. Ученый установил, что при предъявлении респонденту списка слов-стимулов влияние предыдущего слова или слов может быть настолько сильным, что респондент дает реакцию на предыдущий стимул или на реакцию предыдущего стимула [Караулов 1999: 124].

Современный уровень развития когнитивной психологии позволяет по-иному взглянуть на ассоциативный эксперимент на множественную реакцию: се-

годняшние представления об устройстве семантической памяти делают актуальным не обнаружение связи между конкретными двумя словами (понятиями), а установление паттерна (образца) активации, соответствующего данному стимулу. В основе лежит высказанная в рамках коннекционизма идея параллельной переработки информации, пришедшая на смену представлениям о ее последовательной переработке. Теоретической базой коннекционизма, представляющего собой подход к изучению познавательных процессов, является модель параллельно-распределенной переработки информации (PDP – parallel distributed processing), а также модель нейронных сетей [Andrade, May 2004: 76, 99].

Нейронная сеть представляет собой множество элементов (узлов) со связями между ними. Элементом сети может быть след памяти, лексическая единица, образ, понятие, фрейм (целостная сцена, многомерная единица информации). В отличие от символических моделей, закрепляющих за понятием один определенный узел с определенным местоположением, коннекционистские модели представляют понятия как паттерны активации, распределенной между отдельными узлами и связями. Сеть объединяет несколько слоев элементов: «входной слой» (input layer), «выходной слой» (output layer) и «скрытый слой» (hidden layer) – систему промежуточных слоев. Узлы реагируют на ввод информации параллельно и, в свою очередь, возбуждают или тормозят другие узлы, с которыми они связаны. Каждая связь между элементами сети имеет определенный вес.

В коннекционистских моделях предусматривается распространение в сети множества возбуждающих и тормозящих воздействий, которые получает каждый из элементов. Тем самым сеть или отдельные ее части активируются: активность сети рассматривается как сумма активности ее элементов. Частая совместная активация узлов усиливает связи между ними, создавая стабильные образцы активации по мере того, как концепты усваиваются. В памяти хранится именно интенсивность связей, это позволяет реконструировать структуру знания посредством активации лишь некоторых ее элементов.

Процесс параллельной переработки информации можно проиллюстрировать и с помощью АЭ. Так, Д. Нельсон и С. МакИвой [Nelson, McEvoy 2000: 887] в своем превосходно организованном эксперименте на множественную ассоциацию показали, что если определенная реакция не является первой, то она не является и второй. Иначе говоря, первая реакция демонстрирует содержательную стратегию (направление активации), выбранную респондентом, и задает определенный паттерн активации информации (определенную группу реакций).

4. Описание эксперимента.

4.1. Методика проведения эксперимента

Участниками эксперимента стали 100 студентов обоего пола, обучающиеся на разных факультетах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Предварительно они были ознакомлены с методикой ассоциативного эксперимента на множественную реакцию. После заполнения бланка анкеты (указания вуза, даты проведения эксперимента, пола и возраста) респондентам предъявлялось слово-стимул агрессия, они фиксировали его на бланке анкеты и в течение 5-и минут письменно давали ассоциации.

4.2. Анализ данных ассоциативного эксперимента.

Анализ ассоциативного поля осуществлялся на основе универсальной схемы (фрейма), предложенной нами ранее [Миронова 2011: 112–113].

Под схемой понимается «... структурированный кластер концептов, содержащий общие (genetic) знания», который может использоваться для представления событий, последовательностей событий, образов восприятия (percepts), ситуаций, отношений и даже объектов» [Eysensk, Keane 2003: 282]. Схема содержит переменные (слоты), значения этих переменных и различные отношения между ними. Переменные (слоты) содержат понятия или субслоты. Каждое понятие, помещенное в слот, должно удовлетворять определенным условиям. Слоты могут оставаться незаполненными, при этом часто отсутствующие элементы можно восстановить. Схема может принимать разные формы для организации разных видов знаний. Для представления декларативных знаний («знаний что») служат фреймы, сцены и пр., а для представления процедурных знаний («знаний как») – скрипты, сценарии, планы и пр. [Баранов 2001: 16–17].

Было установлено, что схема для слова агрессия содержит следующие слоты:

Слот 1. «Ситуации, связанные с агрессией»: война, революция, нападение, переворот, экспансия, беспорядки, мятеж, митинг, бунт, сражение, конфликт, конфликтная ситуация, атака, драка, скандал, ссора, стычка, перепалка, очередь, игра, спорт, болезнь и др.

Слот 2. «Субъекты-участники ситуации», содержащий 7 субслотов: 2.1. «Люди и их объединения»: враг, солдат, военные, бандиты, националисты, фанаты, толпа, агрессивный человек, диктатор, неприятель, вспыльчивый человек, злой человек, обидчик, беженцы, бомжи, потерпевший, тиран, окружающие, подростки, агрессия школьников, ребенок, начальник, директор, кассир, проводник, больной, друг, людская, детская и др.; 2.2. «Конкретные личности (прецедентные имена)»: Гитлер, Калигула, Сталин, Сталлоне; 2.3. «Мифологические и вымышленные персонажи»: дьявол, терминатор; 2.4. «Государства и организации»: НАТО, Америка, США, Украина, СССР и др.; 2.5. «Животные»: агрессивные животные, хищники, птица, бык, волк, тигр, оса, змея, акула, собака и др.; 2.6. «Растения»: растения. 2.7. «Природные явления и объекты»: гром, молния, ураган, торнадо, цунами, землетрясение, вулкан, лава, лавина, солнце, ветер и др.

Слот 3. «Объекты-участники ситуации», включающий 3 субслота: 3.1. «Оружие»: меч, пистолет, ножи, кинжал, мины, топор и др.; 3.2. «Орудия агрессии, внешние по отношению к человеку»: яд, кипяток и др.; 3.3. «Орудия агрессии человека и животных»: сжатые кулаки, зубы, волчьи зубы, клыки, рога, когти и др.

Слот 4. «Действия, связанные с агрессией», включающий 2 субслота: 4.1. «Действия, предполагающие агрессию, и их результаты»: убить, убийство, бить, воевать, рычать, грызть, резать, удар, укус, вой, смерть, оккупация, кричать, ор, выводить из себя, хамство, оскорбления, ругань, спорить с кем-то, препираться, крушить, ломать, издеваться, пытки, кровь, лужа крови, синяк, шрам, царапина, слезы, боль и др.; 4.2. «Действия в ответ на агрессию»: желание спрятаться, сдерживать агрессию, попытка сдержаться, самозащита, агрессия в ответ и др.

Слот 5. «Характеристики агрессии»: явная, скрытая, физическая, психологическая, спонтанная, индивидуальная, массовая, вербальная и невербальная, странное поведение, девиантное поведение, неадекватное поведение, необдуманные дей-

ствия, неконтролируемая, немотивированная, ненормальность, непредсказуемая, неоправданная, нечто неразумное, нежелательна, беспричинная и др.

Слот 6. «Место / сфера распространения агрессии»: тюрьма, детский дом, пустыня, дурдом, интернет, в кино, в музыке, домашняя, в семье и др.

Слот 7. «Эмоции, сопутствующие агрессии; чувства и состояния, которые она вызывает»: злость, злоба, ненависть, ярость, всплеск ярости, раздражение, страдание, страх, паника, бешенство, гнев, презрение, стыд, обида, жалость, равнодушие, стресс, неприязнь, дискомфорт, депрессия, состояние аффекта, апатия, тоска, грусть, зависть, бессилие, алчность, недовольство и др.

Слот 8. «Синестетические ассоциации»: красный цвет, черный, черный с красным, яркий, темнеет, темный, темнота, мрак и др.

Анализ ассоциативного поля демонстрирует связь с реакциями именно современной дефиниции слова «агрессия». Свидетельство можно найти во многих слотах фрейма (слоты 1, 2, 3, 4, 6). В первую очередь, это слот «Субъекты-участники ситуации». В число субслотов входит и тот, который связан с государством, организацией (НАТО, США), и тот, который связан с людьми и их объединениями (враг, диктатор, друг, военные, подростки, окружающие), и тот, который связан с животными (оса, акула, змея, бык). Интересно, что в качестве агрессивных личностей упомянуты не только те, для которых проявление агрессии естественно (враг, бандиты), но и те, для которых агрессия противоестественна (друг, школьники). Можно видеть здесь прецедентные имена, отсылающие к реальным личностям (Гитлер, Сталлоне), есть также мифологические и вымышленные персонажи (дьявол, терминатор). Еще два субслота связаны с растениями (растения) и с природными явлениями и объектами (ураган, вулкан, солнце). В последних двух случаях отмечается связь реакций с метафоризацией по модели персонификации, т.е. с олицетворением.

Еще одно доказательство связи между современной дефиницией и ассоциативным полем предоставляет нам слот «Ситуации, связанные с агрессией». Можно видеть, что все ситуации, предполагающие агрессивные действия, имеют отношение к конфликту, иными словами, конфликт – это тот гипероним, гипонимами (когипонимами) которого являются слова-реакции. Реакции образуют целые цепочки гиперо-гипонимических отношений (война → сражение → атака → драка). При этом в ассоциативном поле встречаются реакции, связанные с агрессивными действиями и государств (война), и отдельных личностей или их объединений (драка, перепалка, ссора). Как и в случае с субъектами-участниками ситуации, к категории агрессивных ситуаций респонденты относят и такие, для которых агрессия не должна быть характерна (игра).

Показательно, что в качестве объектов-участников ситуации конфликта (слот 3) респонденты называли, в первую очередь, различные виды оружия (нож, пистолет, мины), использовать которое может и отдельный человек, и армия государства. Упоминались и «орудия» агрессии, которые, скорее, использует человек (яд). Но здесь есть и прямое указание на те «орудия», которые присущи именно человеку или животному (кулаки, зубы, клыки, когти). Таким образом, человек и животное включаются в состав субъектов, способных осуществлять агрессию.

В числе действий, предполагающих агрессию (слот 4), названы физические действия (воевать, крушить, убить), связанные и с государством, и с человеком, и

вербальные, присущие только человеку (кричать, крик, ор). Есть в числе реакций и слова, называющие действия, которые могут быть отнесены к животным (рычать, грызть, вой).

В качестве места / сферы проявления агрессии (слот 6) названы и пустыня, в которой могут разворачиваться военные действия, и тюрьма, где субъектами агрессии могут быть отдельные личности или их объединения.

Коннотации слова «агрессия» отражаются в слотах 5, 7, 8. Слот 5 связан с характеристиками агрессии и содержит ее оценку. Есть нейтральные оценки, определяющие вид агрессии (явная, скрытая; физическая, психологическая; вербальная и невербальная), но большинство оценок являются негативными и представляют агрессию как нежелательные действия, девиантное поведение, подчеркивают ее ненормальность и неадекватность.

Слот 7. «Эмоции, сопутствующие агрессии; чувства и состояния, которые она вызывает» содержит, в основном, наименования негативных эмоций, чувств и состояний, связанных в сознании современников со словом агрессия (злость, ненависть, всплеск ярости, гнев, презрение, бешенство, депрессия, дискомфорт, раздражение). Коннотативные отношения связывают слово «агрессия» именно с негативными эмоциями, состояниями и чувствами.

Поскольку ситуация агрессии и агрессивные действия вызывают бурные эмоции, есть в ассоциативном поле и реакции (слот 8), связанные с действием механизма эмоционально-цветовой синестезии (красный цвет, черный, черный с красным, темнота, мрак).

5. Заключение.

Наш анализ показал, что именно современная, актуальная дефиниция слова агрессия, называющая в качестве субъекта агрессии не только государство, но и человека и животное, соотносится с содержанием ассоциативного поля, полученного при АЭ на множественную реакцию. Доказательством служат реакции, связанные с ситуациями, предполагающими агрессию; с субъектами-участниками этих ситуаций; с объектами-участниками ситуации (оружием и различными «орудиями» агрессии); с действиями, предполагающими агрессию; с характеристиками агрессии и с местом / сферой распространения агрессии. Коннотации в ассоциативном поле представлены обширным списком негативных эмоций, связанных в сознании человека с агрессией, а также негативно-оценочными и синестетическими реакциями. Можно считать, что и современная словарная дефиниция слова агрессия, и ассоциативное поле, полученное в АЭ на множественную реакцию, адекватно отражают картину мира современного человека.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. I. М.: Л.: Издательство АН СССР, 1950. 767 с.
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.:

ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 2000. 856 с.

Леонтьев А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. II. С. 50–71.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

Миронова Н.И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2, том 14. С. 108–119.

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <http://efremova-online.ru/slovarefremovoy/agressiya/520/> (дата обращения: 20.01.2016).

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 797 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1992. 928 с.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. М.: Издательство Московского Университета, 1977. 192 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3, том 25. С. 83–92.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1, том 27. С. 238–250.

Якимова Н.С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1, том 45. С. 184–188.

Andrade, J., May, J. (2004). Cognitive psychology. L.; N.Y.: BIOS Scientific Publishers. 242 p.

Eysenck, M., Keane, M. (2003). Cognitive psychology. A student's handbook. 4th ed. Hove; N.Y.: Psychology Press. 631 p.

Nelson, D., McEvoy, C. (2000). What is free association and what does it measure? Memory and Cognition, Vol. 28, No. 6, 887–899.

SEMANTIC ANALYSIS OF ASSOCIATIVE FIELD

Mironova Nataliya Iziaslavovna

senior researcher associate

Lomonosov Moscow State University

Philological faculty

Moscow GSP-1 Leninskije Gory bd. 1-51

e-mail: mironnat@rambler.ru

This article focuses on the question of what kinds of semantic information are reflected in the associative field. The results of multiple-reaction associative experiment are presented. One word-stimulus was given to the subjects and they were allowed to react for 5 minutes. The word aggression has been selected as a word-stimulus, because its definition has changed in dictionaries at the end of XX – beginning of XXI century. In earlier definitions aggression was treated as an «attack, seizure of foreign territory» and was attributed only to the state. But at the end of XX – beginning of XXI century appeared second meaning «open dislike, causing hostility» and men and animals came to be called as a subject of aggression. Our experiment subjects were 100 students of the Lomonosov Moscow State University. The focus of our study was the connection of the associative field with the definition and connotations of the word-stimulus. Semantic analysis of the associative field in multiple-reaction associative experiment showed the connection of reactions with modern definition of the word aggression in Russian dictionaries associating aggression not only with countries and states, but also with men and animals. Responses-connotations of the word aggression were also found in the associative field.

Keywords: multiple-reaction associative experiment, associative field, semantic analysis, scheme (frame), word definition, word connotations.

References

Apresjan Ju.D. Izbrannyje trudy. Integral'noje opisanije jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected works. Integral description of language and systemic lexicography]. Vol. II. Moscow: Russian culture languages, 1995. 767 p.

Baranov A.N. Vvedenije v prikladnuju lingvistiku: uchebnoje posobije [Introduction to applied linguistics: a student's handbook]. Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 360 p.

BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [The dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vs. V. I. Moscow: Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 767 p.

Karaulov Ju.N. Aktivnaja grammatika I assotsiativno-verbal'naja set'[Active grammar and verbal associative network]. Moscow: Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 180 p.

Kobozeva I.M. Lingvisticheskaja semantika: uchebnoje posobije [Linguistic semantics: a student's handbook]. Moscow, Jeditorial URSS Publ., 2000. 352 p.

Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov [The explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Russian Language Publ., 2000. 856 p.

Leontjev A.N. Opyt strukturnogo analiza tsepnyh assotsiativnyh rjadov (jeksperimental'noje issledovanije) [An attempt of associative chain structural analysis (experimental study)]. Izbrannyje psihologicheskije trudy [Selected psychological works]. In 2 vs. V. II. Moscow: Pedagogy Publ., 1983, pp. 50–71.

MAS – Slovar' russkogo jazyka [The Russian language dictionary]. A.P. Jevgenjeva. In 4 vs. USSR Academy of Sciences, Russian Language Institute. V. I. Moscow: Russian Language Publ., 1981. 698 p.

Mironova N.I. Assotsiativnyj jeksperiment: metody analiza dannyh i analiz na osnove universal'noj shemy [Associative experiment: methods of data analysis and analysis based on the universal scheme]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics], 2011, no. 2, v. 14, pp. 108–119.

Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [The new explanatory and word-formative dictionary of Russian language]. T.F. Jefremova [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://efremova-online.ru/slovarrefremovoy/agressiya/520/> (data obrashhenija: 20.01.2016).

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [The Russian language dictionary]. Moscow: Russian language Publ., 1986. 797 p.

Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The explanatory dictionary of Russian language]. S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. Moscow: Az# Publ., 1992. 928 p.

SANRJA – Slovar' assotsiativnyh norm russkogo jazyka [The associative norm dictionary of Russian language]. A.A. Leontjev. Moscow: Moscow State University Publ., 1977. 192 p.

Ufimtseva N.V. Russkije: opyt eshhe odnogo samopoznanija [Russian people: the experience of another one self-analysis]. Jetnokul'turnaja spetsifika jazykovogo soznanija [Ethnocultural features of language consciousness]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics Publ., 1996, pp. 139–162.

Ufimtseva N.V. Znachenije slova kak otrazhenije sotsiokul'turnoj real'nosti [Meaning of the word as the display of social and cultural reality]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics], 2015, no. 3, v. 25, pp. 83–92.

Ufimtseva N.V. Jazykovaja kartina mira: problema modelirovanija [Language picture of the world: the problem of modeling]. Voprosy psiholingvistiki. [Journal of psycholinguistics]. 2016, no. 1, v. 27, pp. 238–250.

Jakimova N.S. Verbal'naja agressija kak aktual'nyj fenomen sovremennogo obshhestva [Verbal aggression as an actual phenomenon of modern society]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [The Kemerovo State University Herald]. 2011, no. 1, v. 45, pp. 184–188.

Andrade, J., May, J. (2004). Cognitive psychology. L.; N.Y.: BIOS Scientific Publishers. 242 p.

Eysenck, M., Keane, M. (2003). Cognitive psychology. A student's handbook. 4nd ed. Hove; N.Y.: Psychology Press. 631 p.

Nelson, D., McEvoy, C. (2000). What is free association and what does it measure? Memory and Cognition, Vol. 28, No. 6, 887–899.

УДК 81.23

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМЕ
«КОНТРТЕКСТА» КАК ОТРАЖЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ
АДРЕСАТА****Пешкова Наталья Петровна**

заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов,
профессор Башкирского государственного университета
Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
e-mail: peshkovanp@ Rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы возможности выявления и исследования конфликтности личности на материале «контртекстов» испытуемых реципиентов, полученных с использованием метода «встречного текста» в серии экспериментов на восприятие и понимание разных типов письменных текстов научно-популярной и художественной литературы, текстов Библии и гляцевых журналов. Обсуждаются результаты количественного и качественного анализа реакций реципиентов, присущих порождаемым в процессе эксперимента «встречным текстам» в целом и, в частности, «контртекстам» как их составной части. Количественный анализ показывает, что все реакции «контртекста», от умеренного несогласия до вербальной агрессии, составляют весьма значительную часть «встречного текста» как внутреннего диалога адресата с автором.

Результаты качественного анализа, прежде всего, представляют интерес с точки зрения выявления индивидуальной склонности к вербальной агрессии на основании изучения индивидуальных стратегий и тактик восприятия информации испытуемыми реципиентами. Полученные данные также могут быть использованы для разработки модели вербальной агрессии с учетом источника воспринимаемой информации, потенциально провоцирующего проявление индивидуальной и групповой агрессивности, приводящей к возникновению конфликта. Данные, полученные в исследовании, в перспективе, можно применить для обнаружения реальных и прогнозирования потенциальных «зон» конфликтов, присущих определенному социуму или какой-либо группе внутри социума, социальной, этнической, религиозной, в условиях сосуществования и столкновения различных языков и культур полиэтнического региона.

Ключевые слова: конфликт, конфликтность, восприятие, понимание, метод «встречного текста», «контртекст», языковое сознание, речевое воздействие, вербальная агрессия

Вводные замечания

Общения, как известно, представляет собой такой психологический контакт между его участниками, в процессе которого происходит как обмен информацией, так и разного рода воздействия и взаимодействия в форме взаимовлияния, взаимопонимания, эмоционального взаимопереживания. Иными словами, содержание общения может составлять передача информации; успешное или неуспешное взаимодействие коммуникантов; эмоциональное восприятие друг друга и самооценка;

вербальное воздействие одних участников коммуникации на других; управление деятельностью партнеров коммуникации и т.п.

Нельзя не отметить, что для осуществления успешной коммуникации ее важнейшей составляющей и необходимым условием достижения цели является то, что подразумевают под взаимопониманием, при этом в основе всех обозначенных выше коммуникативных процессов, безусловно, лежит общее понимание. Понимание, таким образом, представляется не просто значимым фактором, но краеугольным камнем вербального общения. Отсутствие понимания, недопонимание, или частичное непонимание, равно как и нежелание понять, могут привести и часто приводят к конфликтным ситуациям разного рода и масштаба, от межличностных до межнациональных.

В современной науке сложилось междисциплинарное направление, известное как «конфликтология», занимающееся исследованием проблемы «конфликта» в самом широком смысле, начиная от причин его возникновения, механизмов и закономерностей развития и заканчивая последствиями конфликтной ситуации, как негативными, так и позитивными [Конфликтология 1999]. В круг интересов конфликтологии входят субъекты, или стороны, конфликта, его социальные функции, а также возможности и способы предупреждения, локализации, минимизации и разрешения конфликта.

С точки зрения психологии, «конфликт» в общем смысле связан с такими антагонистическими отношениями между двумя или несколькими участниками общения и взаимодействия, при котором, по крайней мере, один из них стремится установить свое господство над социальным полем их уже сложившихся, или только возникающих, взаимоотношений.

«Конфликт» в социологии рассматривают как проявление противоречий, объективных или субъективных, выражающееся в противоборстве сторон и остром способе их разрешения, приводящем к негативным или, возможно, позитивным последствиям.

Существует определение «конфликта», характеризующее его как ситуацию, в которой каждая из сторон стремится занять позицию, несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны; или как особое взаимодействие индивидов, групп, объединений, возникающее при их несовместимых взглядах, позициях и интересах. Наконец, под «конфликтом» понимают любые речевые действия сторон, направленные на нанесение ущерба любого рода противоположной стороне. При этом в некоторых определениях этого понятия особо отмечается, что его развертывание сопровождается негативными эмоциями сторон конфликтной ситуации.

В работах по риторике Ю.В. Рождественский рассматривает «конфликт» в связи с противоречием как особым речевым действием. Он выделяет три стадии в развитии такого противоречия, ведущие к конфликту. Первая стадия связана с различиями во мнениях, вторая – с противоречиями в дискуссиях и, наконец, третья представляет собой прямую борьбу в виде конфликтов в действиях [Рождественский 2003].

Из всех приведенных выше определений предполагается, что конфликт может возникать только на базе коммуникативного контакта. Противоположные

позиции или мысленные действия, никак не выраженные вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, равно как и не возникает конфликта в отсутствии партнера коммуникации [Третьякова 2000]. Мы не можем полностью согласиться с подобной точкой зрения, полагая, что противоположные взгляды и убеждения, не являясь *элементом* конфликта, представляют собой потенциальной почвой для его возникновения. По сути, они составляют такой внутренний «очаг», который может стать внешним при наличии у коммуникантов качества, называемого в современной науке конфликтностью.

Различные до противоположности традиции и нормы, присущие разным этнокультурным общностям и профессиональным группам; схемы речевого поведения, социально значимые и усвоенные личностью с детства; условности и стереотипы, принятые в разных социумах; наконец, разные социальные роли, обусловленные различными социальным статусом, профессией, образованием и возрастом – все это потенциальные факторы конфликта. Любое из них может стать основанием для его возникновения при неблагоприятном стечении обстоятельств и определенных склонностях коммуникантов, обусловленных их психологическими особенностями и личностными качествами, в том числе.

Как отмечает Н.В. Уфимцева, в основании формирования сознания участников коммуникации «как специфического регулятора поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы» [Уфимцева 2011: 5]. И те, и другие исследователи конфликтной коммуникации относят к внутренним составляющим конфликта.

Так, например, психологические и психофизиологические характеристики человека в значительной степени обуславливают его способность адекватного восприятия окружающего мира и себя в этом мире, а также отношения к «чужому» или просто «другому» в процессах коммуникации. Наряду с психофизиологическими особенностями индивидуума, его «психотипом», значительную роль здесь играют воспитание и жизненный опыт, во многом обуславливающие умение и желание понять, или, так называемую, «направленность» на партнера по коммуникации.

Именно эта «направленность» и есть своего рода механизм восприятия «другого», основанный на умении поставить себя на его место и почувствовать его эмоциональное состояние. В психологии, как известно, подобный механизм называют, «эмпатией», способностью к постижению эмоционального состояния другого человека, к отождествлению себя с партнером по общению, сопровождаемой рефлексией, связанной также с пониманием того, как партнер понимает тебя. Таким образом, предупреждение конфликтной ситуации, в идеале, связано с достижением «зеркальных» отношений между коммуникантами.

В свете всего сказанного выше можно констатировать, что имеется большое количество факторов как внешнего, так и внутреннего характера, связанных с порождением конфликтной ситуации. В литературе по «конфликтологии» существует мнение о том, основные затруднения в исследовании «конфликта» связаны с множественностью вовлеченных в него и составляющих его факторов, но не только. Одну из значительных трудностей в его изучении, безусловно, составляют скрытость оснований возникновения конфликтной ситуации, невозможность наблюдения процесса «созревания» конфликта, связанного, в том числе и с внутренней предрасположенностью участников коммуникации к его генерированию.

Нужно отметить, что современная психолингвистика располагает некоторыми инструментами проникновения в подобные скрытые процессы, связанными с исследованием вербального сознания. Мы полагаем, что одним из таких инструментов является метод экспликации «встречного текста» реципиента [Новиков 2003] и выявления внутри него «контртекста» [Пешкова 2015], имеющего непосредственное отношение к явлению конфликтности как предрасположенности или склонности личности к порождению конфликтной ситуации.

«Контртекст» как проявление особенностей восприятия информации реципиентом и отражение его конфликтности

Следует напомнить, что внутренний текст, или «встречный текст», продуцируется реципиентом в форме вербальных реакций при восприятии и понимании информации, поступающей в языковое сознание коммуникантов в форме различных текстов; устных при непосредственном общении и письменных при опосредованной коммуникации, когда адресат информации ведет внутренний диалог с автором текста. Методика экспликации «встречного текста» разработана А.И. Новиковым [Новиков 2003] и адаптирована нами в ряде исследований, цель которых состояла в изучении различных аспектов понимания, а также некоторых особенностей вербального сознания [Пешкова 2012], [Пешкова 2014].

Мы полагаем, что на сегодняшний день у нас имеются основания для исследований внутренней предрасположенности к «конфликту» как адресата, так и, отчасти, автора информации в форме письменного текста; а также для моделирования определенных механизмов, связанных с восприятием письменной информации, несущих в себе угрозу создания конфликта. Это означает, что имеется и перспектива разработки стратегий, способствующих его предотвращению. При этом, нужно сказать, мы не видим пока возможности изучения подобных механизмов в процессах устного общения.

Необходимо отметить, что по данным современной конфликтологии, в самой природе некоторых единиц языка заложен «конфликтный потенциал», реализующийся в речи. Мы предполагаем, что письменный текст как единица речи в динамике восприятия, понимания и интерпретации его содержания и смыслов, может сам по себе создавать возможность возникновения конфликтной ситуации между адресатом и автором.

Нельзя не согласиться с мнением В.Ф. Петренко о том, что текст, в принципе, «может воздействовать на разные уровни человеческого сознания, осуществляя различные формы изменения образа мира человека» [Петренко 2005: 275].

При этом не каждый адресат проявляет готовность к подобным изменениям и «сотрудничеству», в таком случае текст может потенциально выступать в качестве стимула конфликта, способствующего возникновению ряда контрреакций, имеющих негативное содержание в самой разной форме. В процессе внутреннего диалога «автор – адресат» сторона, представленная автором, преднамеренно или непреднамеренно может способствовать возникновению агрессивных вербальных реакций со стороны адресата.

Как показывают результаты анализа нашего экспериментального материала, автор может спровоцировать конфликтную реакцию адресата разными способами

и на разных уровнях его восприятия. Во-первых, на содержательном и смысловом уровнях посредством использования определенной информации, предположительно действующей как своего рода раздражитель. Во-вторых, с помощью языковых средств, на уровне внешней формы сообщения, субъективно конфликтогенный диапазон которых настолько велик, что любые из них могут выступать в роли провокатора конфликта.

Что касается реципиента, он порождает конфликтные реакции, составляющие «контртекст» в рамках общего «встречного текста», т.е. своего внутреннего диалога с автором письменного сообщения. Мы полагаем, что такой «контртекст» можно рассматривать как модель реального конфликта, в которой раскрывается потенциальная конфликтность реципиента, основанная на его личностных нравственных качествах, отражающих склонность к ссорам, неуступчивость, бестактность, излишнюю настойчивость в утверждении своего мнения или оценки и т.п. Эти личностные качества воплощаются в присущих данному типу реципиента стратегиях восприятия информации, реализованных, в свою очередь, в виде реакций несогласия, словесного нападения, вербальной агрессии, порой доходящих до оскорблений, ругательств и т.п.

Сравнительный анализ экспериментальных данных, составляющих массив «встречных текстов», продуцируемых участниками экспериментов, проводимых нами с использованием различных типов текстов, предлагаемых для восприятия и интерпретации, убедительно свидетельствует в пользу высказанных выше гипотез. Мы осуществили анализ внутренних текстов реципиентов, маркированных присутствием «контртекста» как реакции на самую разнообразную информацию, облеченную в разные текстовые формы – от относительно нейтральной научно-популярной литературы до эмоционально окрашенной художественной литературы; от Библии и до модных глянцевого журналов, статьи которых часто носят манипулятивный характер.

Мы уже отмечали тот факт, что материалы «встречных текстов» заставляют усомниться в возможности «нейтральной» коммуникации, в какой бы области человеческой деятельности она не осуществлялась. Вызывает сомнение как «нейтральная» передача информации автором, так и «нейтральное» восприятие ее адресатом. В.Ф. Петренко отмечает, что под речевым воздействием автора подразумевается его стремление изменить поведение реципиента, его эмоциональное состояние, его знания о мире и его отношения к реалиям этого мира, т.е. изменить «его личностный смысл». При этом он выделяет не только «монологичное», но и «диалогичное» воздействие как готовность к изменениям и собственное сознание [op.cit.: 275].

Нужно сказать, что к последней ситуации готовы далеко не все участники коммуникации, если судить по «контртексту», порожденному реципиентом, ставшим, в свою очередь, автором вторичного (по отношению к исходному сообщению) текста. Изучение «контртекстов» показывает, что адресат пытается, как минимум, защититься от попыток «вмешательства», с его точки зрения, в его личное пространство, в его сознание. Как максимум, он «нападает» сам, осуществляя вербальную агрессию.

Возможность возникновения подобной ситуации сама по себе может стать основанием для потенциального конфликта, связанного с сопротивлением опреде-

ленной группы коммуникантов любому вербальному воздействию. Таким образом, мы наблюдаем здесь большую область пересечения и взаимодействия исследованных по двум проблемным направлениям; с одной стороны, речевого воздействия, а с другой, коммуникативного конфликта.

Безусловно, и способность к «защите» от информации и склонность к агрессии обусловлены теми индивидуальными личностными качествами, о которых мы упоминали выше. Однако нельзя не видеть здесь и некоторых универсальных закономерностей, объединяющих реципиентов в общие группы, например, по признаку активности/пассивности восприятия. Так, В.З. Демьянков выделял три коммуникативные ситуации, в соответствии с которыми можно говорить о трех типах адресатов, характеризующихся либо пассивным восприятием, либо активным участием или же сопротивлением воздействию автора сообщения. Реципиент с пассивным восприятием обладает «нормативными ожиданиями уровня опасений, глубины затрагиваемых мнений и интенсивности употребления языка», проявляющимися в процессе речевого воздействия. Адресат с активным восприятием внушения помогает убедить себя сам. В случае сопротивления адресата речевое воздействие со стороны автора может приводить «к изменениям установки, количественно обратнo пропорциональным интенсивности воздействия» [Демьянков 1989: 34-35].

В связи с этим уместно будет вспомнить мнение еще одного исследователя проблем речевого воздействия, П.Б. Паршина, утверждавшего, что обычно человек окружает свое вербальное сознание своего рода защитным барьером, способным противостоять языковому воздействию извне. Успешное преодоление такого защитного барьера адресата информации составляет суть речевого воздействия [Паршин 2000].

Однако, как показывают реакции наших испытуемых, составляющие «контртекст» внутри общего «встречного текста», языковое сознание реципиента и является тем самым «часовым», который может охранять свой защитный барьер и контролировать прохождение через него информации. Мы полагаем, что реакции, составляющие «контртекст» отчасти эксплицируют работу сознания по сопротивлению речевому воздействию. При изучении проблемы коммуникативного конфликта и выявления потенциальной конфликтности участников коммуникации вопрос заключается в том, являются ли реакции только защитными или же несут в себе такую степень агрессии, которая станет основой конфликта в случае непосредственного коммуникативного контакта.

Напомним еще раз, что в основе гипотезы «встречного текста» А.И. Новикова также лежит представление об активной роли реципиента. Адресат информации не просто «экран», на котором проецируется содержание текста, он сам «строит «встречный текст», или «контртекст» [Новиков 2003: 65]. В процессе восприятия реципиент реагирует на информацию, продуцируя ассоциации, высказывая мнения, часто противоположные авторской позиции, оценивая содержание, эмоционально или рационально, порой негативно, резко, а в некоторых случаях агрессивно.

Преимущество метода «встречного текста», разработанного А.И. Новиком с целью экспликации сложного процесса решения реципиентами «задачи на понимание», как нам представляется, для настоящего исследования заключается в следующем. Внутренний текст, продуцируемый и регистрируемый самим реципи-

ентом в письменной форме по ходу эксперимента, дает материал, позволяющий выявить путем сравнительного анализа реакций, во-первых, как уже отмечалось, склонность коммуникантов к конфликтному речевому поведению, а, во-вторых, характеристики содержания сообщения и особенности его языковых средств, потенциально провоцирующие возникновение конфликтной ситуации.

Попытаемся продемонстрировать это с помощью некоторых примеров подобных контрреакций, которые, предположительно, могли бы привести к внешнему конфликту при осуществлении непосредственной коммуникации. Реакции заимствованы из «встречных текстов», полученных в экспериментах на понимание испытуемыми двух научно-популярных текстов. Первый посвящен обсуждению возможностей перемещения во времени и затрагивает некоторые проблемы современной физики, второй рассказывает о возможностях приучения акул, приводя как пример случаи их кормления человеком на Багамах,

«Ситуация изменилась лишь в 80-е годы прошлого века, когда Кип Торн, физик-теоретик из Калифорнийского института, предложил более практичный способ использования черных дыр в качестве машин времени».

– Нереально. Тоже мне, теоретик!

– Глупости! Ему, точно, нечем было заняться!

– Какая машина времени?! Зажрались они там.

– Идиот! Лучше бы придумал, как накормить голодных.

Приведенное выше предложение о так называемых «черных дырах», казалось бы, не содержит информации, выступающей в качестве катализатора раздражения в каком-либо социальном, этнокультурном или религиозном контексте. Тем не менее, словосочетания «черная дыра» и «машина времени», в силу некоторой содержательно-смысловой необычности, возможно, фантастичности, а также «физик-теоретик» в контексте с ними вызвали резкие, агрессивные и оскорбительные оценки у определенной группы реципиентов.

Во втором тексте с броским названием «Полдник с людоедом», помимо серьезных экологических проблем, обсуждаются случаи кормления акул на Багамских островах как развлечения, доступного для определенной социальной группы обеспеченных любителей экстремального отдыха. Можно предположить, что здесь, помимо фактора «необычности» информации как безусловного «раздражителя» для определенной группы реципиентов, имплицитно присутствует еще и аспект социально обусловленного негатива, провоцирующий конфликтные реакции. О чем и свидетельствуют приводимые ниже примеры.

«В качестве контр аргумента можно привести данные статистики – за все годы кормления акул на Багамах несчастных случаев не зафиксировано, разве что незначительные инциденты с профессионалами-кормителями».

– Врут они все!

– Это статистика для туристов! Наверняка, было немало случаев, но о них умалчивают, как всегда.

– А что – профессионалы-кормители не люди?

– Ненормальные они все! Да и дайверы эти ненормальные. На земле у них проблем нет, легко живется, их на дно океана тянет.

– Деньги девать некуда! Да лучше бы потратились на детские дома.

– Придурки! Богатые придурки!

Далее мы приводим примеры реакций, полученных при восприятии текста интервью с известной моделью Натальей Водяновой, взятого из глянцевого журнала. Они, на наш взгляд, имеют ярко выраженный характер социально-бытового конфликта, имитирующего ссору гендерного характера, как можно предположить, на почве либо чувства зависти, либо острого ощущения собственной более низкой социальной позиции и т.п.

«Кстати, сначала я задумывала туфли еще наряднее, пришлось даже себя немного ограничивать».

– Куда еще наряднее? Еще бы бант большой наклеила!

– Да что не одень – все равно не Золушка! Только одни претензии.

– Ну, конечно-конечно! Вырвалась в Лондон из своего Урюпинска и уж не знаешь, как еще выпендриться.

«На каждом стразами выложена изящная корона. Это – самый важный элемент, каждая девушка хочет чувствовать себя принцессой»

– Ну почему же только стразами?! Хотя бы кристаллами Сваровского. Или еще чем подороже. Все бы оценили твой «безупречный» вкус!

– Ах, и корона у нас. И принцессы мы. А давно ли мыли сортир в местной забегаловке?

– Вот-вот. Про таких, как ты, всегда в народе говорили – из грязи в князи.

Конфликтотенный и одновременно гендерный «портрет» авторов приведенных выше «контртекстов» проступает со всей очевидностью. Реакции моделируют бытовую девичью ссору, вызванную тем, что одна сторона конфликта позавидовала украшениям или красивой одежде другой. Однако мы допускаем возможность и социальной обусловленности причин, вызвавших агрессию и раздражение в связи со словосочетанием «изящная корона» и фразой «чувствовать себя принцессой». Можно наблюдать немало реакций с негативно-эмоциональной оценкой, зачастую бестактной, сопровождаемые обращением к народной мудрости для оправдания своей позиции, как, например, в последнем высказывании.

Невольно возникает предположение, что в обычной жизни авторы этих реакций реализуют свои склонности к ссорам, проявляя бестактность и неоправданную настойчивость в утверждении своих оценок, наблюдаемую в порождаемых ими «контртекстах».

Нельзя не отметить, что по результатам сравнительного анализа «контртекстов» испытуемых менее всего к проявлению конфликтности располагали фрагменты из Библии. Но и на этом материале наблюдаются реакции, подобные приведенным выше. В основном, они менее агрессивны, во всяком случае, по сравнению с реакциями на тексты глянцевого журнала, но, безусловно, так же демонстрируют определенные склонности своих авторов к конфликтности.

Приведем примеры наиболее негативных реакций на предложение из фрагмента «Грехопадение».

«Она сорвала плоды с запрещенного дерева и ела; затем дала мужу своему, и он ел».

– А муж? Мочал? Недоумок.

– Адам, точно, безвольный дурак.

– Дурная баба! Прочитать ее надо было.

– Сколько из-за этой дурочки потом человечество страдало!

Большинство оценок, как мы уже отметили, имеют более сдержанный характер. Возможно, это связано с проявлением некоторого уважения к Библии как религиозному атрибуту, что объясняется особенностями нашей региональной аудитории испытуемых. Довольно значительная часть которых, судя по их собственным утверждениям, исповедует ту или иную традиционную для региона религию, в основном, Ислам и Православие.

Сравнительный анализ всего массива «встречных текстов», порождаемых реципиентами при восприятии обозначенных выше типов исходных текстов, показывает, что далеко не все реакции «контртекста» носят явно выраженный конфликтно-тогенный характер. Как можно видеть из приведенных нами примеров, одна группа реакций выражает «умеренное» несогласие; реакции, составляющие другую группу, передают негативную оценку без явной вербальной агрессии; и лишь определенная их часть носит характер открытой вербальной агрессии, с использованием вербальных оскорблений и т.п.

Именно эта группа реакций, на наш взгляд, отражает внутреннюю предрасположенность личности к продуцированию такой конфликтной ситуации, которая может быть направлена и вовне, в ситуации реальной коммуникации.

В современной психологии существует представление о том, что внешний конфликт зачастую обусловлен внутренним конфликтом личности. Так называемый внутриличностный конфликт в общем смысле характеризуют, как острое негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности и отражающее противоречивые связи личности с социальной средой.

Когнитивная психология, как известно, рассматривает внутренний конфликт личности как негативное состояние, возникающее в ситуации несоответствия знания и поведения, а также несовпадения двух или более знаний [Festinger, Carlsmith 1959], [Фестингер 1999]. Подобное состояние может переживаться как внутренний дискомфорт, который личность стремится устранить различными способами, в том числе и путем внешнего конфликта.

В зарубежных теориях внутреннего конфликта личности, например, в исследованиях А. Голднера и Р. Ассаджолли, в качестве его основы рассматривается упомянутая нами выше категория противоречия, а также понятие психологической защиты как инструмента преодоления внутреннего конфликта. Одной из форм такой защиты является, как известно, нападение.

Следует отметить, что в отечественной психологии одним из первых внутренний конфликт личности исследовал А.Р. Лурия, характеризуя его как такую ситуацию, при которой в поведении индивида сталкиваются две сильные, противоположно направленные тенденции [Лурия 2002].

Известно, что внутриличностный конфликт проявляется в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. Вызванный противоречиями «внутреннего Я», о которых мы упоминали выше, и снижением самооценки в когнитивной сфере внутренний конфликт личности часто сопровождается отрицательными переживаниями и эмоциональным напряжением. В поведенческой сфере все это ведет к созданию общего негативного эмоционального фона общения.

Как показывает анализ экспериментального материала, в нем выделяется группа реакций, составляющих часть «контртекстов» испытуемых реципиентов и демонстрирующих явную вербальную агрессию. Именно реакции этой группы создают общий эмоционально негативный фон, влияющий в целом на атмосферу всего внутреннего текста реципиента. Результаты предварительного исследования дают основание предположить, что наличие такого эмоционально негативного фона «контртекста» может свидетельствовать как о склонности к конфликтности, так и о состоянии внутриличностного конфликта, присущих определенной части наших испытуемых.

Заключение

Характеризуя в целом тенденцию генерирования испытуемыми «контртекста», проявляющуюся при восприятии ими различных типов письменных сообщений, обсуждаемых выше, можно утверждать следующее. Все реакции «контртекста», от умеренного несогласия до вербальной агрессии, составляют весьма значительную часть «встречного текста», или внутреннего диалога адресата с автором.

Количественный анализ нашего материала показывает, что самого высокого уровня реакции «контртекста» достигают в процессе восприятия глянцевого журнала, они могут составлять 45-48 % от общего числа реакций «встречного текста». За ними следуют научно-популярные тексты, при понимании которых «контртекст» занимает 40-42% всего поля реакций. В процессах восприятия и понимания научной и художественной литературы подобные реакции присутствуют, приблизительно, в равных долях – от 23% до 25 %. И, наконец, интерпретация текстов Библии сопровождалась присутствием «контртекста» в диапазоне от 15% до 20%.

Количественное исследование данных, сопровождаемое качественным анализом всего поля вербальных реакций «встречного текста», позволяет выявить внутри него «контртекст», а в последнем – группу конфликтно-тогенных реакций, отражающих, склонность реципиента к генерированию потенциального конфликта, прогнозируемого и моделируемого и для условий непосредственной устной коммуникации.

Таким образом, осуществление подобного анализа реакций «встречного текста» перспективно во многих отношениях. Во-первых, с точки зрения выявления индивидуальной склонности к вербальной агрессии на основании изучения индивидуальных стратегий и тактик восприятия информации испытуемыми реципиентами.

Во-вторых, для разработки модели вербальной агрессии с учетом источника воспринимаемой информации, потенциально провоцирующего проявление индивидуальной и групповой агрессивности, приводящей к возникновению конфликта.

В-третьих, для обнаружения реальных и прогнозирования потенциальных «зон» конфликтов, присущих определенному социуму (в нашем случае молодому студенческому), или какой-либо группе внутри социума, социальной, этнической, религиозной, в условиях сосуществования и столкновения различных языков и культур полиэтнического региона, каковым является Республика Башкортостан.

И, наконец, экспериментальные данные, собранные нами на протяжении последнего десятилетия, представляют научный интерес для изучения динамики формирования и развития языкового сознания полиэтнического молодежного социума, представители которого все это время были участниками наших экспериментальных исследований. Свой вклад эти материалы вносят и в выявление новых особенностей «двух образующих сознания» – «значения и смысла», постоянно развивающихся и изменяющихся [Уфимцева 2011: 5] с развитием современного общества.

Литература

- Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13-40.
- Конфликтология. / Под ред. А.С. Кармина. – СПб.: Питер, 1999. – 448с.
- Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. – М.: Когито-Центр, 2002. – 527 с.
- Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – 2003. – С. 64-76.
- Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. – С. 55-73.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
- Пешкова Н.П. Региональные особенности языкового сознания российской молодежи // Вопросы психолингвистики – № 2(16) – 2012. – С. 8-19.
- Пешкова Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики – №2 (20) – 2014. – С. 113-123.
- Пешкова Н.П. Социальный контекст общечеловеческих ценностей в языковом сознании молодежи полиэтнического региона // Вопросы психолингвистики. – № 2 (24). – 2015. – С. 98-106.
- Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 176 с.
- Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127-140.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1999. – 318 с.
- Festinger, L., Carlsmith, J.M. (1959). Cognitive Consequences of Forced Compliance. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, № 58, 203-210.

SPECIAL CHARACTERISTICS OF PERCEIVING INFORMATION IN THE FORM OF A "COUNTER TEXT" AS REFLECTION OF RECIPIENT CONFLICT POTENTIAL

Natalia P. Peshkova

Head of Foreign Languages Department (Natural Sciences Faculties),
Professor of the Bashkir State University
32, Zaki Validi Str, Ufa, Russia
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

The article considers the possibility of identifying and studying person's conflict potential based on the "counter texts" of recipients obtained with the help of the "internal text" method in a series of experiments connected with studying perception and comprehension of different text-types including popular science literature and works of art, the Bible and fashion journals. The author discusses some results of quantitative and qualitative analysis of recipients' responses constituting their "internal texts" in general and, particularly, "counter texts" as a part of the latter, generated in the process of the experiment. The results of the quantitative analysis demonstrates that all the reactions constituting the "counter text" including both moderate disagreement and verbal aggression make up a considerable part of the "internal text" as an internal dialogue between the addressee and the author.

The results of the qualitative analysis, above all, present some interest from the viewpoint of revealing individual tendency to verbal aggression on the basis of studying personal strategies and tactics of information perception used by recipients. The experimental data obtained could be applied to develop the model of verbal aggression taking into account the information source which potentially provokes to manifestation of individual and social aggression resulting in conflict expansion. In perspective the data obtained in the research could be used to detect actual conflict zones and to predict potential zones of conflicts typical to certain society and to social, ethnic, religious groups under conditions of coexistence and collisions of different languages and cultures in poly-ethnic regions.

Keywords: conflict, conflict potential, perception, comprehension, "internal text" method, "counter text", language consciousness, verbal impact, verbal aggression

References

- Demyankov V.Z. Effektivnost argumentatsii kak rechevogo vozdeystviya [Effectiveness of argumentation as verbal impact]. *Problemy effektivnosti rechevoij kommunikatsii* – [Problems of language communication effectiveness], Moscow, INION AN SSSR, 1989, pp. 13-40.
- Konfliktologiya [Conflictology]. St. Petersburg, Peter, 1999. 448 p.
- Luriya A.R. Priroda chelovecheskih konfliktov [The nature of human conflicts]. Moscow, Cogito-Centre, 2002. 527 p.
- Novikov A.I. "Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya" [Text and "counter-text": two aspects of comprehension process] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003, no 1, pp. 64-76.

Parshin P.B. Rechevoye vozdeystviye: osnovnyye formy i raznovidnosti [Verbal impact: principal forms and types]. *Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika* – [Text of advertisement: semiotics and linguistics], Moscow, Grebennikov's Publ. House, 2000, pp. 55-73.

Petrenko V.F. Osnovy psikhosemantiki [The fundamentals of psychosemantics]. St. Petersburg, Peter, 2005. 480 p.

Peshkova N.P. Regionalnyye osobennosti yazykovogo soznaniya rossijskoj molodyozhi [Regional aspects of Russian youth language consciousness] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2012, no 2, pp. 8-19.

Peshkova N.P. Iz opyta eksperimentalnykh issledovaniy ponimaniya rechi v rusle psikholingvistiki teksta A.I. Novikova [From the experience of experimental research of speech comprehension within the paradigm of A.I. Novikov's text-psycholinguistics] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, no 2(20), pp. 113-123.

Peshkova N.P. Sotzialnyy kontekst obshchelovecheskikh tzennostey v yazykovom soznanii molodyozhi polietnicheskogo regiona [Social context of common human values in the language consciousness of youth in poly-ethnic region] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2015, no 2 (24), pp. 98-106.

Rozhdestvenskiy Yu.V. Printsipy sovremennoy ritoriki [The principles of modern rhetoric]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003. 176 p.

Tretyakova V.S. Konflikt glazami lingvisty [Conflict from the viewpoint of a linguist] *Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii* [Jurilinguistics-2: the Russian language in its natural and juristic being], Barnaul, 2000, pp. 127-140.

Ufimtseva N.V. Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost [Language consciousness: dynamics and varieties]. Moscow, Kaluga, Institute of Linguistics, RAN, 2011. 252 p.

Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa: per. s angl. [Theory of cognitive dissonance: translated from English]. St. Petersburg, Yuventa, 1999. 318 p.

Festinger, L., Carlsmith, J.M. (1959). Cognitive Consequences of Forced Compliance. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, № 58, 203-210.

УДК 81-11

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И СОЗДАНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ

Рогозная Нина Николаевна,
зав. каф. русского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 87,
e-mail: G09@istu.edu

Хламов Евгений Владимирович
доцент, Институт развития образования Иркутской области,
664023, г. Иркутск, ул. Лыткина, 75а,
e-mail: evhlam@mail.ru.

Заманстанчук Дарья Эдуардовна
аспирант каф. русского языка и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 87,
e-mail: daria.smagina@gmail.com

Статья посвящена психолингвистическому и лингвистическому описанию построения фонологического тренажёра. Объектом исследования является описание лингвистических моделей для создания образовательных компьютерных программ. Предметом исследования является лингвистическая модель как прообраз создания компьютерного фонологического тренажёра. Цель исследования – лингвистическое описание фонологического кластера для построения компьютерной билингвальной модели обучения в виде фонологического тренажёра. Методы исследования – фонологический, психолингвистический, сопоставительный, аналитический. В статье описана методика построения фонологического билингвального тренажёра на базе кластерного описания фонемы как функциональной единицы звучащей речи. На основании выделенного фонемного состава в терминологический оборот введёно понятие лингвистического кластера, который может быть использован для описания каждого языкового яруса, в данном случае фонологического, и дано его определение. Билингвальная модель обучения предъявляет особые требования к используемым автоматизированным средствам обучения. Это обусловлено возможностью выделения интерферентов, являющихся неотъемлемой частью промежуточной компетенции. Результаты кластерного описания могут быть положены в основу создания лингвистических компьютерных тренажёров всех языковых ярусов.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, системы согласных фонем Я₁ и Я₂, описание фонологического корпуса, фонологический тренажер, фонема, аллофон, кластер, билингвальная фонологическая модель.

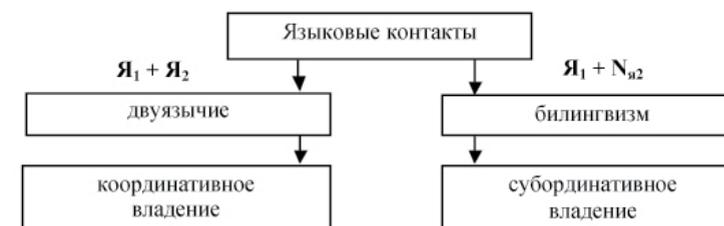
В одной из своих работ «Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии» Наталья Владимировна Уфимцева высказывает очень глубокую мысль о том, что: «за словом родного языка стоит множество знаний и умений, связанных с культурным предметом, которое оно (слово) обозначает, а когда мы переходим на язык другой культуры, то мы можем усвоить, как правило, только знания» [Уфимцева 2012: 129]. На наш взгляд, эти знания должны быть если не идеальными, то, по крайней мере, совершенными. Достичь такого совершенства человек, изучающий иностранный язык, может только посредством глубокого усвоения знаний в не детском возрасте с помощью интенсивной тренировки, для которой и предполагается создание фонологического тренажёра.

Известно, что функциональная фонетика, а точнее сказать фонология, изучает фонологические средства языка, их функции, системную организацию и правила формирования фонологической структуры речевых сообщений. Недостаточный объём сведений о фонологическом поведении индивидуума, изучающего систему неродного языка через промежуточную компетенцию, тормозит развитие теоретических основ билингвизма как целостной теории овладения, так и пользования языком. А.А. Залевская считает, что отсутствие такой теории не позволяет выстроить архитектуру, «вне которой ни один из вопросов реальной жизни языка не может получить научного освещения и, главное, объяснения на современном уровне» [Залевская 2009: 10].

Первоначально принятый в лингвистике термин «билингв», называющий человека, овладевшего некоторой суммой знаний другого, неродного языка (Y_2), двуязычным индивидуумом, воспринимался однозначно, пока в лингвистический обиход не вошёл термин «двуязычие». При синонимичном варианте использования терминов «билингвизм» и «двуязычие» возникают некоторые вопросы, так как лингвисты используют то один термин, то другой, занимаясь описанием разных проблем. Нами отмечалось, что «термины «двуязычие» и «билингвизм», используемые в лингвистической литературе под знаком равенства, затемняют их внутреннюю глубинную природу. ... Под билингвизмом следует понимать сосуществование в сознании индивидуума двух языковых систем, находящихся в определённых отношениях. Термин «двуязычие» отражает одинаковое знание двух языков, и его использование следует отнести к решению социолингвистических проблем» [Рогозная 2014: 307]. В дальнейшем, для точного понимания терминологического аппарата, предлагаем использовать термин «билингвизм», «билингв» в отношении субординативного (подчинённого) билингвизма, когда человек знает родной язык (Y_1) плюс какую-то сумму Y_2 , а «двуязычием» и «двуязычным индивидуумом», следовательно, полагать человека, владеющего одинаковым (или примерно одинаковым, например, от 90-95%) объёмом знаний Y_1 и Y_2 и называть этот тип координативным билингвизмом. Такое понимание семантического объёма терминов, даёт возможность определить область их функционирования. Типологический подход к проблеме изучения языковых контактов можно рассматривать, по крайней мере, в двух плоскостях, что может быть представлено следующим образом:

Схема 1

Типологический подход к проблеме изучения языковых контактов

В схеме 1 под N_{12} подразумевается владение Y_1 и плюс некоторой суммой знаний Y_2 .

В таком случае, видно, что индивидуумы в неодинаковой степени владеют и, естественно, овладевают языком в разных условиях и в разной степени. Некоторые учёные по характеру условий изучения Y_2 выделяют 2 подхода формирования лингвистической компетенции: естественный и искусственный. Считаем, что данная терминология не совсем удачна, но по сложившейся традиции мы следуем ей.

Следует заметить, что для определения способа и места изучения значимым становится не только определение роли контактирующих систем, но и учёт собственных стратегий индивидуума, т.е. выработка им самим индивидуальной модели обучения. В нашем случае в системе работают три узловых центра: студент – преподаватель – программное обеспечение. Каждый из этих центров прямо, или опосредовано, связан друг с другом. Для создания программного обеспечения, предназначенного для обучения иностранным языкам и применения компьютерных технологий в области создания, например, фонологических тренажёров, мы предполагаем минимизировать набор элементов языка для описания лингвистической задачи. Основываясь на понимании фонемы как функционального элемента русского в обоих языках, находящихся в непосредственном контакте.

На данный момент существует огромный поток информации в области изучения фонологии, но это пока не приблизило нас к пониманию проблемы функционального описания фонологического корпуса языков и построения адекватной модели фонологического тренажёра, способного интенсифицировать процесс овладения любым иностранным языком. Мы предполагаем кластерный подход к решению данной задачи, при понимании фонемы как звукотипа, способного представлять обобщенный, идеальный звук речи. Исходя из положения о том, что фонема это абстракция, в речи способны функционировать только её аллофоны. Фонема – это нечто общее, а аллофон – это конкретное выражение фонемы, способное осуществлять определённую функцию. На сегодняшний день, считается, что количество аллофонов до конца неопределенно, но, в каком-то смысле, исчисляемо. Несмотря на широкий диапазон аллофонов одной фонемы, носитель языка всегда в состоянии их распознать, иное дело – иностранец. С точки зрения функции, мы предлагаем считать, что количество согласных фонем в русском языке равно количеству их графем, а число их аллофонов равно их функции в речи. В таблице 1 представлены согласные фонемы русского языка.

Таблица 1

Система согласных фонем русского языка

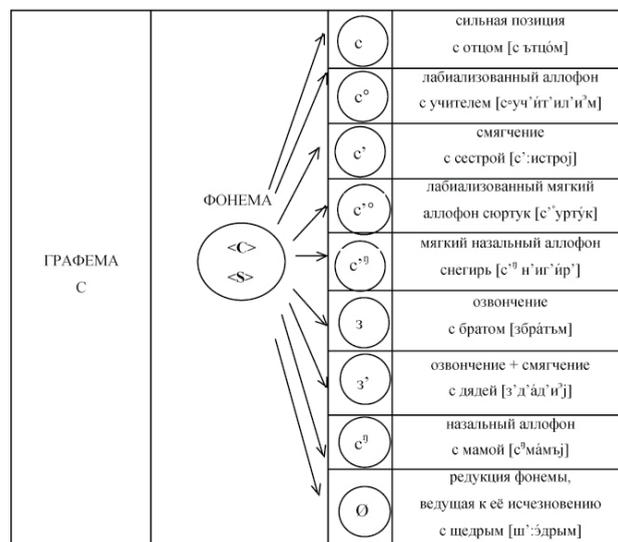
Способ образования	Место образования				
	Губные		Переднеязычные		Заднеязычные
	Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Передненёбные	Задненёбные
Смычные	<п> <б>		<т> <д>		<к> <г>
Смычно-щелевые (аффрикаты)			<ц>	<ч'>	
Щелевые		<ф> <в>	<с> <з>	<ш> <ж> <шч'> <ж'>	<х>
Носовые	<м>		<н>		
Боковые			<л>		
Дрожание				<р>	

На основании выделенного фонемного состава предлагаем введение в терминологический оборот понятия лингвистический кластер, который может быть использован для описания каждого языкового яруса, в данном случае фонологического.

Под кластером нами понимается объединение в подсистему нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная гиперединица, обладающая определёнными характеристиками и функцией. Ниже приведены примеры понимания объединения аллофонов фонемы <с> в кластер.

Схема 2

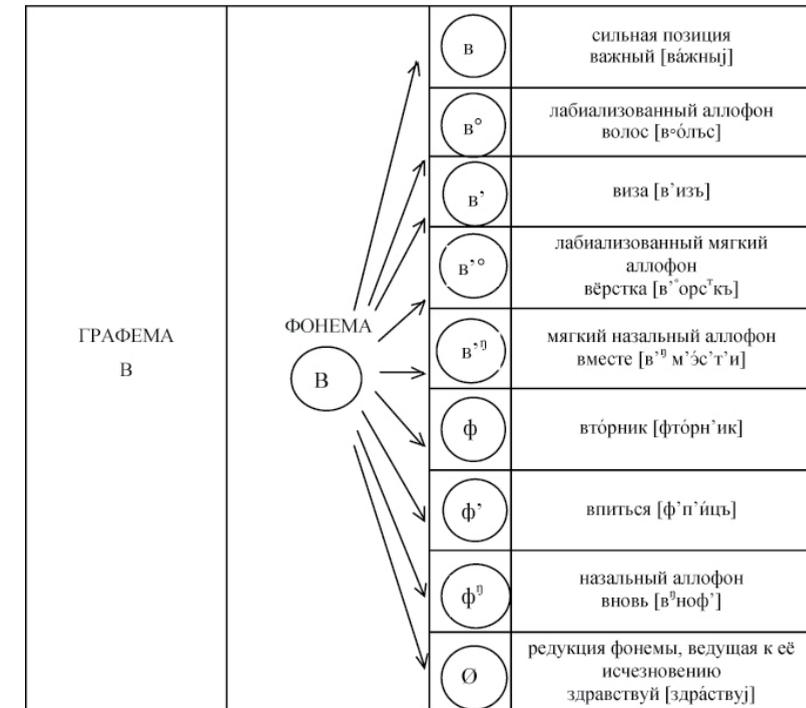
Кластерная реализация фонемы <с> в русском языке

Или, например, фонема <в>.

Схема 3

Кластерная реализация фонемы <в> в русском языке

Результат редукции, коартикуляции и ассимиляции проявляется в основном внутри слоговых комплексов, в меньшей степени на стыках слогов и в ещё меньшей степени (но всё ещё заметной) на стыках слов внутри синтагмы.

Вышеприведённые примеры (схемы 2, 3) представляют кластерное функциональное описание фонемы, обозначенное девятью позициями. Функционирование аллофонов других фонем может составлять иной комбинаторный вариант и исчисление.

Следующим этапом разработки фонемного кластера является подобное описание аллофонов Я₁. Для определения трудностей, которые могут возникнуть, например, в русской речи корейцев (РРК), необходимо рассмотреть систему согласных фонем корейского языка. В ней отмечается наличие трех рядов взрывных согласных, которые в конце слога нейтрализуются, а также «двуликкой» фонемой <л/г>. В таблице 2 представлена система согласных фонем корейского языка.

В таблице 2 знак «²» согласно международному фонетическому алфавиту обозначает напряжённость звука.

Таблица 2

Система согласных фонем корейского языка

Способ образования		Место образования				
		Губно-губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Фарингальные
Взрывные	Слабые	ㅂ <p>	ㅈ <t>		ㅋ <k>	
	Сильные	ㅃ <p ² >	ㅉ <t ² >		ㅋ <k ² >	
	Придыхательные	ㅃ <p ^h >	ㅉ <t ^h >		ㅋ <k ^h >	
Аффрикаты	Слабые			ㅈ <ts>		
	Сильные			ㅉ <ts ² >		
	Придыхательные			ㅉ <ts ^h >		
Щелевые	Слабые		ㅅ <s>			ㅎ
	Сильные		ㅆ <s ² >			<h>
Сонорные		ㅁ <m>	ㄴ <n>		ㅇ <ŋ>	
Дрожачий			ㄹ <l>			
Полугласные		<w>		<j>		

Сопоставляя систему согласных фонем русского и корейского языков, мы опираемся на исследования корейских лингвистов (Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван), описавших фонологические явления в книге «Корейский язык: история и состояние» (2005). В системе согласных корейского языка представлено 19 согласных фонем и 2 полугласные.

В русском и корейском языках существенны различия по образованию губных. Так, в русском языке имеется разделение губных согласных на губно-губные и губно-зубные, а для корейского языка губно-зубная артикуляция не характерна (отсутствуют фонемы <в>, <ф>).

В корейском языке нет противопоставления по глухости-звонкости, но существует противопоставление трёх рядов взрывных согласных и аффрикат: слабых, придыхательных и сильных. Корейские фонемы в этих рядах являются самостоятельными, «в позиции между гласными или сонорными и гласными звуками глухие согласные озвончаются, звонкие согласные выступают как аллофоны аффрикат и взрывных. Они не являются самостоятельными фонемами, поэтому озвончение в корейском языке не имеет смысловозначительной функции» [Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван 2005: 15].

Корейские согласные щелевые фонемы делятся по степени напряжённости на сильные и слабые. В отличие от русского языка, в котором представлено 14

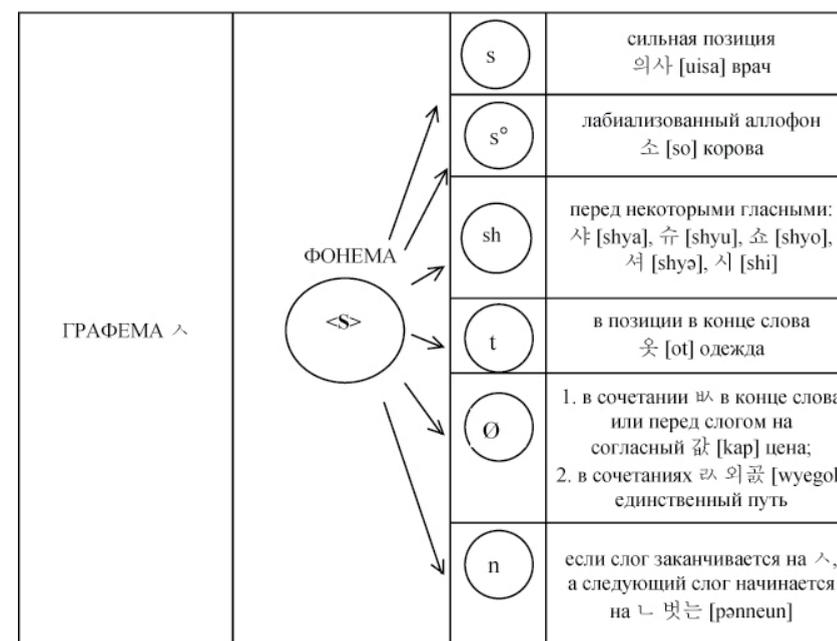
щелевых фонем, в корейском – только 2. В начальной позиции корейский слабый щелевой согласный <s> произносится с сильной аспирацией, в интервокальной позиции аспирация почти исчезает, в отличие от других слабых <s> не озвончается и всегда произносится как глухой, в корейском языке нет фонемы <з>.

В русском языке отсутствует такая фонема как заднеязычный сонорный <ŋ>. Говоря о «двуликной» фонеме <l/r> необходимо отметить, что в корейском в интервокальной позиции реализуется фонема <r>, а в конечной позиции <l>. Эти два звука не противопоставлены друг другу как самостоятельные фонемы, а являются аллофонами, вот почему корейцы их не различают.

Рассмотрим кластерную реализацию фонемы <s> в корейском языке.

Схема 4

Кластерная реализация фонемы <s> в корейском языке

Таким образом, кластерная реализация фонемы <s> в корейском языке наглядно представляет иной фонемный кластер, состоящий из 6 аллофонов.

Сопоставительный анализ русского и корейского языков на примере двух пар фонем показал, что в Я₁ отсутствует фонема <в>, но есть полугласная фонема <w>, которая по артикуляции и звучанию не совпадает с русской фонемой.

Опираясь на модель функционирования коры головного мозга, предполагающую усвоение нового и уже имеющегося знания индивидуума, согласно центрам распределения «нового» и «старого» опыта, предлагаем использовать расположение учебного билингвального материала, распределяя в левой части листа первичные сведения о лингвистической системе, а в правой – инструктивный материал изучаемого языка.

Таким образом, в левой части будут базироваться фонологические (а в дальнейшем и другие) сведения Я₁, а в правой Я₂. Целесообразность использования подобного метода очевидна и даёт не только опору на уже имеющиеся лингвистические сведения Я₁, но и его интенсивную активацию, что повышает знания Я₁ и способствует эффективному усвоению Я₂. Опора на родной язык превращается в мотивационный и стимулирующий фактор.

Например:

Таблица 3

Сопоставительный анализ фонем <с> и <в> в русском и корейском языках

Корейский язык (Я ₁)	Русский язык (Я ₂)
<с> – слабый, переднеязычный, щелевой согласный. При образовании этого звука кончик языка касается нижних зубов, края языка прижимаются к боковым зубам и части твёрдого нёба [8].	<с> – глухой, переднеязычный, зубной, щелевой согласный. При произнесении твёрдого согласного [с] кончик языка опущен и прижат к основанию нижних зубов. Передняя часть спинки языка приближается к верхним зубам, но не касается их. Края языка прижаты к верхним боковым зубам так, что посередине образуется круглая щель между языком и верхними зубами, которая направляется вниз на край нижних зубов. Воздушная струя, проходя через эту щель, разбивается о край нижних зубов, создавая «свистящий» шум. При произнесении глухого [с] воздушная струя сильнее и продолжительнее, чем при произнесении звонкого [з] [Варламова 2001: 32].
отсутствие единицы	<в> – звонкий, губно-зубной, щелевой. При произнесении звука [в] губы слегка растянуты в стороны, нижняя губа касается верхних зубов, образуя узкую щель. Язык оттянут немного назад. Воздушная струя проходит в щель между нижней губой и верхними зубами [Варламова 2001: 29].

Для дальнейшей работы, нам необходимо рассмотреть взаимодействие аллофонов корейского и русского языков и появление фоноферентов в русской речи корейцев.

Таблица 4

Взаимодействие аллофонов корейского и русского языков

Корейский язык (Я ₁)	Русский язык (Я ₂)
[s]	[c]
[s ^o]	[c ^o]
[sh]	-
[t]	-
[n]	-
[∅]	[∅]
-	[c ^ʰ]
-	[c ^{ʰo}]
-	[c ^{ʰn}]
-	[з]
-	[з ^ʰ]
-	[c ⁿ]

Следующий этап связан с определением в речи говорящего на Я₁ типичных ошибок, которые по прогнозу должны появляться в результате несовпадения фонологических реализаций аллофонов в контактируемых языках.

Зная интерференционную базу, мы можем вычислить трудности и акцентировать на них внимание.

Корейские учащиеся делают следующие фонологические ошибки (фоноференты) при произнесении фонемы <с>:

- смешение аффрикат [ц], [ч^ʰ] и щелевых [с], [с^ʰ]: отец[с] (отец), какая [с] ена (цена);
- смешение зубных щелевых [с], [с^ʰ] и передненёбных [ш:ʰ]: приглас[ш:ʰ]ила (пригласила), проснул[ш:ʰ]а (проснулся), но[ш:ʰ]ит (носит), [с^ʰ]естьсот рублей (шестьсот рублей).

Анализ примеров раскрывает межъязыковые особенности контактирующих систем (Я₁ на Я₂).

В следствие отсутствия фонемы <в> в корейском языке, зафиксированы следующие типичные ошибки в РРК:

- смешение смычных [б], [б^ʰ], [п], [п^ʰ] и щелевых согласных [в], [в^ʰ], [ф], [ф^ʰ]: толсто[п]ка (толстовка);
- недифференцированность мягкого аллофона [в^ʰ] перед гласными и её произнесение как корейской неогублённой полугласной [w].

Билингвальная модель обучения предъявляет особые требования к используемым автоматизированным средствам обучения. Это обусловлено, в первую очередь, возможностью выделения интерферентов, являющейся промежуточной компетенцией.

Таким образом, компьютерные средства, поддерживающие билингвальную модель обучения, должны обладать следующими свойствами:

- обеспечивать построение многоярусной модели с учётом фоноферентов;
- обеспечивать возможность динамического описания интерферентов, в частности описание фонемно-аллофонного корпуса и описание правил буквенно-аллофонных преобразований;
- обеспечивать возможность независимой оценки обучающегося.

Кластерная аллофонная модель, описанная выше, может быть использована при создании фонологических тренажеров (ФТ) в билингвальных системах обучения.

Литература

- Варламова И.Ю.* Вводно-фонетический курс русского языка для студентов-иностранцев: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 72 с.
- Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы языкознания. – 2009. – №2 (10). – С. 10-17.
- Ли Иксон, Ли Санок, Чхэ Ван* Корейский язык: История и современное состояние / пер. с кор. В.Д. Аткина, Первое марта, 2005. – 484 с.
- Рогозная Н.Н.* Теоретические основы языковых контактов // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 2 (85), С. 306-312.
- Уфимцева Н.В.* Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С. 129-132.

PSYCHOLINGUISTIC DESCRIPTION AND DEVELOPMENT OF THE PHONOLOGIC TRAINING MODEL

Rogoznaya Nina Nikolaevna,

Head of the Russian Language and Intercultural Communication Department,
Irkutsk National Research Technical University,
e-mail: G09@istu.edu,

Khlamov Evgeny Vladimirovich,

associate professor, Institute of education development of the Irkutsk region
(IED),
evhlam@mail.ru.

Zamanstanchuk Daria Eduardovna,

Postgraduate Student, Irkutsk National Research Technical University,
e-mail: daria.smagina@gmail.com,

The article deals with the psycholinguistic and linguistic description of phonological simulator development. The research describes linguistic models for developing educational software. The subject of research is a linguistic model as a prototype of the computer phonological simulator. The purpose of research is to describe a phonological cluster for developing a computer bilingual training model as a phonological simulator.

The study uses phonological, psycholinguistic, comparative, and analytical methods. The article describes the methods for developing a phonological bilingual simulator based on the cluster description of a phoneme as a functional unit of sound. The term “linguistic cluster” introduced on the basis of a detailed phonemic structure can be used to describe any linguistic level, including phonological one. The bilingual teaching model imposes special requirements to computer-aided training tools due to the possibility to emphasize the interferences which are part and parcel of the intermediate competency. The results of cluster description can be taken as a basis for developing linguistic computer simulators for all linguistic levels.

Keywords: dvuiazychie, bilingualism, consonant system L₁ and L₂, phonological corpus description, phonological simulator, phoneme, allophone, cluster, bilingual phonological model. References

References

- Varlamova I.Yu.* Vodno-foneticheskiy kurs russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev [Introductory phonetic course of Russian language for foreign students]: teaching aid. – Moscow, RUDN Publ., 2001. p. 72.
- Zalevskaya A.A.* Voprosy psikholingvisticheskoy teorii dvuyazychiya [The questions of bilingualism psycholinguistic theory] // Voprosy yazykoznaniiya – [Topics in the study of language], 2009, no. 2 (10). pp. 10-17.
- Li Iksop, Li Sanok, Chkhe Van* Koreyskiy yazyk: Istoriya i sovremennoe sostoyanie [The Korean language: history and present state] / translate from kor. V.D. Atkin, The first of March Publ., 2005. p. 484.
- Rogoznaya N.N.* Teoreticheskie osnovy yazykovykh kontaktov [Theoretical bases of language contacts] // Vestnik IrGTU – [The messenger of ISTU]. – 2014, no. 2 (85), pp. 306-312.
- Ufimtseva N.V.* Etnicheskiy yazyk v usloviyakh kul'turnoy i yazykovoy polifonii [Ethnic language in conditions of the cultural and language polyphony] // Filologiya i kul'tura – [Philology and culture], 2012, no. 2 (28), pp. 129-132.

УДК 81'23

ТОЛЕРАНТНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ¹

Романова Татьяна Владимировна

профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 310
e-mail: tromanova@hse.ru

Малафеев Алексей Юрьевич

доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 306
e-mail: aumalafeev@hse.ru

Данная статья посвящена оценочной интерпретации понятия толерантность через призму своё/чужое в русском национальном сознании. Проблема рассматривается в лингвистическом аспекте: лексико-семантическом, лингвокультурологическом (коммуникативном), когнитивном – с точки зрения синхронии и диахронии. Вопрос о соотношении понятий толерантность – терпимость – терпение является дискуссионным и для современных гуманитарных наук. Толерантность руководствуется противопоставлением «свой – чужой», а не категориями терпимости «хорошо-плохо». Для системы культурных ценностей русской нации характерны как терпимость, так и терпение. Основной эмпирической базой исследования стали тексты современной исповедальной мемуарной прозы (мемуары, дневники, письма, записки и др.) российской интеллигенции. Проанализировано более 17,5 тыс. страниц печатного текста, из них – 11 тыс. страниц основного текста, 6,5 тыс. страниц дополнительного текста. Общий корпус примеров, полученных методом частичной выборки, составил 7 тыс. текстовых фрагментов и 10 полных завершённых авторских текстов. Данные исповедальной прозы свидетельствуют о национальной маркированности концепта ТЕРПЕНИЕ (антонимичным коннотативным знаком: как «+», так и «-») и о национальной немаркированности концепта ТЕРПИМОСТЬ. Смирение и терпение оценивается отрицательно, как черты, подавляющие волевые качества человека. для характеристики ментального восприятия чрезвычайно важным является оценочный аспект толерантности. Нами был собран специальный мини-корпус текстов о толерантности, состоящий из 86 текстов общим размером 585167 символов (1.01 МБ), 73952 словоупотребления и 16718 уникальных словоформ. Анализ корпуса позволил выявить особенности восприятия толерантности пользователями Интернет. Кроме того, были выделены семь наиболее часто критикуемых аспектов толерантности.

Ключевые слова: толерантность, ментальность, социальный регулятив.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)».

1. Введение

В условиях мультикультурного и полиэтничного общества действуют две тенденции: тенденция к глобализации и тенденция к этнической и культурной идентификации. В данной ситуации общество нуждается в выработке социальных регулятивов. В качестве такого регулятора межличностных и социальных отношений обществу предлагается *толерантность*, закрепившаяся в человеческом сознании, в первую очередь, как маркер свободы, демократии и гражданского общества. Но, как показывает социальная и политическая практика, данный регулятив воспринимается обществом неоднозначно. В результате наблюдаются прямо противоположные тенденции: когда, с одной стороны, интолерантность выливается в её крайнюю форму – экстремизм, а, с другой стороны, чрезмерная актуализация толерантности как принципа жизни граничит с абсурдностью. Данная статья посвящена оценочной интерпретации понятия *толерантность* через призму своё/ чужое в русском национальном сознании. Мы будем рассматривать проблему в лингвистическом аспекте: лексико-семантическом, лингвокультурологическом (коммуникативном), когнитивном.

2. Лексико-семантический анализ

Начнём с лексико-семантического анализа. О.А. Михайлова указывает на то, что лексическая единица *толерантность* не зафиксирована ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в других толковых словарях XVIII-XIX веков, то есть слово *толерантность* в его «ментальном», а не «биологическом, медицинском» значении является недавним заимствованием [Михайлова 2005: 101]. Прилагательное *толерантный* зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [Ушаков 1940, т.4: 458], а существительное *толерантность* - в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС, 1950-1965) и в «Словаре иностранных слов» со значением 'терпимость, снисходительность к кому-, чему-либо' [Крысин 1998: 701]. Указано, что этимология слова восходит к латинскому языку, где *tolerantia* означает 'терпение', а глагол *tolero* переводится как 'нести, держать, терпеть', что слово русским языком заимствовано из английского языка [там же: 701].

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой слово зафиксировано в парадигме синонимов к слову *снисходительность* и отмечено как стилистически маркированное («книжное») [Александрова 1971: 499]. Лишь в конце XX века, а точнее в конце 80-ых годов, слово *толерантность* активно вошло в русский язык и получило широкое распространение. Как политический термин слово впервые было употреблено предположительно в 1983 году [Большая актуальная политическая энциклопедия 2009: 242], но как научный термин естественных, математических, технических наук был заимствован раньше.

Если дефиниция толерантности в естественных, математических, технических науках актуализирует сему 'устойчивость' (например, в медицинской литературе толерантность – это «способность организма переносить воздействие определенного лекарственного вещества или яда без развития соответствующего терапевтического или токсического эффекта» [Энциклопедический словарь медицинских терминов 1983, т.2: 1214]), то в гуманитарных науках - сему 'терпимость', что связано с этимологией слова.

Профессор Стернин И.А. предполагает, что соответствующее понятие до недавнего времени не существовало в русской концептосфере. «Оно только начинает формироваться в русском сознании и заполнило собой в языке мотивированную лакуну» [Стернин, Шилихина 2005: 5]. О.А. Михайлова, напротив, считает, что отсутствие в русском языке слова *толерантность* ещё не говорит об отсутствии понятия [Михайлова 2005]. Распространено мнение, что русскими философами толерантность не признавалась как специфическая черта национального самосознания, а идея толерантности не пользовалась в России популярностью, хотя и отождествлялась с такими христианскими заповедями, как «Возлюби ближнего твоего» (Евангелие от Марка 12:31) [Новый завет и псалтырь 1992: 54], «Не противься злему» (Евангелие от Матфея 5:39) [там же: 5].

3. Вопросы толерантности в русской философии

Для ранних русских религиозных философов, т.н. славянофилов (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин), толерантность не была, конечно, привычной категорией. Однако ими были затронуты некоторые вопросы, так или иначе связанные с проблемой толерантности. Так, А.С. Хомяков писал в своей статье «Мнение иностранцев о России»: «Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе Европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут: мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность. Поэтому полной любви и братства мы ожидать не можем, но мы могли бы и должны ожидать уважения.» [<http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/mnenie-inostrancev-o-rossii.htm>] Очевидно, что А.С. Хомяков, не употребляя слова *толерантность*, говорит о проблеме интолерантного, нетерпимого отношения представителей одних народов к другим (в данном случае европейцев к русским). Интолерантность в данном случае вербализована как *недоброжелательство и непризнание наших прав заслуженными* (другой «синоним» современному термину «интолерантность» в этой же статье: *враждебные чувства*). Противоположное, толерантное отношение к другой нации определено в приведенном отрывке как *уважение*. При этом философ предостерегает от «чрезмерной толерантности»: «Принимая все без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление Западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга Немецких философов и Французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть с полу-сомнением спросить у Запада, все ли то правда, что он говорит? все ли то прекрасно, что он делает?» [там же].

Эту идею продуктивно развивал Ф. Достоевский в «Дневнике писателя». Прочитируем некоторые фрагменты «Дневника...»:

«А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, - я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея —

объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Как же быть?»

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина, нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будем с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слышали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, - единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...

А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но — слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...» [Достоевский: 375-376].

По поводу национального и общечеловеческого Ф. Достоевский писал в 1862 году следующее: «Ведь тогда только и можем мы хлопотать об общечеловеческом, когда разовьём в себе национальное <...> Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного только изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто общечеловеческий интерес. Прежде чем хлопотать об ограничении интересов всего человечества во всём мире, - нужно стараться оградить их у себя дома. А то может случиться, что за всё возьмёмся и нигде не успеем. Говоря, впрочем, о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем ту истинную национальность, которая всегда действует в интересах всех народов. Судьба распределила между ними задачи: развить ту или другую сторону общего человека... только тогда человечество и совершит полный цикл своего развития, когда каждый народ, применительно к условиям своего материального состояния, исполнит свою задачу. Резких различий в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит один общечеловеческий идеал, только оттенённый местными красками. Поэтому между народами никогда не может быть

антагонизма, если бы каждый из них понимал истинные свои интересы. В том-то и беда, что такое понимание чрезвычайно редко, и народы ищут своей славы только в пустом первенстве перед своими соседями» [Достоевский: 167].

Как отмечает Е.С. Сумина, «развитием и освещением идеи толерантности в русской философской картине мира мы обязаны Н.А. Бердяеву, Н.Я. Данилевскому, И.А. Ильину, А.С. Хомякову и другим философам. Особо значимыми в концепции толерантности являются труды В.С. Соловьева» [Сумина 2014]. Так, В.С. Соловьев в пятой главе («О добродетелях») своего знаменитого труда «Оправдание добра» пишет о *терпеливости* и *терпимости*: «Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием, или духовным мужеством. Тут почти вся разница исчерпывается субъективными оттенками, не допускающими твердых разграничений. Смотря на одного и того же человека, спокойно переносящего бедствия или мучения, один назовет его великодушным, другой – терпеливым, третий – мужественным, четвертый увидит здесь пример особой добродетели – невозмутимости <...> Особая разновидность терпеливости есть качество <...> терпимости. Так называется допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям. И это свойство и отношение не есть само по себе ни добродетель, ни порок, а может быть в различных случаях тем или другим, смотря по предмету (наприм., торжествующее злодеяние сильного над слабым не должно быть терпимо, и потому «терпимость» к нему не добродетельна, а безнравственна), главным же образом – смотря по внутренним мотивам, каковыми могут быть здесь и великодушие, и малодушие, и уважение к правам других, и пренебрежение к их благу, и глубокая уверенность в побеждающей силе высшей истины, и равнодушие к этой истине» [<http://www.vehi.net/soloviev/oprav/05.html>]. Из приведенного отрывка видно, что *терпимость*, по Соловьеву, ближе к современному понятию «толерантности», чем *терпеливость*. Характерно, что мыслитель не относит *терпимость* ни к порокам, ни к добродетелям.

Терпимое, доброжелательное отношение к ближнему, даже если он является носителем других взглядов и/или доставляет нам те или иные неудобства, является одним из главных требований христианского вероучения. Проиллюстрируем сказанное на одном показательном примере. Свт. Игнатий Брянчанинов, один из авторитетнейших духовных писателей Русской православной церкви, живший в 19 в., рассуждал в одном из своих писем: «Кто святее Апостолов? Но мы читаем в Деяниях, что между апостолами Варнавою и Павлом произошла распря, а за распрю – и разлучение. Без всякого сомнения, это обстоятельство сказано нам Писанием с тою целию, чтоб мы, немощные, были осторожны, не увлекались мнимою ревностью, но носили тяготы друг друга. *Тако исполните закон Христов! Понеси убо мои немощи; а я постараюсь понести твои, как доселе старался. Конечно, ты не скажешь, что ты без немощей. Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя. Если б тяготы были без тягости, то ношение их не имело бы никакой цены, не было бы причин заповедать оно. Но цена взаимного ношения немощей столь велика, что Писание заключило в нем исполнение закона Христова, Иже понес на Себе грехи всего мира» [Брянчанинов 2007, т.7: 326]. Таким образом, если понимать толерантность как заповеданное апостолом *ношение тягот друг друга*,*

то, с христианской точки зрения, она становится настолько важной добродетелью, что ее исполнение приравнивается к *исполнению закона Христова*.

Важно отметить, что в этой связи нам представляется необоснованной критика христианского смирения и терпения как «пассивности», препятствующей проявлению активной, деятельной толерантности. Например, И.Ю. Воробцова, говоря о взглядах И.В. Киреевского, утверждает, что «[смирение] ограничивало живое взаимодействие и, соответственно, проявление толерантности» [Воробцова 2008: 582]. Однако смирение, как и *ношение тягот, немощей* – т.е. терпение недостатков, неосуждение – ближнего, сопряжено с трудом, напряженной внутренней работой, и поэтому вполне оправданно может считаться активной деятельностью. Более того, эта деятельность бывает направлена не только внутрь себя, но и во внешний мир, поскольку христианство требует от человека деятельной любви к ближнему, выражающейся в добрых делах по отношению к нему, даже если он является врагом.

4. Толерантность – терпимость – терпение

Вопрос о соотношении понятий толерантность – терпимость – терпение является дискуссионным и для современных гуманитарных наук. Так, авторы монографии «Коммуникативные аспекты толерантности» предлагают рассматривать толерантность с лингвокультурологической точки зрения как часть культурного концепта, а именно, как ядро лингвокультурного поля, в которое, кроме прочего, входят слова, связанные на ассоциативном и семантическом уровне с *терпимостью, терпением и ненасилием* [Стернин, Шилихина 2000]. Итак, в качестве синонимического ряда предлагается следующее: *толерантность-терпимость-терпение*. Оценка приведенных слов как синонимов весьма неоднозначна. Так, к примеру, синонимами слова *терпимость*, с одной стороны, являются слова *снисходительность, милость, доброжелательность, милосердие, либеральность* [Александрова 1971: 499], с другой – *невзыскательность, нетребовательность* [<http://slova.zkir.ru/dict/терпимость>]. Понимание терпимости как терпимого отношения к слабостям и недостаткам другого двойственно. С одной стороны, терпимость к чужому мнению (положительное с точки зрения общества поведение), а с другой стороны – терпимость к беспорядкам и нарушениям норм общественной морали (отрицательное явление).

Согласно словарям, «терпимость – *свойство, умение терпимо относиться к чему-н., терпеть что-н. Религиозная т. Т. к чужим мнениям*» (Толковый словарь... 1996, т. IV: 692); «способность мириться с чем – кем-либо (терпимое отношение)» [Большой... русских существительных 2005: 200]. С одной стороны, терпимость – это свойство, качество, а с другой – отношение. Говоря о терпимости как о свойстве души, И.А. Стернин и К.М. Шилихина рассматривают её как психологическую черту личности и ставят её в один ряд с такими высокими душевными качествами, как великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость и готовность помочь. По мнению исследователей, перечисленные личностные качества являются составляющими «русской идеи», которая, в свою очередь, предполагает такие концептуальные признаки, как сочувствие и доброта.

В.В. Колесов пишет: «Личное русское самосознание никогда не выходит за пределы коллективного... Принципиально многонациональная государственность выработала в русском человеке т е р п и м о с т ь к другим обычаям и нравам; русский человек – не националист и не расист» [Колесов 1991: 107, 110-111].

С понятием русского национального типа Достоевский связывает «затаенное глубоко внутреннее неуважение к себе» [Достоевский: 247], поскольку этот тип – идеалист. Писатель предполагает в национальном идеале *милосердие, всепрощение, широкость взгляда*. Именно это качество, как считает Достоевский, обуславливает развитие славянской идеи на национальной почве, позволяет уважать свои и чужие убеждения.²

Ясно, что между понятиями *толерантность* и *терпимость* не стоит ставить знак равенства. Толерантность подразумевает активное отношение к «другому», необходимо учитывать такой концептуальный признак, как поведенческий аспект толерантности. Толерантность предполагает умение находить согласие с людьми других мнений, убеждений, национальностей, социальных слоёв, политических взглядов. По той же причине (отсутствие активного субъекта) толерантность нельзя отождествлять с «ненасилием». Ненасилие означает в первую очередь «отказ от принуждения, притеснения», то есть не подразумевает признак 'деятельность'.

Толерантность – это «взгляд на мир без устойчивых негативных эмоций и оценок» [Стернин, Шилихина 2000: 5-6]. Толерантность руководствуется противопоставлением «свой – чужой», а не категориями терпимости «хорошо-плохо». Толерантное поведение основывается на принципе: «никто не может быть судьёй в вопросах добра и зла». Она «не предполагает обязательного разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своём сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме...» [там же: 16].

Терпение, согласно словарю, «1. *Действие и состояние* по глаг. терпеть в 1 знач.; способность терпеть, сила, напряжение, с к-рым кто-н. терпит что-н. 2. *Состояние* по глаг. терпеть в 2 знач. настойчивость, упорство в каком-н. деле в ожидании результатов, перемены («Толковый словарь...» 1996, т. IV: 692). Терпение подразумевает благодушное перенесение всех бед, скорбей и несчастий, неизбежных в жизни почти каждого человека.

Для системы культурных ценностей русской нации характерны как терпимость, так и терпение. В религиозных текстах терпение понимается как добродетель: «не противься злему» (Евангелие от Матфея 5:39) [Новый завет и псалтырь 1992: 5]. Терпимость и терпение являются признаками кротости и смирения, укрощения в себе гордыни. «Бог гордым противиться, а смиренным даёт благодать» (Соборное послание Святого Апостола Иакова 4:6) [там же: 171].

² Ср. также: «Русская культура уже по одному тому, что она включает в свой состав культуры десятка других народов и издавна была связана с соседними культурами Скандинавии, Византии, южных и западных славян, Германии, Италии, народов Востока и Кавказа, - культура универсальная и терпимая (выделено нами – Т.Р.) к культурам других народов. Эту последнюю черту четко охарактеризовал Достоевский в своей знаменитой речи на Пушкинских торжествах. Но русская культура еще и потому европейская, что она всегда в своей глубочайшей основе была предана идее свободы личности» [Лихачев 1990: 3].

5. Анализ исповедальной прозы

В качестве примера того, как данные понятия (терпимость/терпение) осмысливаются национальным сознанием, обратимся к текстам исповедальной мемуарной прозы российской творческой интеллигенции³.

Основной эмпирической базой исследования стали тексты современной исповедальной мемуарной прозы (мемуары, дневники, письма, записки и др.) российской интеллигенции. Проанализировано более 17,5 тыс. страниц печатного текста, из них – 11 тыс. страниц основного текста, 6,5 тыс. страниц дополнительного текста. Общий корпус примеров, полученных методом частичной выборки, составил 7 тыс. текстовых фрагментов и 10 полных завершённых авторских текстов.

Если говорить о том, как понятия терпимость/терпение представлены в современном российском менталитете, то можно в качестве примера привести текст А. Кончаловского⁴. См. также статью А. Солженицына⁵ (*терпение = сила воли, не терпеть, а действовать*) Ср. также значение русской ФЕ «*лопнуло терпение*», а также *терпимость – свобода мнений* [Глазунов 1996, №3: 241].

Данные исповедальной прозы свидетельствуют о национальной маркированности концепта ТЕРПЕНИЕ (антонимичным коннотативным знаком: как «+»), так и («-») и о национальной немаркированности концепта ТЕРПИМОСТЬ. *Смир-*

³ Здесь мы используем данные нашего диссертационного исследования [Романова 2004].

Взаимоотношения двух семей в «Стыдливых людях» – это, грубо говоря, метафора двух государственных устройств – России и Америки. Нью-Йоркская семья – модель США, где члены семьи друг друга уважают, но не любят. А семья из Луизианы – модель России, где люди друг друга не уважают, но любят и ненавидят. Луизианская семья имела своего Сталина – отца, который то ли умер, то ли жив – призрак его витает над болотами. В этой семье были свои диссиденты, своя Чехословакия, свое подавление восстания. Все как в социалистическом лагере.

⁴ В «Стыдливых людях» меня занимала проблема дуализма любви и свободы. Как они соотносятся? Я начал сомневаться в том, что можно любить и быть свободным. А если свобода без любви или любовь без свободы, тогда что лучше? У каждого свой выбор, но каждый должен понимать, чем он жертвует.

⁵ Я делал картину о взаимоотношениях, принятых в разных культурах, о необходимости взаимной терпимости. Демократия – это прежде всего терпимость. Терпимость, думаю, чуждое России понятие. Терпение – да! Терпимость – нет... [Кончаловский 1999: 208].

Очень утешало меня в эти месяцы ежедневное чтение русских пословиц, как молитвенника. Сперва:

- Печаль не уморит, а с ног собьет.

- Этой беды не заспишь.

- Судьба придет – по рукам свяжет.

- Пора – что гора: скатисься, так оглянисься.

(Это об ошибках моих, когда я был взнесен – и зевал, смиренничал, терял возможности...). Потом:

- От беды не в петлю головой.

- Мы с печалью, а Бог с милостью.

- Все минется, одна правда останется!

Последняя утешала особенно, только неясно было: а как же мне этой правде помочь? Ведь

- Кручиной моря не передеешь.

И такая с прямым намеком:

- Один со страху помер, а другой ожил.

И еще загадочная:

- Пришла беда – не брезгуй и ею.

Получалось, что надо мне «от страха ожить». Подумалось, что беду свою надо использовать на благо. И даже, может быть, на торжество? Но – как? Но – как? Шифр неба оставался неразгадан [Солженицын 1991, № 6: 86].

ние и терпение оценивается отрицательно, как черты, подавляющие волевые качества человека. Ср.:

Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей – и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича – и Кремль наш древний со шиворотой, в ней засевишей, задавило бы, захоронило бы вместе со зверующей бандой по самые звезды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко, с шипом воняли в валенки. И дождались!

Окрепла кремлевская клика, подкормилась пробной кровью красная шпана и начала расправу над безропотным народом размашисто, вольно, безнаказанно [Астафьев 1992: 14].

Ныне известно, каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучения и смерть. Они позволяли с собой делать все, что хотела делать с ними куражливая от крови осатаневшая власть. По дури, по норову она иной раз превосходила свое хотение, устраивала такие дикие расправы над своим народом, что даже фашисты завидовали ей...

...Возле Ашхабада велась раскопки древнего городища, столицы Фирюзанского государства. Здесь жил большой, трудолюбивый народ, превративший свою землю в сад, жизнь – в сытое, мирное довольство, в то самое благоденствие, ради которого российские комиссары не жалели пуль и крови. На это государство нахлынуло монгольское войско. На долю каждого воина-завоевателя вырубить пришлось человек пятьсот-шестьсот. Уставши рубить, воин отдыхал, ел, пил, забавлялся женщинами и снова рубил. Фирюзанский народ покорно шел к своему палачу, выстраивался в очередь, подставлял головы.

В 1941 году попавшие в окружение советские воины, сложив оружие в указанном месте, бесконечной серой вереницей шли по дорогам. К вечеру движение замирало, немцы обносили толпу заранее приготовленной ниткой колбочей проволоки, прикрепленной к стандартным колышкам, строго наказывали, что ежели кто шагнет за огороду, того будут стрелять, и спокойно шли пить свой кофе, инакс, ночевать без забот, заранее зная – редко кто решиться на побег. Поскольку пленные были сплошь почти рядовые, а рядовых от века поставляла деревня, то вот она, на колени поставленная советской властью, забитая, запуганная, тупая масса крестьян, и оказалась так хорошо подготовленной для тяжелой доли пленного, нисколь, впрочем, не горше доли тех, кто томился и умирал той же порой в советских концлагерях. [там же: 16-17].

6. Корпусный метод

Как показывают приведённые выше наблюдения, для характеристики ментального восприятия чрезвычайно важным является оценочный аспект толерантности. Для констатации современного состояния проблемы нами был собран специальный мини-корпус текстов о толерантности. В него вошли тексты на русском языке, опубликованные в сети Интернет и затрагивающие проблему толерантности. Мы решили создать собственный корпус по той причине, что существующие корпуса русского языка, такие как Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorgo.ru/>], имеют относительно мало вхождений лексемы *толерантность*,

т.е. недостаточно контекстов для анализа. Кроме того, в НКРЯ сфера электронной коммуникации представлена лишь 22 словоупотреблениями *толерантности* в 10 документах. Нам же представляется, что для анализа толерантности с точки зрения национальной ментальности Интернет-общение может быть крайне ценным источником данных, поскольку его участники нередко анонимны и потому более свободны (менее сдержанны) в своих высказываниях и оценках. Наконец, локальный корпус может быть более удобен для обработки, чем НКРЯ, доступный лишь через веб-интерфейс.

Мы создали корпус с рабочим названием «Толерантность-1» при помощи специального программного продукта BootCaT [Baroni и Bernardini 2004], разработанного для автоматического извлечения текстов заданной тематики из сети Интернет. Тематика текстов задается с помощью набора ключевых слов, которые объединяются в сочетания и посылаются в поисковую машину. Извлеченные веб-страницы переводятся в простой текстовый формат, что, в частности, предполагает удаление html-тэгов, и объединяются в корпус.

Мы использовали следующие поисковые запросы для автоматической загрузки текстов: *толерантность, толерантное поведение, толерантность в social media, понятие толерантности, взгляд на толерантность, толерантность в СМИ, понимание толерантности, нетолерантный, толерантный, мнение о толерантности*. При составлении запросов была предпринята попытка повысить вероятность нахождения релевантных текстов, т.е. содержащих обсуждение понятия «толерантность» и выражение того или иного отношения к нему.

Корпус содержит 86 текстов общим размером 585167 символов (1.01 МБ), 73952 словоупотребления и 16718 уникальных словоформ. В него вошли записи в блогах, дискуссии на форумах, научные и энциклопедические статьи и др. Анализ корпуса показал, что выборка текстов является достаточно репрезентативной с точки зрения изучения содержания концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

Перед обработкой корпуса мы осуществили его лемматизацию, т.е. автоматическое приведение всех словоформ в начальную форму, как в следующем примере:

- *обсудил вопросы толерантности и ксенофобии ->*
- *обсуждать вопрос толерантность и ксенофобия*

Лемматизация была произведена с помощью программы Mystem 3.0 [<https://tech.yandex.ru/mystem/>]. Эта программа отличается высокой точностью и часто используется компьютерными лингвистами, занимающимися автоматической обработкой текстов на русском языке. Мы использовали режим автоматического снятия омонимии в контекстах для повышения надежности результатов.

Статистический анализ лемматизированного корпуса, а также анализ коллокаций и контекстов был осуществлен с помощью корпусного менеджера AntConc [Anthony 2004]. В некоторых случаях мы также обращались к оригинальной, т.е. нелемматизированной версии корпуса.

Приведем фрагмент таблицы частотности лемм в корпусе (Таблица 1). Очевидно, что толерантность, ранг 3 (!), относительная частота 0.017, и толерантный, ранг 19, относительная частота 0.005, в данном корпусе действительно являются ключевыми словами. Также мы получили данные о частотности некоторых актуальных производных слов: нетолерантный (40), интолерантность (16), интолерантный (16) и нетолерантность (8).

Таблица 1.

Наиболее частотные леммы; наиболее частотные знаменательные и местоименные слова

Ранг	Абсолютная частота	Лемма	Ранг	Абсолютная частота	Лемма
1	2927	и	3	1230	толерантность
2	2800	в	12	498	человек
3	1230	толерантность	15	422	другой
4	892	не	16	421	который
5	882	с	19	384	толерантный
6	876	к	21	378	свой
7	839	на	22	359	отношение
8	708	что	24	297	терпимость
9	648	как	25	292	поведение
10	561	быть	26	283	они

Анализ контекстов и частотных сочетаний показал, что толерантность воспринимается участниками Интернет-коммуникации в нескольких аспектах:

- как действие, поведение, качество человека – *проявление, проявлять, быть, поведение, отношение, личность, человек, педагог, установка, взаимодействие, черта, добродетель, качество;*
- как предмет изучения (или даже измерения) – *анализ, термин, тип, аспект, вид, исследование, история, концепт, модель, теория, соотноситься, индекс, уровень;*
- как проблема, нечто противоречивое, дискуссионное – *проблема, оценка, рассматривать, защитник, определяться, взгляд, мнение, точка зрения;*
- как нечто, что необходимо формировать, воспитывать – *формирование, воспитание, развитие, урок, навык, процесс формирования, ценность;*
- как нечто, требующее истолкования – *определение, слово, понимание, означать, предполагать, пониматься;*
- как идея, отвлеченное понятие – *понятие, принцип, идея;*
- как наблюдаемое явление – *феномен, явление, становиться.*

Очень специфичен «воспитательно-образовательный» аспект понимания толерантности. Соответствующие смыслы актуализируются в нашем корпусе преимущественно в научных работах по педагогике и психологии, но не в других типах текстов. При этом под толерантностью в этих контекстах часто понимается простая вежливость, терпимость, доброжелательное отношение к другим людям (особенно у школьников). Подобное употребление лексемы толерантность может говорить о том, что ее значение в этих контекстах «смещено», т.е. возможно, она используется как модное слово, маркер соответствия определенному социально-политическому заказу, но не обладает уникальным лексическим значением. С другой стороны, возможно, подобное словоупотребление обусловлено тем, что толерантность в данном случае является относительно более емким словом, включающим в себя семы 'вежливость', 'доброжелательность' и 'терпимость'.

Употребление имен прилагательных в роли согласованного определения позволяет также сделать осторожные выводы об «измерениях» толерантности, т.е. не

только ответить на наивный вопрос «какая она бывает?», но и попытаться классифицировать толерантность по различным признакам:

- направленность: *взаимная, межличностная, межнациональная;*
- сфера: *педагогическая, религиозная, этническая, моральная;*
- качество: *естественная, нравственная, зрелая, конформная;*
- прочее: *всеобщая, сегодняшняя, собственная.*

В Интернет-коммуникации нередко высказываются полярно противоположные мнения о толерантности, в том числе резко отрицательные оценки. Приведем наиболее часто критикуемые аспекты толерантности:

1. «Западность» толерантности, ее противопоставление русским ценностям:

И уже в данном отношении возникают сомнения, в какой степени понятие толерантность органично ценностям и смыслам отечественной традиции, в которой акцент делался на идеи справедливости, милосердия и любви...

На Западе намечается тенденция внести в законодательство такие изменения, вследствие которых поступки людей, считавшиеся преступлениями, начинают рассматриваться как вполне законные.

Я часто и с удовольствием противопоставляю себя тому культу, который сегодня развился на Западе, – культу толерантности.

2. Агрессивное навязывание толерантности:

Нам просто пытаются, грубо говоря, «втюхать» удобную политикам манеру поведения в качестве базовой моральной ценности».

Толерантность очень легко обращается в «тоталерантность».

3. Индифферентный характер толерантности:

Главный концептуальный «механизм» светской толерантности – признание относительности любых идеалов.

Толерантность – это добродетель людей, которые ни во что не верят.

Проявляясь внешне как толерантное, поведение индивидуума по сути может быть связано с конформностью, социальной трусостью, безынициативностью, безразличием или даже пренебрежением к партнеру по взаимодействию.

4. «Лукавство» толерантности, ее опора на двойные стандарты, манипулирование людьми:

Есть ещё одна хитрость. На первый взгляд, требование толерантности обращено ко всем (или почти ко всем), но в действительности терпимыми чаще всего предлагается быть в отношении конкретных социальных явлений и групп людей. Толерантность изначально основана на двойных стандартах.

Современная социологическая толерантность критикуется как форма манипулирования сознанием людей с целью заглушить, прикрыть губительные и чрезвычайно негативные для общества моменты.

5. Размытость понятия:

...это многоликое слово...

Поскольку трактовок её необычайное множество, всегда можно указать критикам на неправильную интерпретацию.

...не только нечеткая очерченность сферы адекватного применения термина, но и крайняя неоднозначность самого смысла этого понятия, его размытость, неопределенность...

6. Стремление исказить существующие ценности:

В нашу с вами эпоху, дорогие читатели, появились такие смысловые конструкции, которые учёные окрестили смешным словом «симулякр» (от лат. simulare – притворяться). Эти профессионально сконструированные привлекательные виртуальные объекты прикидываются тем, чего на самом деле не существует.

Не согласна с теми, кто положительно оценивает слово толерантность, давая определение со смыслом принятие, терпение чего-то там и кого-то... А что, разве в русском языке этих слов нет? с момента его появления не могу понять, зачем оно? Явно для наполнения новым смыслом, а точнее его искажения...

7. Парадоксальность толерантности, ее внутренние противоречия:

...нетерпимость к нетерпимости...

Другой недостаток – необходимость установления минимальных моральных стандартов, серьезное нарушение которых не допускается сообществом; и необходимость защиты сообщества от заговоров и измены – особенно от измены, во главе которой стоят фанатичные и тоталитарные политические движения, стремящиеся к уничтожению свободы и справедливости.

Например, толерантность в области чести будет просто бесчестьем (а не толерантностью), толерантность в области истины – также просто ложью.

7. Заключение

В заключение скажем, что толерантность оценивается неоднозначно не только российским обществом. В современной мировой философии также допускается критика толерантности. Ярким представителем критической мысли является словенский философ Славой Жижек. С. Жижек критикует не собственно толерантность, а её «фальшивую либеральность и мультикультурализм» [Жижек 2007: 9-37]. Критике подвергается, скорее, не понятие и не термин толерантность, а практика реализации понятия в европейских государствах. В интерпретации Жижека толерантность превращается в свою противоположную сущность – нетолерантность – за счёт отчуждения «меня» от «другого», то есть обособления индивида и определенных групп в обществе при строгом соблюдении дистанции с другими индивидами и группами. Философ считает, что «уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства» [Жижек 2005: 110]. Кроме того, по мнению автора, толерантность встает на пути естественного взаимодействия, не допуская возможности конфликта, который со времён античной философии признаётся действенным способом познания («В споре рождается истина»). Толерантность, по мнению философа, отсылает нас к идеальному представлению об обществе, где нет места исключениям. О манипулятивном потенциале понятия *толерантность* пишет член Российской Академии Естественных наук А.В. Рязанов [Рязанов 2007], рассматривающий толерантность как «слово без корня», удобное для манипуляции в силу своей размытой универсальности. А.В. Рязанов основывается, в свою очередь, на трудах российского ученого С.Г. Кара-Мурзы [Кара-Мурза 2005].

Всё сказанное свидетельствует о том, что толерантность – весьма сложное, неопределённое и противоречивое понятие, которое считается одновременно необходимым и невозможным. Быть толерантным означает не только отказываться от предрассудков и ненависти, но нечто гораздо более сложное: отказаться от желания

устранить, уничтожить «чужое» мнение, сохраняя при этом те представления, которые и породили это желание. В этом выражается указанный британским философом Бернардом Уильямсом внутренний парадокс толерантности [Хомяков 2005: 15-16].

Литература

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. <http://slova.zkir.ru/dict/терпимость> (дата обращения 2.03.2015).

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М.: Рус.яз., 1971. – С. 600

Астафьев В. Вечерние раздумья. Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание. // Новый мир. 1992. №3. – С. 6-31.

Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. – М.: Эксмо, 2009. – 412 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Серия «Лингвистика», вып.2. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

Брянчанинов И. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в 8 тт. / сост. О.И. Шафранова, ред. А.Н. Стрижев. Т. 7. М: Паломник, 2007. – 655 с.

Воробцова И.Ю. Философские идеи толерантности в воззрениях славянофилов и западников // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 4. – С. 581–589.

Глазунов И. Россия распятая // Наш современник. 1996. № 1-5; 7, 8, 9.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – 557 с.

Жижек С. Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 156 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.

Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове// Человек в зеркале наук. Л., 1991. С. 106-124.

Кончаловский А. Возвышающий обман. – М.: Коллекция «Совершенно секретно». 1999. – 352 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус.яз, 1998. – 700 с.

Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы филологии. 1990. № 4. – С. 3-7.

Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА*ПРЕСС. 2005. – С. 99-111

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.12.2015).

Новый завет и псалтирь. – Спб.: Северо-западная библейская комиссия «Новая жизнь» – Россия, 1992. – 180 с.

Основные направления деятельности по воспитанию толерантности в молодежной среде в условиях полиэтнического и мультикультурного общества: Учебное пособие/Под редакцией А.А. Сергунина. Нижний Новгород: Центр стратегических

и международных исследований Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, 2007. – 135 с.

Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01-русский язык. – С.Петербург: СПбГУ, 2004. – 418 с.

Рязанов А.В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» // Философия и общество. – Волгоград, 2007. №1(45). – С. 82 - 98.

Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://slova.zkir.ru/dict/терпимость> (дата обращения: 01.02.2015).

Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6-8; 11-12; 1992. №4.

Соловьев Вл.С. Оправдание добра. Глава пятая. О добродетелях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/05.html> (дата обращения: 20.12.2015).

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000. – 135 с.

Сумина Е.С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 03. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14530.htm>.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Сов. энциклопедия.: ОГИЗ, 1935-1940.

Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. проф. Д. Ушакова. М., 1996.

Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России [Электронный ресурс]. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/mnenie-inostrancev-o-rossii.htm> (дата обращения: 20.12.2015).

Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности (Сборник статей под ред. Н. А. Купиной и М. Б. Хомякова). – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 15-25.

Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3 т./ Гл. ред. В.И.Покровский – М.: Советская энциклопедия, 1982 – 1984 гг. – 1591 с.

Anthony L. AntConc: A learner and classroom friendly, multi-platform corpus analysis toolkit // proceedings of IWLeL. 2004. – Pp. 7–13.

Baroni M., Bernardini P. BootCaT: Bootstrapping Corpora and Terms from the Web // LREC., 2004. – Pp. 1313–1316.

TOLERANCE FROM THE NATIONAL MENTALITY VIEWPOINT

Tatiana Vladimirovna Romanova

Professor, Applied Linguistics and Intercultural Communication Department
National Research University Higher School of Economics
603155, Russia, Nizhny Novgorod, 15/12 Bolshaya Pecherskaya, Room 310
e-mail: tromanova@hse.ru

Alexey Yurievich Malafeev

Associate Professor, Foreign Languages Department
National Research University Higher School of Economics
603155, Russia, Nizhny Novgorod, 15/12 Bolshaya Pecherskaya, Room 306
e-mail: aumalafeev@hse.ru

The paper discusses the evaluative interpretation of the notion of tolerance through the prism of «svoy/chuzhoy»(one's own/other's) in the Russian national consciousness. The problem is considered in the linguistic aspects: lexical-semantic, linguo-cultural (communicative), cognitive – from the synchronic and diachronic points of view. The relationship between the concepts of «tolerantnost'» (tolerance), «terpimost'» (forbearance) and «terpeniye» (endurance) is a controversial question in modern Russian humanities. Both «terpimost'» (forbearance) and «terpeniye» (endurance) are relevant in the system of cultural values of the Russian nation. The main empirical base of our research was modern confessional memoir prose (autobiographies, diaries, letters, notes, etc.) of the Russian intelligentsia. Over 17.5 thousand pages of printed text were analyzed. The data testify to the national markedness of the concept of «terpeniye» (endurance) with both positive and negative connotations. On the other hand, the concept of «terpimost'» (forbearance) seems unmarked in the Russian national consciousness. «Smireniye» (humility) and «terpeniye» (endurance) are perceived negatively in the texts analyzed, as traits suppressing one's willpower. The evaluative aspect of tolerance is extremely important. To analyze that, we compiled a mini-corpus of texts about tolerance. It includes texts discussing the issue of tolerance, written in Russian and published on the Internet. The corpus contains 86 texts of 585,167 characters (1.01 MB), 73,952 tokens and 16,718 types (unique wordforms). Corpus evidence was used to reveal the main aspects of the Internet users' perception of tolerance. In addition, we identified seven most often criticized qualities/characteristics of tolerance.

Keywords: tolerance, mentality, social regulator.

References

Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning]. Moscow, Russkie slovari, 1999. <http://slova.zkir.ru/dict/terpimost'> (accessed 2.03. 2015).

Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik [Dictionary of synonyms in Russian: a practical guide]. – Moscow, Russkiy yazyk, 1971. P. 600.

Astaf'ev V. Vechernie razdum'ya. Posledniy poklon. Okonchanie. [Evening meditation. The last bow. The end.] // *Novyy mir*. 1992. №3. Pp. 6-31.

Bol'shaya aktual'naya politicheskaya entsiklopediya [Comprehensive relevant political encyclopedia] / Ed. by A. Belyakov and O. Matveychev. Moscow, Eksmo, 2009. 412 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy [Comprehensive dictionary of Russian nouns: ideographic description. Synonyms. Antonyms] / Ed. by L.G. Babenko. «Lingvistika» series, vol.2. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2005. 864 p.

Bryanchaninov I. Polnoe sobranie tvoreniy svyatitelya Ignatiya Bryanchaninova v 8 tt. [Complete collection of works of St. Ignatius Brianchaninov in 8 vols.] / Ed. by O.I. Shafranova, A.N. Strizhev. Vol. 7. Moscow, Palomnik, 2007. 655 p.

Vorobtsova I.Yu. Filosofskie idei tolerantnosti v vozzreniyakh slavyanofilov i zapadnikov [Philosophical ideas of tolerance in the views of the Slavophiles and Westerners] // *Vestnik MGTU [Proceedings of Moscow State Technical University]*, 2008, vol. 11, no. 4, pp. 581-589.

Glazunov I. Rossiya raspyataya [Russia crucified] // *Nash sovremennik [Our Contemporary]*, 1996, no. 1-5; 7, 8, 9.

Dostoevskiy F.M. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy [Writer's diary: selected pages]. Moscow, Sovremennik, 1989. 557 p.

Zhizhek p. Interpassivnost', ili Kak naslazhdats'ya posredstvom Drugogo [Interpassivity, or how to enjoy by means of the Other]. Saint-Petersburg, Aleteyya, 2005. 156 p.

Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem [Manipulation with consciousness]. Moscow, Eksmo, 2005. 832 p.

Kolesov V.V. Otrazhenie russkogo mentaliteta v slove [Reflection of Russian mentality in the word] // *Chelovek v zerkale nauk [Man in the Mirror of Sciences]*. Leningrad, 1991, pp. 106-124.

Konchalovskiy A. Vozvyshayushchiy obman [An elevating deception]. Moscow, Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 1999. 352 p.

Krysin L.P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov [Explanatory dictionary of loan words]. Moscow, Russkiy yazyk, 1998. 700 p.

Likhachev D.S. O natsional'nom kharaktere russkikh [On the national character of Russians] // *Voprosy filologii [Problems of Philology]*, 1990, no. 4, pp. 3-7.

Mikhaylova O.A. Tolerantnost' i terpimost': vzglyad lingvista [Tolerance and forbearance: a linguist's view] // *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti [Philosophical and linguistic problems of tolerance]: a collective monograph* / Ed. by N. A. Kupina and M. B. Khomyakov. Moscow, OLMA*PRESS, 2005, pp. 99-111.

National Corpus of Russian Language [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 20.12.2015).

New Testament and Psalms. Saint-Petersburg, Severo-zapadnaya bibleyskaya komissiya «Novaya zhizn'», 1992. 180 p.

Osnovnye napravleniya deyatelnosti po vospitaniyu tolerantnosti v molodezhnoy srede v usloviyakh polietnicheskogo i mul'tikul'turnogo obshchestva: Uchebnoe posobie

[The main activities on instilling tolerance in youths in a multi-ethnic and multicultural society: a textbook] / Ed. by A.A. Sergunin. Nizhniy Novgorod, Tsent strategicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N.A. Dobrolyubova, 2007. 135 p.

Romanova T.V. Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuarnoy literature [Modality as a text-formation in the contemporary memoir literature]. Dissertation for the Doctor of Science degree. Saint-Petersburg, SPbHU, 2004. 418 p.

Ryazanov, A.V. Manipulyativnyy potentsial kontsepta «tolerantnost'» [Manipulative potential of the concept «tolerance»]. // *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*, Volgograd, 2007, no.1 (45), pp. 82 - 98.

Slovar' sinonimov [Synonyms dictionary] [Electronic resource]. URL: <http://slova.zkir.ru/dict/terpimost/> (accessed: 01.02.2012).

Solzhenitsyn A. Bodalsya telenok s dubom [A calf butting an oak tree] // *Novyy mir [New World]*, 1991. no. 6-8; 11-12; 1992. no.4.

Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Glava pyataya. O dobrodetelyakh [The justification of the good. Chapter 4. On the virtues]. [Electronic resource]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/05.html> (accessed: 20.12.2015).

Sternin I.A., Shilikhina K.M. Kommunikativnye aspekty tolerantnosti [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, Voronezh State University, 2000. 135 p.

Sumina E.S. Kontsept tolerantnosti kak komponent russkoy filosofskoy kartiny mira [Concept of tolerance as a component of the Russian philosophical worldview] // *Kontsept [Concept]*, 2014, special issue no. 03. [Electronic resource]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14530.htm> (accessed: 20.12.2015).

Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. – Moscow, Soviet Encyclopedia, OGIK, 1935-1940.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. / Ed by D. Ushakov. Moscow, 1996.

Khomyakov A.S. Mnenie inostrantsev o Rossii [Foreigners' view of Russia] [Electronic resource]. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/mnenie-inostrancev-o-rossii.htm> (accessed: 20.12.2015).

Khomyakov M.B. Tolerantnost' i ee granitsy: razmyshleniya po povodu sovremennoy anglo-amerikanskoj teorii [Tolerance and its borders: reflections on the contemporary Anglo-American theory] // *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti [Philosophical and linguo-cultural problems of tolerance]*. Moscow, OLMA-PRESS, 2005, pp. 15-25.

Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov [Encyclopedic dictionary of medical terms]. / Ed. by V.I. Pokrovskiy. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1982-1984, p. 1591.

УДК 81'23

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ СВОБОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ
ВНЕ КОНТЕКСТА

Сигал Кирилл Яковлевич

ведущий научный сотрудник,
заведующий отделом экспериментальных исследований речи
Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
e-mail: kjseagal@yandex.ru

В статье показано, как осуществляется смысловое восприятие свободного словосочетания (с окказиональной метафорой) вне контекста. В эксперименте обнаружено, что путь к смыслу такого словосочетания опосредован рядом операций и стратегий. Преобладающей операцией оказалась смысловая субституция, наиболее востребованной стратегией – метафорическая перцепция на основе синтаксической формы словосочетания. Результаты эксперимента показывают, что понимание окказионального словосочетания вне контекста является трудной речевой задачей. Именно поэтому при включении подобного словосочетания в свой дискурс говорящий вынужден использовать специальные метаязыковые показатели. Кроме того, в эксперименте выявлено, что те, кто метафорически осмыслил словосочетание-стимул, по-разному представляют того, кто его употребил. Однако участникам эксперимента удалось построить аутентичное интерсубъективное представление о создателе окказионального словосочетания. Автор приходит к выводу о том, что при смысловом восприятии адресат оперирует свободным словосочетанием как относительно автономной сложной структурой и что вне контекста оперирование свободным словосочетанием носит вариативный характер.

Ключевые слова: свободное словосочетание, смысловое восприятие, окказиональная метафора, эксперимент.

Введение. В настоящей статье представлено экспериментальное исследование, направленное на обнаружение психолого-речевых операций и стратегий¹, обеспечивающих смысловое восприятие окказиональной реализации модели словосочетания V+N₄ («глагол + зависимое имя существительное в форме винительного падежа без предлога») с метафорическим глагольным компонентом. Окказиональное словосочетание, в котором реализованы необычное и, главное, не встречавшееся прежде метафорическое значение главного компонента и обусловленное этой семантической инновацией неожиданное лексическое выражение зависимого компонента, обладает всеми отличительными признаками свободного словосочетания

(СС) [Печников 1973: 32–33]. Крайне важно, что такое словосочетание является свободным с точки зрения адресата: ему неизвестно не только словосочетание в целом, но и неизвестен эмоционально-концептуальный «поворот» метафорического акта, побудивший говорящего / пишущего преодолеть конвенции лексической сочетаемости и создать «оригинальный и инновативный семантический фрагмент» [Шувалов 2005: 30] предложения-высказывания и текста. Вследствие этого в языковом сознании адресата нет и не может быть конвенционального смыслового отображения подобного СС.

Обоснование материала для эксперимента. Покажем, что окказиональное словосочетание *исповедовать огород*, извлеченное из текста притчи и взятое в качестве стимула для эксперимента, является свободным. Ср.: *Однажды один старец копал свой огород, чтобы посадить несколько кустов помидоров. К нему пришел посетитель и спросил: – Что ты делаешь? – Да вот, исповедую свой огород, – отозвался старец. – Неужели огород тоже нуждается в исповеди? – опешил посетитель. – Конечно, нуждается, – ответил ему старец. – Я убедился, что когда поисповедую огород, то есть вычищу землю от камней, сорняков, колючек и того подобного, то овощи, которые он родит, бывают крепкими, здоровыми, как на подбор! А если оставить огород без исповеди, то и вырастут на его грядках какие-то недоразвитые желтенькие и сморщенные помидорчики...* [ЖЧ 2009: 57].

Жанровую специфику притчи создают семантическая двуплановость рассказа или диалога, с одной стороны, и эзотеричность смысла ключевых слов, словосочетаний, предложений-высказываний, с другой. Тяготение притчи к «свертыванию» в предложение императивно-этического содержания, к параллелизму конкретного и универсального планов изображения, к иносказательности [Тамарченко 2008: 187] – все это обусловлено семантическими установками притчи как вторичного речевого жанра (по М.М. Бахтину). Жанровой природой притчи определены такие свойства ее семантической фактуры, как нарушение конвенций лексической сочетаемости, непредсказуемое смысловое варьирование слов, повышенный «тонус» метафоризации, композиционно-смысловое «напряжение», преодолеваемое за счет прямых / косвенных толкований (интерпретант), отказ от непрерывности семантической изотопии. Представляется, что в притчевой истории довольно предсказуемо появление такого окказионального СС с метафорой, как *исповедовать огород*, смысловое восприятие которого способно затруднить не только внутреннего адресата (посетителя старца), но и внешнего (читателя / испытуемого (и.) в эксперименте²).

Метафора старца поражает своей духовной продуманностью, это, безусловно, не семантический «экспромт». Огород нуждается в исповеди (= в «очищении») так же, как нуждается в ней душа человека, – вот тот духовный урок, который извлек посетитель из беседы со старцем. В притче благодаря метафоре эмоционально-этическое воздействие становится «опосредованным», «что дает больший вос-

² Весьма показателен тот факт, что в ходе проведения эксперимента не было ни одного и., не посоветовавшего на то, что это словосочетание является никогда не слышанным, странным, невозможным, бессмысленным и т.п. По-видимому, подобные первоначальные впечатления не могут не указывать на то, что в качестве стимула перед участниками эксперимента предстало именно окказиональное словосочетание.

¹ Операции и стратегии отражают собственно психологическую сторону речевых механизмов. Операция – способ решения речевой задачи. Стратегия – одна из моделей активности в рамках операции.

питывающий эффект» [Харченко 2007: 46]. Во внутренней речи старца это СС с метафорой, по всей видимости, сложилось давно и служило средством аутосуггестии, но для посетителя оно, никогда не слышанное прежде, поистине стало семантическим «откровением». Действительно, «метафора способна обнаружить потаенные, неочевидные связи или открыть такую перспективу, с которой мы можем по-другому взглянуть на мир и на самих себя» [Шувалов 2005: 24].

В притче СС с метафорой, отсутствующее в речевом «багаже» посетителя старца, нисколько не препятствует общению и, главное, передаче духовного опыта, так как старец сопровождает неизвестное посетителю СС метаязыковым обрамлением: во-первых, прямым смысловым толкованием посредством пояснительной конструкции с союзом *то есть*; во-вторых, косвенным смысловым толкованием – межфразовой связью двух аналогичных по строению сложных синтаксических конструкций (*когда...*, *то – если...*, *то и*) на основе сопоставительно-противительного союза *а* и лексических «центров сопоставления» антонимического типа.

Для метафоры вообще характерно употребление в контексте метаязыковых показателей. Недаром еще Цицерон считал, что если употребление метафоры в речи неизбежно, то «ее целесообразно снабжать смягчающей формулой *ut ita dicam* ‘так сказать’» [там же: 5]. Н. Гудмен писал о том, что «предложение *Озеро – сапфир* истинно в своем метафорическом применении, если, и только если, истинно предложение *Выражаясь метафорически, озеро – сапфир*» [Гудмен 1990: 195], полагая тем самым, что истинность метафорической предикации должна подтверждаться особой метаязыковой рамкой. Конечно, метаязыковую рамку типа вводно-комментирующего оборота *выражаясь метафорически* вряд ли стоит считать узаконенной в повседневном речевом узусе, однако отказывать ей в имплицитном, подразумеваемом присутствии в предложениях-высказываниях с метафорой было бы слишком неосмотрительно.

Согласно В.Н. Телия, «метафора угадывается по “сбою” в логическом порядке выбора лексико-грамматических средств организации предложения» [Телия 1988: 47]. В первой ответной реплике старца подобный «сбой» наблюдается в сочетании сказуемого с прямым дополнением, т.е. в СС модели $V+N_4$. Понятно, что зависимый субстантивный компонент *огород* использован в значении ‘участок земли – гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’ [ТСРЯ 2007: 555]. Однако глагол *исповедовать*, выступающий в функции главного компонента, в значении 2. *кого* ‘у христиан: принять (-нимать) исповедь’³ [там же: 308] может управлять только личным субстантивным компонентом (ср.: *исповедовать паломника*). Лексико-грамматический «сбой» вызван здесь семантическим преобразованием глагола и его объектной сочетаемости (для последней определяющим фактором оказывается «погашение» синтагмемы ‘лицо’), на что указывает прямое смысловое толкование, которое в притче дает старец СС *исповедовать огород*: ‘вычищать землю от камней, сорняков, колючек и того подобного’. Действительно, глагол *исповедовать* становится в притче метафорическим окказионализмом: его «притчевое» значение

возникает за счет осознаваемого старцем сходства грехов человека, например, с растущими в огороде сорняками в том, что как от тех, так и от других необходимо очищение⁴.

Окказиональное словосочетание *исповедовать огород* – ключевое в композиционно-смысловой организации притчи – обладает как семантической, так и синтаксической членимостью, выражает смысловые отношения между компонентами – объектные, произведено в речи по продуктивной модели $V+N_4$ путем метафорического «сдвига» главного компонента и неконвенционального лексического выражения зависимой от него субстантивной словоформы, не хранится в памяти носителей языка как отдельный «гештальт», побуждает к метаязыковой активности, нацелено на эмоционально-этическое воздействие через живой образ, вызывающий интерес у адресата, – т.е., иначе говоря, данное словосочетание является свободным, и поэтому оно, будучи частным случаем СС, вполне может использоваться в качестве стимула для эксперимента.

СС в перцептивно-смысловом аспекте. Учение о смысловом восприятии речевого сообщения как о «сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» адресата [Зимняя 2001: 312] было создано в рамках Московской психолингвистической школы. Этот психолого-речевой процесс включает в себя прием, осмысление и понимание (или непонимание) речевого сообщения, а также сохраняющиеся в памяти «единицы и правила оперирования ими на всех уровнях языковой иерархии», без которых смысловое восприятие неосуществимо [там же: 311–312].

Несмотря на то, что И.А. Зимняя допускает понимание как «одномоментное решение типа инсайта в процессе осмысления» [там же: 310], ей предложена такая психологическая схема смыслового восприятия, в которой выделяются несколько уровней (или этапов) активности адресата: побуждающий, формирующий и реализующий. Так, «побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную (стимульную) информацию и мотивационную сферу. <...> Формирующий уровень... содержит четыре взаимосвязанные и взаимовключающиеся фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования; 2) фазу вербального сличения; 3) фазу установления смысловых связей а) между словами и б) между смысловыми звеньями и 4) фазу смыслоформулирования. <...> Реализующий уровень на основе установления... общего смысла формирует замысел ответного речевого действия» [там же: 340–341].

Применительно к изучению смыслового восприятия СС особую ценность приобретает идея о том, что «процесс смыслового восприятия осуществляется путем установления смысловых связей между... словами» [там же: 332], в результате чего «формируется определенное смысловое звено, показателем которого является возможность перевода его на уровень нерасчлененного, монолитного

⁴ Подобное метафорическое преобразование глагола исповедовать оказывается безразличным и для лексического выражения потенциального субъекта действия. Если в значении ‘принимать исповедь’ глагол-сказуемое может иметь в качестве субъекта-подлежащего исключительно то или иное обозначение представителя иерейского чина (отец Иоанн, батюшка, иеромонах и т.д.), то в «притчевом» значении отмеченное ограничение преодолевается.

³ Исповедь 1. ‘у христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, церковное покаяние’ [ТСРЯ 2007: 308].

представления – образа», причем в создание смыслового звена «включается механизм семантических и одновременно грамматических правил» [там же: 341]. Поскольку же СС возникает в ходе комбинаторно-синтаксического взаимодействия слова и словоформы, с одной стороны, и в ходе соблюдения (или – реже – отступления от) конвенций лексической сочетаемости, с другой стороны, можно полагать, что в перцептивно-смысловом плане СС соответствует конкретное смысловое звено и что в оперативной памяти адресата СС остается в виде образа, который лишен жесткой «привязки» к речевой форме этого СС. Далеко не случайно А.А. Леонтьев высказывал мысль о том, что «вообще понятно то, что может быть иначе выражено» и что пониманием является «процесс перевода смысла... в любую другую форму его закрепления» [Леонтьев 1999: 141–142].

Правомерность перцептивно-смыслового анализа СС в отдельности обусловлена тем, что, во-первых, в долговременной памяти адресата хранится «кодовый эталон», на основе которого происходит узнавание СС [Берман 1976: 102], а во-вторых, смысловое звено и, главное, образ, в котором отображен личностно окрашенный вариант понимания СС, оказывается относительно автономным. Последнее подтверждается тем, что одно и то же СС, взятое как в контексте предложения-высказывания, так и в изоляции от него, является осмысленным. И даже возможная при контекстной изоляции СС «множественность его толкования не имеет ничего общего с произвольностью. Она не безгранична, а допустима лишь в известных пределах» [Габ 1992: 56]. Поэтому в чем-то справедливо мнение о том, что «смысл словосочетания... самодостаточен в той мере, чтобы обеспечить восприятие этой единицы в отрыве от условий, в которых она существует» [Смолянинова 1990: 14].

По наблюдениям А.Р. Лурия, которые вполне можно распространить и на СС, «слушающий (или читающий) никогда не ставит своей задачей понять отдельные слова или изолированные фразы; оба этих процесса – понимание отдельных слов или фраз... – играют роль подчиненных, вспомогательных *операций* (курсив автора. – К.С.) и лишь в некоторых случаях превращаются в специально осознанные действия» [Лурия 1998: 279].

Совершенно очевидно, что именно таким случаем оказывается намеренно созданная экспериментальная ситуация, в которой СС, оторванное от своего семантико-синтаксического контекста, становится объектом смыслового восприятия. В подобной экспериментальной ситуации имеется некая неполнота перцептивно-смыслового акта (например, здесь нет полноценного момента узнавания и, соответственно, перцептивного обособления СС, равно как нет проверки гипотез о смысловом толковании СС в контексте), но это несколько не препятствует обнаружению в эксперименте тех психолого-речевых процедур, благодаря которым осуществляется смысловое восприятие одного и того же (!) СС как такового.

Метафора в перцептивно-смысловом аспекте. Несмотря на то, что ни одна из синтаксических моделей СС не может считаться специализирующейся исключительно на реализации метафоры [Шендельс 2006: 261], обращаясь к изучению смыслового восприятия СС с метафорическим компонентом, необходимо разобраться в том, как вообще происходит перцептивно-смысловая обработка метафоры вне зависимости от ее синтаксической оформленности.

Прежде всего стоит отметить, что смысловое восприятие метафоры, соединяющее воедино семантическую компетенцию адресата и его воображение (П. Рикер), принадлежит к сфере креативных процессов, где вместо стандартной правилосообразности действует эвристика. «Понимание... метафоры, – пишет Д. Дэвидсон, – есть результат творческого усилия: оно столь же мало подчинено правилам» [Дэвидсон 1990: 173]. Процесс осмысления метафоры активизирует имплицитный диалог с ее создателем⁵, поскольку если смысл метафоры «где-то и содержится, то только в отношении “говорящий – язык – слушающий”, а не в каком-то компоненте этого отношения» [Бикертон 1990: 289]. Обращая внимание на «диалогическое начало в метафоре, ее ориентацию на восприятие и воздействие», В.Н. Телия подчеркивает, что «для метафоры существенно, что она изначально настроена на диалогическую форму развития ее содержания и понимания благодаря модулю “как если бы”, который ориентирован на “внутреннее” соглашение принять это условие фиктивности (и убедить в ней адресата)» [Телия 1988: 32, 48]. Поэтому «истолкование метафор несет на себе отпечаток и творца, и интерпретатора» [Дэвидсон 1990: 173].

Перцептивно-смысловую обработку метафоры в современной науке принято рассматривать как сложную деятельность, каждая фаза которой нацелена на решение нетривиальной когнитивной задачи. Так, согласно В.И. Шувалову, сначала «слушатель или читатель должен установить, следует ли вообще искать метафорический смысл в том или ином высказывании либо тексте. Далее он должен прибегнуть к определенной стратегии понимания, чтобы проникнуть в истинный смысл метафорической лексики. Он должен, наконец, вовремя остановиться и поставить точку в своих семантических изысканиях, иначе произойдет избыточная интерпретация, выходящая за рамки авторских намерений» [Шувалов 2005: 74]. «Оба элемента метафоры, знак-объект и знак-носитель, даются... в восприятии одновременно, так что разум, перепрыгивая мгновенно с одного полюса на другой и опираясь на контекст (в том числе предельно ограниченный, как, например, в эксперименте, где метафора предьявляется испытуемым (ии.) в таком минимальном достаточном для нее контексте, как СС. – К.С.), сам вычисляет нужное решение» [там же: 75].

«Продукт» смысловой перцепции метафоры сохраняется в оперативной памяти адресата в виде такой «записи», в которой использован смешанный вербально-изобразительный код, совмещающий как мнемические отображения интерпретант – слов и схем их сочетаемости, так и наглядно-образные представления («картинки»), обеспечивающие обрисовку столкновения двух «конфликтных» визуализаций, т.е. метафорической и буквальной. Безусловно, также остается в памяти адресата «след» от «того нередуцируемого эмоционально-семантического элемента», который довольно трудно (если не невозможно) воспроизвести в случае перефразировки метафоры [там же: 30]. Тем не менее при необходимости верба-

⁵ Не исключено, что в ходе восприятия окказиональной метафоры, творимой преимущественно из «подручного» номинативного материала, адресат может строить субъективные представления о ее создателе, поскольку в окказиональной метафорике, как и в выразительной речи вообще, «обычно выявляется весь психологический облик личности» [Рубинштейн 2001: 416]. Это утверждение нуждается в экспериментальной проверке.

лизации «продукта» смысловой перцепции метафоры носителями языка обычно даются разнообразные речевые реакции, содержащие такие варианты толкования, в которых пусть и «погашен» эмоционально-образный настрой метафоры, но зато воссозданы процедуры ее «рецептивного порождения» (И.М. Берман).

Методика эксперимента. Полагаем, что экспериментальное исследование смыслового восприятия той или иной речевой структуры, в том числе и СС с метафорой, может носить исключительно поисковый характер, поскольку строить конкретные гипотезы по поводу латентного процесса, никогда в полной мере и, главное, в динамике его осуществления не «овнешняемого» (Е.Ф. Тарасов) в речевых реакциях ии., практически невозможно. Сообщая о том, как они понимают, например, СС с метафорой, ии. «овнешняют» обычно свои интерпретационные решения, но не то, как они были получены. Однако не приходится сомневаться в том, что благодаря инструментарию коммуникативно-структурного и структурно-семантического анализа экспериментатор вполне обоснованно может дифференцировать речевые реакции и даже высказать догадку о приведших к ним психолого-речевых операциях и стратегиях.

Описанный ниже эксперимент был проведен в Колледже МИД РФ среди студентов 1-го курса вечернего отделения. В эксперименте приняли участие 30 ии. в возрасте от 20 до 25 лет с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием. Процедура эксперимента состояла в следующем: после предъявления ии. СС с метафорическим компонентом *исповедовать огород* каждый из них в своей индивидуальной анкете письменно отвечал на два вопроса: 1) Как Вы понимаете это словосочетание? и 2) Кто, по Вашему мнению, мог его употребить? Постановка таких вопросов перед ии. объясняется тем, что экспериментатор стремился получить сведения о том, как именно могло быть понято стимульное СС с окказиональной метафорой в режиме «in vacuo», а также о том, связано ли смысловое восприятие такого СС с субъективными представлениями ии. о создателе метафоры. Время выполнения экспериментального задания никак не ограничивалось.

В процессе работы над экспериментальным заданием некоторые ии. спрашивали о том, должен ли ответ на каждый из вопросов быть единственным или же допускается запись всех возникших вариантов ответа. На это им было замечено, что можно писать все, что они считают необходимым. Вследствие этого в письменных отчетах нескольких ии. оказалось по два разных ответа на тот или на другой вопрос экспериментального задания. Например: *Очищать огород или, возможно, много жаловаться, изливать душу. Простые люди (например, деревенские); Исповедовать огород – это очистить его от сорняков и т.д. Старик или человек, которому принадлежит огород.* По-видимому, в двояком смысловом толковании стимульного СС отображена нетипичность лексической сочетаемости его компонентов, а в неединственности субъективного представления о том, кто мог употребить это СС, – необязательная закрепленность окказиональной метафоры за конкретным социально-ролевым речевым типажом.

Результаты эксперимента и их обсуждение. Коммуникативно-структурный анализ полученных от ии. смысловых толкований как особых микротекстов показывает, что в перцепции стимульного СС задействованы такие психолого-речевые операции, как смысловая субституция, фабулизация и диалогизация, причем среди

них преобладающей операцией является первая (94%). Это объясняется тем, что смыслом СС «будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» [Жинкин 1982: 81], но обычно все же в форме СС. Активизация смысловой субституции в процессе восприятия стимульного СС свидетельствует о том, что носителем номинации в СС вообще или, иначе говоря, его номинативной задачей является отношение между компонентами [Сигал 2010: 33–34].

При смысловой субституции стимульное СС заменяется на не совпадающее с ним по лексическому составу глагольное словосочетание той же самой или – реже – другой модели (в том числе и многокомпонентной), выступающее либо автономно, либо как синтаксический «сегмент» предложения-высказывания. Например: *Очистить огород от сорняков* или *Следить за огородом: удалять сорняки, высаживать разнообразные культурные растения*, где представлен гиперогипонимический «сегмент» нереализованного предложения-высказывания, осложненного однородными членами с обобщающим компонентом. Смысловая субституция нередко сопровождается метаязыковым рассуждением, в котором делается предположение о «деривационной истории» стимульного СС. Ср., пожалуй, наиболее показательный случай: *В моем понимании, исповедь – это очищение. В церковном лексиконе употребляется в значении очищения души от мирских грехов. Следовательно, исповедовать огород значит приводить его в нормальный вид, очищать от сорняков.*

При фабулизации происходит создание миниатюрной зарисовки с простым сюжетом, возникшим как смысловая реакция на стимульное СС. В этом случае для фабульной зарисовки произвольно отбирается тот или иной персонаж и помещается в череду событий, как бы predetermined субъективной интерпретацией стимульного СС. Ср.: *Юный агроном всегда разговаривал со своими овощами. Он рассказывал им про свои проблемы, а они ему открывали свои тайны. Общение с овощами, с растениями и фруктами давало удивительные результаты. Большие никто не собирал такой урожай. Он никогда не рассказывал про свой секрет, про то, как исповедует огород.*

При диалогизации стимульное СС становится синтаксическим «сегментом» реплики воображаемого бытового диалога, причем дается наименование жанровой формы диалогического общения и определяются его участники. Так как при диалогизации создается контекст, субъективно приемлемый для так или иначе осмысленного стимульного СС, «контурную» обрисовку воображаемого бытового диалога здесь предваряет смысловая интерпретация СС. Ср.: *Увлечение «овощным» земледелием, и почему-то активно навязываемое другим. Употребить это словосочетание мог внук бабушки, заядлой огородницы, вероятно, в споре: «Да ты ничего не понимаешь! Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!».*

Структурно-семантический анализ толкований стимульного СС на фоне метаязыкового комментария, содержащегося в тексте-источнике, позволяет разграничить несколько психолого-речевых стратегий, к которым обращаются ии. в ходе смыслового восприятия СС с метафорой. По всей видимости, эти стратегии, во-первых, практически не осознаются ии. и действуют подобно своеобразным перцептивным автоматизмам. Во-вторых, одни и те же стратегии смыслового восприятия обеспечивают активность ии. в рамках разных операций. На это указывает

тот факт, что в случае фабулизации и диалогизации (отметим, однако, что в экспериментальном материале такие реакции единичны) наблюдаются стратегии, встречающиеся также при смысловой субституции.

Наиболее востребованная ии. стратегия метафорической перцепции на основе синтаксической формы СС (54,5%) состоит в том, что метафорическое переосмысление подчиняется собственно синтаксическому ранжированию компонентов стимульного СС: смысл главного компонента «вычисляется» посредством механизма метафорического переноса (т.е. слово, находящееся в позиции главного компонента, выступает в качестве фокуса метафоризации), тогда как смысл зависимого компонента отождествляется с его предметным значением, всецело относящимся к прямой сигнификации. Во многих письменных отчетах ии., обратившихся к этой стратегии, стимульному СС *исповедовать огород* было дано смысловое толкование «очистить / очищать огород от сорняков»⁶. Полагаем, что у этих ии. возникли в чем-то сходные образные ассоциации между двумя действиями, название одного из которых показалось им вполне подходящим для наименования другого. Ср., например, некоторые метаязыковые комментарии: *Очищать огород от вредителей, от всего ненужного, т.е. освободить от «грехов», а именно от сорняков, жуков и т.д.; Очистить огород от разных сорняков. Это выражение могли употребить по отношению к своим участкам глубоко верующие люди, которые смешивают церковную терминологию с бытовой.* Пониманию окказиональной метафоры в данном случае способствовала, однако, не только использованная ии. стратегия, но и их предметно-практическая, когнитивная и языковая компетентность, а также созревшее у них творческое отношение к речи, в частности процедурно-семантическая и метаязыковая готовность к осмыслению СС с окказиональной метафорой.

Стратегия опосредованной ассоциативной связи (17%) заключается в том, что зависимый компонент стимульного СС побуждает ии. вспомнить хранящиеся во внутреннем лексиконе устойчивые сочетания с этим словом, в результате чего смысловое восприятие СС осуществляется за счет *blending*⁷ с устойчивыми сочетаниями. Особенно важно отметить, что такие опосредующие звенья, определяющие специфику смысловой перцепции, всецело остаются достоянием внутренней речи. Ср.: *Говорить бред, нести чепуху; Может быть, нести чушь; Навязывать свою точку зрения, которая изначально является чепухой.* По всей видимости, стимульное СС *исповедовать огород* возбудило ассоциативную связь с устойчивым сочетанием *огород городить* «затевать какое-н. сложное, хлопотливое дело» [ТСРЯ 2007: 555], а то – в свою очередь – обусловило ассоциативное «притяжение» вариантов устойчивых сочетаний *городить чушь (чепуху)*. Возникающий здесь сигнификативный «сдвиг» осмысляемого СС как бы ставит ассоциативный «заслон» обнаружению иных образно-смысловых оснований метафоризации.

В качестве такого опосредующего звена при смысловой перцепции стимульного СС может выступить также один из узуальных лексико-семантических вари-

антов его главного компонента – глагола. Ср.: *Высказывать свои мысли; Возможно, много жаловаться, изливать душу.* В этих смысловых толкованиях отражено опосредующее воздействие архаичного значения глагола *исповедовать* 3. «откровенно сообщить (-щать)» [там же: 308]. В случае диалогизации, когда внук, ссорясь с бабушкой, заядлой огородницей, заявляет ей: *«Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!»*, глагол явно воспринят в его характерном для книжной речи значении 1. «следовать... какому-н. учению, убеждению» [там же: 308]. Впрочем, здесь нельзя полностью исключить опосредованной ассоциативной связи с более сложными в структурном плане СС типа *исповедовать сокровенные мысли* или *исповедовать христианские ценности*, в которых реализованы соответствующие лексико-семантические варианты глагола. Обращение ии. к разным узуальным значениям полисемичного глагола, несомненно, сдерживает их воображение и не позволяет представить обозначенное стимульным СС событие-метафору.

Стратегия буквального «прочтения» (14%) состоит в осмыслении компонентов стимульного СС как знаков прямой сигнификации. Буквализм смыслового восприятия не только не позволяет обнаружить образную ассоциацию, побудившую создать это СС именно как метафорический «контейнер», но и препятствует осмыслению синтаксической формы СС. Например: *Исповедует обычно священник, а огород может быть местом, где происходит исповедь.* Получается, что в языковом сознании ии. стимульное СС было отождествлено как *исповедовать в огороде*, т.е. здесь имеет место перцептивно-смысловая аномалия: вопреки падежной семантике зависимой словоформы объект, претерпевающий действие, воспринимается как локус. Буквальное «прочтение» не исключается также при создании на основе стимульного СС сюжетной истории с элементами волшебной сказки (вспомним о том, что *овощи открывали свои тайны юному агроному* в случае фабулизации).

Наконец, довольно редкая стратегия синтаксической метатезы фокуса метафоризации (8,5%) выражается в том, что в зону метафорического переосмысления попадает зависимый компонент стимульного СС, в то время как его главный компонент получает ту или иную допустимую узуально-гиперонимическую интерпретацию. Ср.: *Выслушивать простых (деревенских или, может быть, малообразованных) людей; Может быть, объяснять элементарные понятия.* Подобные смысловые толкования весьма необычны не только потому, что «перестановка» метафорического фокуса неизбежно приводит к нарушению смысловой цельности текста-источника (к тому же ии. не могли учесть этот фактор в созданной экспериментальной ситуации), но и потому, что имя существительное *огород* в норме и узусе является моносемичным и как будто бы вовсе не стремится к обогащению своей смысловой структуры.

Среди отмеченных в письменных отчетах наименований лиц, которые, по мнению ии., могли употребить стимульное СС, имеются как единичные реакции (в частности, *человек, находящийся под воздействием алкоголя или наркотиков; глава государства* и др.), так и повторяющиеся. В ряду последних преобладают такие, как *старик / старец; бабушка; священник; <глубоко> верующий; простые / деревенские люди; человек, которому принадлежит огород; философ; писатель.* Весьма важно здесь следующее: те ии., которые произвели соответствующее тексту-источнику метафорическое означивание стимульного СС, по-разному пред-

⁶ Ии. предложили также иные по формулировке смысловые толкования, которые не выходят, впрочем, за пределы предметно-ассоциативной аналогии единой метафорической интерпретации. Например: Убрать все лишнее с грядки; Проверить все растущее в огороде; Излечить огород и т.п.

ставляют себе того, кто его употребил. Поэтому, во-первых, представление о творце окказиональной метафоры довольно опосредованно связано с тем, как осуществляется ее смысловая реконструкция; во-вторых, возникновение подобного представления отражает прагматическую «склеенность» слов (и, несомненно, того, что ими обозначено), например, с возрастными или профессиональными образами людей, но не сам окказиональный «вектор» метафорического преобразования.

Примечателен, однако, тот факт, что ии. все же удалось создать аутентичное интерсубъективное представление о человеке, который мог употребить стимульное СС: из притчевой истории доподлинно известно, что это, действительно, *старец*, <глубоко> верующий, человек, которому принадлежит огород.

Выводы. Итак, более чем у половины ии. получилось единообразно и, главное, правильно понять СС с метафорой, хотя оно предъявлялось им вне контекста и оценивалось ими как окказиональное. По-видимому, компенсация нулевого контекста была осуществлена здесь за счет привычного обращения к своему жизненному – деятельностному и познавательному – и речевому опыту, возникшему в непрерывном процессе социализации и отображающему соответственно их социально-культурные и обыденные (мета)языковые знания. Однако, вообще говоря, окказиональные семантические прецеденты почти неотрывны от контекста, т.е. от связной речи, которая «может быть вполне понята на основе ее собственного предметного содержания» [Рубинштейн 2001: 404]. Поэтому также многими ии. окказиональная метафора в СС была понята совсем не так, как этого требовал контекст, или вовсе осмыслена в неметафорическом плане. Не случайно и то, что в притче это окказиональное СС с метафорой оказалось сопровождено двойным метаязыковым обрамлением: смысловая очевидность и понимаемость слов и СС должны обеспечиваться внутри контекста речи.

Кроме того, благодаря эксперименту стало очевидно, что при смысловом восприятии адресат оперирует СС как относительно автономной сложной структурой и что вне контекста оперирование СС носит вариативный характер. Отсюда следует, что не только в продуктивном, но и в рецептивном аспекте речевой деятельности СС является не чем иным, как особой оперативной единицей [Уфимцева 1972].

Литература

Берман И.М. Переработка грамматической информации при восприятии текста на уровне одиночного высказывания / И.М. Берман // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 96–107.

Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры / Д. Бикертон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 284–306.

Габ М.А. Проблемы анализа семантической структуры текста / М.А. Габ. – М.: ИЯз РАН, 1992. – 144 с.

Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству / Н. Гудмен // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 194–200.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173–193.

Жил человек... Сборник христианских притч. – М.: Никая, 2009. – 192 с. (ЖЧ)

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 416 с.

Печников А.Н. Словосочетание как синтаксическая единица / А.Н. Печников. – Ульяновск: УГПИ им. И.Н. Ульянова, 1973. – 55 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 720 с.

Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица / К.Я. Сигал. – М.: Ключ-С, 2010. – 92 с.

Смолянинова Е.Н. Словосочетание в теоретическом и методическом аспектах / Е.Н. Смолянинова. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1990. – 93 с.

Тамарченко Н.Д. Притча / Н.Д. Тамарченко // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 187–188.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с. (ТСРЯ)

Уфимцева Н.В. Словосочетание как оперативная единица построения высказывания / Н.В. Уфимцева // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972. – С. 170–179.

Харченко В.К. Функции метафоры. 2-е изд. / В.К. Харченко. – М.: URSS, 2007. – 85 с.

Шендельс Е.И. Синтаксис метафоры / Е.И. Шендельс // Шендельс Е.И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 261–271.

Шувалов В.И. Метафорический дискурс / В.И. Шувалов. – М.: Прометей, 2005. – 147 с.

SEMANTIC PERCEPTION OF FREE WORD-COMBINATION WITHOUT CONTEXT

Seagal Kirill Yakovlevitch

senior scientific associate,
head of department of experimental speech researches
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
125009, Russia, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1/1
e-mail: kjseagal@yandex.ru

In the article it is shown how does the semantic perception of free word-combination (namely with an occasional metaphor) without context work. The experiment revealed that the path to the meaning of such a word-combination is mediated by series of operations and strategies. The predominant operation is a semantic substitution; the most frequent strategy is a metaphoric perception on the base of syntactic form of word-combination. The results of the experiment show that the understanding of occasional word-combination without context is a difficult speech task. That is why in case of including such a word-combination in his or her discourse the speaker must use special metalinguistic markers. Besides in the experiment it is revealed that those participants who comprehended the stimulus as a metaphor imagine the one who used it quite differently. Nevertheless the participants of the experiment were able to construct an authentic intersubjective notion about creator of the occasional word-combination. The author comes to the conclusion that in the process of semantic perception the addressee operates free word-combination as a relatively autonomous complicate structure and that without context the operating by free word-combination has variable character.

Keywords: free word-combination, semantic perception, occasional metaphor, experiment.

References

- Berman I.M.* Pererabotka grammaticheskoy informatsii pri vospriyatii teksta na urovne odinochnogo vyskazyvaniya [Processing of grammatical information in the perception of the text at the level of a single utterance]. Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya – [Semantic perception of the speech message]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 96–107.
- Bikerton D.* Vvedenie v lingvisticheskuyu teoriyu metafory [Prolegomena to a linguistic theory of metaphor]. Teoriya metafory – [The theory of metaphor]. Moscow, Progress, 1990, pp. 284–306.
- Gab M.A.* Problemy analiza semanticheskoy struktury teksta [Problems of analysis of the semantic structure of the text]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1992. 144 p.
- Gudmen N.* Metafora – rabota po sovmestitel'stvu [Metaphor as a moonlighting]. Teoriya metafory – [The theory of metaphor]. Moscow, Progress, 1990, pp. 194–200.
- Davidson D.* Chto oznachayut metafory [What metaphors mean]. Teoriya metafory – [The theory of metaphor]. Moscow, Progress, 1990, pp. 173–193.

Zhil chelovek... Sbornik khristianskikh pritch [Ones lived a man... Collection of Christian parables]. Moscow, Nikeya, 2009. 192 p.

Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka, 1982. 159 p.

Zimnyaya I.A. Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti [The linguistic psychology of speech activity]. Moscow, MPSI; Voronezh, NPO «MODEK», 2001. 432 p.

Leont'ev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Smysl, 1999. 287 p.

Luriya A.R. Yazyk i soznanie [Language and consciousness]. Rostov n/D, Feniks, 1998. 416 p.

Pechnikov A.N. Slovosochetanie kak sintaksicheskaya edinita [The word-combination as a syntactic unit]. Ul'yanovsk, I.N. Ul'yanov USPI, 1973. 55 p.

Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchey psikhologii [Foundations of general psychology]. Sanct-Petersburg, PITER, 2001. 720 p.

Seagal K.Ya. Slovosochetanie kak lingvisticheskaya i psikholingvisticheskaya edinita [The word-combination as a linguistic and psycholinguistic unit]. Moscow, Klyuch-S, 2010. 92 p.

Smol'yaninova E.N. Slovosochetanie v teoreticheskom i metodicheskom aspektakh [The word-combination in the theoretical and methodological aspects]. Leningrad, A.I. Herzen LSPI, 1990. 93 p.

Tamarchenko N.D. Pritcha [Parable]. Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy – [Poetics: Glossary of relevant terms and concepts relevant]. Moscow, Izd-vo Kulaginoy; Intrada, 2008, pp. 187–188.

Teliya V.N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenchnaya funktsiya [Metaphor as a model of generation of meaning and its expressive-evaluative function]. Metafora v yazyke i tekste – [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 26–52.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov. Otv. red. N.Yu. Shvedova [Explanatory Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words. Ed. by N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik, 2007. 1175 p.

Ufimtseva N.V. Slovosochetanie kak operativnaya edinita postroeniya vyskazyvaniya [The word-combination as an operative unit of construction of utterance]. Psikholingvistika i obuchenie inostrantsev russkomu yazyku – [Psycholinguistics and teaching Russian to foreigners]. Moscow, Lomonosov MSU, 1972, pp. 170–179.

Kharchenko V.K. Funktsii metafory [The fuctions of metaphor]. Moscow, URSS, 2007. 85 p.

Shendel's E.I. Sintaksis metafory [The syntax of metaphor]. Izbrannye trudy: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya – [Selected works: On the 90th anniversary of her birth]. Moscow, MSLU, 2006, pp. 261–271.

Shuvalov V.I. Metaforicheskiy diskurs [Metaphorical discourse]. Moscow, Prometheus, 2005. 147 p.

УДК 81'23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ «РОДНОЙ» И «РОДИНА» В РЕГИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

Степанова Анна Александровна

научный сотрудник, Институт языкознания РАН

г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1/1

e-mail: st.anna@bk.ru

Ассоциативные эксперименты и словари, которые составляются по их результатам, дают возможность вскрыть особенности образа мира представителей разных культур, знание которых способствует гармонизации межкультурного общения, что особенно актуально в условиях современного глобализирующегося мира. Изучение региональной специфики языкового сознания является шагом в данном направлении. В статье представлено сопоставительное исследование ассоциативных полей, сформированных на стимулы «родной» и «родина» по материалам Русского ассоциативного словаря (2008-2011 гг.) и пилотажных ассоциативных экспериментов в Республиках Коми и Татарстан. Значительного разнообразия специфических реакций получено не было, что можно объяснить повсеместным функционированием русского языка на изучаемых территориях и актуализацией образа «родины» как *большой*, а не *малой родины*.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, региональная специфика, языковое сознание

Введение

Проблемы этнокультурной специфики языкового сознания находятся в центре внимания исследований в рамках московской психолингвистической школы.

Определяя ключевые положения психолингвистики и этнопсихолингвистики в частности, Н.В. Уфимцева отмечает, что главным препятствием общения, любого и особенно межкультурного, является неспособность людей передавать мысль непосредственно из одной головы в другую, поэтому мы пользуемся специальными знаками и опираемся на знания, сформированные родной культурой, а в центре внимания ученых оказывается вербальное и невербальное поведение носителей разных культур [Уфимцева 2006: 92]. Как внутрикультурное, так и межкультурное общение невозможно без наличия у коммуникантов общего кода, а именно общего внешнего формального языка и общности знаний о мире [Уфимцева 2012].

Е.Ф. Тарасов поясняет, что «общество, представляя каждому индивиду культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного, общественного человека, а, с другой стороны, ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов» [Тарасов: 1993, 9].

Психолингвистический подход, как утверждает Н.В. Уфимцева, позволяет показать отличия в коммуникативном поведении носителей разных культур, но и то, что стоит за этими особенностями в их образах мира. Одним из способов выявления этой скрытой системности образа мира является массовый ассоциативный эксперимент и ассоциативные словари, собранные по материалом такого эксперимента [Уфимцева 2012].

Словари такого типа значительно отличаются от традиционных словарей. Если словари, составляемые лингвистами, в значительной мере представляют собой описание «индивидуального лингвистического» языкового сознания, то ассоциативные словари – это один из возможных способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания «наивных» носителей языка. Ассоциативный словарь, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии [Уфимцева, Черкасова 2014]. Выявление «коллективного обыденного» языкового сознания представителей разных культур дает возможность обратиться к контрастивным исследованиям языковых образов, выявить специфику языкового сознания представителей разных регионов, что поспособствует гармонизации их межкультурного общения.

Обсуждение

В данной статье мы предприняли попытку вскрыть особенности образа мира представителей разных регионов России на материале ассоциативного эксперимента. В работе представлены результаты сравнительного анализа ассоциативных полей «родной» и «родина». Предмет анализа был выбран не случайно. Согласно нашей гипотезе, исследование реакций на стимул «родной» и «родина» как ни что лучше позволит выявить различия в языковом сознании носителей разных культур. Мы использовали Русский ассоциативный словарь 2 (2008-2011 гг.) (далее – РАС 2) и два региональных ассоциативных словаря носителей коми и татарской культуры, составленные по результатам пилотажного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2015 г. на территории Республики Коми и Республики Татарстан соответственно.

Выбранные нами образы языкового сознания уже анализировались на материале ассоциативных экспериментов.

Так, например, С.В. Филиппова исследовала образы мира якутов и русских, проживающих в Якутии посредством анализа вербальных ассоциаций на словестимулы «дом» и «родина». Было выявлено, что использование русского языка как языка общения ведет к сближению языкового сознания якутов и русских. В то же время использование якутами своего родного языка в качестве основного языка общения сохраняет специфичность их языкового сознания. Исследуемые образы в языковом сознании сельских якутов обнаруживают культурно окрашенные элементы в виде устойчивых вербальных ассоциаций. У городских якутов в меньшей мере сохранились элементы традиционного мировоззрения, так как единая среда обитания и городской образ жизни сближают языковое сознание.

Э.А. Кечина проанализировала национально-культурную специфику образа «родины» в русском и арабском языковом сознании. Родина воспринимается респондентами как геополитическое пространство с характерными признаками «большой» и «малой» родины и является объектом положительных эмоций и чувств. Обе груп-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-04-00378а и №15-34-14007а(ц).

пы испытуемых отличаются патрионизмом. Особенностью русских респондентов является восприятие родины как родного края с его природно-географическими особенностями, а также соприсутствие демографического пространства родины в сфере «личностного-своего пространства» человека. Для арабских студентов Родина как социальный институт и государство обладает высоким статусом и авторитетом [Кечина 2010].

В РАС 2 ассоциативное поле на стимул «родной» выглядит следующим образом:

родной: язык 117; город 94; дом 81; человек 64; край 23; брат 20; близкий 18; любимый, свой 11; отец 6; мой, семья, чужой 5; родственник 3; далекий, дорогой, мама, мать, милый, папа, поселок 2; АКМ, близкий и любимый, быт, выросли, двор, дети, домашнее животное, друг, другой, дядя, и любимый, к сердцу, кабан, лес, любовь, мальчик, место, муж, мужчина, народ, наш, он, отчим, очаг, простой, ребенок, родимый, родина, Родина, родители, свет, светлый, свое, свой дом, сокровенный, теплый, хороший, цветок, человечек, язык, край 1; 518+61+1+40

Очевидно, лидером по частотности стала реакция «язык», что говорит о значимости родного языка для респондентов. Остальные реакции можно тематически разделить на несколько групп. «Родное место» представлено в виде реакции дом, край, поселок, город. Обратим внимание, что в ассоциативном поле представлена малая родина. «Родные люди» присутствуют в виде реакций человек, брат, отец, семья, мама, мать, папа. Грамматическое влияние стимула-прилагательного в форме мужского рода не мешало порождению таких реакций, как семья, мама, мать.

Третью группу можно назвать «Интерпретации», в которую мы включили реакции-трактования стимула «родной», например, близкий, любимый, далекий, мой. Не обошлось и без оппозиции «свой-чужой», представленной в данном случае собственно реакцией «чужой».

В словаре, собранном по данным пилотажного эксперимента в Республике Коми, ассоциативное поле на стимул «родной» представлено следующими реакциями:

родной: человек 38; дом, язык 20; город 16; близкий, край 9; брат 6; свой, чужой 4; друг, мама 3; мой, не родной, папа 2; вещь, взгляд, голос, дед, деревня, единственный, забытый, земляк, косяк, любимы, любимый, мамка, мир, наши, отец, очень, подорожник, причал, простых, путь, радость, ребенок, родина, родственник, русский, рядом, семья, сын, телефон, убрать, умирает, хороший, член семьи, Юра 1; 186+48+14+34

Тематически ассоциативная статья делится на те же тематические группы, что и статья РАС 2: «родное место», «родные люди», «интерпретации», но можно заметить и некоторые отличия. Реакция «язык», которая заметно лидировала по частотности в РАС 2, вытеснена здесь реакцией «человек». В единичных реакциях присутствует единственное здесь культурно окрашенное слово «косяк».

И наконец в словаре, составленном по результатам пилотажного свободного ассоциативного эксперимента в Республике Татарстан, ассоциативное поле на стимул «родной» такое:

родной: человек 35; дом 25; язык 24; близкий 15; край 14; брат, город 11; мой 6; -, любимый 5; отец, чужой 4; папа 3; братишка, горд, далекий, дорогой, друг, душа, запах, муж, наш, нежный, объятия, почти???, родители, свой, семья, сын, татарский, тепло, теплый, уютный 1; 182+33+5+20

Тематические группы остаются в том же составе, что и в предыдущих ассоциативных полях. Реакция «язык» уже занимает третье место по частотности в поле. Кроме

того, в тематической группе «родные люди» мы не наблюдаем реакций женского рода, которые были представлены в РАС 2 и в словаре Коми. Опять же реакция, имеющая региональную специфику, единична, это слово «татарский», и имеет единичную же частотность.

Теперь обратимся к ассоциативным полям, сформированным из реакций на слово-стимул «родина». Прежде всего это ассоциативное поле из РАС 2:

родина: мать 154; Россия 94; моя 43; страна 25; дом 22; отчизна 10; земля 9; город 8; отечество 6; зовет, край, патриотизм 5; матушка, мать зовет, наша, патриот 4; долг, жизнь, любовь, малая, мама, родная 3; война, гордость, двор, кино, любимая, море, Москва, одна, радость, родное, России, Русь, РФ, святое, СССР, Сталин 2;

В приведенном ассоциативном поле тематически превалирует группа «родное место», то есть родина воспринимается респондентами как страна, дом, отчизна, земля, город, край, отечество, Москва, Россия, Русь, очевидно вырисовывается образ большой родины. Любовь к родине выражается как модными в наше время понятиями патриотизм, патриот, так и более душевными и чувственными реакциями, такими как любимая, гордость, родное, радость, святое, родная. В ассоциативном поле актуализируется известный слоган «Родина-мать зовет».

В словаре, собранном по данным пилотажного эксперимента в Республике Коми, ассоциативное поле на стимул «родина» представлено следующими реакциями:

родина: моя 37; мать 27; Россия 15; дом, наша 7; страна 6; любимая, мать зовет 5; земля 4; одна, родная, семья 3; город, зовет, коми, красива, леса, место, отечество, своя 2, большая, где я живу, гостя, деревня, дома, дорога, жива, ложь, любить, любовь, малая, мама, мат, мир, муж, нет ее, Никиты, ностальгия, отчизна, предатель, просторы, родной город, рождение, русская, русский, смерть, спирт, столица, стул, Сыктывкар, ты, фамилия, язык 1; 184+55+11+35

Тематическое наполнение данного ассоциативного поля совпадает с ассоциативным полем из РАС 2, но мы не наблюдаем реакций патриотизм, патриот. Любовь к родине выражается простыми эмоциональными понятиями, например, любимая, родная, красива, любить, любовь. Среди реакций оказались регионально специфические слова, например, коми, Сыктывкар.

В словаре, составленном по результатам пилотажного свободного ассоциативного эксперимента в Республике Татарстан, ассоциативное поле на стимул «родина» выглядит следующим образом:

родина: мать 23; моя 20; Россия 17; дом 15; Татарстан 7; земля, родная 6; -, одна 5; семья, страна 4; большая, наша, патриот, патриотизм 3; береза, город, деревня, зовет, любимая, любовь, место, природа, родная земля 2; берег, в сердцах, везде, где я родился, дело, добро, дорогое, душа, защита, здесь, Казань, капка тебе (скамейка), край, леса, люди, мама, мы, наш, не предаю, нельзя придавать, отчизна, отчий дом, пейзаж, песня, песня «Почему так в России березы шумят», равнина, родители, родное, родное место, родной край, РФ, с большой буквы, самолет, святое, столица, тепло, человека, Чувашия 1; 181+63+5+39

В данной ассоциативной статье вновь появляются понятия патриот и патриотизм. Здесь также представлены региональные реакции Татарстан, Казань, Чувашия, причем, реакция Татарстан имеет высокую частотность.

Выводы

Сопоставляя ассоциативные поля, сформированные из реакций на стимул «родной», мы видим, что они весьма однородны по своему составу. В каждом повторяются сходные тематические группы реакций, отличается только частотный показатель. Отметим реакцию «язык», которая лидирует по частотности в РАС 2, но занимает только вторую и третью позицию в региональных ассоциативных словарях, уступая место реакции «человек». Реакции, которые можно охарактеризовать как имеющие региональную культурную специфику, например, «татарский» или «комяк» единичны.

Таким образом, ассоциативные поля на стимул «родной» не позволили нам выявить региональные различия в языковом сознании носителей русской, татарской и коми культур, что связано, вероятно, с влиянием русского языка как общего языка общения в исследуемых регионах.

Сравнивая ассоциативные поля, полученные на стимул «родина», было обнаружено, что тематически они схожи. В словаре, составленном по материалам ассоциативного эксперимента в Республике Коми, мы наблюдаем региональный компонент в виде единичных реакций, в ассоциативном поле на стимул «родина» из словаря, собранном в Татарстане, обнаруживается большая наполненность культурно окрашенной лексикой, причем не только в виде единичных реакций.

Согласно нашей гипотезе, ассоциативные поля на стимул «родина» и «родной» должны были как нельзя лучше показать региональную специфику языкового сознания представителей разных регионов России. Но значительного разнообразия специфических реакций получено не было на примере нашей выборки. В словаре, составленном на материалах ассоциативного эксперимента, проведенного в Республике Коми, наблюдаются единичные культурно значимые реакции. В «татарском» словаре количество и частотность таких реакций выше.

Полученные результаты можно объяснить широким использованием русского языка в Республиках, иногда в ущерб национальным языкам. Кроме того, напомним, что *родина* воспринимается респондентами прежде всего как *большая родина, страна, отчизна*, а не как *родина малая*. Вследствие этого регионально окрашенные национальные реакции уходят на второй план, уступая место реакциям «общегосударственным».

Литература

Кечина Э.А. Исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа образа «Родины» // Мир науки, культуры и образования, 2010. – №6-2. – С. 6-9.

Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Е.Ф. Тарасов. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 6-15.

Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психоллингвистики, 2006. – № 4. – С. 92-100.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура, 2012. – № 2(28). – С. 129-132.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура, 2014. – № 4 (38). – С. 193-199.

Филиппова С.В. Образы «Дом» и «Родина» в языковом сознании носителей русской и якутской культур // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013. №5 – С. 274-279.

REPRESENTATION OF IMAGES 'NATIVE' AND 'HOMELAND' IN REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Stepanova Anna A.

Science worker, Institute of Linguistics RAS

Moscow, B.Kislovskiy per., 1/1

e-mail: st.anna@bk.ru

Associative experiments and dictionaries compiled on their materials provide an opportunity to dissect the peculiarities of the world image of representatives of different cultures. The knowledge contributes to the harmonization of intercultural communication that is especially important in the current globalized world. The study of regional specificity of language consciousness is a step in this direction. The article presents a comparative study of associative fields «native» and «homeland» on materials of the Russian associative dictionary (2008-2011) and trial associative experiments in the Republics of Komi and Tatarstan. The author has not received any significant diversity of specific responses. The result can be explained by the widespread usage of the Russian language in the regions and the actualization of the image «homeland» as a country but not as a native region.

Keywords: associative experiment, regional specificity, language consciousness.

References

Kechina Je.A. Issledovanie nacional'no-kul'turnoj specifiki jazykovogo soznaniya nositelej russkoj i arabskoj kul'tur na osnove sravnitel'nogo analiza obraza «Rodiny» [Research of National and Cultural Specificity of Language Consciousness of Russian and Arabs on the Material of Comparative Analysis of the Image 'Homeland'] // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya [World of Science, Culture and Education]. 2010. – №6-2. – p. 6-9.

Tarasov E.F. Vvedenie [Introduction] // Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost' [Language and Consciousness in Paradoxical Reality] / E.F. Tarasov. – M.: IJa RAN, 1993. – p. 6-15.

Ufimceva N.V. Jetnopsiholingvistika: vchera i segodnja [Ethnopsycholinguistics: Yesterday and Today] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2006. – № 4. – p. 92-100.

Ufimceva N.V. Jetnicheskij jazyk v uslovijah kul'turnoj i jazykovej polifonii [Ethnic Language in Conditions of Cultural and Language Polyphony] // Filologija i kul'tura [Philology and Culture], 2012. – № 2(28). – p. 129-132.

Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Associativnaja leksikografija i issledovanija jazykovogo soznaniya [Associative Lexicology and Studies of Language Consciousness] // Filologija i kul'tura [Philology and Culture], 2014. – № 4 (38). – p. 193-199.

Filippova S.V. Obrazy «Dom» i «Rodina» v jazykovom soznanii nositelej russkoj i jakutskoj kul'tur [Images of 'House' and 'Homeland' in Language Consciousness of Russians and Yakuts] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Current Problems in Humane and Natural Studies], 2013. – №5. – p. 274-279.

УДК 81'33

ВАРИАНТЫ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ¹

Стернин Иосиф Абрамович

директор Центра коммуникативных исследований
Воронежского университета,
Воронеж, Университетская пл. 1
e-mail: sterninia@mail.ru

В статье рассматриваются разные варианты описания значения слова экспериментальными методами. Предложены варианты лексикографического описания психолингвистического значения слова. Предлагаются варианты описания, удовлетворяющие различным исследовательским задачам.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, экспериментальные методы, семантика, языковое сознание.

В теоретических исследованиях Н.В.Уфимцевой обосновано, что значение слова является отображением социокультурной реальности [Уфимцева 2015], а важнейшим аспектом психолингвистического описания языка является описание *развития субъективного содержания знакового образа* [Уфимцева 2011], а также *образов сознания* носителей той или иной культуры [Уфимцева 1996]. В опоре на данные положения, как и в целом на концепцию Московской психолингвистической школы, мы осуществляем описание психолингвистического значения слова [Стернин, Рудакова 2011; Стернин, Рудакова 2015: 100-133; Маклакова 2013; Рудакова 2014а, Рудакова 2014б, Рудакова 2014в], которое представляет собой описание значений лексических единиц по результатам психолингвистических экспериментов с разной степенью детализации в соответствии с поставленными целями.

Конечная цель описания психолингвистических значений – составление психолингвистического словаря русского языка, в котором значения слов будут представлены в виде, максимально приближенном к их содержанию в языковом сознании носителей языка.

Результаты описания психолингвистических значений могут быть представлены в разной форме, с разной полнотой и степенью семантической детализации/ На данном этапе исследования можно привести примеры возможных описаний, преследующих разные цели.

Покажем возможные варианты описания психолингвистических значений слов на примере слова *блондинка*. Используемая терминология и формулировки семантических компонентов подробно пояснены в работе «Трафаретная модель

описания психолингвистического значения слова» [Стернин, Рудакова 2015: 100-133].

Следует, прежде всего, разграничить *исследовательское* и *лексикографическое* описание.

1. Исследовательское описание

Исследовательское описание необходимо как база для всех возможных видов (вариантов) описания психолингвистического значения и как «контрольный материал», необходимый для проверки адекватности любого сделанного описания.

Исследовательское описание психолингвистического значения предполагает, что приводятся все ассоциативные данные, которые послужили основой получения обобщенного психолингвистического представления семантики слова:

- ассоциации, обобщенные в семы с указанием количества испытуемых и количества отказов;
- ассоциации, актуализирующие релятивные признаки;
- ассоциации, обобщенные каждым оценочным признаком;
- ассоциации, обобщенные каждым эмоциональным признаком;
- функциональные семы – все характеризуются по трафаретной модели и выделяется сема, характерная для описываемого значения.

БЛОНДИНКА

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашеная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красотка, крашеная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Скляднева, Собчак, состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1; 97, отказ 3.

Психолингвистическое значение

100 ии, 3 отказа

1. Красивая, глупая светловолосая девушка

Красивая 6 (*красивая 2, с грудью 2, красавица 1 красотка 1*), **глупая 31** (*дура 12; тупая 9; глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, «умная»*), **светловолосая 17** (*белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка*) **девушка 20** (*девушка 18; девушки 2*) **или женщина 2** (*женщина, человек*), **ездит на машинах 2** (*«Мазда», машина*), **умная 2** (*умная 2*), **хитрая 1** (*хитрая*), **любит розовый цвет 1** (*в розовом*), вызывает **положительные эмоции 1** (*удовольствие*), **героиня анекдотов 1** (*анекдот 1*), **например, Мэрилин Монро 1, Собчак 1, я 1**

Прецедентные тексты 3 – телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 2 (*в шоколаде 2*), **героиня рассказов Л. Скляднева 1** (*Скляднева 1*)

Устойчивые выражения 1 – **«блондинка – это состояние души»** (*состояние души 1*)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Коммуникативная реакция – нет

Метаязыковые признаки – нет

СИЯ 91

Оценочная характеристика

(от 91 ИИ, давшего ассоциации на данное значение)

Ассоциативное поле, актуализирующее **данное значение:**

красивая 2, с грудью 2, красавица 1 красotka 1, дура 12; тупая 9; глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, «умная», белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек, «Мазда», машина 1, умная 2, хитрая, в розовом, удовольствие, анекдот, Мэрилин Монро, Собчак, я 1, в шоколаде 2, Скляднева 1, состояние души 1.

91

Неоценочное

белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек, «Мазда», машина, в розовом, анекдот, Мэрилин Монро, Собчак, я 1, в шоколаде 2, Скляднева 1, состояние души 1. -51 – 56%

Положительно-оценочное

красивая 2, с грудью 2, красавица 1 красotka 1, умная 2 – 8 – 8,8%

Отрицательно-оценочное

дура 12; тупая 9; глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, «умная», хитрая 1-32 – 35,2%

Эмоциональная характеристика

(от 91 ии, давшего ассоциации на данное значение)

Ассоциативное поле, актуализирующее **данное значение:**

красивая 2, с грудью 2, красавица 1 красotka 1, дура 12; тупая 9; глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, «умная», белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек, «Мазда», машина 1, умная 2, хитрая, в розовом, удовольствие, анекдот, Мэрилин Монро, Собчак, я 1, в шоколаде 2, Скляднева 1, состояние души 1 (91).

Неэмоциональное

красивая 2, с грудью 2, глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек, «Мазда», машина 1, умная 2, хитрая, в розовом, удовольствие, анекдот, Мэрилин Монро, Собчак, я 1, в шоколаде 2, Скляднева 1, состояние души 1 – 66 – 72,5%

Положительно-эмоциональное

красавица 1 красotka 1, удовольствие 1 – 3 – 3,3%

Отрицательно-эмоциональное

дура 12; тупая 9; «умная» 1 – 22- 24,2%

стилистический микрокомпонент – разговорное

социальный микрокомпонент – общеупотребительное

темпоральный микрокомпонент – новое

территориальный микрокомпонент - общераспространенное

частотный микрокомпонент – употребительное

социально-нормативный микрокомпонент - неполиткорректное

коммуникативно-тональный микрокомпонент – ироничное

Примеры употребления:

Ты что, блондинка – простого вопроса не понимаешь? Включила блондинку.

Задавать сложные вопросы было бесполезно- блондинка!

2. Девушка, женщина со светлыми волосами

Светловолосая 17 *белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1) девушка 20 (девушка 18; девушки 2) или женщина 2 (женщина, человек), обычно красящая волосы 4 (крашеная 3, крашеная женщина)*

Прецедентные тексты 3 – телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 2 (в шоколаде 2), героиня рассказов Л. Скляднева 1 (Скляднева 1).

Устойчивые выражения – нет

Коммуникативная реакция – нет

Метаязыковые признаки – нет

СИЯ 46

Оценочная характеристика

(от 46 ии, давших ассоциации на данное значение)

Ассоциативное поле, актуализирующее **данное значение:**

белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек 1, крашеная 3, крашеная женщина 1, в шоколаде 2, Скляднева 1 – 46

неоценочное

белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек 1, крашеная 3, крашеная женщина 1, в шоколаде 2, Скляднева 1 – 46- 100%

неодобрительное – 0

одобрительное – 0

Эмоциональная характеристика

(от 46 ии, давших ассоциации на данное значение)

неэмоциональное

белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек 1, крашеная 3, кра-

шеная женщина 1, в шоколаде 2, Скляднев 1 – 46- 100%

отрицательно-эмоциональное – 0

положительно-эмоциональное – 0,

Функциональная характеристика:

стилистический микрокомпонент – межстилевое;

социальный микрокомпонент – общеупотребительное

темпоральный микрокомпонент – современное

территориальный микрокомпонент – общераспространенное;

частотный микрокомпонент – употребительное

социально-нормативный микрокомпонент

коммуникативно-тональный микрокомпонент – тонально-нейтральное

Примеры употребления: *Она была стройной блондинкой. Это такая же высокая, нежная и холодная красавица блондинка (Калмыков, видно, признавал только один тип женской красоты).*

Не интерпретировано 1 – блондинка 1

Исследовательское описание – наиболее полный вариант описания психолингвистического значения, который можно рассматривать как базовый вариант описания.

2. Лексикографическое описание

Цель лексикографического описания – представить психолингвистические значения в словарной форме, удобной для использования носителями языка в качестве справочного пособия по выявлению психологически реальных значений слов. Возможно несколько вариантов таких словарей.

2.1 Ассоциативный семантический словарь

В данном типе словаря значения описываются как совокупности ассоциативных реакций, актуализирующих в эксперименте соответствующее значение.

К каждому выделенному значению слова (а отдельные значения могут быть выделены методом обобщения словарных дефиниций или обобщением результатов ассоциативных экспериментов, краткое описание значения формулирует исследователь) приводится *ассоциативное поле*, актуализирующее данное значение, с его совокупным индексом яркости (СИЯ) – суммарной частотности ассоциативных реакций, актуализирующих данное значение. Это можно назвать *ассоциативным значением слова* – совокупность ассоциаций, объективирующих данное значение в сознании носителей языка,

Этим этапом часто завершаются традиционные работы по ассоциативным полям.

БЛОНДИНКА

100 ии, 3 отказа

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашеная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красотка, крашеная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Мон-

ро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Скляднев, Собчак, состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1; 97, отказ 3.

Блондинка

100 ии, 3 отказа

1. Красивая, глупая светловолосая девушка

Ассоциативное поле, актуализирующее данное значение:

красивая 2, с грудью 2, красавица 1 красотка 1, дура 12; тупая 9; глупая 5; глупость, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, «умная», белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек, «Мазда», машина 1, умная 2, хитрая, в розовом, удовольствие, анекдот, Мэрилин Монро, Собчак, я 1, в шоколаде 2, Скляднев 1, состояние души 1 СИЯ - 91.

2. Девушка, женщина со светлыми волосами

Ассоциативное поле, актуализирующее данное значение:

белая, белочка, девушка с белыми волосами, женщина с белыми волосами 1, брюнетка 5, цвет волос 3; светлые волосы 2, девушка со светлыми волосами, светлая, шатенка 1, девушка 18; девушки 2, женщина, человек 1, крашеная 3, крашеная женщина 1, в шоколаде 2, Скляднев 1

СИЯ - 46

Не интерпретировано - блондинка 1.

2.2. Семемный психолингвистический словарь

Основной принцип данного типа психолингвистического словаря – *редукционизм*: семемы получают семантическое описание через связанное перечисление основных компонентов значения, небольшого количества ярких сем.

Значение формулируется на базе 3-5 самых ярких сем, по возможности – по убыванию их яркости, в виде связанной дефиниции.

Описываются только семемы, без семной расшифровки значения.

Указывается СИЯ, по убыванию СИЯ располагаются значения в словарной статье.

Не приводятся реляционные признаки – у них низкая яркость.

Оценка и эмоция приводятся в абсолютных цифрах.

Функциональные параметры – в словарной статье фиксируются только отклонения от нормы, если отклонений нет, то данный параметр опускается в описании.

БЛОНДИНКА

100 ии, 3 отказа

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашеная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красотка, крашеная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Скляднев, Собчак,

состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1; 97, отказ 3.

Психолингвистическое значение

100 ии, 3 отказа

1. Глупая 31 светловолосая 13 красивая 6 девушка 20

Неоценочное 51, положительно-оценочное 8, отрицательно-оценочное 32.

Неэмоциональное 66, положительно-эмоциональное – 3, отрицательно-эмоциональное – 22.

Новое, неполиткорректное, ироническое.

СИЯ 91

Ты что, блондинка – простого вопроса не понимаешь? Включила блондинку.

Задавать такие вопросы ей как блондинке было бесполезно.

2. Светловолосая 13 девушка 20, обычно крашеная 4

неоценочное 46, положительно-оценочное - 0, отрицательно-оценочное - 0
неэмоциональное 46, отрицательно-эмоциональное – 0, положительно-эмоциональное – 0

СИЯ 46

Примеры употребления: *Она была стройной блондинкой. Это такая же высокая, нежная и холодная красавица блондинка (Калмыков, видно, признавал только один тип женской красоты).*

Не интерпретировано 1 (блондинка)

2.3. Семное словарное описание

(семный психолингвистический словарь)

Значения приводятся в кратких формулировках (для того, чтобы можно было называть, кратко упоминать значение в ходе его описания или обсуждения) с последующим полным семным описанием.

Приводятся все семы значения, по возможности в виде связной дефиниции с указанием индекса яркости каждой семы.

Реляционные признаки приводятся после описания денотативного компонента значения; отсутствующие признаки, предполагаемые трафаретной моделью, не приводятся.

Индексы яркости семантических компонентов, оценочные и эмоциональные признаки приводятся в абсолютных цифрах.

Функциональные признаки приводятся, если они отражают отклонение от нормы, в форме перечисления.

БЛОНДИНКА

100 ии, 3 отказа

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашеная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красотка, крашеная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Скляднев, Собчак, состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1; 97, отказ 3.

1. Глупая 31 светловолосая 13 красивая 6 девушка 20

Красивая 6, глупая 31 светловолосая 17 девушка 20 или женщина 2, ездит на машинах, умная 2, хитрая, любит розовый цвет, вызывает положительные эмоции, героиня анекдотов, например, Мэрилин Монро, Собчак 1, я 1; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 2, героиня рассказов Л. Скляднева 1, «блондинка – это состояние души» 1.

СИЯ 91

Неоценочное 51, положительно-оценочное 8, отрицательно-оценочное 32.

Неэмоциональное 66, положительно-эмоциональное – 3, отрицательно-эмоциональное – 22.

Новое, неполиткорректное, ироническое.

Примеры употребления:

Ты что, блондинка – простого вопроса не понимаешь? Включила блондинку.

Задавать сложные вопросы ей как блондинке было бесполезно.

2. Девушка 20, женщина 2 со светлыми волосами 17

Светловолосая 17 девушка 20 или женщина 2, обычно красящая волосы 4; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 2, героиня рассказов Л. Скляднева 1.

Неоценочное 46, положительно-оценочное - 0, отрицательно-оценочное – 0; неэмоциональное 46, отрицательно-эмоциональное – 0, положительно-эмоциональное – 0

СИЯ 46

Примеры употребления: *Она была стройной блондинкой. Это такая же высокая, нежная и холодная красавица блондинка (Калмыков, видно, признавал только один тип женской красоты).*

Не интерпретировано 1 (блондинка)

Вариантом семного психолингвистического описания семантики слова является вариант описания с характеристикой индекса яркости сем и других количественных параметров значения в процентах от количества ассоциатов; при этом представление результатов в виде десятичной дроби удобнее и легче для вычисления – количественное значение отдельного признака просто делится на общее число ассоциативных реакций.

Чем ближе десятичный индекс к единице, тем ярче соответствующий признак в языковом сознании носителей языка.

Данный вариант описания удобнее для сопоставительного описания значений – гендерных, возрастных, региональных, социальных и под. Поскольку разные группы испытуемых могут различаться количественно, именно относительная характеристика того или иного семантического компонента или признака значения – доля относительно количества ассоциативных реакций в группе – позволит сопоставить групповые значения и семантические компоненты.

Подобное описание будет иметь следующий вид.

БЛОНДИНКА

100 ии, 3 отказа

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашеная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красотка, крашеная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Скляднева, Собчак, состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1; 97, отказ 3.

Индексы яркости семантических компонентов вычисляются от 91 (таково количество ассоциаций, актуализирующих данное значение).

Глупая 0,34 светловолосая 0,19 красивая 0,07 девушка 0,22
ИЯ вычисляется от 91.

Красивая 0,07, глупая 0,34 светловолосая 0,19 девушка 0,22 или женщина 0,02, ездит на машинах, умная 0,02, хитрая, любит розовый цвет, вызывает положительные эмоции, героиня анекдотов, например, Мэрилин Монро, Собчак, я 0,01; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 0,02, героиня рассказов Л. Скляднева, «блондинка – это состояние души» 0,01.

СИЯ 0,99

Неоценочное 0,56, положительно-оценочное 0,09, отрицательно-оценочное 0,35.

Неэмоциональное 0,73, положительно-эмоциональное – 0,03, отрицательно-эмоциональное – 0,24.

Новое, неполиткорректное, ироническое.

Примеры употребления:

Ты что, блондинка – простого вопроса не понимаешь? Включила блондинку.

Задавать сложные вопросы ей как блондинке было бесполезно.

2. Девушка 0,43, женщина 0,04 со светлыми волосами 0,17

ИЯ вычисляется от 46.

Светловолосая 0,17 девушка 0,43 или женщина 0,04, обычно красящая волосы 0,09; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 0,04, героиня рассказов Л. Скляднева 0,02.

СИЯ 0,79

Неоценочное 1,00 положительно-оценочное - 0, отрицательно-оценочное – 0; неэмоциональное 1,00, отрицательно-эмоциональное – 0, положительно-эмоциональное – 0

Примеры употребления: *Она была стройной блондинкой. Это такая же высокая, нежная и холодная красавица блондинка (Калмыков, видно, признавал только один тип женской красоты).*

Не интерпретировано 1 (блондинка)

Количественные показатели, выраженные в десятичных дробях, дают удобную возможность сопоставления значений и отдельных сем по яркости при различном количестве испытуемых и разном количестве ассоциаций, актуализирующих то или иное значение.

Выбор формы описания психолингвистического значения диктуется конкретными задачами, которые ставит перед собой исследователь.

Литература

Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 272 с.

Рудакова А.В. Методика описания денотативного макрокомпонента психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – №2. – С. 66-68.

Рудакова А.В. Проблемы описания психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. – 2014. – №3. – С. 36-42.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2014. – 180 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С.100-133

Уфимцева Н.В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – № 25. – С.83-95.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – 227с.

VARIANTS OF THE DESCRIPTION OF WORD MEANING BY EXPERIMENTAL METHODS

Sternin Iosif Abramovich

Head of Communication Studies Centre
University of Voronezh,
Voronezh, Universitetskaya pl.1
e-mail: sterninia@mail.ru

In the article different variants of the description of a word meaning by experimental methods are considered. Variants of lexicographic description of psycholinguistic word meanings are offered, satisfying various research problems.

Keywords: psycholinguistic meaning, experimental methods, semantics, language consciousness.

References

Maklakova E.A. Teoreticheskie problemy semnoy semasiologii: monografiya / E.A. Maklakova, I.A. Sternin. [[Theoretical problems of seme semasiology: the monography / E.A.Maklakova, I.A.Sternin. – Voronezh: Istoki, 2013. – 272 p.] – Voronezh: Istoki, 2013. – 272 s.

Rudakova A.V. Metodika opisaniya denotativnogo makrokomponenta psikholingvisticheskogo znacheniya slova [Technique of the description of denotative macrocomponent of psycholinguistic word meaning / The Bulletin of the Voronezh state university. Series: Philology. Journalism. – 2014. – №2. – pp. 66-68]. / A.V. Rudakova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2014. – №2. – S. 66-68.

Rudakova A.V. Problemy opisaniya psikholingvisticheskogo znacheniya slova [The problem of the description of a psycholinguistic word meaning / A.V.Rudakov// Bulletin РУДН. A series: Russian and foreign languages and a technique of their research. – 2014. – №3. – pp. 36-42]. / A.V. Rudakova // Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh issledovaniya. – 2014. – №3. – S. 36-42.

Rudakova A.V. Teoreticheskie i prikladnye problemy psikholingvisticheskoy leksikografii: monografiya [Theoretical and applied problems of psycholinguistic lexicography: the monography/A.V. Rudakov. – Voronezh: Sources, 2014. – 180 pp.] /A.V. Rudakova. – Voronezh: Istoki, 2014. – 180 s.

Sternin I.A. Psikholingvisticheskoe znacheniye slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy: monografiya [Psycholinguistic word meaning and its description. Theoretical problems: the monography / I.A.Sternin, A.V.Rudakov. - LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 pp.]/ I.A. Sternin, A.V. Rudakova. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 s.

Sternin I.A., Rudakova A.V. Trafaretnaya model' opisaniya psikholingvisticheskogo znacheniya slova [Trafaret model of the description of psycholinguistic word meaning

//Psycholinguistics and lexicography:. Proceedings / Ed. A.V.Rudakov. – Voronezh:, 2015. – Vyp. 2. – S.100-133] // // Psikholingvistika i leksikografiya: sb. nauchnykh trudov / Nauch. red. A.V. Rudakova. – Voronezh: Istoki, 2015. – Vyp. 2. – S.100-133

Ufimtseva N.V. Znachenie slova kak otobrazhenie sotsiokul'turnoy real'nosti // oprosy psikholingvistiki. [Word meaning as display of sociocultural realities / Problems of psycholinguistics] – № 25. – S.83-95.

Ufimtseva N.V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. [Language consciousness: dynamics and variability. – M.- Kaluga: Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 252 pp.] – M., Kaluga: Institut yazykoznaneya RAN, 2011. – 252 s.

Ufimtseva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russians: experience of one more self-knowledge// Ethnocultural specificity of language consciousness] // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. – M.,1996. – 227s.

УДК 81'23

**ОПЫТ АНАЛИЗА МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НА
ПРИМЕРЕ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ НОСИТЕЛЕЙ СЕРБСКОЙ,
ЛИТОВСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР¹**

Ефимова Ольга Юрьевна
Научный сотрудник НИЯУ МИФИ
г. Москва, Каширское ш., 31
e-mail: efimova@gmail.com

Нистратов Александр Алексеевич
Научный сотрудник факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, ул. Моховая, д. 11/9
e-mail: a.nistratov@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович
Заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации РУДН
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2
e-mail: word@list.ru

Тарасов Евгений Федорович,
Заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН
г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: eft35@mail.ru

В данной работе представлен опыт анализа экзистенциальных характеристик гетеростереотипов на примере носителей сербской, литовской и русской лингвокультур. Для исследования использовалась методика специализированного семантического дифференциала (СД). В результате обработки данных были построены семантические пространства шкалируемых объектов (национальных стереотипов) для представителей жителей России, Сербии и Литвы. Метод субъективных семантических пространств позволил изучить стереотип на уровне образа. Анализ экзистенциальных характеристик гетеростереотипов позволил сформировать гипотезы о поведении носителей исследуемых лингвокультур. Гипотезы обладают достаточными эвристическими потенциалами.

Ключевые слова: семантический дифференциал, категоризация, гетеростереотипы, семантические пространства, языковое сознание, национальный стереотип.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-12021.

Социальные стереотипы – это вид мифологического сознания, формируемого в речевом общении в ходе восприятия речевых сообщений, описывающих чужой практический опыт.

Изучение этностереотипов, предпринятое в нашей работе, – это перевод мифологического сознания в теоретическое знание, функционирующее в научной деятельности по выработке научного знания для нужд осуществления совместной деятельности и общения с носителями чужой культуры.

Для исследования можно использовать методику семантического дифференциала (СД) Ч.Осгуда [Osgood 1962: 10-28]. Метод, предложенный Осгудом, позволяет выяснить отношение человека к объекту и выявить основные факторы, определяющие отношение исследуемой группы, поместив объект в систему его признаков. Тест был разработан Ч. Осгудом [Osgood 1957: 342] в середине 50-х годов для количественного измерения субъективных значений понятий. Суть его состоит в том, что респонденту предлагается последовательно высказать свое отношение к некоему объекту по целому набору шкал. В качестве полюсов шкал Осгуд использовал пары антонимичных прилагательных, отобранных в ходе предварительного эксперимента.

При подборе прилагательных важно избежать исследовательского субъективизма. Поэтому, на первом этапе желательно провести серию опросов (30-40) с независимыми людьми, задавая им вопросы типа «Какими прилагательными Вы могли бы описать данный объект?»

Построение СД на базе оценок объектов из определенных областей – частные СД – продемонстрировало возможность трансформации классического семантического пространства (оценка, сила, активность) и появление новых факторов. Частные СД характеризуются различной размерностью (числом некоррелирующих факторов), разным содержанием выделенных факторов, которые в то же время сохраняют некоторую преемственность с универсальным СД. Так, многие факторы частных семантических пространств являются конкретизацией универсальных факторов, которые видоизменяются (объединяются, расщепляются и т.п.) и наполняются определенным денотативным содержанием. Это объясняется тем, что если при конструировании шкал можно столкнуться с проблемой неопределенности антонимов, то в частном СД используемые прилагательные и объекты более контекстуальны, и ассоциация становится более направленной. Фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания входящих в него шкал.

На втором этапе респондентам предъявляются объекты и шкалы для их оценки. Каждый объект должен быть оценен по всем шкалам. Предполагается, что, взглянув на объект, респондент способен соотнести свои ощущения со всеми предложенными ему шкалами. Размер выборки исследования зависит от исследовательских задач. Учитывая, что данным методом изучаются не респонденты, а оценки объекта, выставляемые по большому количеству шкал, в результате получается довольно большая матрица данных. Поэтому, как правило, достаточно ограничиться выборкой в 40-50 респондентов.

Третий этап – аналитический. Метод семантического дифференциала позволяет использовать разнообразные способы анализа, при выборе которых исследователю также следует исходить из поставленных перед ним задач.

Процедура исследования

Настоящая методика исследования представляет собой модифицированный Семантический Дифференциал (СД). Этот метод позволит выявить неосознаваемые самими людьми критерии восприятия ими образов представителей различных стран. Респонденты должны по заданному набору качеств оценивать представителей разных стран по шкале от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 – его максимальную выраженность). Использование однополюсных шкал дает дополнительную «степень свободы» в проекции когнитивных структур испытуемых на экспериментальный материал, так как позволяет выделить субъективную «синонимию» и «антонимию» признаков описания, не обязательно совпадающую с нормативно языковой. Показателем такой субъективной синонимии и антонимии является попадание шкал-признаков описания в один фактор и на один полюс фактора для синонимов и на противоположный полюс (если он наличествует) для антонимов.

Стимульный материал частного семантического дифференциала для данного исследования представлял собой 35 оценочных шкал отобранных по результатам предварительного эксперимента, по которым оценивалось 20 этнических стереотипов. Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа. Математический аппарат, применяемый в методе СД, выявляет отношение человека, группы людей к тем или иным процессам и явлениям. Здесь осуществляется возможность сочетать качественные характеристики и количественные оценки.

Сравнительный анализ этнических стереотипов был проведен по выделенным факторам, в соответствии с которыми по всей выборке дифференцировались образы исследуемых народов. Метод субъективных семантических пространств позволил изучить стереотип на уровне образа. Анализ экзистенциальных характеристик гетеростереотипов позволил сформировать гипотезы о поведении носителей исследуемых лингвокультур. Гипотезы обладают достаточными эвристическими потенциями.

В каждом эксперименте приняли участие по 40 респондентов в возрасте 17-24 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделены факторы – категории и построены семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

Сербия

1. Деловитость, лидерство. 9.0%
2. Трудолюбие, выдержка. 8.9%
3. Силовое господство. 8.8%
4. Цивилизованность. 7.8%
5. Холодный индивидуализм. 7.6%

6. Безответственный оптимизм. 7.2%
7. Расчетливость. 5.8%

Литва

1. Лидерство. 9.5%
2. Силовое господство. 9.2%
3. Предприимчивость, расчет. 9.1%
4. Самодисциплина, цивилизованность. 8.7%
5. Покорность, выдержка. 7.3%
6. Безответственный оптимизм. 6.6%

Россия

1. Эгоизм, расчетливость. 8.9%
2. Лидерство. 8.6%
3. Цивилизованность. 8.2%
4. Сообразительность, предприимчивость. 8.1%
5. Самодисциплина, ответственность. 7.6%
6. Общительность, оптимизм. 7.2%
7. Силовое господство. 6.5%
8. Трудолюбие, выдержка. 6.4%

Как видно из приведенного списка количество выделенных категорий и их значимость определяемая вкладом в общую дисперсию различна для представителей отдельных стран. Надо отметить, что и содержание факторов-категорий у респондентов из отдельных стран имело некоторые различия. Так в фактор-категории **Лидерство**, как видно из приведенного списка дескрипторов, в российской выборке отсутствует дескриптор «способность рисковать», а в сербской «чувство превосходства» и «чувство собственного достоинства». У россиян в этот фактор-категорию входит «индивидуализм», у литовцев «энергичность», а у сербов «добросовестность в деле», «сообразительность» и «способность к самодисциплине». Хотя все испытуемые (сербы, литовцы и русские) оценивают образы носителей различных культур в единой заданной экспериментаторами мерности (т.е. при помощи шкал), они формируют естественным образом инвариантные и вариативные представления, описывающие эти образы сознания. При этом экспериментаторы исходят из правдоподобной гипотезы, что образы носителей разных этнических культур репрезентированы в сознании сербских, литовских и русских испытуемых при помощи индивидуальных чувственных образов и образов сознания стереотипных или частично стереотипизированных, в ходе обработки экспериментальных данных исследователи обозначают анализируемые образы при помощи искусственных обобщающих факторов-категорий, что позволяет все многообразие индивидуальных оценок, данных испытуемыми, свести к обозримому количеству факторов-категорий, допускающих сравнение качеств носителей разных культур.

Следует учитывать то обстоятельство, что содержание факторов-категорий – это когнитивная база (база знаний), используемая сербскими, литовскими и русскими испытуемыми для описания гетеростереотипов, являются характеристикой этноса, члены которого в нашем исследовании фигурируют в качестве испытуемых.

Фактор-категория Лидерство		
Сербия	Литва	Россия
добросовестность в деле	<i>стремление к известности</i>	<i>стремление к известности</i>
способность к самодисциплине	способность рисковать	индивидуализм
<i>деловитость</i>	<i>стремление управлять</i>	<i>чувство превосходства</i>
способность рисковать	энергичность	<i>стремление управлять</i>
<i>стремление к известности</i>	<i>деловитость</i>	<i>чувство собственного достоинства</i>
сообразительность	<i>чувство собственного достоинства</i>	<i>деловитость</i>
<i>стремление управлять</i>	<i>чувство превосходства</i>	

Из приведенного списка видно, что у русских и литовцев фактор-категория **лидерство** имеет большее сходство, чем с этим же фактором-категорией у сербов.

С учетом этих различий в содержании фактор-категории **Лидерство** нужно интерпретировать размещение национальных стереотипов в семантическом пространстве фактор-категорий. Как видно из графика рис. 1 у русских и литовцев на полюсе фактора-категории **лидерство** расположен американец. Далее у литовцев идет русский, француз, немец, итальянец. У русских англичанин, француз, русский, немец. На противоположном полюсе у литовцев - индиец, африканец, еврей, латиноамериканец, японец. У русских – китаец, африканец, индиец, латиноамериканец, кореец. Можно видеть достаточно большое сходство в размещении национальных стереотипов в семантическом пространстве этой категории – на полюсе лидерства располагаются представители западной цивилизации, на противоположном полюсе представители стран Востока, которые не воспринимаются как лидеры. У сербов картина иная – на полюсе лидерства находится японец, далее немец, кореец, русский, серб. На противоположном полюсе – итальянец, грузин, француз, латиноамериканец, американец, индиец, африканец. Учитывая некоторую разницу в содержании этой категории можно предположить, что сербы не принимают в качестве лидерских качеств чувство превосходства и и завышенное чувство собственного достоинства, а отдают предпочтение деловым качествам: добросовестность в деле, способность к самодисциплине, сообразительность, что можно отметить у японцев, немцев, корейцев и что отсутствует по мнению сербов у итальянцев, грузин, французов, латиноамериканцев.

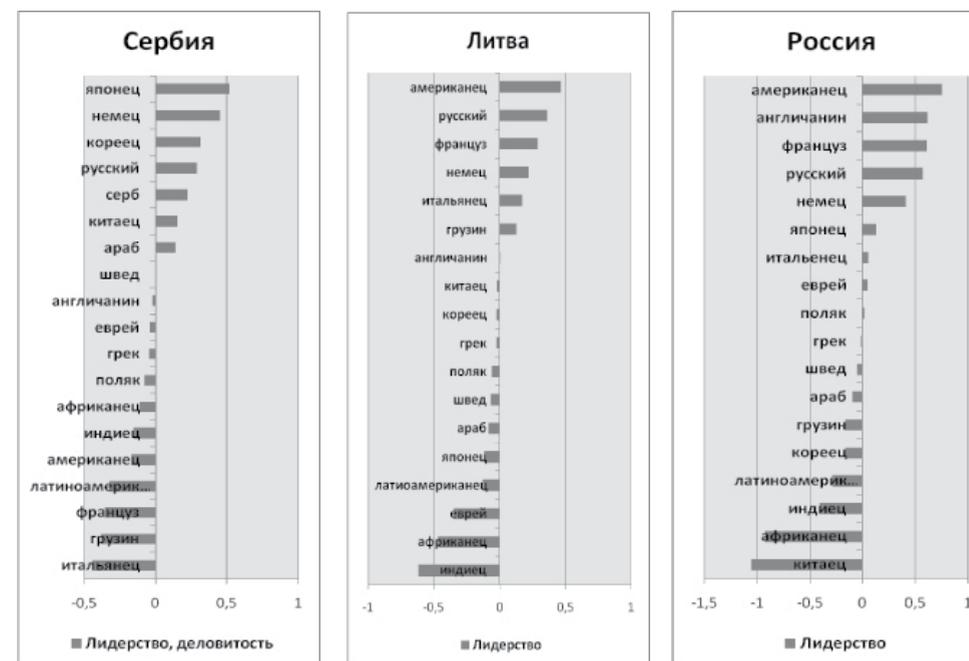

Рис. 1

Следующий фактор, который мы рассмотрим, имеет в своем составе дескриптор «расчетливость», но эта категория у сербов, литовцев и русских будет различаться. У русских этот фактор занимает первое место у литовцев – третье, у сербов этот фактор на седьмом месте. Для русских «расчетливость» сочетается с «эгоизмом», «прагматизмом», «тщеславием», что вполне логично. С другой стороны присутствует дескриптор «законопослушность», в то время как у сербов «расчетливость» сочетается с «непокорностью». И у русских и у сербов на полюсе этой категории расположен американец. Далее у русских расположены еврей, немец, англичанин, китаец, что вполне согласуется с представлением об этих национальных стереотипах у россиян. На противоположном полюсе расположены: русский, индиец, африканец, грек, латиноамериканец, законопослушность которых, видимо, под сомнением. Другая картина у литовских респондентов. В эту категорию входит «предприимчивость», «хитрость», «трудолюбие», «изобретательность», «бережливость», «сообразительность», «стремление к успеху» и наибольшее значение по этой категории имеют китаец, еврей, японец, кореец, немец. На противоположном полюсе как у русских и сербов представлены индиец, африканец, латиноамериканец. Несмотря на некоторые различия в содержании этой категории видим, что представление о национальных стереотипах у сербов, литовцев и русских имеет много общего.

Фактор-категория **Расчетливость**

Сербия	Литва	Россия
непокорность	предприимчивость	эгоизм
расчетливость	хитрость	прагматизм
	трудолюбие	тщеславие
	расчетливость	расчетливость
	изобретательность	законопослушность
	бережливость	
	сообразительность	
	стремление к успеху	

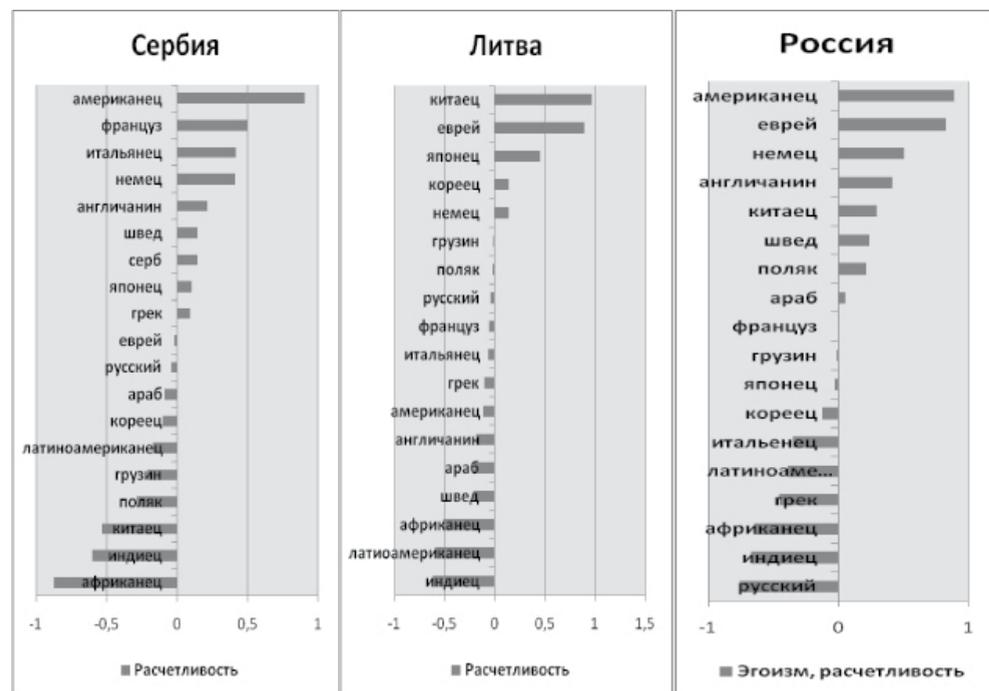

Рис. 2

Фактор-категория **Трудолюбие, выдержка** имеет свои особенности у сербов, литовцев и россиян. У сербов и россиян наибольшее сходство как в содержании категории, так и в расположении национальных стереотипов в семантическом пространстве этой категории. Это можно видеть на рис. 3. Китаец и японец занимают верхние позиции в семантическом пространстве сербов, далее у сербов расположены немец, еврей, швед, а у русских кореец, еврей, индиец, африканец. Это можно объяснить тем, что у сербов в состав категории входят «предприимчивость», «выдержка», «стремление к успеху», «изобретательность», «бережливость», в то

время как у русских «покорность», «терпимость». Расположение стереотипов на противоположном полюсе у русских и сербов не имеет ничего общего.

Фактор-категория **Трудолюбие, выдержка**

Сербия	Литва	Россия
бережливость	<i>покорность</i>	<i>трудолюбие</i>
<i>трудолюбие</i>	<i>выдержка</i>	<i>покорность</i>
<i>выдержка</i>	<i>терпимость</i>	<i>терпимость</i>
предприимчивость	честность	холодность
стремление к успеху		
изобретательность		
хитрость		

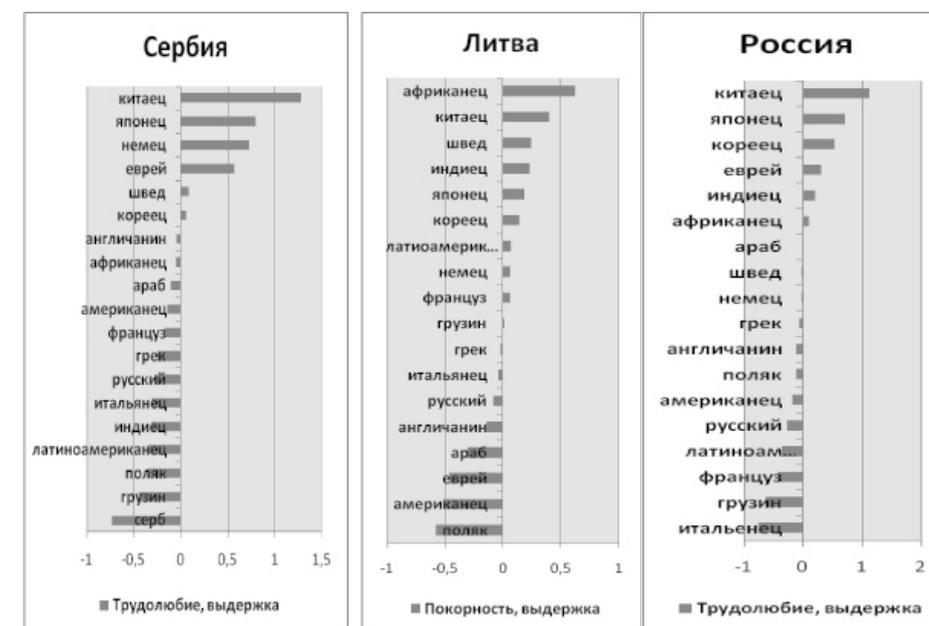

Рис. 3

В факторе-категории **Силовое господство** определяющими дескрипторами являются «жестокость», «коварство», «агрессивность». У сербов к ним добавляется «нетерпимость», «чувство превосходства», «эгоизм», «тщеславие», что не меняет основного содержания, но придаёт некоторые дополнительные нюансы этой категории. У литовцев эта категория также имеет свои отличия – добавляется «холодность», «прагматизм» и «тщеславие» и «эгоизм», как у сербов. Расположение национальных стереотипов в семантическом пространстве категории имеет свою специфику. Так у сербов и россиян на полюсе категории расположен американец, далее у сербов немец, араб, англичанин, что возможно определяется историческими событиями. У россиян вслед за американцем идут араб, грузин, поляк, немец,

что также можно объяснить с точки зрения истории. У литовцев же на первом месте стоит поляк далее грузин, русский, еврей, что также можно объяснить историческими событиями прошлого. На противоположном полюсе у литовцев и русских китаец, у сербов грек.

Фактор-категория **Силовое господство**

Сербия	Литва	Россия
<i>жесткость</i>	<i>коварство</i>	<i>жесткость</i>
<i>агрессивность</i>	<i>жесткость</i>	<i>агрессивность</i>
<i>коварство</i>	<i>эгоизм</i>	<i>коварство</i>
<i>эгоизм</i>	<i>агрессивность</i>	
<i>тщеславие</i>	холодность	
нетерпимость	прагматизм	
чувство превосходства	<i>тщеславие</i>	

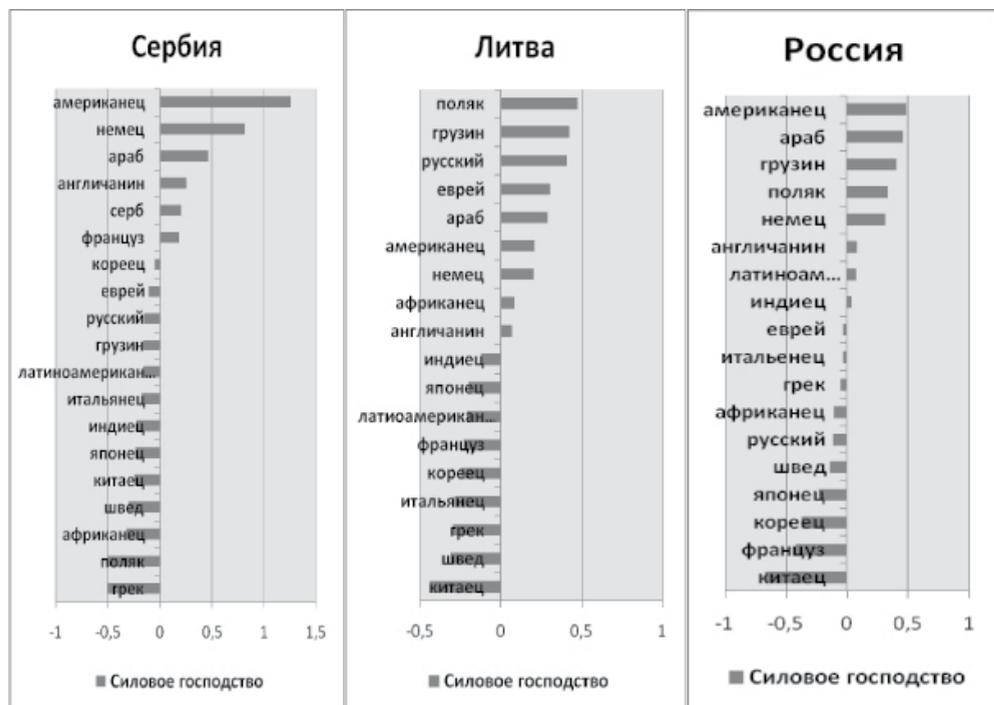

Рис.4

В факторе-категории **Цивилизованность** у всех респондентов ведущими дескрипторами являются «цивилизованность» и «образованность». У сербов и русских добавляется «честность», а у литовцев и сербов ещё и «законопослушность». Кроме того, у литовцев присутствуют «способность к самодисциплине», «добросовестность в деле» и «индивидуализм», а у русских «выдержка» и «бережливость». На положительном полюсе расположение национальных стереотипов во всех трёх

выборках имеет большое сходство как видно из рис. 5. На противоположном полюсе единодушное мнение – расположен африканец. Далее начинаются расхождения. У русских следует американец, араб, китаец, грузин. У литовцев – грузин, араб, латиноамериканец. У сербов – серб, индиец, араб, грузин.

Фактор-категория **Цивилизованность**

Сербия	Литва	Россия
<i>законопослушность</i>	<i>законопослушность</i>	<i>цивилизованность</i>
<i>цивилизованность</i>	<i>цивилизованность</i>	<i>честность</i>
<i>честность</i>	способность к самодисциплине	<i>образованность</i>
<i>образованность</i>	<i>образованность</i>	выдержка
	добросовестность в деле	бережливость
	индивидуализм	

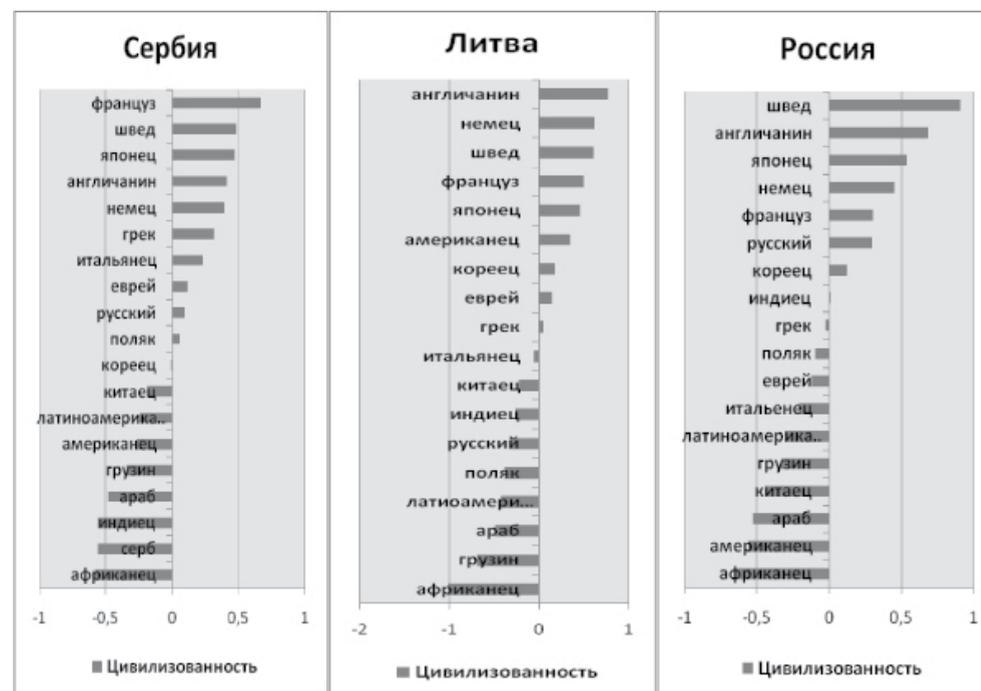

Рис.5

В факторе-категории **Общительность, оптимизм** основные определяющие дескрипторы «общительность» и «оптимизм», но у сербов к ним добавляется «энергичность» и «безответственность», у литовцев только «безответственность», а у русских «энергичность» и «стремление к успеху». Это придаёт определённую окраску категории в каждом отдельном случае и это определяет расположение национальных стереотипов в семантическом пространстве категорий. Так «стремление к успеху» и «энергичность» позволяет поставить на первое место американца в русской выборке. Литовцы также ставят на первое место американца, но сербы располагают на первом месте серба, что позволяет предположить причину этого

наличия дескриптора «безответственность» в категории у сербов. Далее располагаются у сербов и литовцев итальянец, у русских латиноамериканец и итальянец. На противоположном полюсе картина у всех совершенно различная.

Фактор-категория **Общительность, оптимизм**

Сербия	Литва	Россия
<i>общительность</i>	<i>оптимизм</i>	<i>оптимизм</i>
<i>энергичность</i>	<i>общительность</i>	<i>энергичность</i>
<i>оптимизм</i>	<i>безответственность</i>	<i>общительность</i>
<i>безответственность</i>		стремление к успеху

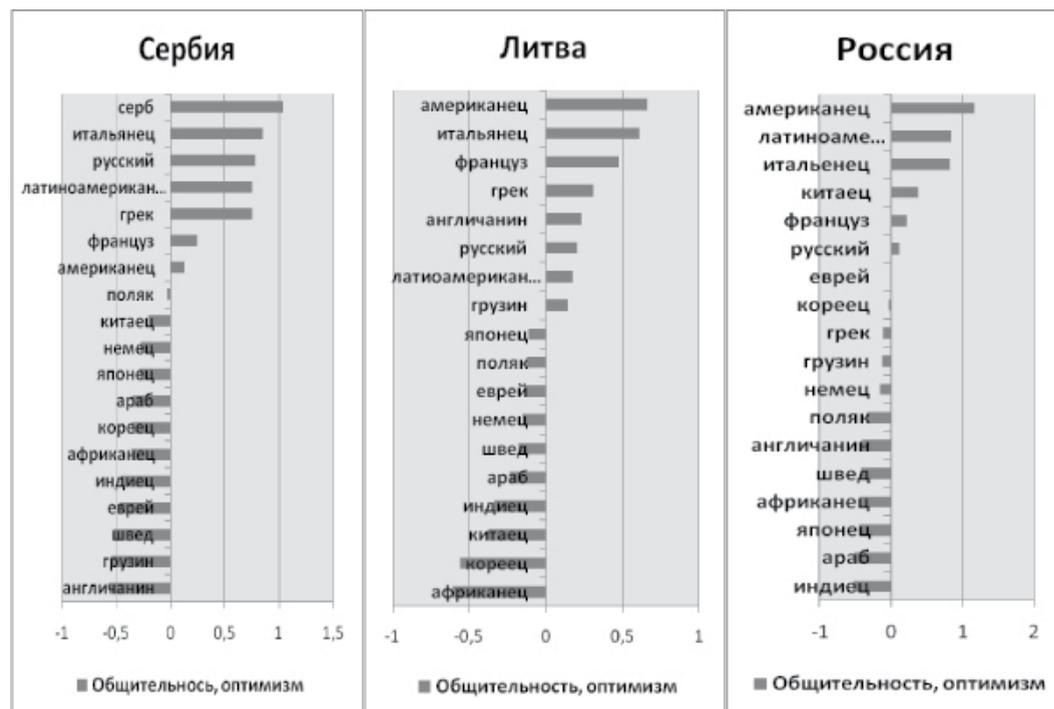

Рис.6

Фактор-категория **Холодный индивидуализм**

Надо заметить, что у сербов выделился отдельный фактор-категория. Дескрипторы, входящие в него характерны для представителей европейской культуры. Более того, это черты присущие англо-саксонскому характеру. Это можно видеть и по расположению стереотипов в пространстве этой категории, см. рис. 7. Положительный сегмент пространства занимают представители европейской культуры: англичанин, француз, итальянец, швед, немец, американец. На противоположном полюсе представлены: африканец, латиноамериканец, кореец, индиец. Для этих народов более характерна общинность, что противопоставляет их европейской и особенно англосаксонской группе стереотипов.

Сербия

индивидуализм

прагматизм

чувство собственного достоинства

холодность

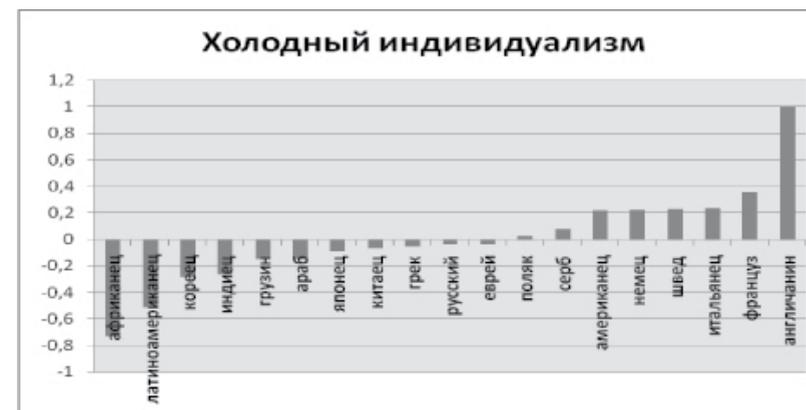

Рис. 7

Что касается российских респондентов, то у них кроме описанных выше шести общих факторов выделено ещё два фактора-категории – один из них можно назвать **предприимчивость**, другой **самодисциплина, ответственность**.

Фактор-категория **Предприимчивость**

Фактор-категория **Предприимчивость** и расположение стереотипов в пространстве этой категории представлены ниже и на рис. 8. Как видно из рис. 8 положительный полюс занимают русский, китаец, еврей. Неожиданно то, что противоположный полюс занимают американец, немец, швед, англичанин. Это можно объяснить тем, что в этой категории наиболее значимыми качествами являются *сообразительность, изобретательность, хитрость*. Видимо российские респонденты считают, что русские обладают этими качествами в большей мере, чем американцы, немцы, шведы, англичане.

Россия

сообразительность

изобретательность

хитрость

предприимчивость

способность рисковать

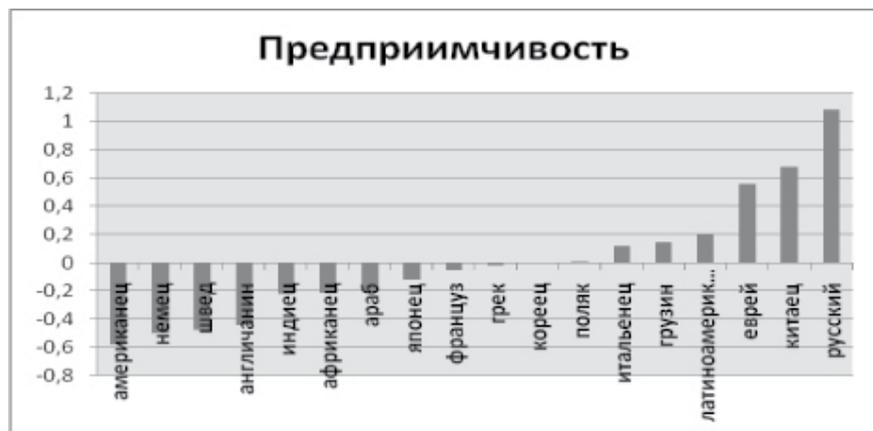

Рис. 8

Фактор-категория **Самодисциплина, ответственность**

Ещё один фактор-категория у русских респондентов представлен ниже и на рис. 9 показывает вполне ожидаемую картину образов национальных стереотипов. Немец, японец, англичанин, американец, кореец, китаец занимают положительный край полюса. Латиноамериканец, русский, поляк, африканец, грек, грузин расположен на противоположном полюсе, что соответствует общему мнению об этих народах в русском обыденном сознании.

Россия

добросовестность в деле

способность к самодисциплине

ответственность

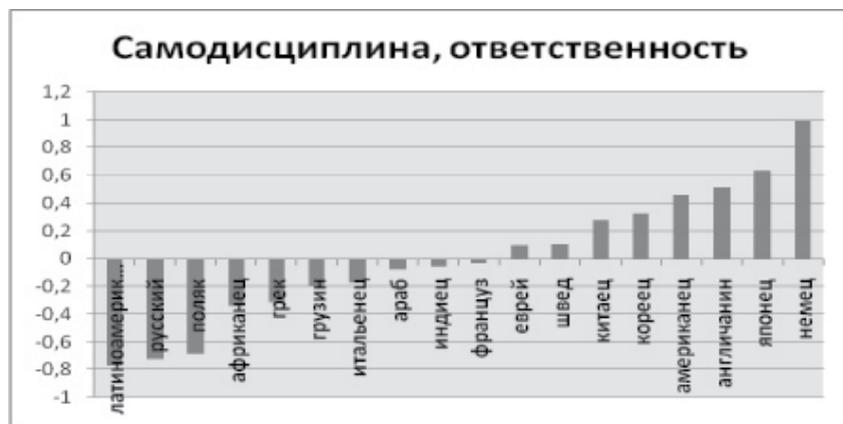

Рис. 9

В процессе межличностного общения проявляются индивидуально-психологические особенности представителей той или иной этнической общности, происходит обмен информацией, актуализируется национальное сознание, меня-

ются интересы, появляются взаимные симпатии и антипатии. Большинство исследователей исходят из того, что люди, принадлежащие к одной нации или одной этнической общности, наряду с общечеловеческими качествами обладают особенностями, типичными для всех представителей только данной нации или этнической общности и нетипичными для представителей другой. Сам факт существования различий в психологии общностей получил широкое признание: различия могут быть ярко выражены или могут иметь лишь очерченные контуры, но они есть. Обособленность каждой общности, тем не менее, предлагает наличие контактов между ними, в результате которых этносы получают определенную информацию друг о друге. На основании опыта, полученного во время контактов, формируются этнические стереотипы, которые представляют собой осознание характерных с точки зрения своей этнической группы признаков собственной и другой группы. В настоящее время уже не вызывает сомнений, что этнические стереотипы не сводятся к совокупности мифических представлений, но представляют собой образы этносов, а не просто мнения о них. Они отражают, пусть и в искаженном или трансформированном виде, объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и отношения между ними.

Литература

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system. Amer. Psychol., 1962, v. 17, pp. 10-28.

Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.

AN ATTEMPT AT ANALYZING MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS
BASED ON HETEROSTEREOTYPES OF BEARERS OF SERBIAN,
LITHUANIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Efimova Olga Yurievna

Researcher at National Research Nuclear University MEPhI
Russia, Moscow, Kashirskoe highway 31
e-mail: efimova@gmail.com

Nistratov Aleksandr Alekseevich

Researcher at Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow, Mokhovaya str. 11/9
a.nistratov@mail.ru

Sinyachkin Vladimir Pavlovich

Chief of Department of the Russian Language and
Cross-cultural Communication, RUDN University
Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str. 10/2
e-mail: word@list.ru

Tarasov Evgeniy Fedorovich

Chief of Department of Psycholinguistics,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow, Bolshoy Kislovskiy str. 1 bld. 1
e-mail: eft35@mail.ru

The paper presents an analysis of heterostereotypes in bearers of Serbian, Lithuanian and Russian linguocultures. The results have been obtained with the use of the semantic differential. Semantic spaces of national stereotypes for Serbians, Lithuanians and Russians have been constructed. The method of subjective semantic spaces has permitted to investigate stereotypes at the image level. The analysis of heterostereotypes has permitted to formulate hypotheses about the behavior of Serbians, Lithuanians and Russians. The hypotheses have heuristic potency.

Keywords: semantic differential, categorization, semantic space, language consciousness, national stereotypes.

References

- Osgood Ch.* Studies on Generality of affective meaning system. Amer. Psychol., 1962, v. 17, pp. 10-28.
Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.

УДК 81'23

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТА *ЮРОДСТВО/ЮРОДИВЫЙ*
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Н.Л. Чулкина

профессор кафедры общего и русского
языкознания, Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2а,
e-mail: nina.tchulkina@yandex.ru

Гомес Диас Вассили Блаженной (Бразилия)

аспирантка кафедры общего и русского языкознания,
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117298
e-mail: vassiliblajenoi.dias@mail.ru

В статье предпринята попытка с помощью разных методик (в том числе и психолингвистических) выявить и описать амбивалентный характер концепта *юродство/юродивый* в русской языковой картине мира. Таким образом, данное исследование входит в ряд научных работ, посвященных анализу и описанию концептов культуры и национальных языковых картин мира.

Противоречивость данного концепта задана сосуществованием двух типов юродства на Руси: один из них представлен людьми с поврежденной психикой, душевнобольными. Они не контролируют свои поступки и не вкладывают какого-либо специального смысла в них. Юродивые же Христа ради, напротив, добровольно и осмысленно подвизаются на «самопроизвольное мученичество», осознанно принимая облик бездомности и нищеты, обретая таким образом право «обличать горделивый и суетный мир» невзирая на лица.

В основной части статьи подробно анализируются все внешние атрибуты и внутренние мотивы юродства Христа ради, выявляется их амбивалентность через анализ семантики и психолингвистического значения лексических единиц, именующих это понятие. При этом используются данные ассоциативного эксперимента и метод реконструкции текстовых ассоциативных полей. Материалом для такой реконструкции служат научные тексты известных российских авторов, посвященные теме юродства на Руси.

Ключевые слова: концепт, юродство/юродивый, амбивалентность, ассоциативное поле; текстовое ассоциативное поле; психолингвистическое значение

Возможно, кому-то выбор такой темы для статьи в юбилейном номере, посвященном Наталье Владимировне Уфимцевой, покажется странным... Однако выбор этот вовсе не случаен. Ведь Наталья Владимировна не только ученый, но и глубоко верующий человек, и эта «тема» оказалась для нас с ней общей. Юродивые о Христе (или Христа ради), оставившие глубокий след в нашей культуре, а значит, и в нашем национальном сознании, – это идеал христианского подвижничества, прикоснуться к которому в наш суетный век, «душеполезно» даже и людям, далеким от православия.

Что же касается материала, использованного для анализа концепта *юродивый/юродство*, а именно, данных «Русского ассоциативного словаря», то этот материал получен буквально «из рук» Натальи Владимировны. Ведь это она почти 30 лет тому назад, с присущим ей и по сей день энтузиазмом, включилась в трудную (даже и физически) работу по проведению ассоциативного эксперимента, разъезжая с пачками анкет по всем городам тогда еще существовавшего Советского Союза. Результатами этой кропотливой работы мы, приверженцы ассоциативной лингвистики, и сейчас пользуемся в наших исследованиях. И за это Наталье Владимировне – огромное спасибо и самые теплые пожелания!

Академик А.М.Панченко отмечает, что «в житейском представлении юродство непременно связано с душевным или телесным убожеством. <...> С точки зрения пресловутого здравого смысла, юродивый – обыкновенный дурачок. Это – заблуждение. Нужно различать юродство природное и юродство добровольное («Христа ради»)[Панченко, 2000, с. 337]. В этом высказывании заложено важнейшее свойство концепта *юродство* – его амбивалентность, неоднозначное восприятие прежде всего «наивными» носителями лингвокультуры. Цель нашего исследования выявить и описать эту амбивалентность, реконструируя ассоциативные поля (языковые и текстовые) слов *юродивый/юродство*.

Общая оценка юродства в обыденном языковом сознании

Неоднозначность оценки этого явления в целом вытекает из противоречий более частного характера, касающихся внешних атрибутов юродивых и их поведения.

Поскольку мы исследуем вербализованный концепт, определение его содержания мы должны проводить также с опорой на языковые единицы, семантически и ассоциативно с ним связанные. Выявить набор этих единиц можно с помощью таких психолингвистических методик, как свободный ассоциативный эксперимент и реконструкция текстовых ассоциативных полей из текстов, посвященных данной тематике.

Начнем с результатов ассоциативного эксперимента. Прежде всего мы проанализировали ассоциативные поля (АП) слова-концепта *юродивый*, содержащиеся в «Русском ассоциативном словаре» (далее РАС-1) [Русский ассоциативный словарь, 2002, т. I-II, с. 744, 972]. Представим здесь полностью эти АП:

ЮРОДИВЫЙ: человек **11**; мальчик, нищий, старец **4**; блаженный, больной **3**; дурачок, жалость, калека, литература, опера, святой, убогий, урод **2**; бегемот, благочестивый, близнец, большой, Борис Годунов, Бориска, Василий Блаженный, Вася, господин, грязный, добрый, друг, дурак, жених, Зосима, имя, инвалид, козел, копеечка, кривой, малый, молить, мужик, на площади, на Руси, на улице, начальник, ненормальный, несчастный; не урод, обезьяна, обидеть, обиженный богом, орет, отдергивание, парень, парниша, паяц, попугай, предсказание, придурок, пророк, пусто, слабоумный, страдалец, страшный, счастливый, сын, тихо плакал, храм Василия Блаженного, церковь, чудак, юнец **1; 102+67+4+53**

Приведем также примеры из АП обратного словаря (от реакций к стимулу):

ЮРОДИВОГО ← цепи

ЮРОДИВЫЙ ← убогий **6**; блаженный, божий **2**; калека, псих **1**; **5+12**

Добавим сюда еще и данные ассоциативного эксперимента, проведенного с 30 студентами-носителями русского языка и иностранцами, владеющими русским языком свободно (на профессиональном уровне С1 по европейской системе уровней владения языком). Приведем лишь реакции на слово-стимул **ЮРОДСТВО:** святость, блаженный, просвещение, странный человек, чудаковатость, горбун, странность, старая Русь.

Простой подсчет негативных, положительных и нейтральных оценочных реакций позволил выявить следующее их соотношение в исследованных ассоциативных полях: - негативные 32%;

- положительные 12% и

- нейтральные - 44,5%

Таким образом, мы видим, что у большинства рядовых носителей русской лингвокультуры и небольшого числа информантов-иностранцев явление, обозначенное в русском языке словами *юродивый*, *юродство*, вызывает либо отторжение, либо нейтральное отношение, что, скорее всего, объясняется недостатком необходимых знаний об этом феномене. Ведь основную часть информантов составляли современные молодые люди, которые (в силу малой распространенности юродства в сегодняшней России) «живую», возможно, просто не встречали юродивых и не владеют историческими знаниями по этой теме.

Негативное отношение к юродивым обычным людям, живущих мирской жизнью, связано, прежде всего, с внешними атрибутами юродивых: отказом от принятых в данном социуме повседневных практик (отсутствие дома, семьи, элементарных материальных благ – одежды, регулярной еды; неучастие в каких-либо социальных занятиях – работа, учеба; вообще отказ от социализации – общения, совместной трудовой деятельности или досуга; отказ от заботы о своем теле – гигиена, здоровье). Неприятие юродивых объясняется также их странным, с точки зрения здравого смысла, поведением (шутовство, гримасничанье, немотивированный плач и смех), т.е. нарочитое нарушение принятых поведенческих правил и норм.

Здесь следует, вероятно, обратиться и к этимологии слова *юродивый*, которая также объясняет присутствие негативных оценок в языковом сознании русских. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П.Я. Черных отмечено, что слово *юродивый* произошло из старославянского языка от формы *у-род*, в которой приставка *у-* обозначала «ущербность, недостаток». А современное толкование слова *юродивый* в этом словаре таково: «слабоумный, психически ненормальный человек (или выдающий себя за такового), обычно нищенствующий, обладающий, по мнению верующих, даром прорицания» [Черных, т.2, с.461]. Как видим, реакции *слабоумный, ненормальный и псих* присутствуют и в ассоциативных полях этого слова, приведенных в начале статьи.

Позитивные оценки даются чаще всего людьми верующими, знакомыми с учением Христа, исповедующими отличное от мирского отношение к земной жизни человека. В этом случае те же внешние атрибуты юродивых Христа ради и их поведение приобретают совершенно иные смыслы. Для реконструкции этих смыслов нами были проанализированы некоторые ключевые слова, ассоциативно связанные с концептом *юродство/юродивый*.

Текстовое ассоциативное поле: теория и методика реконструкции и описания

Для подтверждения приведенных выше данных мы использовали также понятие *текстового ассоциативного поля* и методику его построения и интерпретации, описанные в работах Ю.Н. Караулова (Караулов, 2015). Коротко остановимся на основных теоретических и методологических положениях. Прежде всего, подчеркнем, вслед за Ю.Н. Карауловым, что текстовое ассоциативное поле «рассматривается как один из способов представления знаний» [Караулов, 2015, с.15] в рамках исследования языковой способности и сопоставимо с ассоциативным полем в языке. Для реконструкции текстового ассоциативного поля исследователь может использовать прием так называемого медленного чтения «под протокол», когда в ходе линейного чтения ... вычлняются некоторые фрагменты текста, несущие некий сверхсмысл. Такая процедура разрушает линейный текст, что, как это ни парадоксально, способствует более глубокому его пониманию: «чтение линейного текста на самом деле нелинейно» [Там же, с.21]. Одной из важнейших задач при интерпретации каждого полученного текстового ассоциативного поля является представление его внутренней структуры, которая отражает отношение «язык-действительность» и может быть представлена некоторыми целостными схематическими образами, именуемыми «семантическими гештальтами». Наконец, еще один этап работы с текстовым ассоциативным полем – это нахождение имени поля и имен «семантических гештальтов», вбирающих в себя смысл всех входящих в них лексических единиц.

Реконструкция текстового ассоциативного поля ЮРОДИВЫЙ/ЮРОДСТВО

Представим некоторые важнейшие этапы реконструкции текстового ассоциативного поля, используя в качестве материала научные тексты, посвященные теме «Юродство на Руси»: священника Иоанна Ковалевского (конец 19 в.) «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви»; академика РАН А.М. Панченко «О русской истории и культуре» и книгу Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко «Смех в Древней Руси».

Из названных выше текстов нами были выбраны фрагменты, связанные с тремя характеристиками *юрродивых/юрродства*:

- *внешние атрибуты*;
- *поведение и философия*;
- *самооценки и оценки другими*.

Эти три важнейших параметра мы использовали в качестве имен семантических гештальтов, представляющих внутреннюю структуру текстового ассоциативного поля ЮРОДИВЫЙ / ЮРОДСТВО.

Рамки статьи не позволяют нам привести здесь все выбранные нами для анализа фрагменты текстов. Однако для наглядности продемонстрируем хотя бы некоторые из них.

«Юродство о Христе – один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия (здесь и далее курсив наш – Н.Ч., В.Б. Г.Д.), какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия.

При здоровом уме, - так как юродивые были людьми истинно мудрыми, - принять на себя вид безумного – жертва великая.

Это добровольные мученики, постоянно умиравшие для мира плоти и дьявола ради жизни во Христе.

Путь юродства – чрезвычайно трудный и опасный путь. Как, подражая иногда безрассудству людей самых низких, сохраняя дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, постоянно ругаясь миру, обнимать однако же всех совершенною любовью?!

Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности. Одеждою для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко отлагали они и этот бедный покров своей наготы» [Иоанн Ковалевский, 2013, с.5-17].

«Юродство – «самопроизвольное мученичество», маска, скрывающая добродетель.

Как Православие толкует это «самопроизвольное мученичество»?

Пассивная его часть, обращенная на себя, – это крайняя аскеза, самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти... бездомность, нищета и нагота.

Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия.

Юродивый – актер, ибо наедине с собою он не юродствует. Для зрителя он надевает личину безумия, «глумится», как скоморох, «шалует».

Идеальный костюм юродивого – нагота. Обнажаясь, он надевает «белые ризы нетленной жизни» и наглядно свидетельствует о презрении к тленной плоти.

Однако нагота двусмысленна. Это и ангельский символ души, и соблазн, безнравственность, олицетворение злой воли ... Чтобы примирить наготу «Христа ради» и грех от созерцания плоти, юродивые пользуются паллиативами (набедренная повязка, рубаха).

Идеальный язык юродивого – молчание. Однако безмолвие не позволяет выполнять функции общественного служения, и в этом еще одно противоречие юродства. Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы.

Развитием принципа молчания можно считать глоссалалию, косноязычие, бормотание, «словеса мутные». Эти «словеса» сродни детскому языку, а детское «немотствование» встарь считалось средством общения с Богом.

Одна из форм протеста в юродстве – осмеяние порока и зла. Смех – опять таки «сверхзаконное средство», потому что в Православии он считался греховным.

Если Церковь утверждает благообразие и благочиние, то юродство этому себя демонстративно противопоставляет. В Церкви слишком много вещественной, плотской красоты – в юродстве царит нарочитое безобразие.

«Мудрая глупость» (юрродивых) всегда одерживала победу, осмеивая «глупую мудрость» филистерского мира. Юродивый – сосуд благодати, Божий избранник, единственный мудрец в «обьюродевшем», обезумевшем мире. [Панченко, 2000, с. 337-351].

«Авторы средневековых и, в частности, древнерусских произведений чаще всего *смешат* читателей *непосредственно собой*. Они представляют себя *неудачниками, нагими или плохо одетыми, бедными, голодными, оголяются целиком или заголяют сокровенные места своего тела. Снижение своего образа, саморазоблачение* типичны для средневекового и, в частности, древнерусского смеха. Авторы *притворяются дураками, валяют дурака, делают нелепости и прикидываются непонимающими*. На самом же деле они *чувствуют себя умными, дураками же они только изображают себя*, чтобы *быть свободными в смехе*. Это их «авторский образ», необходимый им для их «*смеховой работы*», которая состоит в том, чтобы «*дурить*» и «*воздурять*» *все существующее*.

Ободрение смехом в самый патетический момент смертельной угрозы всегда было *сугубо национальным, русским явлением*.

... это своеобразный «*религиозный смех*», столь характерный для Древней Руси в целом. Это *цит от соблазна гордыни, житейский выход из греха* и одновременно *проявление доброты к своим мучителям, терпения и смирения* [Лихачев, 1984, с.168].

В приведенных фрагментах текстов курсивом выделены ключевые слова, составляющие содержание концепта *юрродивый/юрродство*. Оставив «за кадром» некоторые технические подготовительные процедуры, описанные в рассмотренной в начале раздела статье Ю.Н. Караулова [Караулов, 2015], представим здесь сразу полученные результаты – текстовое ассоциативное поле концепта *юрродивый/юрродство*, его внутреннюю структуру – ряд «семантических гештальтов». Для удобства восприятия сведем весь полученный материал в таблицу.

Таблица. Текстовые поля **ЮРОДИВЫЙ/ЮРОДСТВО**

	ИОАНН КОВАЛЕВСКИЙ	ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ	АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО
Внешние атрибуты	нагота (ветхое рублище, рубаха) бездомный бесприютный нищий смех/плач	нагой плохо одетый бедный голодный	нагота(рубаха, набедренная повязка) двусмысленный ангельский символ душа/ соблазн безнравственность бесовство грех (от)созерцание плоть презрение тленный плоть вериги язык (молчание, косноязычие “словеса мутные”/ афористичный (фразы) пророчество

Поведение и философия	принять (на себя) добровольно вид безумный/ внутренний самосознание ругаться (себе) ругаться миру/ обнимать все совершенный любовь говорить резкий правда (в)глаза сильные(мира сего) принимать(вид) нравственно падший (человек) лицедейство (днем)/ молитва(ночью)	смешить(собой) представлять(себя) неудачник притворяться дурак валять(дурака) делать нелепость прикидываться непонимающий дурить ободрение смех доброта (к) мучители смирение	(крайняя) аскеза самоуничжение мнимый безумие оскорбление умерщвление плоть обязанность “ругаться миру” обличать грехи горделивый суетный мир презрение общественный приличие осмеяние порок грех смех/ (в) Православие грех церковь благообразие благочиние плотский красота/ нарочитый безобразие
Самооценки и оценки других	добровольный мученик подвижник высокий христианский подвиг/ не знать приличие стыд сильный (телом и духом) ревнитель благочестие пророк чудотворец	саморазоблачение изображать дурак/ умный терпение смирение смех щит (от) соблазна гордыня выход (из) грех	самоуничжение смех направить (на себя) душевный телесный убожество обыкновенный дурачок/ /”самый умный дурак” “мудрая глупость” добровольный подвижничество сосуд (благодати)

Интерпретация текстовых ассоциативных полей

Прокомментируем полученные данные.

Отметим, что в нашей таблице представлены отдельно текстовые ассоциативные поля выбранных нами авторов. Это сделано для того, чтобы выявить разницу в понимании феномена *юрродивый/юрродство* представителями разных со-

циальных групп – священника (Иоанн Ковалевский) и ученых (Д. Лихачев и А.П. Панченко), живших, к тому же, в разное время (конец 19 в. и конец 20 в.). Таким образом, неоднозначность обнаруживается и во внешних связях текстовых ассоциативных полей одного и того же концепта *юрродство/юрродивый*, но реконструированных по текстам разных авторов. Остановимся на этом тезисе подробнее. Фрагменты, взятые из книги священника Иоанна Ковалевского, не содержат в себе негативных оценок юродивых и юродства. Значит, взгляд русского Православия на это явление (разумеется, не во все времена и не всех его представителей) отличается от взгляда светских людей, ученых, стремящихся к научной объективности. В текстовом ассоциативном поле, реконструированном по работе А. Панченко, эта неоднозначность восприятия проявлена наиболее ярко в «семантическом гештальте», обозначенном нами как «поведение и философия». Здесь прямо сталкиваются такие лексические единицы, как: *црковь – благообразие, благочиние, плотский, красота и юродство – нарочитый, безобразие*. Эта же амбивалентность проявляется в паре *смех, осмеяние – (в) Православие – грех*, а также в двусмысленности такого неперемногого атрибута, как *нагота*. Об этом мы можем прочитать в приведенном фрагменте текста А. Панченко. А в «семантическом гештальте», представленном в таблице, эта амбивалентность выражена в семантике таких лексических единиц, как: *нагота, двусмысленный, символ, ангельский, душа/соблазн, безнравственность, бесовство, грех, (от) созерцание, плоть*.

Следующая важная составляющая смысла концепта *юрродивый/юрродство* – это, так называемое, «**мнимое безумие**». В текстовых ассоциативных полях всех трех авторов присутствуют единицы, в семантике которых также содержится противоречие. Эти единицы помещены в таблице в ячейке, представляющей «семантический гештальт» *«поведение, философия»: принять (на себя), добровольно, вид, безумный/внутренний, самосознание*. Эта же амбивалентность – и в «семантическом гештальте» «самооценки и оценки других» – выражена еще более ярко: *изобразить, дурак/умный; обыкновенный дурачок/самый умный дурак», «мудрая глупость*.

Рассмотрим еще один аспект концепта *юрродивый/юрродство* – **язык**. А.Панченко подробно описывает эту внешнюю примету юродивых. А в семантической зоне соответствующего гештальта можно найти такие лексические единицы, которые «обнажают» амбивалентность и этого неотъемлемого атрибута юродства: *язык, (молчание, косноязычие, словеса мутные)/ афористичный (фразы), пророчество*.

Наконец, остановимся на таком важном моменте, как **оценки** юродивых и юродства «другими» и их самооценки, которые выделены нами в отдельный «семантический гештальт» и в которых противоречивость выражена в еще большей степени, различая положительный взгляд на это русское явление и его полное неприятие и отрицание. Особенно высокий стиль положительных оценочных слов можно найти в текстовом ассоциативном поле, реконструированном из книги Иоанна Ковалевского: *добровольный, мученик, подвижник, высокий, христианский, подвиг, сильный (телом и духом), ревнитель, благочестие, пророк, чудотворец*. Хотя и у современных авторов – Д. Лихачева и А. Панченко также находим высокие оценки юродства и юродивых: *умный, терпение, смирение, умный, терпение, смирение, добровольный, подвижничество, сосуд (благодати)*.

Выводы

Основная цель предпринятого нами исследования заключалась в выявлении и описании амбивалентности концепта *юрродивый/юрродство* в русской языковой картине мира.

Поскольку концепт является единицей сознания, а вербализованный концепт – единицей языкового сознания (языковой способности), мы опирались на положения ассоциативной лингвистики и избрали методы исследования, практикуемые в этой области, – свободный ассоциативный эксперимент и метод текстового ассоциативного поля (Караулов и др. 2002, 2015).

Прежде всего, мы обратились к результатам свободного ассоциативного эксперимента и материалам «Русского ассоциативного словаря» (2002), подвергнув тщательному анализу ассоциативные поля слова-стимула **юрродивый**. Это позволило сделать вывод о том, что оценки данного явления русской культуры неоднозначны и представлены тремя типами: положительные, негативные и нейтральные. Вычисление их процентного соотношения (12%, 32% и 44,5% соответственно) явно обнаружило «перевес» в сторону отрицательных и нейтральных реакций со стороны рядовых носителей русской лингвокультуры.

Данные этимологического словаря дали дополнительное подтверждение причины такого положения, т.к. изначально слово *юрродивый* имело значение «(от ст.-слав. формы у- *род*, в которой приставка у- обозначала «уцербность, недостаток) «слабоумный, психически ненормальный человек (или выдающий себя за такового), обычно нищенствующий, обладающий, по мнению верующих, даром прорицания» [Черных, т.2, с.461].

Продолжая исследование мы обратились к методу текстового ассоциативного поля, разработанного Ю.Н. Карауловым (1999, 2015).

Для решения поставленной задачи нами были выбраны для анализа три научных текста о юродстве: священника Иоанна Ковалевского (конец 19 в.) «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви»; академика РАН А.М. Панченко «О русской истории и культуре» и книгу Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко «Смех в Древней Руси».

Выбрав из этих довольно больших по объему научных текстов несколько наиболее репрезентативных фрагментов, мы осуществили процедуру реконструкции текстовых ассоциативных полей.

Основным результатом этого этапа исследования является представление трех текстовых ассоциативных полей, объединенных общим именем «юрродивый/юрродство».

Полученные результаты сведены в общую таблицу, в которой выделены три «семантических гештальта»: «*внешние атрибуты*», «*поведение и философия*», «*самооценки и оценки других*» для каждого из проанализированных текстов.

Интерпретация полученных данных позволяет сделать **главный вывод**: амбивалентность концепта *юрродивый/юрродство* подтверждается реконструкцией его содержания с помощью ассоциативных методик – ассоциативного эксперимента и метода текстовых ассоциативных полей.

Литература

Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 256 с. – (Русь православная).

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – М.: Наука, 1984. – 295 с.

Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 454 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: Новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. – 2015, №2. – С.14–35.

Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. – От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ, 2002. – 784 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.2. – От реакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ, 2002. – 992 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: Т.2. – М.: Рус.яз., 1993. – 547.

THE AMBIVALENCE OF THE CONCEPT OF *YURODSTVO/YURODIVYI* WITHIN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD- IMAGE

Nina L. Chulkina,

Professor, Phylology Department,
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow,
Russia, 117298
e-mail: nina.tchulkina@yandex.ru,

Vassili Blajenoi GOMES DIAS (Brazil),

Postgraduate, Phylology Department,
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow,
Russia, 117298
e-mail: vassiliblajenoi.dias@mail.ru

The paper deals with an attempt to identify and describe the ambivalent nature of the concept *yurodstvo/yurodivyi* within the Russian linguistic world- image through various methodologies, including psycholinguistic ones. Hence the present study ranges among similar writings dedicated to analysis and description of cultural concepts and national linguistic world-images.

The contradictoriness of the given concept has been foreordained through coexistence of two types of foolishness for God's sake in Russia. Unsound- minded, i.e. insane people, represent the first type. They neither control their actions nor put any particular meaning into them. On the contrary, fools in Christ strive voluntarily and deliberately for 'spontaneous martyrdom', consciously assuming the similitude of homelessness and indigence, in so doing qualifying for the right 'to thunder against this boastful and busy world', without any respect of any persons.

The paper is focused on in- depth analysis of all external attributes and intrinsic motivation of foolishness for God's sake. The ambivalence is identified through analysis of semantics and psycholinguistic meaning of linguistic units describing those items. In so doing data from association experiment as well as remodeling of text associative areas are involved. Such reconstruction is based on scientific texts by prominent Russian authors dealing an issue of foolishness for God's sake in Russia.

Keywords: *concept, yurodstvo/yurodivyi, ambivalence, association area, textual association area*

References

Kovalevskiy I. Yurodstvo o Khriste i Khrista radi yurodivye vostochnoy i russkoy tserkvi: Istoricheskiy ocherk i zhitiya sikh podvizhnikov blagochestiya [Foolishness for Christ and Fools for Christ of Eastern and Russian Churches: A Brief History and Hagiography of those Hermits' Devoutness]. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. 256 p.

Likhachyov D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v drevney rusi [Laughter in Ancient Russia]. Moscow, Nauka, 1984. 295 p.

Panchenko A.M. O Russkoy istorii i kul'ture [On Russian History and Culture]. Sankt-Petersburg, Azbuka, 2000. 454 p.

Karaulov Yu.N. Assotsiativnyy analiz: novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Association Analysis: A New Approach to Interpretation of Literary Text] *Voprosy Psikholingvistiki – [Psycholinguistic Matters]*, 2008, no. 2, pp. 14-35.

Russkiy Assotsiativnyy Slovar [Russian Associative Vocabulary], Vol. 2. *Ot stimula k reaktzii* [From Stimulus to Reaction], ca. 7000 stimuli. Karaulov Yu. N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov Ye. F. Moscow, LLC Astrel Publishers; LLC AST Publishers, 2002. 784 p.

Russkiy Assotsiativnyy Slovar [Russian Associative Vocabulary], Vol. 1. *Ot reaktzii k stimulu* [From Reaction to Stimulus], ca. 100000 reactions. Karaulov Yu. N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov Ye. F. Moscow, LLC Astrel Publishers; LLC AST Publishers, 2002. 992 p.

УДК 81'23

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В НАУКЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА¹

Шапошникова Ирина Владимировна

главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН, заведующая кафедрой истории
и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета,
e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

В статье рассматриваются оценки модусов русского коллективного сознания в постсоветский период со стороны православной философской традиции. С учетом психосоциальных последствий перестроечной реформаторской деятельности описывается социальный запрос на исследование деструктивных и творческих процессов в образовательной и культурной среде. Автор видит возможности преодоления последствий социальной деградации в опоре на междисциплинарные исследования процессов идентификации, социальной детерминации взаимодействия личностных и коллективных смыслов в образе мира молодых людей. Оценивается роль аксиологической психолингвистики как нового направления, развернувшего свой понятийно-категориальный аппарат на общетеоретической основе Московской психолингвистической научной традиции исследования этнокультурных процессов с использованием психолингвистических экспериментальных методов и новых компьютерных технологий. Оценивается потенциал этого направления в преодолении последствий гуманитарной несостоятельности перестроечных реформ. На материале частотного словаря и нескольких ассоциативных баз данных, включая новейшие региональные, исследуются единицы смыслового поля гражданской идентификации, рассматриваются соответствующие звенья ассоциативно-вербальной сети (далее ABC).

Ключевые слова: оценки православной философской традицией модусов коллективного сознания, психосоциальные последствия реформы образования, соотношение индивидуальных и коллективных процессов смыслообразования, смысловое поле развития личности, социокультурная детерминация в образовательной деятельности, аксиологическая этнопсихолингвистика, социальный запрос на изучение ценностных доминант, укрепление этнокультурной идентичности, фундаментальные и прикладные вопросы, использование различных ассоциативных баз данных, частотный и ассоциативный анализ семантического поля гражданской идентичности.

В 1977 году А.А.Леонтьев предложил термин «этнопсихолингвистика» для обозначения «специальной области знаний, предметом которой были бы процессы общения в их национально-культурном аспекте на различном уровне организации этих процессов» [Уфимцева 2011: 205]. Интерес отечественной психолингвистической школы к вопросам межкультурного общения только возрастал с прошлого века, что закономерно, так как отечественная традиция располагает не только не

утратившим актуальность и значимость опытом познания культурно-исторических процессов, но и достаточно эффективным для междисциплинарной лингвистики инструментарием исследования модусов коллективного сознания и социо-культурной детерминации деятельности. В XXI веке этнопсихолингвистика оказалась востребованным направлением, поскольку она держит в фокусе своего внимания такие фундаментальные вопросы как различные отношения феномена ЧЕЛОВЕКА и его СОЗНАНИЯ (в личностном и коллективном воплощении) с МИРОМ в их опосредованности ЯЗЫКОМ. Новый век со всей очевидностью поставил человека перед необходимостью поиска новых ответов на эти вопросы, причем острота момента заключается в том, что такая необходимость диктуется уже не только и не столько научными интересами, сколько практикой жизни, поэтому поиск никак не может быть ограничен научной сферой, он сопровождается каждодневными стихийными решениями и псевдо решениями, иногда ценой больших жертв. Стихийные политико-манипулятивные регуляторы, чей деструктивный характер многократно усиливается возможностями новейшей технико-информационной среды, срываются до того, как общество окажется в состоянии опереться на научно-выверенные знания о природе наблюдаемых явлений. В этих условиях наука, как нам представляется, не может отказаться от внимания к субъективному фактору ценностей и ценностно-маркированных оценок. В противном случае она, как и другие сферы общественной жизни, может оказаться нечувствительной к разрушающим жизнестойкость этноса манипулятивным технологиям носителей определенных ценностных предпочтений. Этот процесс уже явно обозначился в так называемом «эпистемологическом анархизме», который привел исследователей к исключению функции познающего субъекта из рассмотрения, как результат – игнорированию проблемы соотношения знаний с действительностью, то есть их адекватности реальным явлениям [Малиновский 2003: 4].

Модусы коллективного сознания в перестроечный и постсоветский период стали объектом рефлексии разных наук, всестороннюю оценку они получили и со стороны отечественной философской мысли. В этой оценке просматриваются аналогии с ситуацией начала прошлого века, которая создавалась и разрешалась поколениями наших предков. Перед ними встал страшный выбор изгойничества, утраты отечества и (или) нравственно-этической «перековки» сознания и всего способа жизни под заимствованную идеологию. И то и другое было на грани самоуничтожения. Тем не менее, русский человек, в советском типе сохранил себя и смог высвободить огромную социальную энергию для титанических свершений в масштабах СССР и всего мира. В данной статье нам потребуется современная общегуманитарная оценка ситуации начала XXI века, поэтому мы не ставим цели сконцентрироваться на исторических параллелях этнокультурного плана, которые, впрочем, все равно могут возникнуть у читателя в связи с невозможностью их игнорировать полностью в рассматриваемом материале. Глубокий анализ истории, нравственных оснований в содержательной части различных религиозных и нерелигиозных идеологических доктрин применительно к проекту будущего России проведен Л.Г.Малиновским [2003]. В целом автор пессимистичен в оценке возможностей тотального возрождения православия как живой религиозно-нравственной основы для развития современного общества и науки. Однако, он видит в конструировании нравственных оснований идеологических доктрин и сознательном

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН № II. 2П на 2016 г. по проекту II.2П/ХП.193-1 «Формирование новых типов идентичности и отражение исторической памяти в языковом сознании общества».

конструировании общественных отношений возможный путь выхода из тупика «эпистемологического анархизма» для науки и основу для построения проекта общественного устройства, нравственного проекта государственного и мирового устройства: «сами нравственно-идеологические религиозные установки, содержательные части религии, или системы научных материалистических законов ни в коей мере не являются целиком антинаучными, или неопытными, знаниями, не могут быть сформулированными в рамках современных достижений научной методологии. Религиозная нравственность (безнравственность) является основой согласования (навязывания) различных интересов в обществе и мировом сообществе в целом, основой построения проекта общественного устройства, той или иной идеологической доктрины» [Малиновский 2003: 12]. В этом смысле православие как идеологическая нравственная основа для построения проекта общественного устройства в её содержательной части сохраняет свою жизнестойкость, а значит, человек верующий может стать продуцентом социально сберегающих решений там, где не хватает научно-обоснованных знаний. Актуальную и оптимистичную для практической деятельности и, вместе с тем, очень глубокую оценку модусам коллективного сознания в российской цивилизации на рубеже веков со стороны архетипов православной культуры находим в книге выдающегося русского мыслителя А.С.Панарина (1940 – 2003) [Панарин 2014].

В работе А.С.Панарина дана гуманитарная оценка природы глобальных реформ, постигших многие народы после распада СССР, причем эта оценка включает несколько уровней рассмотрения. Уровень человека-индивида, отдельной личности, уровень социальных взаимодействий в политико-идеологической, государственной, экономической, социокультурной сферах в аспекте другоцентричности, то есть возможности (невозможности) прийти к согласию. Ключевая проблема эпохи, корень зла, ведущий к социальной деградации на всех уровнях, видится автору в отказе современного человека от богосыновства, а значит, принятии им неотвратимости логики «конца истории» как сложившейся системы господства в условиях вестернизации, отказе от иначе возможного будущего. Такую «отказную» логику «рассуждений о будущем» автор считает «траекторией неживого тела», детерминистской, предначертанной настоящими параметрами, высвеченными в угоду гегемонии новых хозяев жизни, выдвигающих в качестве прикрывающего ангажированность интересов щита и карающего несогласных меча либеральную идеологию для гарантированного саморазоружения противника. Этот способ трактовки будущего противопоставляется другому. «Другой – диктуемый живым сочувствием к человеку и осознанием его причастности Христовой благодати, открывающей “иначе возможное”. Открытие “иначе возможного” заложено в самом характере христианского эроса, противящегося земным запретам и ограничениям. Чем сильнее пламень любви, тем выше способность растопить оковы, наложенные на человека внешними обстоятельствами и прошлыми причинами. Таковы не только установки христианского эроса – таковы законы любви вообще». [Панарин 2014: 370]. Данная постановка вопроса возвращает нас на поле творческого отношения к жизни, а значит жизнестойкости. Здесь следует заметить, что, как нам представляется, диалог западничества с укорененной в православии традиционностью русской культуры очень важен для российской цивилизации, он, собственно, является одной из её движущих сил. Открытые для взаимодействия с внешним миром, отталкивающие-

ся от косности быта и «рабства рода» «граждане мира» в течение нескольких веков развития индустриализации и торговли отличались тягой к разносторонним инновациям. Более консервативные (на первый взгляд) «традиционалисты» тем временем выполняли не менее творческую задачу сохранения и умножения российского народа, той самой питательной среды, в которой могут быть по-настоящему востребованы и оценены эти инновации и искания. Такова конструктивная часть диалога западничества с консерваторами для молодой России. Однако вмешательство внешних идеологов, проводниками которых и становились вестернизированные слои российского общества, в смутные периоды российской истории придавало этому диалогу социально деструктивный характер. В советское время догонятельная (подражательная) вестернизирующая доминанта формировалась и активно поддерживалась партийной и технической элитой. В перестройку она была подхвачена нашими нелибералами и оказалась очень выгодной компрадорской элите. В настоящее время такая ценностная ориентация носит политико-идеологический, спекулятивно-манипулятивный, то есть вырожденный характер, она полностью исчерпала себя в сопутствовавшем ей ранее обновляющем потенциале. Её дальнейшее бытование приведёт к неоправданному сужению поля культуры российского суперэтноса и утрате им своей подлинной значимости в мире. Для зрелой России, познавшей последствия разных революций и сумевшей (во многом благодаря упомянутому внутриэтническому диалогу) оценить суть новейших изменений в жизни мирового сообщества эпохи распада колониальных империй, более актуальным становится уход от установок нигилистически упрощенного подросткового подражательства к подкрепленному новым опытом диалогу с различными силами в мире. Последнее никак не может уместиться в колыбели выродившегося в потребительство западного очарования, но может найти подкрепление в матрицах вселенской православной культуры. Поэтому стоит внимательнее присмотреться к критическому анализу последствий идеологической и экономической вестернизации, выполненному носителями православной культуры, к содержательно-ценностной структуре их подходов. Общегуманитарные философские знания о ценностной структуре модели мира, будучи проверены экспериментальными психолингвистическими данными из моделей языкового сознания, могут оказаться востребованными для преодоления негативных последствий реформаторской деятельности в системе образования, которые вызваны изначальной гуманитарной несостоятельностью этой реформы [Шапошникова 2016].

Каковы же последствия вестернизации на уровне государства? Внешние признаки тотальной деградации проявляют себя в вырождении государственности², в минимизации государства, то есть его самоустранении как гаранта соци-

² «Для традиционной государственности были характерны структуры, преследующие интересы всего народа или нации. Они основывались на идеологической доктрине под эгидой разума и универсальной нравственности. Извращенная государственность основывалась на структурах самой власти или структурах богатых людей. Нравственность в извращенной государственности или отсутствовала, или имела избирательный характер» [Малиновский 2003: 28]. В книге Л.Г.Малиновского показывается на материале истории российской государственности связь её форм с идеологическими доктринами с точки зрения теории традиционной государственности, вскрывается зависимость самого факта существования российского народа от форм государственности в его державе.

альной справедливости. Вслед за этим грядет новый «рыночный» естественный отбор в глобальном масштабе, грозящий «бестиализацией» человечества. «От принципа минимального государства либерализм постепенно пришел к принципу «минимальной» морали и культуры – они тоже не должны мешать естественному рыночному отбору» [Панарин 2014: 567-568]. Как процессы этого уровня взаимодействуют с личностным уровнем анализа? Либеральная революция превратилась в «мировую рыночную революцию» с мобилизацией нового люмпена против культуры, морали и природы. «Этим люмпеном, не знающим высших измерений бытия, не имеющим никаких обязательств перед историей и культурой, и стал современный потребительский человек. Это у него нет истории и нет Отечества. Это он стал сегодня резервом глобального американского наступления по всему миру. Без него идеология нового либерализма, озабоченного не эмансипацией личности, а эмансипацией инстинкта, могла бы существовать только в качестве некоей субкультуры, притягивающей экспериментаторов неофрейдизма. ... К этому потребительскому авангарду, готовому ниспровергать нормы национальных культур на местах, и обращаются США как к своей пятой колонне. Новый интернационал – интернационал люмпенов-потребителей – уже создан, и без него США не решились бы на нынешнюю глобальную авантюру» [Панарин 2014: 607 – 608].

Условием для удобного внедрения в коллективное сознание потребительских идеологием становится предусмотренная в них возможность *отделения интересов от ценностей*. Лишенный социальной чуткости приверженец такой «демократии» отличается *ценностной отстраненностью* и осознаваемой или неосознаваемой готовностью заниматься *торговлей интересами*. Формальная демократия, таким образом, подразумевает не только равнодушие к фактическому социальному неравенству людей, но и равнодушие к вопросам истины, добра и долга, «нивелирующее согласие людей, переставших вкладывать в свои гражданские роли свою идентичность» [Панарин 2014: 744]. Возрастание равнодушия есть «циничная всеядность прагматика-стилизатора, умеющего надеть личину любых ценностей, если они к месту». «Новая либеральная демократия выступает как конструкция, целиком базирующаяся на потребительско-гедонистической утопии мира, в котором верность, жертвенность и самоотверженность никогда больше не понадобятся» [Панарин 2014: 745]. Такие мировоззренческие установки, несомненно, готовят «беспринципных конформистов, судьба которых – служить силе и деньгам, но не истине и справедливости» [там же]. Между тем, по мнению А.С.Панарина, гражданское согласие, необходимое для новых творческих свершений, базируется на социально ответственном и жертвенном сознании и имеет своей основой понятие *народа*. «Только народ своим социальным, политическим и моральным давлением способен воспрепятствовать вырождению «гражданского договора» в манипулятивные политические игры и насытить его конкретикой эффективного социального контракта, затрагивающего повседневное «качество жизни». И только народ как носитель определенной социокультурной и нравственной традиции создает до-рефлексивные, латентные основания гражданского согласия, кроющиеся в базовых ценностях» [Панарин 2014: 749].

Увоенный нашим народом и подкрепленный украинскими событиями урок таков: утверждение компрадорского капитала приводит к разрушению отечества.

Мотивы и деструктивные действия некоторых новоявленных «граждан мира», практикующих *отделение интересов и ценностей друг от друга*, к сожалению, могут совмещаться с нашими номенклатурными практиками и усиливаться ими. *Торговля интересами* как асоциальный проект возможна там, где цинично *размыта социокультурная идентичность*. Парадоксально, но тотальное применение таких «правил» приводит к невозможности реально защитить свои интересы, даже для проявляющей чудеса изворотливости компрадорской элиты (что ею цинично продано один раз, то может столь же цинично перекупаться и кем-то другим). «В этом смысле рынок плохой инструмент для долгосрочного целеполагания, и даже скорее разрушитель, чем созидатель. Вдумаемся, именно *историко-культурная идентичность* российского человека (сформировавшаяся в соответствующих условиях и титанических свершениях) сделала его конкурентоспособным на рынке вооружений и военных ресурсов, а не рынок как таковой» [Шапошникова 2016].

Между тем на смену причастности к своему народу в новой информационной среде уже рисуется постмодернистский образ «гражданина мира» в качестве миссионера-вестернизатора, готового воплощать в жизнь очередной, пришедший на смену догме марксизма, формально-рыночный соблазн, что ведет многонациональный российский народ, ни много ни мало, к сворачиванию его цивилизационных перспектив. «Граждане мира» быстро побуждают свой народ к отказу от собственной промышленности и многообразного развития в виду имманентной «неконкурентоспособности» русского народа. «*Складывается такая система предпринимательских ожиданий и оценок, такая “этика”, при которой эффективным предпринимателем изначально считается лишь тот, кто так или иначе приобщен к передовой и надежной зарубежной экономической среде. Национальный предприниматель в этих условиях выступает как лишенный настоящей перспективы изгой – представитель архаичного типа поведения*» [Панарин 2003: 627]. «Все это означает ни меньше ни больше как переход от единого пространства прогресса, завещанного идеологиями европейского Просвещения, к раздвоенному, качественно разнородному пространству, в котором предстоит обитать антропологическим типам, неравным по своему достоинству. Один, высший тип, должен отвоевать пространство у низшего – в этом суть концепции глобальной открытой экономики как среды естественного рыночного отбора человеческих типов» [Панарин 2003: 627]. «Здесь не люди бракуют вещи, а вещи бракуют своих владельцев, переходя в объятия самых достойных» [Панарин 2003: 627].

Все сказанное в полной мере, как нам представляется, можно отнести и к предпринимательству в сфере образования и науки, таким же презрением к неполноценности своего пронизана и вся идущая по сей день реформа научно-образовательной сферы, так как исходный деструктивный мотивационный базис этой реформы уже конвертировался в сами процессы деятельности [Шапошникова 2016]. *Сфера образования особенно остро нуждается в ценностном целеполагании, поддерживающем жизнестойкость российской цивилизации, ибо в образовании как общественно значимой деятельности воспроизводится сама наша цивилизация*. Этим главным образом и обусловлен интерес лингвистов (филологов) к решению проблем, находящихся в ведении этнопсихолингвистики. Преподавателям-исследователям, работающим с языками и текстами, которые по-

рождены идеологемами различных культур, приходится каждый день представлять перед глазами молодой аудитории, напряженно ищущей ответы на жизненно важные вопросы, им приходится идти вместе со своими учениками по пути познания ценностно маркированной «правды». Чтобы установить эффективный межкультурный контакт, за этой «правдой» необходимо разглядеть истину подлинных установок. Идти по этому пути с «вежливым» равнодушным (рыночным) отстранением от ценностей невозможно. Поэтому возникновение аксиологической этнопсихолингвистики востребовано практическими жизненными потребностями общества и прежде всего системы постсоветского образования. Сказанное не отменяет трудностей становления этого направления исследований, с его готовностью к поиску путей преодоления аббераций субъективного фактора, который неизбежно исследуется самим субъектом-носителем языкового сознания при несовершенстве методологического аппарата на фоне кризисных процессов в науке, переживающей последствия информационно-технологической революции на рубеже веков. Отсюда проистекает несовершенство и противоречивость начальных этапов пути, что, впрочем, не должно становиться основанием для прекращения поиска оптимистических сценариев.

Итак, что представляет собой социальная деградация сквозь призму оценок носителей православной культуры? *На личностном уровне* – безответственный, ценностно отстраненный, не вкладывающий свою идентичность в гражданские роли эгоцентрик-индивидуалист. *На уровне коллективного сознания* – народ как толпа при недостижимости общественного согласия. *Государство* – социально безответственное, минимизированное в интересах меньшинства. *Иного будущего* ожидать не приходится: финальный цикл истории завершается «последним человеком». Система образования в лучшем случае готовит кандидатов на эмиграцию в поисках «лучшей» жизни. К сожалению, такая картина уже стала реальностью для некоторых в недавнем прошлом процветающих государств. Что можно противопоставить этому разрушению? Работают ли матрицы православной культуры в современной России? Ведь они призваны поставить барьер на пути грядущего сужения поля культуры. Какими средствами располагает система образования и науки, призванная обеспечить прорыв в будущее? Только творческие решения способны изгнать социальную энтропию из системы. Проблема в том, что, современная техническая оснащенность общества дает большую информационную власть СМИ, что естественным образом налагает на эту сферу деятельности большую ответственность, вместе с тем её организационно рыночный формат освобождает поле для свободного санкционирования любых идеологем. Противоречивость нынешнего положения дел заключается в том, что никакие коренные позитивные изменения в системе образования не могут быть воплощены в жизнь внутри самой системы образования как таковой, без широкой их поддержки информационной средой СМИ в рамках единого смыслового поля.

Вместе с тем, в современной России наблюдается желанная для нашей культуры ситуация, когда самоотверженная деятельность президента входит в резонанс с чаяниями народа. Здесь воспроизводится архетип коллективного сознания нашего народа, помогающий организовать и высвободить энергию для социально созидательных дел. В таких условиях начинает работать модель подлинности российской

власти, где верховный правитель (президент) является народным гарантом и защитником от произвола элит. Такая ситуация благоприятна для коррекции негативных последствий реформаторской деятельности. Нам представляется, что одним из путей такой коррекции должна стать максимизация государства. Возможности власти в России зависят от силы государства. Подлинная сила государства в его социальной базе, поэтому максимизация государства подразумевает *максимальное расширение его социальной базы*. Последняя определяется количеством и качеством различных социальных групп, которые включены в созидание государственности (во всех её ипостасях) и таким образом вносят свой вклад в общий социальный пирог. Чем прочнее социальная база государства, тем надежнее оно защищает интересы своего народа, включая и властные элиты. Радикальный экономизм неолберальной идеологии уже привел к отчуждению больших групп населения от государственности, *сужая тем самым социальную базу государства*. Система образования, где также имело место беспрецедентное по сравнению с советским временем сужение социальной базы при небывалом расширении платных учреждений и их «услуг», очень болезненно отреагировала на эти изменения. Способность к сотрудничеству и кооперации как безусловное социальное благо сильно пошатнулась в нашем сознании под натиском рыночного мифа, поощряющего внутреннюю конкуренцию ради неё самой, разжигающего рознь и зависть, культивирующего практики защиты корпоративных и индивидуальных потребительских интересов в ущерб социальному благополучию всего населения. Создание условий для *укрепления социокультурной идентичности в процессе нового соединения интересов с ценностями*, несомненно, могло бы и сегодня затормозить социальную деградацию в обществе, включая систему образования, и стимулировать поиск согласия.

Максимизация государства в плане его социальной базы один из способов *вновь соединить интересы с ценностями*. Сильное государство (традиционное в означенном выше смысле, невырожденное) с максимальной социальной базой обладает таким потенциалом в глобальном масштабе. Именно на явленном в опыте деятельном стремлении добиться широкой представленности интересов всех социальных групп и обнаруживаются общие для них всех ценностные доминанты, на этой основе и строится подлинность власти и государства. На этой же основе можно выявить и гуманитарный стержень содержательной активности СМИ и «гражданского общества» в целом. Такая активность провоцирует единение, она необходима для реализации проекта нового человека, *гражданина России. Проект новой личности будущего как ориентир имеет нравственно-этическую основу социокультурной идентификации, единую для всех видов деятельности*. Практически это приведет как минимум к внесению этико-нравственной компоненты в подготовку к любому виду деятельности. Образование представляет собой идентификационную сферу, в которой общество воспроизводит разные виды профессиональной деятельности. Обучение должно включать и демонстрацию этики и нравственных моделей такой деятельности [Шапошникова 2016]. Вполне возможно, что новый человек, имеющий внятное представление о своей цивилизационной (а не собственнической) миссии в мире, заставит власть пересмотреть существующий сегодня институт собственности с его асоциальными практиками. А вот разрушение социальной идентичности, превращение некогда просвещенного народа в охлокра-

тическую толпу точно сметет всякую разумную собственность и власть.

Этнопсихоллингвистика стала одной из тех междисциплинарных областей, которая пытается искать ответы на цивилизационные вызовы, работая со своим объектом на пересечении уровней личности, народа, общества, деятельности. Такой подход был заложен традицией Московской психологической и психоллингвистической школы. Этнопсихоллингвистика как научная дисциплина имеет перспективу в плане способов замера колебаний и модусов смыслового поля культуры, выявления его доминант, готовности (или неготовности) к обновлению жизни. Это путь междисциплинарной лингвистики, вышедшей за пределы своего внутрисистемного объекта недавнего прошлого. Такой выход начинался со смены ракурса рассмотрения объекта. Причем аналогичные попытки предпринимались в истории лингвистики давно и с разных теоретических позиций. Все они искали закономерности в связях языковых процессов с другими проявлениями жизнедеятельности антропосферы. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010:7]. Этот тезис можно принять как своего рода антипод декларированному ранее тезису о познании человека через его язык и язык как круг, в плену которого находится человек. Относительно новые, ставшие центральными в теоретических дискуссиях психоллингвистов нашего времени, понятия «языковое сознание» и «языковая личность» пробрасывают мост от лингвистики к другим наукам и выводят её на новый уровень осмысления языковых процессов, это как раз такие понятия, которые и дают один из способов «выйти за пределы». И так, не человек в плену языка, не язык сам по себе как автономная субстанция и самоуправляемая система, а «язык в человеке». Последнее требует учета разных аспектов человечности в языке. «Единственным противоядием от неизбежного, казалось бы, редукционизма при обращении исследователя к языку в человеке будет введение в анализ вполне определенного национального языка вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психо-лингвистическими особенностями его носителей. Трактовка языковой личности вообще, независимо от национальной специфики её языка с неизбежностью останется схематичной и редукционистской, и поэтому, если мы хотим прорвать порочный круг, мы должны, решая в данном случае вопрос на материале русского языка, говорить о русской языковой личности» [Караулов 2010: 8]. Таким образом вводится *идентификационная основа, идентичность как стержень*, соединяющий те самые явленные через язык в человеке различные плоскости нашего сознания и деятельности, где пересекаются личностное и коллективное (социальное). Такой подход не просто дань моде, он имеет экспериментальное и практическое обоснование, он выстрадан практикой образовательной деятельности и межкультурной коммуникации последних десятилетий.

Сформулированный Ю.Н.Карауловым постулат представляет собой открытие теоретического, а вместе с ним и методического подходов к исследованию системы языка за её пределами. В прежних ракурсах рассмотрения выход за пределы собственно знаковой системы языка осуществлялся в терминах системологии с её системным (надсистемным, макросистемным) ракурсами рассмотрения. При всей своей прогрессивности такой подход давал несколько плоскую картину. Открытие языковой личности в том аспекте, в каком её описал Ю.Н.Караулов, представляет

собой открытие пути к исследованию национальной, если широко понимать термин этно- (по Л.Н.Гумилеву, как включающий все социальное) то этнической специфики, стало быть и расширенной платформы для этнопсихоллингвистики. Личность как центральное понятие помещает лингвистику в область ПСИХО-, а не только ЭТНО-. Таким образом Ю.Н.Караулов был одним из тех, кто заложил основы новой этнопсихоллингвистики, а в трудах его коллег, в особенности Н.В.Уфимцевой, это направление сделалось аксиологическим. Ю.Н.Караулов выводит поуровневую модель языковой личности и утверждает, что национальная составляющая есть на каждом её уровне. Получив столь емкий и многомерный объект в свое распоряжение, этнопсихоллингвисты увидели потенциал для практических решений в разных сферах общественной деятельности, требующих учета процессов идентификации личности и общества. «Современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырех китах, на четырех фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов 2010: 15]. Объект один, но его фундаментальные свойства разные, таким образом, мы получаем в свое распоряжение не множество объектов, а один, который явлен нам в разных своих ипостасях. «Языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет на систематической основе рассматривать как взаимодействующие все четыре фундаментальных языковых свойства. Во-первых, потому, что личность есть средоточие и результат социальных законов; во-вторых, потому, что она есть продукт исторического развития этноса; в-третьих, по причине принадлежности её мотивационных предрасположений, возникающих из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями, - к психической сфере; наконец, в-четвертых, - в силу того, что личность есть создатель и пользователь знаковых, т.е. системно-структурных по своей природе, образований. ...таким образом личность соединяет социально-поведенческий контекст с речевым» [Караулов 2010: 22].

Исследование АВС в качестве модели языкового сознания (позволяющей судить о свойствах языковой личности), представляет собой предметную область, в которой соединяются разные ипостаси языка как объекта лингвистической науки. Стало быть, методы, которые приложимы к изучению АВС, будут приложимы и к другим отраслям, причастным к исследованию этих ипостасей. Прежний системный (структурный) подход с его под(над)системами и неизбежными межуровневыми допущениями вызывает аналогию с многоэтажным сооружением или матрешкой с включенными в неё и потому зависимыми от неё подсистемами (этажами-уровнями или меньшими матрешками), функциями по отношению к надсистеме более высокого уровня и т.п. Вся эта конструкция имеет логико-теоретическую основу, требующую специальных объяснительных процедур для преобразования в речь. Языковая личность и языковое сознание могут ассоциироваться со сквозным, объемным подходом – взгляд, объемлющий все уровни и подсистемы, подобно позвоночнику в теле человека, удерживающий на себе промежуточное в плане готовности к работе состояние (систему, готовую преобразоваться в речь). Что может изучать современная этнопсихоллингвистика с помощью такого инструментария? В качестве актуальной для постсоветского периода задачи на пер-

вый план выдвигается идентичность, вопросы социальной детерминации сознания. Практическая деятельность в образовании вызывает к этому: идентификационные процессы проходят через систему образования, воссоздающую смысловое поле для созревания личности в диалоге поколений. Выработывая внятное, соответствующее природе вещей объяснение жизни общества, в котором социализируются молодые люди, мы задаем общий вектор социализации, ведь профессиональная среда неизбежно помещается в общий социальный контекст.

Как соединить ценности с интересами и вернуть обществу здоровые ориентиры? Для этого надо изучать субъективный фактор (коллективное сознание). Вот ценности и выходят на первый план. Укрепление коллективной идентичности необходимо не только обычным людям, но и ученым, которые погружены в эти общенародные проблемы и пытаются их решать своими средствами. Изучающей ценностные доминанты аксиологической этнопсихолингвистике, в русле которой находятся работы Н.В.Уфимцевой, удалось сделать в этом направлении очень много. В работах Н.В.Уфимцевой проводится тонкий и осторожный анализ языкового сознания с очень глубоким знанием православных корней российской цивилизации. Такой подход со стороны гуманитарной науки очень ценен, так как, только находясь внутри православной культуры, можно почувствовать колебания её поля, уловить трансформацию её архетипов. На этой базе описывается, например, социальная природа организационного поведения русских, выявляется ассоциативно-вербальная репрезентативность архетипов русского сознания, православной культуры (как раз культурной матрицы русских), которые лежат в основе мотивационно-поведенческих ориентиров. Выявляются и сопоставляются с материалами других исследователей отношения личного и коллективного в этом архетипе, отношение человека и Бога, отношения к другому, другоцентричность русского сознания, специфика, которая отличает исконный русский образ мира от западного [Уфимцева 2005].

Творчество Н.В.Уфимцевой пришлось на такой период в нашей науке, когда лингвисты активно занимались поиском новых приемов и методов в исследовании фундаментальных и прикладных вопросов межкультурного (межцивилизационного по сути) и межъязыкового взаимодействия представителей разных народов. При этом в позднесоветское и постсоветское время прежний опыт (закрытого для контактов с иностранцами в массовом порядке) советского общества был малопродуктивен, к тому же жизнь ставила новые задачи свободного освоения языков восточноазиатского ареала. В силу вестернизирующих установок советского иноязычного образования, исходные знания этих языков и культур среди основной части профессионалов, занятых в системе образования в период открытия границ для более масштабных контактов, были очень скудны. Психолингвистическое же сообщество оказалось более оснащенным фундаментальными знаниями и поэтому способным мобилизоваться на решение фундаментальных и прикладных вопросов межкультурного взаимодействия. Был провозглашен подход, требующий «творчески синтезировать новейшие результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях наук о человеке. При этом должно произойти своеобразное возвращение разных наук из заоблачных высот абстрагирования и от препарирования оторванных от человека продуктов такого абстрагирования к живому человеку, функционирующему в реальных условиях культуры» [Залевская

2005: 207]. В работах самой А.А.Залевской и Н.В.Уфимцевой находим примеры такого востребованного жизнью анализа, в них описаны экспериментально подтвержденные теоретические основы социокультурной обусловленности сознания как творческой основы в социально детерминированной деятельности человека, в выстраивании социальных отношений. Н.В.Уфимцева отдала много сил выявлению архетипов и топосов языкового сознания русских в период перестройки, на излете советского периода. Исследование системности культуры, её отражения в ассоциативно-вербальной модели языкового сознания строится на богатой экспериментальной базе, что дает большой материал для верификации и развития идеи Ю.Н.Караулова и других исследователей.

Большое влияние на становление этнопсихолингвистики оказала психолингвистическая концепция слова А.А.Залевской, которая позволяла найти подходы к пониманию системности культуры со стороны единиц лексикона и их организации. «Психолингвистическая концепция трактует слово как продукт переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, протекающей по закономерностям индивидуальной психической деятельности, но под контролем социально выработанных систем вербальных значений, отношений, норм, оценок и т.д. Вследствие этого слово оказывается средством доступа к единой информационной базе человека – памяти с многосторонними связями между воспринятыми через сенсорные модальности (зрение, слух и др.) знаниями разных типов и увязываемыми с ними эмоционально-оценочными переживаниями» [Залевская 2005: 198]. Таким образом, с разных сторон велись поиски в одном направлении от идентификации слова в речевой деятельности, до идентификации народной личности и языка в ней. Закономерно эти поиски приходят к исследованию ценностных доминант и их репрезентации языковым сознанием. Лейтмотивом соответствующих работ Н.В.Уфимцевой является тезис об этничности (специфичности) культуры, обусловленной её природной системностью. «Культурные стереотипы усваиваются в процессе социализации. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая. Константность восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определенным этносом, обеспечивается именно культурными стереотипами сознания, т.е. парадигмами образов сознания, которые понимаются как способы восприятия и которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов). ...Наше восприятие обусловлено опытом, образованием, языком, культурой. При определенных обстоятельствах, в том числе, и когда речь идет о представителях разных этносов (культур) одни и те же стимулы могут привести к различным ощущениям, а различные – к одинаковым» [Уфимцева 2011: 208-209]. «Системность же значений есть отражение системности самой культуры, той структуры космоса (образа мира), которая в ней сформирована» [Уфимцева 2011: 211]. «Изучение иностранного языка не дает автоматически тех знаний, которые стоят за словом у носителя данного языка, и мы по-прежнему пребываем в плену родной культуры, т.е. того образа мира, который сформировался у каждого из нас в процессе социализации» [Уфимцева 2011: 211]. «Сколько бы языков мы ни изучили, мы не только продолжаем опираться на знания, полученные в рамках родной культуры, но и совершенно неосознанно выбираем те способы выражения грамматических отноше-

ний, которые естественны для нашего родного языка» [Уфимцева 2011: 212]. Данные основополагающие для образовательной деятельности выводы, к сожалению, остаются недооцененными в реализуемых реформаторами образования практиках.

Полноценное обсуждение, критическая оценка и кристаллизация пригодных для научного обихода положений невозможны без соответствующей профессиональной среды, заинтересованной в нахождении подлинных решений. Организационная деятельность Натальи Владимировны привела к мобилизации исследовательского коллектива, созданию круга единомышленников, погруженных в поиск аксиологических ориентиров для укрепления новой идентичности при соединении ценностей с интересами. Научно-образовательная и организаторская деятельность Н.В.Уфимцевой может быть примером альтернативы деструктивности неолиберального отношения к ценностям, она заставляет нас повернуться лицом к этому субъективному, но очень значимому для культуры фактору в науке. Понимание того, как именно работает ценностно окрашенное целеполагание в разных видах деятельности, поможет учесть этот субъективный фактор, который играет ведущую роль в коллективной и личностной идентификации. Изучение ценностей оправдано нравственно-этически (и в широком смысле идеологически), оно имеет перспективу применения в образовательной системе и системе воспитания в целом. Вот почему аксиологическая этнопсихоллингвистика может внести свою лепту в создание благоприятных условий для укрепления народного духа при достижении согласия между СМИ и подлинно интеллектуальной элитой общества. Благодаря совместной деятельности сплоченного под руководством Н.В.Уфимцевой и её коллег коллектива появились такие плоды коллективного труда как новые ассоциативные словари и тезаурусы, расширилась представленность в них разных языков и культур. Вся эта деятельность представляет собой многолетнее служение науке и православной культуре, а её результаты будут востребованы в различных областях общественной практики, они должны быть учтены и в преодолении последствий гуманитарной несостоятельности реформы образования.

Вопрос качества собранных за последние десятилетия эмпирических материалов и их совершенствования (оптимизации в использовании) представляется нам очень важным для дальнейшего развития этнопсихоллингвистических исследований. Обратимся к проблеме репрезентативности имеющихся у психоллингвистов сегодня (и постоянно пополняющихся) материалов (прежде всего упомянутых баз вербальных ассоциаций). Современные компьютерные технологии позволяют нам довольно быстро (по мере накопления экспериментального материала) получать знания о топосах языкового сознания. Центральное место в системных исследованиях ядра языкового сознания (ядра лексикона в терминах А.А.Залевской) принадлежит работам А.А.Залевской прежде всего на материале английского (см. краткий обзор и библиографию в [Залевская 2005: 105-112]) и Н.В.Уфимцевой на материале русского языков (см. историю вопроса и обзор работ разных лет в [Уфимцева 2011: 205-239]). В трудах этих ученых не только имеют место прецеденты выделения и интерпретации ядра языкового сознания как феномена, но и выявляются наиболее значимые закономерности связей составляющих его единиц. Н.В.Уфимцеву особенно интересуют закономерности, обусловленные глубинными матрицами культуры носителей языка (для русского языкового сознания речь идет о

православной культуре). Работы этих ученых и эмпирические экспериментальные накопления последних десятилетий готовят базу для научно обоснованного моделирования аксиологически маркированных модусов языкового сознания. Вместе с тем, представляется, что эти работы уже позволяют задаться вопросом: можно ли судить о ценностной структуре всего смыслового поля коллективного сознания носителей языка по топосам его языкового сознания? Предварительный ответ: и да, и нет. Об этом свидетельствует анализ любого устойчивого звена АВС и даже самой устойчивой (поэтому относительно жесткой) её части – ядра. Подобно тому, как частотность использования слов в частотном словаре не есть автоматический маркер ценностной структуры, которую они могут описать, будучи включенными в дискурс, частота возникновения семантических связей выявленных в эксперименте «топосов» языкового сознания не есть автоматическое признание направленности ценностных ориентиров. Однако в отличие от частотного словаря возможности ассоциативных баз данных гораздо богаче именно в силу фиксации в них разных видов семантических связей между телами языковых знаков, включая эмоционально-оценочные, а гибкая часть системы – огромный фонд единичных реакций позволяет определить предполагаемые семантические сферы ценностных предпочтений. Так, элементы семантического звена РУССКИЙ – СОВЕТСКИЙ – РОССИЙСКИЙ – НАРОД, конечно, связаны друг с другом в АВС, как мы пытались показать в своих проведенных ранее наблюдениях [Шапошникова 2012; 2016], ассоциативные данные даже позволяют построить многомерную модель этих связей, но какова их ценностная структура – вопрос неоднозначный. Тела языковых знаков выступают как маркеры вербализаторов-идентификаторов, а вот направление идентификационных доминант должно задаваться социальной детерминацией, идеологемами и выявляться в текстах культуры, где эти знаки сопряжены с общим смысловым полем дискурсов. Жесткая (наиболее устойчивая) часть системы имеет прочную нейрофизиологическую основу, показано, что она системно организуется в онтогенезе, поэтому оставляет глубокий след в долговременной памяти. Так, вероятно, работает когнитивная (в широком смысле) основа идентичности. Однако когда отмеченные топосы совокупно всплывают в кратковременной (оперативной) памяти в новом дискурсе, гибкость их взаимодействия выходит на первый план и они могут вступать в новые связи по прецеденту. Так дискурсивно осуществляется внедрение новых модификаций идентификационных процессов. Взаимодействие жестких и гибких звеньев системы позволяет нашему сознанию адаптировать свое семантическое поле к условиям внешней среды, в том числе и в стрессовой ситуации приспособления к чужой культуре. Это связано и с тем, о чем писал Ю.Н.Караулов, - отсутствием прямого перехода от одного уровня владения языком у языковой личности к другому: от лексико-грамматического к когнитивному, тезаурусному, тем более, мотивационному [Караулов 2010].

В контексте нашего анализа последствий реформаторской деятельности и в связи с необходимостью выработки новых подходов к проекту личности нового типа, идентифицирующей себя как российский ГРАЖДАНИН, можно обратиться к ассоциативному полю (далее: АП) ГРАЖДАНИН в различных базах данных. В таблице 1 представлены предваряющие ассоциативный анализ сравнительные данные частотного словаря на основе НКРЯ для прилагательного ГРАЖДАНСКИЙ

и существительного ГРАЖДАНИН. Они фиксируют более высокую частотность употребления обеих единиц в нехудожественной литературе разных видов, что может косвенно свидетельствовать об особой значимости стоящих за ними смыслов во внутрикультурном общественном диалоге в формальных и иных близких к ним типах дискурса. Вместе с тем, эти единицы не характерны для живой устной речи, представленной в корпусе.

Таблица 1. Сравнительные данные частотного словаря НКРЯ

Слово	Частотность	Художественная литература	Публицистика	Другая нехудожественная литература	Живая устная речь
ГРАЖДАНИН	199.4	64.1	271.7	355.8	- (не отмечено)
ГРАЖДАНСКИЙ	144.7	35.4	161.9	360.4	10.1

Представленная в таблице 2 статистика употребительности ГРАЖДАНСКИЙ и ГРАЖДАНИН по годам показывает существенный рост в перестроечные годы именно в публицистическом дискурсе, что может быть связано с актуализацией идентификационных процессов при утрате (вынужденной смене) гражданства населением бывшего СССР и выведением этих проблем в дискуссионное поле. Вместе с тем, художественная литература, требующая более спокойной обстановки для осмысления идущих в обществе процессов, показывает некоторое снижение употребительности названных единиц.

Таблица 2. Статистика употребительности по годам

Временной срез	ГРАЖДАНИН	ГРАЖДАНСКИЙ
50-60-е худ. лит-ра	70.4	37.2
70-80-е худ. лит-ра	71.4	41.6
90-2000-е худ. лит-ра	59.8	32.8
50-60-е публицистика	86.0	80.0
70-80-е публицистика	69.3	151.1
90-2000-е публицистика	289.8	163.4

Рассмотрим устойчивую часть АП ГРАЖДАНИН в прямых словарях, отражающих специфику разных лет.

Таблица 3. Образ ГРАЖДАНИН →

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)

СССР 110; Советского Союза 26; России 19; советский 14; Союза 11; республики 9; Страны Советов 5; государство 4; отечества, Россия, РФ, своей страны, СНГ, Советов, Советский Союз 2;	России 79; РФ 53 Россия 21; государство 11; СССР 7; россиянин; я 6; государства; Российской Федерации; своей страны 3; нация; политика; порядок; родина 2;	России 92; РФ73; Россия 18; государство 10; СССР 6; государства, Советского Союза 5; родина, россиянин 3; своей страны 2;
мира 6; вселенной, США 4; Франции 2;	мира 3; США 2;	мира 11; иностранец 3;
хороший 13; честный 5; патриот 4; гордо, достойный, ответственный, почетный 2;	патриот 14; законопослушный, честный 4; дурак, порядочный 3; свободный, хороший 2;	патриот 8; личность 5; законопослушный, порядочный, свободный 3; гордость, хороший 2;
товарищ 42; начальник 38; человек 28; следователь 7; милиционер 6; гражданка, патриот 4; житель, мужик, поэт 2;	человек 51; начальник 48; патриот 14; товарищ 11; россиянин 6; житель 5; дурак 3; гражданка, мент, субъект 2;	начальник 74; человек 51; товарищ 12; патриот 8; личность 5; житель 4; гражданка, россиянин 3;
страны 35; паспорт 9; страна 6; в шляпе, магазин, общества, общество 2;	страны 24; страна 23; паспорт 14; общество 3;	страны 26; страна 23; паспорт 21; город 3;

К сожалению, в прямом словаре САНРЯ (1970-е гг.) образ ГРАЖДАНИН не фиксируется, поэтому в таблице 3 приведены данные РАС, СИБАС и ЕВРАС. Гражданская идентификация, отражающая державный формат, отмечена в первой части таблицы. Курсивом выделены отмеченные в данных АП идентификаторы советского гражданства. В РАС они занимают господствующие позиции. В СИБАС и ЕВРАС фиксируется радикальная смена гражданской идентичности при сохранении слабой связи (ср. с РАС) с прежней советской. Эта связь дополнительно может, видимо, актуализироваться через преемственность в смысловом наполнении образов государства, родины и отечества. Обращают на себя внимание присвоение гражданской роли в СИБАС (я 6;) и личностный акцент в ЕВРАС (личность 5;). Актуализация образа «гражданина мира» и ассоциации с иностранным подданством фиксируются во второй части таблицы. Если в РАС заметна перестроечная активизация образа гражданина без отечества, фиксируются ассоциации с яркими цивилизационными воплощениями Запада в сознании граждан СССР, то в СИБАС наблюдается снижение значимости образа гражданства без отечества при сохранении ассоциаций с США. Впрочем, в РАС ГРАЖДАНИН, вероятно, как и ЧЕЛОВЕК вообще, ассоциируется с отмеченной исследователями в других частях

АВС «планетарностью мышления» у русских [Уфимцева 1996]. Примечательно, что в ЕВРАС сравнительно высокая актуальность образа «гражданина мира», что, вероятно, объясняется близостью к центральной и западной Европе и как следствие большей мобильности населения в европейском направлении. В третьей части таблицы фиксируются качества, ассоциированные с ролью гражданина. Здесь есть сходства субстантного плана при знаковых подвижках единиц относительно друг друга. Ср. патриот, хороший в трех источниках и акцентуация законопослушности, порядочности и свободы по отношению к ответственности, достоинству и почету в РАС. Четвертая часть таблицы содержит ассоциаты с гражданскими ролями. В этой части также имеется специфика на фоне сохранения общего состава единиц. Специфика связана со смещением удельного веса в сторону более устойчивых связей ГРАЖДАНИН–ПАТРИОТ (особенно в СИБАС), а также заметное внедрение в устойчивую часть АП нового идентификатора гражданства РОССИЯНИН в СИБАС И ЕВРАС на фоне четырехкратного падения устойчивости ТОВАРИЩ. В последней пятой части таблицы отмечены ассоциации с внешними атрибутами гражданина и не привязанными к конкретному национальному контексту локальными ассоциациями (названия мест, где релевантны гражданские роли и само обращение ГРАЖДАНИН). Здесь больше всего сходных ассоциаций, но в более поздних источниках (СИБАС и ЕВРАС) отражен более богатый опыт формализации гражданства (усиление связей с ПАСПОРТ), а в РАС наличествуют маркеры специфики эпохи, когда людям приходилось уделять много времени очередям в магазинах.

Отмеченные в обратных словарях устойчивые связи слова ГРАЖДАНИН в качестве реакции приводятся в таблице 4.

В таблице 4 курсивом выделены те стимулы, которые совпадают в РАС, СИБАС и ЕВРАС. В САНРЯ очень бедное по насыщенности ассоциативное поле, там всего два слова-стимула, давших реакцию ГРАЖДАНИН и совпавших с такими же стимулами в остальных источниках. Курсивом и жирным шрифтом обозначены только те стимулы, которые являются прямыми (по смыслу) прилагательными-идентификаторами к слову ГРАЖДАНИН. Они хорошо показывают смещение ассоциативного ряда в сторону российскости в СИБАС и российской русскости в ЕВРАС. В этом смысле данные прямого словаря применительно к коллективному этноспецифичному идентификатору у стимула НАРОД [Шапошникова 2016] подтверждают этноспецифичный же акцент обратного ЕВРАС применительно к ГРАЖДАНИНУ как реакции. СОВЕТСКИЙ, напротив, показывает устойчивое снижение (более чем в четыре раза) актуализации в материалах СИБАС и ЕВРАС, однако в целом актуальность связи СОВЕТСКИЙ → ГРАЖДАНИН остается пока в большей или меньшей степени релевантной для всех периодов постсоветской истории. Гражданин мира в устойчивой части АП тут не актуален, а качественно-ролевая структура семантических связей очень разнообразна с совпадением акцента на ЛИЧНОСТЬ и СВОБОДНЫЙ в трех базах данных. Другие качества гражданина преимущественно фиксируют положительно-оценочный образ, за исключением РАС, где имеются негативно окрашенные стимулы.

Анализ АП ГРАЖДАНИН показывает, что в русском языковом сознании отражен семантический запрос на новую идентификацию аналогично той, которую мы зафиксировали применительно к коллективному идентификатору НАРОД

Таблица 4. Образ ГРАЖДАНИН –

САНРЯ обратный	РАС обратный	СИБАС обратный	ЕВРАС обратный
<i>советский</i> (4) 1.77 ; <i>свободный</i> (9) 1.27 ; военный (2), дядя (2)	Советский 47; <i>иностранный</i> 15; товарищ 7; человек 4; <i>житель</i> , <i>личность</i> , 3; <u>Качества:</u> важный, деятельный, настойчивый, серьезный 4; высокий, заносчивый, напористый, <i>свободный</i> , чванливый, штатский 3; каждый, пустоголовый 2;	<i>иностранный</i> 20 ; <i>житель</i> 18 ; российский 9 ; советский 7 ; <i>личность</i> 5 ; товарищ 4 ; военный, начальник 2 ; <u>Качества:</u> честный 8 ; <i>свободный</i> 5 ; расчетливый 4 ; гордый, деятельный, мирный 3 ; великодушный, культурный, напористый 2 ;	<i>житель</i> 26; <i>иностранный</i> 22; российский 19; советский 10; русский 4; начальник 3; вы, государство, Ленин, лицо, <i>личность</i> , право, человек 2; <u>Качества:</u> <i>свободный</i> 6; честный 5; великодушный, каждый 3; взрослый, знакомый, культурный, мирный, настойчивый, предприимчивый, терпимый 2;

[Шапошникова 2016], но ценностная структура отмеченных во всех этих случаях связей вне контекстов не очевидна, она может с полной достоверностью определяться только в дискурсивном (текстовом) анализе. В процессе социализации через систему образования (воспитания) предпочтительное для гражданского общества смысловое поле должно постоянно детерминироваться обществом, иначе оно может модифицироваться и даже исчезнуть, уступив более напористым навязанным циничной пропагандой (аналогично деятельности ИГИЛ или некоторых СМИ западных держав и их сателлитов) смысловых (ценностных) предпочтений. Причем ключевые для новой социальной идентичности россиянина смыслы должны накладываться друг на друга, обрастать новыми нюансами, и обогащаться в каждом вновь нарождающемся социально значимом контексте, такие контекстуальные смыслы должны аргументативно обсуждаться и присваиваться с помощью ценностного сита позитивно и негативно санкционированных моделей через СМИ. Для исследователя анализ ценностных доминант должен быть комплексным, психолингвистический эксперимент дает локусы (топосы) – точки опоры, семантические маркеры узлов идентификаторов, а дискурсивные и когнитивные подходы на уровне текста и дискурса, а также выводное знание, которое мы получаем при анализе культурных матриц и их воплощенности в текстах культуры, дают более предметную картину содержания ценностных доминант. Отдельный образ, схваченный в АП в составе АВС, можно уподобить скелетику, который представляет собой «превращенные формы деятельности субъекта», поскольку сознание-образ есть «свернутая (“внешняя”) деятельность» [Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова 2005: 194]. Вероятно, в этой связи смысловое обобщение (выходящее на содержание ценностной

структуры), поскольку оно связано с деятельностями, не совсем правильно трактовать атомистически, через анализ только одного образа. Структура образа и его встроенность в смысловые задачи, в доминанты смыслообразования сворачивается вместе с другими образами в этих доминантах (и соответствующих им деятельностях) и вывести эти доминанты на ассоциативно-вербальном материале можно будет более достоверно через анализ подсистем (кластеров) образов. Все сказанное выше убеждает нас в необходимости прикладывать усилия к разработке проблемы сплошной семантической разметки ассоциативных баз данных для оптимизации анализа АВС при учете не только её отдельных звеньев и их связей, но и массивных (глобальных) подсистем. Потенциал такой оптимизации заключается в перспективе выявления общей канвы применительно к движению оценочных доминант и их связям с топосами русского языкового сознания и архетипами православной культуры.

Литература

- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис. 2005. – 543с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
- САНРЯ: Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А.Леонтьева. – М.: Изд-во Московского университета, 1977. – 192с.
- САНРЯ: Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>
- Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2005. – 431с.
- Ляшевская О.Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>.
- Малиновский Л.Г.* Модельно-конструктивное мышление. – М.: Наука, 2003. – 656с.
- Панарин А.С.* Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248с.
- РАС: Русский ассоциативный словарь/ Сост. Ю.Н.Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т. 1 – 2. – М., 1994 – 1998. URL:<http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>
- СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) (авторы-составители А.А.Романенко, И.В.Шапошникова). URL:<http://adictru.nsu.ru>
- ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. С.144 – 162.
- Уфимцева Н.В.* Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. – С.205 – 216.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. – 252с.

СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции/ Отв. ред. Уфимцева Н.В.- М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537с.

Шапошникова И.В. Устойчивость и изменчивость вербальных ассоциаций русских как отражение процессов самоидентификации при нарушении целостности этнокультурной среды // Межэтническое общение: контакты и конфликты. Сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М.: ИЯз РАН-МИЛ, 2012. – С. 171–193.

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №1. – С. 256 – 273.

ORTHODOX CULTURE IN SCIENCE: AXIOLOGICAL ETHNOLINGUISTICS

Irina V. Shaposhnikova

Chief researcher, Institute of Philology SB RAN

8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Professor, Head of the Chair (History and Typology of Languages and Cultures)

Novosibirsk State University

6300902, Novosibirsk, 2 Pirogov Str., ,

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article gives an overview of general philosophical and orthodox cultural assessments of the modes of Russian collective consciousness during the post-Soviet period with special reference to the psychosocial effects of the perestroika reforms in education. The author describes the social demand for an interdisciplinary study of the interaction of creative and destructive processes in educational and cultural areas of social activities, for overcoming the devastating effects of social degradation. Identity processes and socially motivated interaction of personality and collective sense formation processes can be considered as the topical issues of such an interdisciplinary study. The explanatory and methodological potentials of axiological ethnolinguistics as a relatively new interdisciplinary branch based on the fundamental theoretical postulates of the Moscow psycholinguistic research tradition are discussed. The author also gives a short overview of the major scientific achievements by some of the leading researchers who have been working in the mainstream of Russian ethnolinguistics with vast experimental data and new computer technologies since the Soviet times to discover the core of the Russian language consciousness. Using the Russian National Corpus word frequency dictionary and psycholinguistic techniques of observation the author attempts to measure the dynamics of the semantic fields representing Russian civil identity before, during, and after perestroika. The empirical material for the analysis has been provided by several Russian associative-verbal databases.

Keywords: Philosophical and orthodox cultural assessments, the modes of

Russian collective consciousness, psychosocial effects of the perestroika reforms in education, the study of identity processes, interaction of personality and collective sense formation processes, axiological ethnopsycholinguistics, the Moscow psycholinguistic research tradition, the core of the Russian language consciousness, the dynamics of the semantic field reflecting civil identity, several Russian associative-verbal databases as experimental empirical sources.

References

- Zalevskaya A.A.* Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst.: Izbrannyye Trudy [Psycholinguistic Research. Word. Text: Selected Works] Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543p
- Karaulov Yu.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian Language and Language Personality]. Izd. 7-ye. Moscow, LKI publ, 2010. 264p.
- SANRYA: Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka pod red. A.A.Leontyeva. [A Dictionary of Russian Associative Norms]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1977. 192p.
- SANRYA: A.A.Leontyev. Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [Dictionary of Russian Associative Norms]. <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>
- Leontyev A.A., Leontyev D.A., Sokolova Ye.Ye.* Aleksey Nikolaevich Leontyev. Deyatel'nost', soznany'e, lichnost'. [Aleksey Nikolaevich Leontyev. Activities, consciousness, personality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 431p.
- Lyashevskaya O.N., Sharov S.A.* Chastotny slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka). [Russian Word Frequency Dictionary (Based on the Russian National Corpus)] Moscow, Azbukovnik Publ., 2009.
- NKRYA: Natsionalny korpus russkogo yazyka. [The Russian National Corpus] <http://www.ruscorpora.ru>.
- Malinovsky L.G.* Model'no-konstruktivnoye myshl'eniye. [Constructive Model Thinking] Moscow, Nauka Publ., 2003. 656p.
- Panaryn A.S.* Pravoslavnaya tsivilizatsiya. [Orthodox Civilization] Moscow, Institute of the Russian Civilization Publ., 2014, 1248p.
- RAS: Russkiy assotsiativny slovar' / sost. Yu.N.Karaulov, Yu.A.Sorokin, Ye.F.Tarasov, N.V.Ufimtseva, G.A.Cherkasova. [Russian Associative Dictionary]. Vol. 1 – 2. Moscow, 1994 – 1998. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
- SIBAS: Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. [Russian Regional Associative Database] (2008 – 2013) (avtory-sostaviteli I.V.Shaposhnikova, A.A.Romanenko). URL: <http://adictru.nsu.ru>
- SIBAS: Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkiy regional'ny assotsiativny slovar' (Sibir' i Dal'ny Vostok). [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and Far East)]. In 2 volumes. Vol.I. From stimulus to response / ed. By N.V.Ufimtseva. Moscow, MIL Publ., 2014. 537p.
- Shaposhnikova I.V.* Ustoichivost' i izmenchivost' verbal'nikh assotsiativnykh russkikh kakh otrazheniye protsessov samoidentifikatsiyi pri naruzheniyi tselostnosti etnokulturnoy sredy. [Stability and Changeability of the Russian Verbal Associations as Reflections of the Processes of Self-identification under the Conditions of Ethno-cultural Disintegration]. Mezhetnicheskoye obshcheniye: kontakty i konflikty. [Cross-cultural communication: contacts and conflicts]. Sbornik statey/ed. N.V.Ufimtseva. Moscow, IYaz RAN – MIL Publ., 2012, pp.171 – 193.

Shaposhnikova I.V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i yazykovaya politika. [Motivational Base of the Reform in Education and Language Policy]. Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics], 2016, no. 1, pp. 256 – 273.

EURAS: Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkiy regional'ny assotsiativny slovar'-tesaurus EURAS [Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus EURAS] <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>

Ufimtseva N.V. Russkiye: opyt yeshche odnogo samopoznaniya. [The Russians: New Experience of Self-identification]. Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. [Ethnocultural peculiarities of Language Consciousness]. Moscow, 1996, pp.144 – 162.

Ufimtseva N.V. Arkheologiya yazykovogo soznaniya: perviye resul'taty. [Archeology of Language Consciousness: First Results]. Yazyk. Soznaniye. Kultura. [Language. Consciousness. Culture]. Zbornik statey/ eds. N.V/Ufimtseva, T.N.Ushakova. Moscow – Kaluga: Koshelev A.B. (Eidos Publ.), 2005, pp.205 – 216.

Ufimtseva N.V. Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost'. [Language Consciousness: Dynamics and Variation]. Moscow – Kaluga, Institute of Linguistics (Shilin I.V.) Publ., 2011. 252p.

УДК 81'23

КРЕАТЕМЫ В МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ**Шаховский Виктор Иванович,**
профессор,Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400131 Волгоград, проспект им.В.И.Ленина, 27
e-mail: shakhovkky2007@yandex.ru

В статье вводится понятие креатем как речевых единиц, получающих все большее распространение в современных СМИ, политическом дискурсе и Интернете, и как отражения эмоционального отношения говорящих к явлениям действительности. Продемонстрировано, что новые, противоречивые смыслы, производимые коммуникативным процессом и заложенные в потенциях языковой игры, в форме креатем получают наиболее яркое выражение благодаря приему блендинга. Контексты и ситуации реализации креатем чаще всего являются неэкологичными, сами эти единицы – носителями концентрированных негативных смыслов. В то же время они наиболее полно и честно обозначают явления «злобы дня» и тем самым становятся важным инструментом (де)экологизации социальной жизни общества. Постулируется их семиотическая значимость и взаимозависимость с модусом экологичности в парадигме коммуникологии. В статье доказывается, что значение креатем отражает современную социокультурную реальность России, подтверждается тезис А.Н.Леонтьева, что значение является составляющей сознания. Показана символическая роль креатем в фиксации меняющейся коммуникативной ситуации в стране и среды бытования другой русской языковой личности.

Ключевые слова и фразы: креатема; эмотивный язык; эмоциогенный текст; игровая функция; бленд концептуальный; бленд лексический; (не)экологичная коммуникация, общественное, индивидуальное языковое сознание, их овнешнение, сенсорный континуум, семантический гештальт.

«Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах» [Уфимцева 2004: 189].

Общезвестно, что язык и культура давно уже рассматриваются как формы общественного сознания. Окружающая современного человека действительность отражается в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемые восприятием этих явлений, и образ мира меняется [Уфимцева 2004: 189]. Как отмечает Н.В. Уфимцева, в качестве единиц сознания могут фигурировать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства [Там же: 190].

Как показывает жизнь, общаться без эмоций нельзя. Люди и рождаются, и живут, и умирают в сопровождении более пяти тысяч эмоций. К сожалению, библиотека эмоций пока не составлена никакой наукой, поэтому опознавать голос эмоций

и адекватно реагировать на эмоциональные проявления человек может лишь с опорой на сформированную у него в практике коммуникации эмоциональную и эмоциональную компетенцию. Без эмоций коммуникация не существует. Даже в бизнесе, в дипломатии, в науке – сферах, которые до настоящего времени многими учёными ещё считаются неэмоциональными, все пронизано ими [Шаховский 2008].

Сеть Интернет в своей первоначальной форме была сферой рационального (информативного) общения, а теперь в ней в открытую кипят и «кипятятся» человеческие страсти. И вот уже понадобились юридические регуляторы такого общения, поскольку коммуникация – это больше, чем передача рациональной информации. Поскольку мы говорим / пишем и чувствуем / мыслим одновременно, то в любом виде своих речевых действий мы постоянно транслируем и воспринимаем эмоциональные переживания и реакции. В процессе коммуникации производятся смыслы, которые объединяются в поля, никогда не совпадающие у разных коммуникантов. Это объясняется тем, что все коммуниканты – языковые личности с индивидуальной языковой картиной мира, благодаря своему индивидуальному сознанию, не всегда совпадающему с коллективным, общественным сознанием. Полное совпадение смысловых полей невозможно, и в процессе общения коммуникативным партнёрам часто бывает трудно (а порой и невозможно) координировать смыслы высказываний: прагматика говорящего не тождественна прагматике слушающего. Особенно это относится к сфере эмоциональных смыслов. Все речевые действия имеют эмоциональные последствия, которые могут быть сиюминутными или отсроченными. Последние могут быть более обострёнными, как, например, хитрость и коварство (всегда обман), которые обнаруживаются не всегда сразу: это обнаружение может быть отсроченным. Вечная лингвистическая проблема соотношения языка и общества в парадигме коммуникологии [Матяш 2011] приобретает новое звучание и превращается в голографическую проблему, т.к. коммуникология обнаруживает в ней бесчисленное множество граней.

Одной из таких граней является роль эмоций во взаимодействии языка и общества. Благодаря изучению этого взаимодействия, вскрыты новые механизмы развития языка как в его прогрессе, так и в его разрушении: это и есть диалектика языка, его движение по спирали. А поскольку и общество движется по спирали, то язык не может не реагировать на это движение [Шаховский 2015].

В обществе сегодня отмечается явная эскалация напряженности (тензионности). Одной из форм реагирования языка на тензионность является языковая игра с включёнными в неё эмоциями речевых «игроков», и потенциал этого креативного способа выражения реакций на явления мира бесконечен. Такая языковая игра для многих журналистов является кайфом, а для получателей такого инфотеймента – провокацией для расширения круга аксиологических эпитетов, инвектив, вульгаризмов, негативизирующих язык и снижающих интеллект коммуникантов. Одним из видов этой игры является разного рода смысловая деривация лексики, фразеологии, малого синтаксиса. Напомним высказывание О. Есперсена: «Words are milestones of history» («Слова – мильные камни/вехи истории»). По дериватам, рождённым языковой игрой в современный период, исследователи будущего могут реконструировать и описать напряжённость истории отражённого в словах сегодняшнего периода жизни российского социума (многочисленные примеры таких

milestones см. в [Кронгауз 2013]). Самыми яркими продуктами языковой игры в современном русском языке, по моему мнению, являются бленды различной формации. Словообразовательный процесс блендинга по духу полностью отвечает закону экономии языка, в одной из его форм – компрессии. Блендинг (телескопия) для русского языка является относительно новым, но чрезвычайно продуктивным средством словообразования/словопреобразования. Ещё недавно само слово *бленд* было *новым контекстуальным понятием* (далее – НКП. – В.Ш.). А теперь с его помощью ежедневно рождается множество новых НКП (см., например, сайт «Слово года» [www.snob.ru/profile/27356/blog/69362], созданный М.Я. Эпштейном).

Все концептуальные и лексические бленды являются эмоциональным реагированием на «злобу дня». Так, не успел М. Ходорковский обустроиться за границей, как к нему потянулись журналисты из России, которых народ тут же поименовал *ходорки* (по аналогии с *ходоки к Ленину*). Военнослужащие без шевронов в Крыму тут же получили в народе название *вежливые люди, зелёные человечки*. В дискурсе «Comedy Club» было рождено НКП, которое получило лексикализацию *бабушка-трансформер*. Как реакция на экономический спад в нашем обществе появились идиомы: *полёт рубля, лондримат, пилить бюджет, закат рубля, сладкие деньги, манипулятор, ценовые войны* и др. А в контексте событий на Украине для их эмоциональной репрезентации появился бленд *Евромайдан, гибридная война, ленинопад, дружественный огонь, телехунта, пропагандоны, мобильный крематорий* и др.

В условиях бурного технического прогресса, породившего бытовые приборы, основанные на цифровых технологиях, родились НКП в форме композитов *цифровое слабоумие, цифровая зависимость, кибер-дружинники, селфимарафон, фотожаба, сетевой хомячок* и др. Эти и им подобные НКП появились сначала в форме семантической идеи, потом прошли концептуализацию (осмысление) и вербализацию. Эти вербемы вышли из лона своего дискурса и вошли в обиход нашей жизни и языка. И кто же будет оспаривать эмоциональную подоплёку этих смысловых блендов?

Приведу ещё несколько новообразований, активно функционирующих в различных жанрах и, прежде всего, в СМИ, в сети Интернет, в бытовом дискурсе. Они отражают реакцию языка и его носителей на современную жизнь социума: *эгохондрия, криминальный интернационал, антиязык, расслабуха, голубое хобби, неопатия* и др. Разумеется, не все эти НКП и их лексикализованные формы являются неологизмами. Некоторые из них – пока ещё окказионализмы, которые могут перейти (а могут и не перейти) в неологизмы, а затем в состав общеупотребительных слов, которые будут зафиксированы в новых словарях. Сегодня они имеют коммуникативный эффект только для тех носителей языка, которые имеют общий эмоциональный координационный центр и включены в соответствующий дискурс. Поскольку язык является системой возможностей, особого внимания в современной лингвистике заслуживает его креативная функция, прежде всего - в сфере лексикализации НКП, экспликации их смыслов, семантических признаков и конкретизаторов. Именно в них инкрустированы глубочайшие и сложнейшие оттенки как позитивных, так и негативных интенций и мотиваций коммуникантов. Несомненно, креативная функция языка тесно переплетена с его игровой функ-

цией. Именно поэтому всё больше внимания лингвисты обращают на разработку теории креатива, креатем, а также их стилистических потенций. Креатив в общем понимании – явление, сопровождающее всю жизнь человека. Даже его рождение – своеобразный креатив. Любое художественное произведение, любое открытие, научное сочинение – текстовый креатив. И все креативы обязательно соотносятся с экологией человека, языка и речи, а также с их культурой и культурным сознанием (кодом).

Уже предложен термин для нового научного направления – креативная стилистика [Купина 2014]. Ключевым термином-понятием этой науки является креатема. Как пишет Н.А. Купина, креатемы включают преднамеренно отобранные, преобразованные, изобретённые средства, нацеленные на создание стилистического эффекта и связанного с последним эмоционально-эстетического впечатления [Там же: 140]. Как мной неоднократно уже отмечалось, эстетический параметр является главным в модусе экологичности: все речевые и языковые дериваты маркированы либо экологичностью, либо неэкологичностью. Язык порождает не только прекрасное, существует и эстетика безобразного. Эстетика неразрывно связана с этикой и ее нарушениями. Факты создания и функционирования креатем обнаруживают их эмоционально-эстетическую природу и одновременно эмоционально-эстетическую маску их прагматической установки. Авторы креатем постоянно балансируют на грани эстетики языковой игры и эмоциональной экологичности / неэкологичности порождаемых обозначений. Они должны были бы координировать соотношение экологичных и неэкологичных речем, чтобы негативное эмоциональное поле языка не стало превалирующим в социальной коммуникации. Приведу пример: так, словосочетание *креативный класс* известно давно, оно маркировано позитивной коннотацией. А его злонамеренный дериват-компрессив *креакл* уже откровенно маркирован негативно-аксиологической коннотацией – ироничной, презрительной, уничижительной. Вот как легко «добрые» слова превращаются в злобные, «недобрые». И это всего лишь через деривационный процесс блендинга.

Выявить семантический потенциал креатем возможно только на основе вскрытия эмотивно-когнитивных механизмов формирования их смыслов и того дискурса, в которых они появились и живут. Специально подчеркну компонент *эмотивно* в словосочетании *эмотивно-когнитивные механизмы*, поскольку любой когнитивный процесс сопровождается эмоциями, а мотивы и интенции продуцирования креатемы основаны на эмоциях человека и производятся в КЭС (коммуникативная эмоциональная ситуация). Эмоции являются мотивационной основой сознания – это базовый тезис эмотивной лингвоэкологии [Эмотивная ... 2013]. В лингвистических работах неоднократно отмечалось, что язык является системой бесконечных возможностей рече- и текстопорождения, а креатема – это результат такой возможности и потребности в ней. Но возникает вопрос: чья это потребность – власти или общества (народа), которые постоянно находятся в контексте социокультурных антиномий? По моим наблюдениям, основная часть фиксируемых креатем является рефлексивом масс-медийного и виртуального пространства какого-то события. Это событие является знаковым для определённого момента, иначе оно не было бы замеченным, т.к. оно не бытовое, а социумное. Его обозначение в виде креатива – результат переработки социального опыта и речевой практики многих

членов общества, одни из которых способны создавать подобные обозначения по моделям языка, а другие – их осваивать, присваивать и вводить в языковое сознание (необязательно в его ядро, оно может основаться на периферии языкового сознания и даже подсознания) и через него в коммуникативное пространство. С этих позиций креатив-рефлексив является общественным комментатором и фиксатором события. Естественно, референция той или иной креатемы является условной в связи с коллективным характером словотворчества и требует детального анализа их семантики и происхождения. Многочисленные новообразования в виде блендов (концептуальных окказионализмов) являются речемами, порождёнными языковой игрой всех слоёв российского социума и, прежде всего, СМИ. Они всегда имеют индивидуального автора, который не всегда ответственно относится к своей речевой деятельности. В этой языковой игре с большим интересом участвуют политические деятели (*двушечка, болотники, болотное дело* и др.), журналисты (*пятиминутка ненависти, взбесившийся принтер, фейк-новость* и др.), пользователи Интернета (*тандемагогия, налогооблаживание, наномитинг, гинекология протеста* и др.), блоггеры (*сетевые хомячки, аськоголизм, лайкбище* и др.) и обыватели (*брехлама, пъятница* и др.). Особенно креативен в своей речевой деятельности является политик В.В. Жириновский. Насколько мне известно, уже составляется словарь жириновскизмов, которые, как правило, все неэкологичны (по этическим соображениям я их не привожу).

Порождаемые единицы формируют собственные дискурсы, соотносящиеся с определёнными событиями. Так, из дискурса «СМИ» «вывелись» такие дискурсы, как: «Гейдискурс», дискурс «РПЦ», дискурс «Украина», дискурс «Экономика», дискурс «Эхоизмы», дискурс «Жириновскизмы», дискурс «Наука и образование» и др (см. примеры ниже). Они содержат оценки, каждая из которых имеет семантический признак и семантический конкретизатор – наиболее важный для использования в манипулятивных приёмах речепользователей. Через них коммуниканты осваивают информацию и пропагандистские смыслы обозначаемых реалий. Как бы «смысловики» ни изошрялись в открытых и имплицитных смыслах высказываний, эти смыслы всегда можно выявить путем установления эмоциональных компонентов речем и их соответствия / несоответствия фактуальному содержанию единицы, соотносимой с номинируемыми культурными, социальными, экономическими, политическими и др. событиями.

Наиболее наглядно это проявляется в креатемах. Факты показывают, что большинство креатем как рефлексивов на пропаганду ироничны, саркастичны, дерогативны, критичны и зачастую их прагматический эффект прямо противоположен инициальной прагматике, и потому они неэкологичны. На рациональную информацию реакции креатем могут быть амбивалентными: как положительными, так и отрицательными, однако, нейтральные реакции на информацию в них редки. Всегда найдутся адресаты, которым любая информация может показаться нейтральной, в этом и заключается суть слова-мнения. Пропаганда, как правило, неэкологична (особенно для думающих людей), что фиксируется в соответствующих креатемах. Она преследует цель формирования только положительного образа чего-то или кого-то, но никакие слова, слоганы, «патриотемы» не могут исказить

(украсить или обезобразить) смысл конкретных наблюдаемых событий, который существует независимо от их презентации в пропаганде. Конечно, мнение можно сформировать сетью словоблудий, но опыт легко разрушает и обнаруживает подмену факта словом. Как говорил М. Ломоносов: «Любой опыт я ставлю выше тысячи мнений, рождённых игрой воображения». Иногда это происходит не сразу. Существует т.н. отсроченный прагматический эффект: он тоже может быть амбивалентным, и потому амбизекологическим. Напомню креатему *мальчик, распятый на кресте*, которая всегда оставалась неэкологичной, но со временем эффект от неё поменялся по мере приближения к истинности факта. Креатема всегда опирается на опыт, который иногда разоблачает автора в неправдивости информации.

Предварительная категоризация многочисленных креатем в виде блендов, окказионализмов, НКП, а среди них - оксюморонных, позволяет выделить дискурсивные фреймы (сферы) современного российского социума в двух доминантных коннотативных зонах: положительной и отрицательной. Основными среди них являются такие дискурсивные фреймы, как «характеризация человека» по видам его деятельности и «политика», внутри которого выделяются слоты «внутренняя политика», «внешняя политика», «экономическая политика» и «социальная политика». Обращу внимание, что общество формой креатем рефлексивует происходящее чаще всего отрицательно или, как минимум, иронично. На особом месте находится дискурсивный фрейм «СМИ», в котором очень чётко эксплицируется явно негативное отношение к представителям этой сферы.

Контексты и ситуации реализации креатем чаще всего являются неэкологичными. Сами эти единицы становятся носителями концентрированных негативных смыслов: с одной стороны, они являются негативными ощущениями-рефлексивами на конкретный ивент и, соответственно, получают номинацию, начинённую негативными коннотациями, которые, в свою очередь, транслируют негативные ощущения; с другой стороны, они вызывают негативные переживания у получателей сообщений, создавая тем самым общее негативное эмоционально-коммуникативное поле. В этом смысле можно использовать термин Н.И. Жинкина «сенсорный континуум», который я бы слегка переформулировал в «сенсуальный континуум», т.е. чувственный для *homo sentiens*. Рассмотрим примеры.

Фрейм 1 «Характеризация современного человека»:

Слот 1 «Технологическая обусловленность»: *хвостогрэм, цифровая зависимость, цифровое слабоумие, видиот, твитнуть, лайкать, аськоголизм, пусточатиться, жритель, бананотехнологии, инобуквица* и др.

Слот 2 «Сексуальная обусловленность»: *нелюбвидеть, репутана, сердюкова дамы-амазонки-сердцеетки, генитально, застелье, голубое хобби* и др.

Слот 3 «Алкогольная обусловленность»: *пъятница, буходные, алкогольвица, алконавт, алкогольдранец, закусерий, трезвое опьянение* и др.

Слот 4 «Интеллектуальная ущербность»: *обалдайс, олигофренд, отравоядный, пчеловек, религарх, свинтурист, мразья, ублюди, десциенция* и др.

Слот 5 «Поведенческая обусловленность»: *сатаньяк, килогоды, взрослыеи, скрупультельный, свекрёща, доносема, неустаюноша, джигурдашка, жадлобный, мерзоблагостный, печалька, трендяшка, первопрохладец, дружестранец/вражестранец, бабушка-трансформер, эгохондрия, расслабухать* и др.

Слот 6 «Интеллектуальная обусловленность»: *креакл, интеллиген* и др.

Фрейм 2 «Политика»:

Слот 1 «Внутренняя политика»: *взбесившийся принтер, новые бедные, наномитинг, гинекология протеста, ебелдос, демшиза, ходорки, болотники, выдвигенщина, православные дружинники/отряды/патрули/активисты, ойлигархи, размандатить, тандемагогия, доносема, пятая колонна, стабилизец, кадыринг, чуровщина, тайная амнистия/награда, смысловики, сталинобус, оператявки* и др.

Слот 2 «Внешняя политика»: *Евромайдан, отмайданить, Крымнаш, майданутые, открывзить, вежливые люди, перезагрузия, меркози, гденукович* и др.

Слот 3 «Экономическая политика»: *планолизировать, гривро, экономикадзе, эхономика, кокаколонизация* и др.

Фрейм 3 «СМИ»:

Слот 1 «Характеризация журналистов»: *трепортёр, информафия, лжурналист, журналюга, журнализа, журнагист, смюга, папарацци, циничка* и др.

Слот 2 «Характеризация информации»: *диссергейт, антиязык, музоль, эпиродия, телевредение, трепортаж, инфотира, новотека, ховости, «сгорающие сообщения», сетература, сетез, минутка / пятиминутка ненависти, медийный страх, инфотейнмент, фейк-новости* и др.

Фрейм 4 «Социальная сфера»:

Слот 1 «Транспорт»: *ё-мобиль, ё-мобилизация, ё-дороги, дуруги, автостервис, паркомат* и др.

Слот 2 «Разное»: *пищевой геноцид, продуктовый крематорий, продуктовые санкции, социальный код региона, оптимизация социальных льгот, деньгидой (капремонт), квартирания, бомжмаркет* и др.

Анализ приведённых в данной статье примеров (в моей картотеке их более двух тысяч появившихся в СМИ в 2014-2016 г.г.) с точки зрения их стилистики показывает, что абсолютное большинство креатем содержит негативную экологичность и провоцируют неприятные ощущения/переживания/ассоциации: от иронии до сарказма и издёвки. Использование таких креатем в обиходе огрубляет русский язык, чувственную сферу его пользователей, задевает их здоровье и менталитет, оказывает существенное влияние на сознание и подсознание, вводит в словарный состав русского языка «нездоровые» пласты лексики и семантики. Это объясняется тем, что они отсылают преимущественно к резко негативным новым коммуникативным понятиям, которые влияют на вектор нашей экологичности в отношении друг друга. Однако интерес к активно порождаемым креатемам у носителей языка говорит о том, что помимо негативной формы и содержания единицы их интересует то синтезированное смысловое поле, которое в компрессированном виде содержится в креатемах. Таким образом, всё чаще и чаще коммуникация идет не на уровне словоформ, а на уровне ощущений, эмоциональных смыслов, которые должны одинаково восприниматься всеми участниками общения. Более важным здесь становится возможность их настройки друг на друга ещё до начала разговора. Именно на этом настаивал и Д. Гоулман в своей знаменитой книге об эмоциональном интеллекте [Гоулман 2008]. Креатемы по своей природе способны стать механизмами эмоциональной настройки социальной коммуникации: восприятие стоящих за словами и высказываниями смыслов создаёт единое «состояние духа» современного

общества. Приведенная мной фреймовая категоризация креатем свидетельствует о доминировании в обществе негативного психо-эмоционального отношения ко многим событиям и явлениям современной жизни. Широкое распространение креатем говорит о существовании в стране креативного класса, о пробуждающемся гражданском обществе и его попытке осмыслить происходящие в стране события через игровые возможности языка и вербализацию важнейших смыслов в новой, игровой форме. Является ли такое общение неэкологичным или, напротив, это форма объединения коммуникативных усилий для достижения единства выражаемых смыслов? Это – новый аспект разрабатываемой лингвистами проблемы экологии языка и человека, изучаемой через анализ многообразных коммуникативных практик в различных дискурсах. Приведённые примеры показывают, какое большое место занимают креатемы в экологических и неэкологических упаковках в модели языкового сознания современного русскоязычного населения нашей страны. Современные креатемы являются семиотическими символами нового времени и его событий в современной жизни страны.

Креатемы формируют осознанно/неосознанно оценку действительности. Они аксиологичны скрытно или явно и постепенно входят в общественное сознание/подсознание и трансформируются в смысловые доминанты (идеологемы). Через креатемы происходит овнешнение трансформированного языкового сознания и формирование другой языковой личности как «усреднённого» носителя русского языка. Главное – креатемы меняют коммуникативный потенциал языка, которому психолингвистика должна уделить больше внимания, чтобы язык продолжил оставаться средством формирования мысли, её выражения, её сокрытия и средством сокрытия отсутствия какой-либо мысли. Кроме этого, в креатемах прослеживается трансформация роли языка в формировании нового «культурно-этнического менталитета» [Уфимцева 2004: 201]. Прав А.Н. Леонтьев, что значение является составляющим сознания. Исходя из этой мысли, справедливо будет сделать вывод, что анализируемые в статье креатемы формируют новый семантический гештальт русского языка.

Литература

- Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: эмоции как фактор корпоративного успеха // Даниэл Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки / Действенное лидерство. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 32–56.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D (+ CD-ROM). – СПб.: Астрель, Corpus, 2013. – 496 с.
- Купина Н.А. Креативная стилистика: учебное пособие. – 2-е изд. – М.: «Флинта», 2014. – 184 с.
- Матвеев О.И. и др. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
- Слово года. URL: www.snob.ru/profile/27356/blog/69362 (дата обращения: 01.09.2014).
- Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сб. ст. / Под общей ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 189–202.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – № 3. – М., 2015. – С. 83–92.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Шаховский В.И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестник ВолГУ. – Серия 2. Языкознание. – 2015. – № 1 (25). – С. 7–20.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

KREATEMS IN RUSSIANS'S LANGUAGE CONSCIOUSNESS MODEL

Shakhovsky Viktor I.

professor of Volgograd State Social and Pedagogical University

e-mail: shakhovkky2007@yandex.ru

The notion of a createm is introduced in the article. Createms are speech units which are widely used in the modern mass media, the politic discourse and the Internet. At the same time they reflect the emotional attitude of speakers to the phenomena of everyday life. The author demonstrates that new contradictory senses which are created by communicative process and linguistic game are expressed more brightly thanks to means of blending. The context and the situations of realization of createms are mostly non-ecological and these units are bearers of concentrated negative senses. At the same time they designate the phenomena of « topics of the day» in the most absolute and honest manner. So they are becoming an important instrument of (de)ecologization of society's social life. Their semiotic importance and interdependency with the modus of environmental friendliness within the communicological paradigm is demonstrated. Article postulates the idea that createms' semantics reflect modern socio-cultural Russian reality. Proved is A.N. Leontiev's thesis that meaning is consciousness's constituent. Demonstrated the symbolic role of createms in fixing of the changing communicative situation in the country and other russian language personality's environment.

Keywords: a createm (a created unit); emotive language; an emotiogenic text; the function of a play; conceptual blend; lexical blend; (non)ecological communication, national, individual language consciousness, their exteriorization, sensoric/ual continuum, semantic geschalt.

References

Goulman D. Emocional'noje liderstvo: emociji kak factor korpoativnogo uspeha [Emotional leadership: emotions as factor of corporate success]. Daniel Goulman, Richard bojacis, Enni Makki. *Dejstvennoe liderstvo [Effective leadership]*. Per. S angl. M.: Alpina Bisnes buks Publ., 2008. Pp. 32–56.

Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva [Russian on the verge of a nervous breakdown]. SPb.: Astrel', Corpus Publ., 2013. 496 p.

Kupina N.A. Kreativnaya stilistika: uchebnoe posobie [The creative stylistics: handbook]. – 2-e izd. – М.: «Flinta» Publ., 2014. – 184 p.

Mat'yash O.I. i dr. Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn' [Interpersonal communication: theory and life]. – SPb.: Rech' Publ., 2011. – 560 p. Slovo goda [Word of the year]. Available at: www.snob.ru/profile/27356/blog/69362 (accessed 01.09.2014).

Ufimtseva N.V. Assotsiativnyj tezaurus russkogo yazyka kak model' yazykovogo soznaniya russkikh [The Russian associative thesaurus as the model of the Russians' language consciousness] // YAzykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty [The language consciousness]. Sb. st. / Pod obshej red. N.V. Ufimtsevoj. – М.: Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. – Pp. 189–202.

Ufimtseva N.V. Znachenie slova kak otobrazhenie sotsiokul'turnoj real'nosti [Word's meaning as the socio-cultural reality's reflection] // Voprosy psikholingvistiki [The problems of psycholinguistics]. – № 3. – М., 2015. – Pp. 83–92.

SHakhovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya ehmotisij: monografiya [Linguistic theory of emotions: monograph]. – М.: Gnozis Publ., 2008. – 416 p.

SHakhovskij V.I. Menyayushhayasya kartina mira v dinamike yazyka i rechi [The changing worldpicture in the language and speech's dynamics] // Vestnik VolGU. – Seriya 2. YAzykoznanie [Linguistics]. – 2015. – № 1 (25). – Pp. 7–20.

Emotivnaya lingvoehkologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya [The emotive linguoecology in the modern communicative space]. – Volgograd: VGSPU «Peremena» Publ., 2013. – 450 p.

УДК 81.23

ЭКСТЕРИОРИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ ПО ВЕРТИКАЛИ И ГОРИЗОНТАЛИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цзинь Тао

доцент, Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6
e-mail: tszin_t@pfur.ru

В настоящей работе рассматривается применение в китайском языке двух знаков, фиксирующих движение вниз и движение по горизонтали, для репрезентации совершения действия/события как способ экстериоризации восприятия времени. Различие в их семантике определяется разными представлениями о времени: применение знака, связанного с движением по горизонтали, мотивировано представлением о времени как о последовательности перемен и базируется на метафоре «дорога – жизненный путь»; применение знака, связанного с движением вниз, мотивировано представлением о времени как об оси развития определенного действия/события, когда каждый следующий (нижний) момент является продолжением предыдущего (верхнего) момента.

Ключевые слова: экстериоризация, внешнее время, внутреннее время

Введение

Наше представление о времени, с одной стороны, может показаться крайне тривиальным. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «если строить абстрактную модель времени невинно и непредвзято, то она проста. Время одномерно (линейно) и необратимо... Эта модель может быть представлена в виде прямой линии, ориентированной в ту или другую сторону» [Арутюнова 1997: 51]. Думается, что такая модель времени, отчужденная, насколько это возможно, сознанием человека от самого человека, приемлема каждому, на каком бы языке он не говорил. Но если говорить о фиксации нашего понимания и восприятия времени языковыми знаками, то выясняется, что модели времени в языке не могут быть отчужденными от человека. Время в языке так же неотделимо от человека, как человек неотделим от времени.

Модели времени в языке разнообразны и сложны. Анализ лексических единиц, обозначающих само понятие «время», конкретный момент во времени (точку в прямой линии), а также протяженность времени (определенный участок в прямой линии) в разных языках, показывает, что время фиксируется в языке только опосредованно, через материально осязаемые объекты и явления, конкретные действия или с помощью пространственных координат. При этом в разных культурах представление о «времени» по-разному акцентировано. В частности, К.Г. Красухин на основе этимологического исследования индоевропейских языков выявил три базовых представления о времени: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т.д.). Этимология русского слова «время» запечатлела представление о циклическом движении, а «пора» воплощает идею линейного движения. [Красухин 1997: 63-65]. Помимо моделей циклического времени и линейного времени, выделяется также такое качество времени в языке, как антропоцентричность, отражающаяся,

например, в применении дейктической лексики для обозначения времени [Апресян 1986; Тянь Аошуан 1997]. В моделях времени непременно присутствует позиция, с которой человек наблюдает поток времени. И в зависимости от того, в какую сторону человек направляет свой взгляд, одна и та же пространственная координата может быть применена для формирования противоположного понятия о времени. Например, в русском языке координата «перед», которая непосредственно зависит от того, куда направлен взгляд человека, может быть связана как с представлением о прошлом (*пред-ки, пред-шественники*), так и о будущем (*все впереди*) [Арутюнова 1997: 53-54]. А в китайском языке дейктический показатель движения 来 (*лай*² – приближение к говорящему-наблюдателю) используется как для обозначения временного промежутка в прошлом (*几年来* буквально: несколько лет + 来 – за последние годы), так и для обозначения временного промежутка в будущем (*来年* буквально: 来 + год – будущий год).

Человек не выступает лишь как наблюдатель со стороны, он сам находится в потоке времени, и представление о времени теснейшим образом переплетено с представлением о ходе событий. И такое переплетение находит уже отражение на более глубинном грамматическом уровне, в частности, в видовременных формах глаголов. Речь идет далеко не только о понимании начала и конца действия, на темпоральную структуру действия также влияет понимание «способа» действия. «... Значения русских приставок участвуют в формировании внутренней темпоральной структуры действия или, говоря словами логиков, в концептуализации временной субстанции действия, являясь тем самым для действия особого рода координатами времени» [Кронгауз 1997: 157].

Итак, время в языке очеловечено, и в связи с этим непременно национально специфично, поскольку интерпретация человеком действительности всегда допускает большую вариативность. В этом смысле вполне обоснованно, на наш взгляд, рассматривать языковые формы категории времени как результат экстериоризации восприятия времени человеком-носителем собственной культуры. Соответственно, способ опосредованной репрезентации времени мотивирован определенной интерпретацией времени человеком, проживающим и действующим в потоке времени.

В современном китайском языке существует множество форм репрезентации совершения действия/события во времени, в частности, с помощью двух знаков, фиксирующих движение по вертикали (下来 *ся*⁴ – перемещение вниз) и движение по горизонтали (过去 *го*⁴ – перемещение с акцентированием траектории с точки А до точки Б, аналог русских глаголов *пройти, перейти*), в сочетании с дейктическими показателями 来 (*лай*² – приближение к говорящему-наблюдателю) и 去 (*цюй*⁴ – удаление от говорящего-наблюдателя). Значения сочетания 下来/下去 и 过来/过去 глаголами достаточно подробно описаны в трудах китайских лингвистов [Люй Шусянь 1999: 568-570; Лю Юехуа 1998: 173-196, 284-315]. Однако вопрос не был рассмотрен с точки зрения мотивированности наличия двух направленностей (по вертикали и по горизонтали) для отображения хода действия/события во времени. Цель нашего исследования – на основе сравнительного анализа семантики 下来/下去 и 过来/过去 при репрезентации совершения действия/события во времени выяснить, чем отличается время, метафорически протекающее сверху вниз, от времени, протекающего по горизонтали, в восприятии человека-носителя китайской культуры.

Репрезентация совершения действия/события во времени с помощью 下来/下去

Значения 下来

Успешное завершение действия, направленного на выполнение определенной задачи и продолжающегося какое-то время. Как правило, речь идет о работе для зарабатывания на жизнь.

Акцентируется при этом понимание о том, что для совершения действия потребовалось большое усилие и усердие, а после завершения такого действия человек приходит к относительно спокойному состоянию.

一天干下来, 累得不得了 буквально: один день + работать + 下来, устать + служебное слово для оценки степени + крайне, страшно – *Проработав целый день, чувствовал (чувствует) себя очень усталым.*

Соответственно конструкция о возможности/невозможности достижения результата означает, что у действующего лица хватает / не хватает умения и выдержки, а также ресурсов для выполнения какой-то задачи.

一万里可跑不下来 буквально: десять тысяч метров + однако, уж + бегать + не + 下来 – *Десять тысяч метров уж не пробегу.*

Само действие может быть воспринято как подразумевающий элемент, и 下来 применяется сразу после словосочетаний, означающих определенный временной промежуток. Тем не менее, при этом сохраняется понимание о напряженности: данный промежуток времени был насыщен действиями ради определенной цели, или кто-то был напряженным в ожидании чего-то, сосредоточенным при наблюдении за чем-то.

几天下来, 一家人收入不少 буквально: несколько дней 下来, одна семья + доходы + немало – *За несколько дней (работы, труда) у семьи появились неплохие заработки.*

Сохранение какого-то положения или состояния до определенного момента, и такой момент совпадает со временем события, о котором идет речь в высказывании. А время события либо совпадает с моментом порождения высказывания, либо ему предшествует.

Сохранение положения или состояния может быть результатом бездействия или действия, препятствующего решению проблемы, развитию события. В качестве основы выступают такие глаголы, как 拖 *тоу*¹ (тянуть, затягивать), 推迟 *туй*¹*чи*² (передвигать срок), 延迟 *янь*²*чи*² (откладывать), 耽误 *дань*¹*у*¹ (опоздать, задерживать), 耽搁 *дань*¹*гэ*² (задерживать, задерживаться), 僵持 *цзянь*¹*чи*² (упираться, стороны настаивают на своем).

事就拖下来了 буквально: дело + так + затягивать + 下来 + аспектуальный показатель 了 – *Так до сих пор дело затягивается.*

双方僵持下来 буквально: стороны + упираться + 下来 – Стороны – *Обе стороны не хотели уступить.*

Сохранение положения или состояния может быть результатом проявления мужества, выдержки, терпения вопреки трудностям. Сочетается с такими глаголами, как 活 *хо*² (жить), 顶 *дин*³ (справляться, выдерживать), 坚持 *цзянь*¹*чи*² (держаться).

他活下来了 буквально: он + жить + 下来 + аспектуальный показатель 了 – *Он выжил.*

好的传统没有坚持下来 буквально: хорошие традиции + не + держаться + 下来 – *Не удалось сохранить хорошие традиции.*

Значения 下去

Сохранение признака до неопределенного момента в будущем.

В работах Люй Шусянь и Лю Юехуа отмечается особенность реализации данного значения, которая заключается в «негативности» признака. Реальные языковые материалы действительно демонстрируют, что сочетания 下去 с такими словами с «негативным» оттенком, как 坏 *хуай*⁴ (плохой), 瘦 *шоу*⁴ (худой), 冷淡 *лэн*³*дань*⁴ (безучастный, холодный, равнодушный), 软弱 *жуань*³*жо*⁴ (слабовольный), 痛苦 *тун*⁴*ку*³ (страдание, страдающий), 松懈 *сун*¹*се*⁴ (расхлябанность, распушенный), 衰落 *шуай*¹*ло*⁴ (упадок), 颓废 *туй*²*фэй*⁴ (упадочнический), встречаются чаще, нежели с такими прилагательными, как 好 *хао*³ (хороший), 友好 *ю*³*хао*³ (дружный), 快乐 *куай*⁴*лэ*⁴ (веселый), 繁荣 *фань*²*жун*² (процветающий). Следует отметить еще две особенности. Во-первых, применение 下去 подразумевает, что срок сохранения какого-то признака во времени не регулируется вычисляемыми закономерностями и не поддается четкому прогнозированию. Подавляющее большинство таких признаков относится к человеку или его деятельности, их сочетаемость с 下去 базируется на понимании непрогнозируемой изменчивости состояния как человеческого индивидуума, так и человеческого сообщества. Во-вторых, при сочетании со словами, обозначающими негативный признак, 下去 одновременно подразумевает усугубление негативности со временем; при сочетании со словами, обозначающими положительный признак, значение усиления признака отсутствует, 下去 выражает желание сохранить данный хороший признак как можно дольше.

Продолжение действия

Возможность сочетания 下去 с глаголами намного шире по сравнению с возможностью сочетания с прилагательными. В принципе все глаголы, репрезентирующие действие, требующее определенной временной затраты, сочетаются с 下去. Речь идет о уже начатом действии, в его процессе намечается некая пауза, и эта пауза становится точкой отсчета для начала продолжения действия. Как правило, эта точка совпадает с моментом высказывания. В большинстве случаев 下去 означает продолжение действия с данной точки отсчета до его естественного завершения, или достижения намеченного результата. Например,

你说下去呀 буквально: ты + говорить + 下去 + частица, смягчающая тон требования – *Да ты продолжай (говори).*

干下去就会有结果 буквально: работать, заниматься + 下去 + и тогда + мочь, возможно + иметь + результат – *Продолжим работу и результаты будут.*

Появление паузы, как правило, связано с разного рода трудностями, которые помешали действию, и потому 下去 придает одновременно значение «преодоления трудностей, проявления упорства для доведения дела до конца». А когда само действие оценивается как негативное, применение 下去 носит в себе оценку его продолжения как усугубление негативов:

这样搞下去, 会出大问题 буквально: так + делать, заниматься + 下去, мочь, возможно + появиться + большая + вопрос, проблема – *Если будет так продолжаться, возникнет серьезная проблема.*

Иногда говорящий может не локализовать ситуацию одним глаголом, а применять выражение *这样下去*, и *下去* берет на себя всю информационную нагрузку: продолжение ситуации, которая оценивается говорящим как негативная из-за действия или бездействия.

Репрезентация совершения действия/события во времени с помощью *过来/过去*

По сравнению с *下来/下去*, круг глаголов, при сочетании с которыми *过来/过去* придает сугубо временное значение (продолжение и совершение действия во времени) значительно уже, и в основном это глаголы, способные означать способы времяпровождения.

Наличие множества глаголов для репрезентации способа времяпровождения само по себе говорит о том, что они обозначают нестандартный способ проводить время. В самом деле, только один глагол имеет возможность передать сам по себе ничем непримечательный способ времяпровождения. Глагол этот – *度* *du*⁴ – изначально означает «мерить»: первоначально иероглиф имитирует раскинутые в стороны руки для отражения меры длины [Гу Янькуй 2003: 488]. Можно констатировать, что в китайском языковом сознании просто так проводить время означает «мерить время».

Все остальные глаголы указывают на то, что человек при времяпровождении испытывает разного рода трудности:

挨 *ai*² – глагол означает в прямом смысле «подвергаться негативному воздействию (побоям, критике, насмешкам и т.п.)», и в смысле «переживать какое-то время» глагол подчеркивает, что человек испытывает при этом большой дискомфорт из-за внешних условий (например, холод) или внутренних переживаний.

熬 *ao*² – глагол означает в прямом смысле «варить что-то долго на небольшом огне», ощущение о медленном затянутом процессе сохраняется и в значении «терпеть, переживать»: когда человеку некомфортно, течение времени может показаться очень медленным.

挺 *tin*³ – глагол репрезентирует движение «выпрямить часть тела (шею, спину)», которое ассоциируется с ощущением проявления воли и стойкости. Благодаря этой ассоциации у глагола имеется значение «выдерживать, держаться, терпеливо».

躲 *do*³ – в словаре числится только одно значение: укрываться, уклоняться. Но при сочетании с *过* активизируется потенциальная возможность данного глагола для репрезентации способа времяпровождения: проводить время, укрываясь от чего-то или кого-то.

忍 *жэнь*³ – иероглиф состоит из двух частей: нож и сердце. Образ «принять нож в сердце» передает психическое усилие, проявленное человеком при столкновении с чем-то неприятным, тяжелым и бедственным – терпеть.

Все эти глаголы многозначны и значение времяпровождения не является их прямым значением. В случаях с некоторыми глаголами из этой группы (например, *躲* *do*³ и *忍* *жэнь*³) значение «проводить время каким-то образом» не числится в их словарных статьях. Это дает нам основание говорить о том, что значение времяпровождения реализуется в основном благодаря *过*.

То, что *过* репрезентирует и прохождение отрезка пути в пространстве, и прохождение отрезка времени, свидетельствует о слиянии восприятия этих двух сущностей, и такое слияние служит основой для активизации значения (потенциального

в некоторых случаях) способа времяпровождения для глаголов этой группы. В качестве дополнения указывается определенный отрезок времени:

挺过严冬 буквально: *挺过* + суровая зима – выдержать суровую зиму.

熬过苦日子 буквально: *熬过* + горькие дни – пережить тяжелое время.

Внимание также может акцентироваться не на отрезке времени, а непосредственно на том, что делает это время трудным:

度过危机 буквально: *度过* + кризис – пережить кризис;

挺过险关 буквально: *挺过* + опасный + застава – выдержать критический момент.

躲过一劫 буквально: *躲过* + одна беда – избежать беды.

Как уже было отмечено, *过* в качестве глагола перемещения, акцентирует траекторию движения от пункта А до пункта Б и репрезентирует перемещение человека по поверхности земли. Таким образом, *过* тесно связан с представлением о дороге. А его сочетание с глаголами способа времяпровождения, по сути дела, опирается на метафору «дорога – жизненный путь». Необычный временной отрезок, сопряженный с разного рода сложностями, так же как и сами эти сложности, рассматривается как составляющая часть жизненного пути, которая проходит или преодолевается со временем.

На фоне такого представления о жизненном пути говорящий может выбирать разную позицию на пространственно-временной оси для отражения своего видения прохождения составляющей части жизненного пути. И этот выбор находит отражение в применении дейктического показателя *来* и *去*.

Когда какой-то период или сопряженная с ним сложность, отображается метафорически как определенный отрезок пути и находится впереди (еще не наступил), говорящий представляет будущее прохождение этого отрезка пути как удаление от той точки в пространстве и времени, которую он занимает в момент речи. В этом случае используется *去*:

不要怕, 你能挺过去 буквально: не надо + бояться, ты + мочь + *挺过去* – Не надо бояться, ты сможешь это выдержать.

Другая позиция – это позиция человека, который вспоминает пройденный путь. Часто в этом случае присутствует темпорально-аспектуальный элемент *了*, указывающий на совершение перемены. Воспоминание может акцентироваться на том, что перемещение уже совершено, и перемещающийся оказался в той же части пространственно-временной оси, где находится говорящий в момент речи. Такой акцент отражает применение дейктического показателя *来*: благодаря прохождению этой части пути перемещающийся приближается к той точке, которую занимает говорящий в момент речи.

这一夜算是挺过来了 буквально: эта ночь + можно считать + *挺过来* + темпорально-аспектуальный элемент *了* – *Наконец-то пережили эту ночь*.

Чаще всего *来* используется в том случае, когда «отрезок пути» пройден недавно.

Воспоминание может акцентироваться на том, что перемещение уже совершено, и пройденный путь удаляется от перемещающегося (также и говорящего), который продолжает дальнейший путь. Такой акцент отражает применение дейктического показателя *去*:

不少困难都挺过去了 буквально: немало + трудности + все +挺过去 + темпорально-аспектуальный элемент 了 – *Было немало трудностей, но все они уже позади.*

Рассмотренная выше группа глаголов со значением нестандартного способа времяпровождения (со стороны человека требуется терпение и выдержка) свободно сочетается с 下去. При этом реализуется значение «продолжение», т.е. речь идет о продолжении проявления терпения и выдержки. Разница данного значения по сравнению со значением сочетания данных глаголов с 过去 очевидна: в случае с 过去 длительность действия измеряется временным отрезком, который оценивается говорящим как «трудный». Действие (проявление терпения и выдержки) совершится, когда «трудный» отрезок времени минует; а в случае с 下去 акцент сделан именно на «сохранении» действия во времени вне зависимости от обстоятельств, длительность действия лишь подразумевается: настолько долго, насколько это необходимо.

Не все глаголы из данной группы сочетаются с 下来, в частности, это глагол 躲 do³ (укрываться, уклоняться), репрезентирующий наиболее «пассивный» способ пережить «трудное» время. В случае с 忍жэнь³ (терпеть), значение 忍下来 существенно отличается от 忍过来/过去: объектом для 忍下来 является не «трудное» время, а сама неприятность (обида, несправедливость и т.п.), которая не минует со временем. Речь идет о проявлении терпения для того, чтобы не реагировать на неприятность, т.е. о «сохранении» действия «терпеть» во времени. Для 挺тин³ (держаться), репрезентирующего более «активный» способ пережить «трудное» время, значения 挺下来 и 挺过来/过去 близки, но отнюдь не синонимичны. 挺下来 применяется к ограниченному по длительности испытанию, подчеркивается при этом затрата у человека физических и моральных ресурсов для выполнения определенного объема работы. В случае с 挺过来/过去 срок испытания может быть и очень длительным. И самое главное, при применении 挺过来/过去 подразумевается, что со временем «трудности» проходят. Корректно употреблять 挺下来 и 挺过来/过去 по отношению к, например, интенсивной тренировке, но некорректно употреблять 挺下来 по отношению к проблемам, к трудным временам. Причина заключается в том, что «тренировка» может быть оценена и как «объем» работы, и как напряженная работа, занимающая определенный временной отрезок, а трудности не измеряются усилием человека, хоть оно и направлено на их преодоление.

Внешнее время как череда перемен и внутреннее время как ось развития события

Итак, центральной идеей в семантике 下来/下去 является «сохранение» определенного признака (выражается прилагательным или глаголом) во времени, а семантика 过来/过去 при сочетании с группой глаголов способа времяпровождения опирается на идею о том, что любое событие со временем проходит. И мы можем сделать вывод о том, что в китайском языке существует эксплицитный способ для экстериоризации двух разных представлений о времени: представления о времени как о последовательности перемен и представления о времени как об оси развития определенного действия/события, признак которого сохраняется или усиливается в течение времени. Назовем время, соответствующее первому представлению, – «внешним временем», а время, соответствующее второму, – «внутренним».

Логика экстериоризации внешнего времени с помощью 过来/过去 достаточно прозрачна: метафорическая корреляция между «дорогой» и «жизненным путем» предполагает идентичность отрезков пути и отрезков времени в нашем сознании, а временной отрезок актуален для человека своим содержанием, которое задается, как правило, либо независимыми от человека факторами, либо деятельностью человека. По жизненному опыту человек знает, что любой отрезок, пути или времени, конечен, и за ним начинается новый отрезок. Применение 过来/过去 свидетельствует о том, что человек обращает внимание в первую очередь на отрезки времени, сопряженные с определенной трудностью. Именно «прохождение» таких отрезков времени наиболее актуально и находит соответствующее отражение в языке. Подобное представление о внешнем времени как о череде перемен и актуальность именно «прохождения» трудных отрезков времени функционируют и в русском языковом сознании, в частности, находят отражение в значениях приставки *пере-* в таких глаголах, как *пережить, переждать, перетерпеть*. Сходство в способах экстериоризации внешнего времени очевидно. Разница в том, что в китайском языке трудный отрезок времени определяется на фоне понятия «жизненного пути», и потому охватывает более длительный период времени, в русском же варианте такого ограничения нет.

Прямой аналог экстериоризации внутреннего времени с помощью пространственной координаты, связанной с движением вниз, в русском языке отсутствует. В то время как в китайском языке координаты «вверх/вниз» широко применяются для обозначения времени: метафорически время, как река, «течет» сверху вниз, представление о «вверх» соответствует понятию «прошлое», «предыдущий», «вниз» – «будущее», «следующий». Также представление о «вверх/вниз» переплетено с представлением продолжения рода и согласовывается с культом предков в китайской культуре: почитаемые предки метафорически расположены наверху, потомки – внизу. Таким образом, движение вниз коррелируется с пониманием непрерывности связи между «прошлым» и «будущим», с понятием «продолжения». На этом фоне применение 下来/下去 для экстериоризации внутреннего времени становится естественным, но на формирование значений 下来/下去, на наш взгляд, влияет еще ряд факторов.

Во-первых, в китайской культуре существует понятие о 势 ши⁴, что условно можно перевести как «сила, положение». Иероглиф 势 ши⁴ происходит от знака 亠, связанного с поклонением мужской силе. 势 ши⁴ предполагает именно «высокое» положение, иными словами, более высокое положение требует от человека мобилизации сил, а положение внизу коррелируется с ощущением расслабления и покоя. Соответственно, движение вниз подразумевает изменение состояний человека: от состояния концентрации силы и внимания до состояния покоя. По этой причине в значениях 下来, помимо продолжения и завершения действия во времени присутствует еще идея о том, что этот отрезок времени был напряженным для действующего лица, и он справился с задачей и в момент высказывания пришел в состояние менее напряженное.

Во-вторых, важную роль играет позиция человека во внутреннем времени развития действия/события. При применении 下来 человек мысленно оглядывает ход развития действия/события и подытоживает результат этого развития; при при-

менении 下去 человек прогнозирует дальнейшее развитие действия/события, и значение 下去 зависит от оценки контролируемости этого развития. В случае, когда действие/событие контролируемо (желаемо), 下去 означает его продолжение с преодолением возможных препятствий. Когда действие/событие нежеланно, 下去 означает его продолжение с усугублением ситуации: по мере развития такого действия/события во времени человек еще больше теряет контроль над ним.

Заключение

Применение двух разных направлений движения для репрезентации совершения действия/события в китайском языке мотивировано дифференциацией внешнего и внутреннего времени, а за выбором соответствующего направления стоит восприятие времени как пути, состоящего из разных событийных отрезков, и восприятие времени как течения сверху вниз, когда каждый следующий (нижний) момент является продолжением предыдущего (верхнего) момента. Проведенный нами анализ показывает, что при исследовании семантики необходимо учитывать сам способ конструирования семантики, и порой именно механизм конструирования открывает нам суть семантики языковых знаков.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986, вып.28. – С.272-298
- Арутюнова Н.Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 51-61.
- Красухин К.Г.* Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 62-77.
- Тань Аошунан.* О модели времени в китайской языковой картине мира // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 96-107.
- Кронгауз М.А.* Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 152-157.
- 吕淑湘 现代汉语八百词 [增订本], 商务印书馆, 1999. – 760页 (Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка (допол.). – Пекин: Изд-во «ШанУ», 1999. – 760 с.)
- 刘月华 趋向补语通释, 北京语言文化大学出版社, 1998. – 704页 (Люй Юехуа. Толкование комплементов со значением направления. – Пекин: Изд-во Пекинского университета языков и культуры, 1998. – 704 с.)
- 汉字源流词典/谷衍奎编. –北京: 华夏出版社, 2003. – 863页 (Этимологический словарь китайских иероглифов / под ред. Гу Янькуй. – Пекин: Изд-во «Хуасяй», 2003. – 863 с.)

VERTICAL AND HORIZONTAL EXTERIORIZATION OF PERCEPTION OF TIME IN THE CHINESE LANGUAGE

TAO TSZIN

Associate Professor, The Foreign language Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198
e-mail: tszin_t@pfur.ru

In this paper, the two Chinese words had been used, with respectively locking the downward movement and horizontal movement to represent an action/event as an exteriorization mean of perception of time. The difference in their semantics is determined by different notions of time: the label action/event associated with the horizontal motion, motivated as a sequential change of time and is based on the metaphor of the «extension life»; the label action/event associated with the vertical movement, motivated as the axis development of time, in which the each next (lower) point is a continuation of the previous one (upper).

Keywords: exteriorization, external time, internal time

References

- Aprasyan Yu.D.* Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira // Semiotika i informatika [Deixis in lexicon, grammar and naive model of the world]. M., 1986, no.28. – pp. 272-298
- Arutyunova N.D.* Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors] // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya [Logical Analysis of Language. Language and time] / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – М.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. – pp. 51-61.
- Krasukhin K.G.* Tri modeli indoeuropeyskogo vremeni na materiale leksiki i grammatiki [Three Indo-European models of time] // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya [Logical Analysis of Language. Language and time] / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – М.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. – pp. 62-77.
- Tan' Aoshuan.* O modeli vremeni v kitayskom yazykovoy kartine mira [On some Chinese image of time] // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya [Logical Analysis of Language. Language and time] / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – М.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. – pp. 97-107.
- Krongauz M.A.* Glagol'naya pristavka, ili koordinata vremeni [Temporal verbal prefixes] // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya [Logical Analysis of Language. Language and time] / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – М.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. – pp. 152-157.
- Lu Shuxiang Xiandian hanyu baci [Eight hundred modern Chinese words]. – Beijing, 1999. – 760 p.
- Liu Yuehua Quxiang buyu tongshi [An interpretation of the directional complements]. – Beijing, 1998. – 704 p.
- Gu Yankui Hanzi yuanliu cidian [Etymological dictionary of Chinese characters]. – Beijing, 2003. – 863 p.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактному адресу и/или телефонам.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

УДК

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора

должность, место работы

адрес

электронный адрес

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Структура аннотации должна быть в соответствии с логикой статьи: тема, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог)

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста:

Введение

Тематические подзаголовки

Дискуссия (обсуждение)

Резюме (выводы)

Литература (на языке оригинала источника)

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи.**

Аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке.

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фамилия, имя, отчество автора **на английском языке**

должность, место работы **на английском языке**

адрес **на английском языке**

электронный адрес

Abstract (англ.)

Keywords (англ.)

References (англ.) – транслитерация (см. <http://ru.translit.ru/?account=bgn>) и [перевод на англ. яз].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – NewTimesRoman,

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; интервал между строками – 1,5 см.; абзацный отступ – 1.25.

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически. Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: O (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»), - (дефис) и – (тире).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Таблицы

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, интервал между строками – 1,0 см.; абзацный отступ – «нет».

Ниже дан образец оформления таблицы.

Таблица №1

Название таблицы

--	--	--

Сноски

Оформление текста сносок: Размер шрифта – 10; строками – 1,0 см.; абзацный отступ – 1.25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи по образцу: *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Литература

Литература оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)

Монография:

Baker, M. (1992). In *Other Words*. London: Routledge. 301p.

Статья:

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. *The Translator* Vol. 2. No. 2. 153–175.

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык

Монография:

Nenashev M.F. *Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]*. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. *Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]*. *Neftyanoe khozyaistvo – [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54–57.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в новый Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf

а также при поиске на e-library:

http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru

Редколлегия

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ 2 (28) / 2016

2 (28) 2016

Ψλ